

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

С. В. Алексеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, почетный работник
высшего профессионального образования РФ

Ю. М. Антонян,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

А. В. Барков,
доктор юридических наук, профессор

Е. Н. Бегалиев,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник образования (Республика Казахстан)

А. Р. Белкин,
доктор юридических наук, профессор,
академик РАН

Е. В. Богданов,
доктор юридических наук, профессор

Г. А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист (Республика Беларусь)

А. А. Власов,
доктор юридических наук, профессор

К. К. Гасанов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ

В. И. Елинский,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник Следственного комитета РФ

А. Е. Епифанов,
доктор юридических наук, профессор

О. Д. Жук,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ,
академик РАН

О. В. Зиборов,
доктор юридических наук, профессор

С. В. Иванцов,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

О. Ю. Ильина,
доктор юридических наук, профессор

Н. Г. Кадников,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Р. А. Каламкарян,
доктор юридических наук, профессор

В. П. Камышанский,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ

О. Г. Карпович,
доктор юридических наук,
доктор политических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

А. И. Клименко,
доктор юридических наук, профессор

Н. А. Колоколов,
доктор юридических наук, профессор

А. М. Кононов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

EDITORIAL BOARD

LEGAL SCIENCES

S. V. Alekseev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honorary Worker
of Higher Professional Education of Russia

Yu. M. Antonyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

A. V. Barkov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

E. N. Begaliev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education (Republic of Kazakhstan)

A. R. Belkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Member of RANS

E. V. Bogdanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

G. A. Vasilevich,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer (Republic of Belarus)

A. A. Vlasov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

K. K. Gasanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of the internal affairs bodies of Russia

V. I. Elinskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Investigate Committee of Russia

A. E. Epifanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. D. Zhuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Prosecutor of Russia,
Member of RANS

O. V. Ziborov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. V. Ivantsov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia

O. Yu. Il'ina,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. G. Kadnikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher
Professional Education of Russia

R. A. Kalamkaryan,
Doctor of Legal Sciences, Professor

V. P. Kamyshanskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Education of Russia

O. G. Karpovich,
Doctor of Legal Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Honored Scientist of Russia

A. I. Klimenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. A. Kolokolov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. M. Kononov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

М. В. Костенников,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник ОВД РФ

А. Н. Кузбагаров,
доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
заслуженный деятель науки РФ

Н. П. Майлис,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,
доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,
кандидат юридических наук, доцент

Н. В. Михайлова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Р. С. Мулукаев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАН

Н. Г. Муратова,
доктор юридических наук, профессор

Ф. Г. Мышко,
доктор юридических наук, доцент

С. Л. Никонович,
доктор юридических наук, доцент

А. Ю. Олимпиев,
кандидат юридических наук,
доктор исторических наук

А. М. Осавельюк,
доктор юридических наук, профессор

Р. Б. Осокин,
доктор юридических наук, профессор

К. Е. Сигалов,
доктор юридических наук, профессор

А. В. Симоненко,
доктор юридических наук, профессор

Д. П. Стригунова,
доктор юридических наук, доцент

Л. В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

В. Ю. Федорович,
кандидат юридических наук, доцент

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

В. Н. Чулахов,
доктор юридических наук, профессор

А. П. Шергин,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

M. V. Kostennikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of internal affairs bodies of Russia

A. N. Kuzbagarov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia,
Honored Scientist of Russia

N. P. Maylis,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia,
Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. F. Medushevskaya,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

N. V. Mikhaylova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R. S. Mulukaev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

N. G. Muratova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

F. G. Myshko,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. L. Nikonovich,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

A. Yu. Olimpiev,
Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Historical Sciences

A. M. Osavelyuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. B. Osokin,
Doctor of Legal Sciences, Professor

K. E. Sigalov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Simonenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

D. P. Strigunova,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

L. V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

V. Yu. Fedorovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

O. V. Khimicheva,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

V. N. Chulahov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,
доктор экономических наук,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии Правительства РФ
в области образования

А. Б. Янишевский,
доктор юридических наук

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. Н. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАН

В. Н. Богатиков,
доктор технических наук, профессор

Р. П. Булыга,
доктор экономических наук, профессор

П. Г. Грабовой,
доктор экономических наук, доцент

Ю. В. Гнездова,
доктор экономических наук, доцент

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ,
академик РАН

Д. В. Дианов,
доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илюхина,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,
доктор экономических наук, доцент

М. А. Комаров,
доктор экономических наук, профессор

Е. И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрешенко,
доктор экономических наук, профессор

А. Н. Литвиненко,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

И. А. Майбуров,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

М. М. Максимцов,
доктор экономических наук, профессор,
почетный работник высшего
профессионального образования РФ

В. Б. Мантусов,
доктор экономических наук, профессор

Е. Е. Матвеева,
доктор экономических наук, доцент

В. С. Осипов,
доктор экономических наук, профессор

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

N. D. Eriashvili,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education of Russia,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Science and Technics,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Education

A. B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ECONOMIC SCIENCES

T. N. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Member of RANS

V. N. Bogatikov,
Doctor of Technical Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

P. G. Grabovoy,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

Ju. V. Gnezdova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia,
Member of RANS

D. V. Dianov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyukhina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

M. A. Komarov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. I. Kuznetsova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. N. Litvinenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

I. A. Mayburov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

M. M. Maksimtsov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher
Professional Education of Russia

V. B. Mantusov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. E. Matveeva,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

V. S. Osipov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Г. Б. Поляк,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
академик РАН

С. Г. Симагина,
доктор экономических наук, профессор

А. Е. Суглобов,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ,
заслуженный деятель науки РФ

Н. Д. Эриашвили,
доктор экономических наук,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии Правительства РФ
в области образования

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Г. Г. Ахмедов,
доктор педагогических наук, профессор,
иностраный член РАО (Азербайджан)

А. В. Вилкова,
доктор педагогических наук, доцент

М. Т. Громкова,
доктор педагогических наук, профессор

В. Н. Гуляев,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

В. Л. Дементьев,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник физической культуры РФ

Э. В. Зауторова,
доктор педагогических наук, профессор

Л. А. Казанцева,
доктор педагогических наук, профессор

И. А. Калининченко,
кандидат педагогических наук

А. А. Ласкин,
доктор педагогических наук

Е. В. Протас,
доктор педагогических наук,
кандидат юридических наук, профессор

А. А. Реан,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

В. Ф. Родин,
доктор педагогических наук, профессор

А. А. Романов,
доктор педагогических наук, профессор

И. В. Ульянова,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

С. Р. Аблеев,
доктор философских наук, доцент

В. Ю. Бельский,
доктор философских наук, профессор

А. Л. Золкин,
доктор философских наук, доцент

А. Д. Иоселиани,
доктор философских наук, профессор

О. И. Нестерова,
доктор исторических наук

G. B. Polyak,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Member of RANS

S. G. Simagina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. E. Suglobov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia,
Honored Scientist of Russia

N. D. Eriashvili,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education of Russia,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Science and Technics,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Education

PEDAGOGICAL SCIENCES

G. G. Ahmedov,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Foreign Member of RAE (Azerbaijan)

A. V. Vilkova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor

M. T. Gromkova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

V. N. Gulyaev,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

V. L. Dementyev,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Physical Culture of Russia

E. V. Zautorova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

L. A. Kazantseva,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,
Candidate of Pedagogical Sciences

A. A. Laskin,
Doctor of Pedagogical Sciences

E. V. Protas,
Doctor of Pedagogical Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Professor

A. A. Rean,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

V. F. Rodin,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

A. A. Romanov,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

I. V. Ul'yanova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

S. R. Ableev,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. Yu. Belsky,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

A. L. Zolkin,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A. D. Ioseliani,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

O. I. Nesterova,
Doctor of Historical Sciences

ВЕСТНИК

ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Содержание № 1 • 2024

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Теоретико-исторические правовые науки
Публично-правовые (государственно-правовые) науки
Частноправовые (цивилистические) науки
Уголовно-правовые науки
Международно-правовые науки

Аблятипова Н. А., Гасанова Т. И.

Лишение родительских прав:

анализ правоприменительной практики по отдельным основаниям 11

Барокко Л. А.

К вопросу об особенностях мошенничества,

совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных

технологий по уголовному законодательству Российской Федерации 15

Блинова Е. В., Московцева К. А., Скачко А. В.

Исторические предпосылки формирования ведомственного

процессуального контроля в России 20

Бойченко А. С. Неотвратимость административных наказаний:

теоретико-правовые аспекты достижения истины

по делам об административных правонарушениях 26

Булатов Р. Б., Костычев С. С.

Правозащитная деятельность органов муниципальной власти:

проблемы ее эффективности и их преодоление 30

Василенко Г. Н. Содержание типовых элементов

матрицы межведомственных стандартов

антинаркотической профилактической деятельности 34

Верещагин А. В., Леонов Д. В., Лямин Г. Д.

О некоторых проблемах института лицензирования

в Российской Федерации 40

Воронина Н. А. О проблемах доступа близких

родственников потерпевшего к правосудию 43

Галанцева Т. А. Проблемные аспекты функционирования

института смежных прав в гражданском праве Российской Федерации 48

Гезалов А. А. Уголовная ответственность

за налоговые преступления в Азербайджанской Республике 52

Герасимова Е. Ю. Особенности возбуждения уголовного дела

по признакам создания, использования

и распространения вредоносных компьютерных программ 55

Гончар В. В., Аветисян Б. Р., Аветисян К. Р.

Актуальные направления деанонимизации

правонарушителей в сфере ИТ 61

Грошев С. Н., Усов Е. Г. Права и обязанности мужчин

в крестьянской среде во второй половине XIX столетия

в рамках обычного права, самосуда и конокрадства 67

Давитадзе М. Д., Середин А. А. «Представитель власти»

и «должностное лицо»: вопросы соотношения понятий 71

Жалене Ю. С. Принцип светского государства

в рамках конституционного права России 75

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

**Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-27627
от 16 марта 2007 г.**

**Перерегистрировано:
Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-62944
от 31 августа 2015 г.**

*Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии Правительства
РФ в области науки и техники,
лауреат премии Правительства
РФ в области образования,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор, почетный работник
сферы образования РФ*
Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

Главный редактор
А. Н. Осипова

Старший редактор
В. С. Клементьева

Редактор
М. А. Вяхирева

Номер подготовили:
**Л. С. Антоненко,
А. И. Антошина**

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка
М. Е. Киселева

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГКОУ ВО
«Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
имени В.Я. Кикотя»

117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Адрес издателя и редакции:
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12
Тел. 628-57-16
<https://vk.com/mosumvd.official>

Индекс по каталогу Агентства
«Урал-Пресс Округ» – 81108

- Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

- При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов ссылка на журнал обязательна.

- В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажает смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не вправе обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60×84 1/8.
Печать офсетная. Тираж 1500 экз.
(1-й завод – 300).
Московский университет
МВД России
имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Заказ № 169

Подписано в печать
16.02.2024 г.
Цена свободная

Забавка В. И. Регистрационный учет граждан Российской Федерации в условиях цифровизации	79
Зарина А. М., Бессонова Т. С. К вопросу о политической преступности	82
Зинченко Е. Ю., Хазов Е. Н. Конституционные ценности в доктрине конституционного права и практике конституционной юстиции.....	86
Иванченко Е. А., Воротилина Т. В. Активная состязательность процесса: торжество демократических начал правосудия или возможность злоупотребления правом?	91
Карпенко О. А., Сидорчева В. Е. Проблемы расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых посредством сети «Интернет» (по материалам Приморского края).....	102
Коваленко С. Г. К вопросу о правовом статусе органов принудительного исполнения.....	106
Коновалова Е. Е., Чекулаев Д. П. Независимость, объективная и субъективная беспристрастность судей в контексте изменения подсудности уголовного дела	110
Корниенкова М. Р., Рускевич Л. А. Особенности и проблемы квалификации мошенничества при получении выплат	115
Константинов А. В., Михайленко Н. В., Стащенко С. П. Оказание добровольческими (волонтерскими) организациями помощи органам внутренних дел в профилактике незаконного потребления и оборота наркотических средств и психотропных веществ	120
Левушкин А. Н. Наследование доли как бизнес-актива пережившим супругом в рамках модели семейного предпринимательства	126
Лозовицкая А. Д. К вопросу о понятии и содержании основополагающей цели английского гражданского процесса	133
Мелентьев А. В., Федоров Р. В. Федеральное Собрание: историко-правовое развитие порядка формирования, анализ современной проблематики	136
Паненко А. С. Уголовная ответственность за лжесвидетельство в конституционном, гражданском и административном судопроизводстве.....	142
Плотников В. В., Харламов С. О., Палий В. М. Специфика роста дистанционных преступлений в период пандемии: ретроспективный социальный анализ	146
Потапов В. Д., Волкова Г. А. Классификация обстоятельств, способствовавших совершению преступления: криминологические, криминалистические и уголовно-правовые аспекты	151
Прудников А. С., Новожилов Д. А. О некоторых аспектах противодействия незаконной миграции: вопросы теории и практики	158
Румянцев Н. В. Особенности научного обеспечения деятельности правоохранительных органов: правовые принципы, проблемы и способы их реализации	162

Саудаханов М. В. Гарантии прав и свобод человека в аспекте их охраны и защиты в процессе правоприменения	166
Саломатин М. А.	
Перевод в уголовном процессе	170
Титор С. Е., Лактюшина К. К. Правовое регулирование вовлечения национально-культурных автономий в реализацию задач государственной национальной политики.....	173
Цыганков А. Ю., Александров А. С.	
Особенности квалификации отдельных преступных деяний, совершаемых в период проведения специальной военной операции.....	179
Шепель В. В.	
О допустимости распространения информации человеком и гражданином в Российской Федерации	184
Шкоропат Е. А., Бондаренко Р. В., Колбасина Е. Е.	
Современные проблемы криминалистического исследования новых видов почерковых объектов	187

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Региональная и отраслевая экономика

Афанасьев В. Я., Сулов Д. А.	
Экономическая безопасность в нефтяной промышленности: политические риски	191
Косов М. Е. Влияние международных санкций на финансовую устойчивость АО «Тинькофф Банк»	198
Кузнецова Е. И., Русавская А. В., Сараджева О. В.	
Роль институциональной инфраструктуры в обеспечении региональной экономической безопасности.....	203
Минаков А. В., Агапова Т. Н. Особенности формирования региональной инвестиционной безопасности в современных условиях	210
Староверова О. В. Роль цифровизации в налоговом администрировании.....	218
Эриашвили Н. Д., Яковлев А. А.	
Экономико-правовая оценка перспектив взаимодействия России и Евросоюза в сфере борьбы с климатическими изменениями	222

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Общая педагогика, история педагогики и образования
Методология и технология профессионального образования*

Зайцев А. А., Хромов В. А.	
О целесообразности дифференциации педагогического процесса в формировании образовательной среды вузов системы МВД России	227
Кузнецова Е. Д., Манаников С. В., Казбеков Т. Ш.	
Стратегия оптимизации системы подготовки студенческих спортивных команд	232
Павлова С. А., Семенова Н. А., Хромых А. А.	
Структура готовности к педагогической деятельности начинающих преподавателей образовательных организаций МВД России	237
Попова А. А., Данильченко Э. Д. Использование информационных платформ в организации современного образовательного процесса	244
Родин В. Ф., Антонова Э. А.	
Формирование духовно-нравственного потенциала у курсантов образовательных организаций МВД России	249

Каждый номер журнала содержит научные публикации членов профессорско-преподавательского состава Университета, адъюнктов, аспирантов, авторов из других образовательных учреждений. Для публикации в журнале представляют свои научные статьи также сотрудники различных подразделений органов внутренних дел, иных правоохранительных органов, судьи, прокурорские работники, нотариусы, члены государственных и муниципальных органов власти. Данные статьи отличаются большим объемом эмпирического материала, который может быть эффективно использован в ходе дальнейших научных исследований, в учебном процессе, а также в ходе правоприменительной практики, что придает журналу прикладной характер.

Решением ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации журнал «Вестник экономической безопасности» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Подписной индекс Агенства «Урал-Пресс Округ» **81108**,
или на сайте Научной
электронной библиотеки:

<http://elibrary.ru>

The journal is registered by
Federal Surveillance Service for
Compliance with the Legislation
in Mass Media and Cultural
Heritage Protection

Registration certificate
PI № FS77-27627
dated 16.03.2007

Reregistered:
Registration certificate
PI № FS77-62944
dated 31.08.2015

*Scientific editor,
responsible for the publication,
Winner of the award
of the Government of Russia
in the field of Science and Technics,
Winner of the award
of the Government of Russia
in the field of Education,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Professor, Honorary Worker
of Education of Russia*
N. D. Eriashvili
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

Editor-in-Chief
A. N. Osipova

Senior editor
V. S. Klementieva

Editor
M. A. Vyakhireva

This issue has been prepared by:
L. S. Antonenko,
A. I. Antoshina

With participation of:
M. I. Nikitin

Design and layout
M. E. Kiseleva

FOUNDER:
Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named
after V.Ya. Kikot'

117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

Publisher and editorial staff address:
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12
Tel. 628-57-16
<https://vk.com/mosumvd.official>

Zip Code at the List of the Agency
«Ural Press Okrug» – 81108

BULLETIN

OF ECONOMIC SECURITY

Contents № 1 • 2024

JURISPRUDENCE

Theoretical and Historical Legal Sciences
Public Law (State Law) Sciences
Private Law (Civil) Sciences
Criminal Law Sciences
International Law Sciences

Ablyatipova N. A., Gasanova T. I. Termination of parental rights: analysis of law enforcement practice on certain reasons.....	11
Barokko L. A. On the issue of the specifics of fraud committed using information and telecommunication technologies under the criminal legislation of the Russian Federation.....	15
Blinova E. V., Moskovtseva K. A., Skachko A. V. Historical prerequisites for the formation of departmental procedural control in Russia.....	20
Boychenko A. S. The inevitability of administrative penalties: theoretical and legal aspects of achieving the truth in cases of administrative offenses.....	26
Bulatov R. B., Kostychev S. S. Human rights activities of municipal authorities: problems of its effectiveness and their overcoming.....	30
Vasilenko G. N. The content of typical elements of the matrix of interdepartmental standards for anti-drug preventive activities.....	34
Vereshchagin A. V., Leonov D. V., Lyamin G. D. About some problems of the licensing institute in the Russian Federation.....	40
Voronina N. A. On the problems of access of close relatives of the victim to justice.....	43
Galantseva T. A. Problematic aspects of the functioning of the institute of related rights in the civil law of the Russian Federation.....	48
Gezalov A. A. Criminal liability for tax crimes in the Republic of Azerbaijan.....	52
Gerasimova E. Yu. Peculiarities of initiating a criminal case on the basis of the creation, use and distribution of malicious computer programs.....	55
Gonchar V. V., Avetisyan B. R., Avetisyan K. R. Current directions of deanonymization of IT offenders.....	61
Groshev S. N., Usov E. G. The rights and duties of men in the peasant environment in the second half of the XIX century within the framework of customary law, lynching and horse theft.....	67
Davitadze M. D., Seredin A. A. «Representative of the authorities» and «official»: issues of correlation of concepts.....	71
Zhalene Yu. S. The principle of a secular state within the framework of the constitutional law of Russia.....	75

Zabavka V. I. Registration of citizens of the Russian Federation in the context of digitalization	79
Zarina A. M., Bessonova T. S. On the issue of political crime	82
Zinchenko E. Yu., Khazov E. N. Constitutional values in the doctrine of constitutional law and practice of constitutional justice.....	86
Ivanchenko E. A., Vorotilina T. V. Active adversarial process: the triumph of democratic principles of justice or the possibility of abuse of law?	91
Karpenko O. A., Sidorcheva V. E. Problems of the investigation of drug trafficking offences committed through the Internet (on the materials of Primorsky Krai)	102
Kovalenko S. G. On the issue of the legal status of enforcement agencies.....	106
Konovalova E. E., Chekulaev D. P. Independence, objective and subjective impartiality of judges in the context of changing the jurisdiction of a criminal case	110
Kornienkova M. V., Russkevich L. A. Features and problems of qualifying payout fraud	115
Konstantinov A. V., Mikhaylenko N. V., Staschenko S. P. Provision by voluntary (volunteer) organizations of assistance to internal affairs bodies in the prevention of illegal consumption and trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances.....	120
Levushkin A. N. Inheritance of a share as a business asset by a surviving spouse within the framework of a family business model.....	126
Lozovitskaya A. D. On the question of the notion and characteristics of the overriding objective of English civil procedure	133
Melentev A. V., Fedorov R. V. Federal Assembly: historical and legal development of the order of formation, analysis of modern issues.....	136
Panenko A. S. Criminal liability for perjury in constitutional, civil and administrative proceedings	142
Plotnikov V. V., Kharlamov S. O., Paliy V. M. The specificity of the growth of remote crimes during the pandemic: a retrospective social analysis	146
Potapov V. J., Volkova G. A. Classification of circumstances that contributed to the commission of a crime: criminological, forensic and criminal legal aspects	151
Prudnikov A. S., Novozhilov D. A. On some aspects of countering illegal migration: questions of theory and practice	158
Rumyantsev N. V. Features of scientific support for the activities of law enforcement agencies: legal principles, problems and ways of their implementation	162

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials the reference to the journal is obligatory.

- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60×84 1/8.

Offset printing

Circulation 1500 copies

(1st release – 300)

**Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia**

named after V.Ya. Kikot'

117997, Moscow,

ul. Akademika Volgina, d. 12

Order № 169

Issued

16.02.2024

The price is not fixed

Each issue of the journal contains scientific publications of members of the faculty of the University, adjuncts, graduate students, authors from other educational institutions. Employees from various departments of the internal affairs agencies and other law enforcement agencies, judges, prosecutors, notaries, members of state and municipal authorities also submit their research articles for publication in the journal. These articles are distinguished by a large amount of empirical material that can be effectively used in the course of further scientific research, in the educational process, and also in the course of law-enforcement practice, which gives the journal an applied character.

By the decision of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the journal «Bulletin of economic security» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of doctor of sciences should be published.

Zip Code at the List of the Agency «Ural Press Okrug» **81108**, or on the website Scientific electronic library:

<http://elibrary.ru>

Saudakhanov M. V.

Guarantees of human rights and freedoms in the aspect of their protection and protection in the process of law enforcement..... 166

Salomatin M. A. Translation in criminal proceedings..... 170

Titor S. E., Laktyushina K. K.

Legal regulation of the involvement of national cultural autonomies in the implementation of the tasks of the state national policy..... 173

Tsygankov A. Yu., Alexandrov A. S. Features of qualification of individual criminal acts committed during a special military operation 179

Shepel V. V. On the permissibility of the dissemination of information by a person and a citizen in the Russian Federation 184

Shkoropat E. A., Bondarenko R. V., Kolbasina E. E.

Modern problems of forensic research new types of handwriting objects 187

ECONOMIC SCIENCE

Regional and sectoral economy

Afanasyev V. Ya., Suslov D. A.

Economic security in the oil industry: political risks..... 191

Kosov M. E. The impact of international sanctions on the financial stability of Tinkoff Bank JSC 198

Kuznetsova E. I., Rusavskaya A. V., Saradzheva O. V.

The role of institutional infrastructure in ensuring regional economic security..... 203

Minakov A. V., Agapova T. N.

Features of the formation of regional investment security in modern conditions 210

Staroverova O. V.

The role of digitalization in tax administration..... 218

Eriashvili N. D., Yakovlev A. A.

Economic and legal assessment of the prospects for cooperation between Russia and the European Union in the field of combating climate changes..... 222

PEDAGOGICAL SCIENCE

*General pedagogy, history of pedagogy and education
Methodology and technology of vocational education*

Zaitsev A. A., Khromov V. A.

On the feedability of differentiation of the pedagogical process in the formation of the educational environment of universities of the system of the MIA of Russia 227

Kuznetsova E. D., Manannikov S. V., Kazbekov T. Sh.

Strategy for optimizing the training system for student sports teams 232

Pavlova S. A., Semenova N. A., Khromykh A. A.

Structure of readiness for teaching activities of beginning teachers of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia..... 237

Popova A. A., Danilchenko E. D.

Use of information platforms in the organization of the modern educational process..... 244

Rodin V. F., Antonova E. A.

Forming of spiritual and moral potential among cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia..... 249

Научная статья

УДК 347.637

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-11-14>

EDN: <https://elibrary.ru/xypvze>

НИОН: 2015-0066-1/24-892

MOSURED: 77/27-011-2024-01-091

Лишение родительских прав: анализ правоприменительной практики по отдельным основаниям

Наталья Айдеровна Аблятипова¹, Тамилла Илгаровна Гасанова²

^{1,2} Крымский филиал Российского государственного университета правосудия, Симферополь, Россия

¹ ve_na2014@mail.ru

² tamilla.ilgarovna@gmail.com

Аннотация. Анализируются материалы судебной практики по некоторым основаниям лишения родительских прав, в частности, практика судов апелляционной инстанции, которым удалось найти в решениях нижестоящих судов ошибочное толкование и применение норм Семейного кодекса Российской Федерации, неверную оценку сложившихся обстоятельств дела. Исследованы особенности применения оснований лишения родительских прав при уклонении от уплаты алиментов, анализируются целесообразность и разумность при выборе верной меры ответственности.

Ключевые слова: лишение родительских прав, ограничение родительских прав, злостное уклонение от уплаты алиментов, судебная практика

Для цитирования: Аблятипова Н. А., Гасанова Т. И. Лишение родительских прав: анализ правоприменительной практики по отдельным основаниям // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 11–14. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-11-14>. EDN: XYPVZE.

Original article

Termination of parental rights: analysis of law enforcement practice on certain reasons

Natalia A. Ablyatipova¹, Tamilla I. Gasanova²

^{1,2} Crimean branch of the Russian State University of Justice, Simferopol, Russia

¹ ve_na2014@mail.ru

² tamilla.ilgarovna@gmail.com

Abstract. The materials of judicial practice on some grounds of deprivation of parental rights are analyzed, in particular, the practice of the courts of appeal, which managed to find in the decisions of lower courts an erroneous interpretation and application of the norms of the Family Code of the Russian Federation, an incorrect assessment of the circumstances of the case. The peculiarities of the application of the grounds for deprivation of parental rights in case of alimony evasion are investigated, the expediency and reasonableness in choosing the right measure of responsibility are analyzed.

Keywords: deprivation of parental rights, restriction of parental rights, malicious evasion of alimony payments, judicial practice

For citation: Ablyatipova N. A., Gasanova T. I. Termination of parental rights: analysis of law enforcement practice on certain reasons. Bulletin of economic security. 2024;(1):11–4. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-11-14>. EDN: XYPVZE.

Правоприменительная практика в сфере лишения родительских прав на сегодняшний день представляется актуальной, поскольку лишение родительских прав является крайней и наиболее распространенной мерой се-

мейно-правовой ответственности родителей, основания для которой закреплены в статье 69 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [7]. Проследить, как данные основания толкуются и применяются на

© Аблятипова Н. А., Гасанова Т. И., 2024

практике, а также какие ошибки совершают суды первой инстанции при вынесении решения – цель проводимого исследования.

В статье 69 СК РФ законодателем закреплено шесть исчерпывающих оснований для лишения родительских прав, закрытость которых подтверждает Верховый Суд РФ в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» [5].

Рассмотрим практику применения некоторых из них путем анализа конкретных судебных дел, представляющих интерес. Так, можно проанализировать Определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 1 февраля 2021 года № 33-3741/2021 [3], согласно его материалам, гражданка Ф. подала жалобу на решение городского суда, который отказал в иске о лишении родительских прав гражданина В. Установлено, что ответчик на протяжении длительного времени, а именно с 2009 г. по 2020 г. уклоняется от уплаты алиментов, от воспитания и содержания ребенка. Решением суда первой инстанции в пользу Ф. была взыскана задолженность по алиментам, а также суд предупредил В. об изменении своего отношения к содержанию и воспитанию несовершеннолетнего ребенка. Судебная коллегия согласилась с выводами суда первой инстанции, оперируя нормами семейного права, гражданского процесса и разъяснениями Верховного Суда РФ, указала, что при таких обстоятельствах лишение родительских прав несоразмерно, ибо является крайней мерой ответственности родителя. Также истица не предоставила доказательств, подтверждающих злостное уклонение В. от уплаты алиментов на несовершеннолетнего ребенка.

Резюмируя, следует сказать, что лишение родительских прав ввиду злостного уклонения от уплаты алиментов не всегда необходимая мера в конкретных случаях, на что суд апелляционной инстанции справедливо указал.

Важно отметить, что ВС РФ в п. 16 разъясняет, что при определении злостного уклонения необходимо учитывать продолжительность и причины неуплаты родителем средств на содержание ребенка [5]. Конечно, не вызывает трудностей при установлении характера уклонения в случаях привлечения родителя к административной или уголовной ответственности за неуплату алиментов. Однако спорными остаются вопросы продолжительности и системности неуплаты для их квалификации в качестве злостного уклонения. Полагаем, дальнейшее совершенствование должно быть направлено на разъяснение и толкование указанного термина и его содержания.

Впрочем, злостное уклонение от уплаты алиментов в качестве основания для лишения родительских прав нередко неверно понимается обывателями при обра-

щении в суд с подобным требованием, на что суды, в большинстве своем, верно указывают. Можно рассмотреть Решение Белогорского районного суда Республики Крым от 7 июля 2020 г. № 2-602/2020 г. [6], согласно которому истец требовал лишить ответчика родительских прав ввиду того, что она на протяжении длительного времени ненадлежащим образом исполняет родительские обязанности, а именно не обеспечивает материально, не заботится о нравственном и духовном развитии несовершеннолетней, не обеспечивает получения несовершеннолетней общего образования. Суд, в том числе, узнав мнение несовершеннолетней дочери, отказал в удовлетворении иска, ибо сам факт злостного уклонения ответчика от воспитания и содержания ребенка не установлен, поскольку в судебном заседании не установлены объективные причины и обстоятельства уклонения от воспитания несовершеннолетней.

В другом примере из судебной практики [4], истец требовал лишить родительских прав ответчика – мать несовершеннолетнего ребенка, отказавшуюся взять ребенка из родильного отделения, однако, как суд первой инстанции, так апелляционной и кассационной не согласились с необходимостью лишения прав. Доводы отца ребенка признали необоснованными, поскольку, во-первых, мать ребенка с 2020 г. состоит на учете с диагнозом невращения, во-вторых, подходящей мерой в конкретном случае суды посчитали ограничение родительских прав согласно п. 2 ст. 73 СК РФ. В связи с этим, и суд кассационной инстанции отказал в удовлетворении жалобы.

Так, лишение родительских прав даже при наличии одного из оснований, перечисленных в ст. 69 СК РФ, не должно быть установлено судом в случае возможности применения оснований для ограничения родительских прав. Считаем эту позицию обоснованной, так как родителей лишают прав лишь при виновном поведении, тем самым обстоятельства от родителей не зависящие (в том числе медицинские показатели, за исключение алкоголизма и наркомании) должны быть учтены судом при рассмотрении дела.

Наличествуя в правоприменительной практике и случаи, когда суд первой инстанции допускает ошибки в толковании и применении права, оценке фактических обстоятельств дела при лишении родительских прав. Примером подобной негативной практики может быть дело № 33-350/2020 [2], согласно материалам которого гражданка Л. подала жалобу на решение районного суда, которым исковые требования гражданина К. о лишении Л. родительских прав были полностью удовлетворены. Судебная коллегия отменила данное решение, указав на существенные ошибки: во-первых, истец не представил доказательств того, что Л. злостно уклоняется от выполнения своих родительских обязанностей. При этом истец указал, что мать с 2014 года своих несовершеннолетних детей навещала всего два раза, алиментные обязательства не исполняет (что было опровергнуто в процессе), не трудоустроена. Во-вторых, суд не учел,

что между Л. и К. имеются конфликтные отношения, объективно препятствующие ответчику в полной мере участвовать в воспитании детей, ввиду чего судом допущено неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела.

Следовательно, неверное понимание обстоятельств дела может привести к вынесению неправомерного решения суда о лишении родительских прав.

И, наоборот, суд первой инстанции может неверно истолковать обстоятельства дела и применить нормы семейного законодательства, ввиду чего неправомерно откажет в лишении родительских прав, тогда это действительно необходимо, что прослеживается в материалах Определения Московского областного суда от 28 июня 2021 года № 33-15478/2021 [1]. Так, гражданка Ш. подала жалобу на решение городского суда, отказавшего в лишении родительских прав ответчика П., который с момента рождения ребенка не интересуется его жизнью и здоровьем, материально не помогает, имеется задолженность по алиментам, скрывает свое постоянное место жительства и, по сведениям полученным из службы судебных приставов покинул территорию России. На основании этого и других обстоятельств судебная коллегия не согласилась с выводами суда первой инстанции об отсутствии подтверждения доводов истца и о том, что лишение родительских прав в данном случае – преждевременная мера. Ввиду того, что между ответчиком (отцом) и ребенком никогда не существовало семейных связей, отец не исполнял родительские обязанности и не присутствовал в жизни ребенка, судебная коллегия отметила, что фактические обстоятельства бесспорно свидетельствуют об отсутствии взаимоотношения между отцом и ребенком, что абсолютно не подпадает под понятие семейной жизни. В связи с этим, решение городского суда было отменено, по делу принято новое решение, согласно которому П. был лишен родительских прав.

Таким образом, можно заметить, что отказ в лишении родительских прав судом первой инстанции был неправомерен, на что законно указал областной суд. В случае, если бы истец не обратилась с жалобой, то такое неправомерное решение суда первой инстанции сказало бы негативно на семейной жизни ее и ребенка.

Подводя итог всему вышесказанному, следует указать на многообразность судебной практики в сфере отдельных оснований лишения родительских прав, образовавшуюся, на наш взгляд, вследствие неверного толкования ст. 69 СК РФ, а также неверной оценки обстоятельств дела. Особенно это касается такого основания, как злостное уклонение от уплаты алиментов: в одних случаях суды первой инстанции допускают ошибки и не удовлетворяют иски с таким требованием; в других, напротив, удовлетворяют иск и лишают лицо родительских прав, хотя факт злостного уклонения от уплаты алиментов вряд ли можно назвать доказанным. К сожалению, разъяснения, данные Верховным Судом РФ, не всегда используются судами первой инстанции, и также

разъяснения высшего суда часто неправильным образом «накладываются» на конкретную ситуацию, связанную с лишением родительских прав. Благо, подход судов апелляционной инстанции к толкованию и применению норм может порадовать, ибо здесь допущенные ошибки устраняются, о чем свидетельствует ряд указанных нами дел. Еще одной проблемой является смешение мер ответственности, и несмотря на наличие оснований в законодательстве, их неверное применение при определении необходимой меры.

Полагаем, нельзя поверхностно оценивать обстоятельства дела, если участниками спора являются дети. Действуя в их интересах, судам необходимо более детально оценивать обстоятельства, анализировать основания, целесообразность применения крайней меры ответственности, верно оперировать нормами СК РФ и Постановлений Пленума ВС РФ. Полагаем, в целях нивелирования выявленных нами проблем, судам необходимо каждый раз при разрешении данной категории дел внимательно изучить не только нормы СК РФ о лишении родительских прав, но и общие начала соответствующей отрасли права. Дальнейшее совершенствование норм о лишении родительских прав должно быть направлено на пояснение критериев разграничения лишения родительских прав от их ограничения, условий наступления злостного уклонения от уплаты алиментов.

Список источников

1. Определение Московского областного суда от 28 июня 2021 года № 33-15478/2021 // <https://sudrf.cntd.ru/document/608863173> (дата обращения: 01.05.2023).
2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Северная Осетия-Алания от 18 февраля 2020 года № 33-350/2020 // <https://sudrf.cntd.ru/document/564309924> (дата обращения: 01.05.2023).
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 1 февраля 2021 года № 33-3741/2021 // <https://sudrf.cntd.ru/document/603217980> (дата обращения: 01.05.2023).
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17 мая 2022 года № 8Г-8706/2022 // <https://sudrf.cntd.ru/document/351326131> (дата обращения: 01.05.2023).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 1, январь, 2018.
6. Решение Белогорского районного суда Республики Крым от 7 июля 2020 г. № 2-602/2020 // <https://sudact.ru/regular/doc/IVTrnKiCSYJ9/> (дата обращения: 02.05.2023).

7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 января 1996 г. № 1 ст. 16.

References

1. The ruling of the Moscow Regional Court dated June 28, 2021 No. 33-15478/2021 // <https://sudrf.cntd.ru/document/608863173> (accessed: 01.05.2023).

2. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Republic of North Ossetia-Alania dated February 18, 2020 No. 33-350/2020 // <https://sudrf.cntd.ru/document/564309924> (accessed: 01.05.2023).

3. Definition Judicial Board for Civil Cases of the Moscow Regional Court dated February 1, 2021 No. 33-3741/2021 // <https://sudrf.cntd.ru/document/603217980> (accessed: 05/01/2023).

4. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated

May 17, 2022 No. 8G-8706/2022 // <https://sudrf.cntd.ru/document/351326131> (accessed: 01.05.2023).

5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 14.11.2017 No. 44 «On the practice of applying legislation by courts in resolving disputes related to the protection of the rights and legitimate interests of a child in case of an immediate threat to his life or health, as well as in case of restriction or deprivation of parental rights» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 1, January, 2018.

6. Decision of the Belogorsky District Court of the Republic of Crimea dated July 7, 2020 No. 2-602/2020 // <https://sudact.ru/regular/doc/IVTrnKiCSYJ9> / (accessed: 02.05.2023).

7. Family Code of the Russian Federation dated 12/29/1995 No. 223-FZ (as amended on 28.04.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation dated January 1, 1996, No. 1, Article 16.

Информация об авторах

Н. А. Аблятипова – доцент кафедры гражданского права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Крым;

Т. И. Гасанова – студентка Крымского филиала Российского государственного университета правосудия.

Information about the authors

N. A. Ablyatipova – Associate Professor of the Department of Civil Law of the Crimean branch of the Russian State University of Justice, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Crimea;

T. I. Gasanova – Student of the Crimean branch of the Russian State University of Justice.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.10.2023; одобрена после рецензирования 19.12.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 23.10.2023; approved after reviewing 19.12.2023; accepted for publication 30.01.2024.

Научная статья

УДК 343.97

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-15-19>

EDN: <https://elibrary.ru/wqcwfk>

НИОН: 2015-0066-1/24-893

MOSURED: 77/27-011-2024-01-092

К вопросу об особенностях мошенничества, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий по уголовному законодательству Российской Федерации

Людмила Андреевна Барокко

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

lyudmilabarokko@yuandex.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Установлено, что рассматриваемые разновидности мошенничеств объединяет общая правовая природа с иными формами хищения, в то же время они обладают отличительными чертами ввиду использования злоумышленником в противоправной деятельности информационно-телекоммуникационных технологий. Автором приводятся статистические данные о количестве преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, производится их анализ, приводятся точки зрения относительно сущности рассматриваемых преступлений и их отличительных черт.

Ключевые слова: мошенничество, информационно-телекоммуникационные технологии, сеть Интернет, обман, злоупотребление доверием, уголовная ответственность

Для цитирования: Барокко Л. А. К вопросу об особенностях мошенничества, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий по уголовному законодательству Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 15–19. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-15-19>. EDN: WQCWFK.

Original article

On the issue of the specifics of fraud committed using information and telecommunication technologies under the criminal legislation of the Russian Federation

Lyudmila A. Barokko

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

lyudmilabarokko@yuandex.ru

Abstract. The features of frauds committed using information and telecommunication technologies are being considered. It is established that the considered types of fraud are united by a common legal nature with other forms of theft, at the same time they have distinctive features due to the use of information and telecommunication technologies by an attacker in illegal activities. The author provides statistical data on the number of crimes committed using information and telecommunication technologies, analyzes them, provides points of view regarding the essence of the crimes under consideration and their distinctive features.

Keywords: fraud, information and telecommunication technologies, Internet, deception, abuse of trust, criminal liability

For citation: Barokko L. A. On the issue of the specifics of fraud committed using information and telecommunication technologies under the criminal legislation of the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2024;(1):15–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-15-19>. EDN: WQCWFK.

Научно-технический прогресс, в целом, и информационно-телекоммуникационные технологии, в частности, достаточно прочно проникли в современную

жизнь любого государства, постепенно охватывая новые сферы жизнедеятельности человека. В настоящее время становится очевидным, что любое техническое

© Барокко Л. А., 2024

средство обработки информации представляет собой сложное техническое устройство – микрокомпьютер, в функциональные возможности которого входит выполнение различных команд и операций. Особенностью таких технических устройств заключается в том, что с одной стороны, они функционируют с пользователем при помощи специального интерфейса, а с другой стороны, осуществляют взаимодействие с аналогичными устройствами, позволяя пользователю обмениваться данными, тем самым образуя единое информационное пространство. Вышеуказанные обстоятельства свидетельствуют о том, что в рамках научно-технического прогресса в настоящее время актуальным направлением политики нашего государства является обеспечение информационной безопасности в информационной сфере.

Прежде всего, следует отметить Доктрину информационной безопасности Российской Федерации (далее – Доктрина), в которой нашло свое отражение одно из стратегических направлений по обеспечению информационной безопасности – повышение эффективности профилактики правонарушений, совершаемых с использованием информационных технологий, и противодействия таким правонарушениям (п.п. «е» п. 23) [10]. Иными словами, противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационных технологий становится приоритетным направлением в деятельности правоохранительных органов в сфере обеспечения информационной безопасности от различных угроз, связанных с применением информационных технологий.

Согласно данным Генеральной прокуратуры России, в последние шесть лет отмечен значительный рост количества преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, уголовные дела о которых находились в производстве правоохранительных органов Российской Федерации. В частности, количество зарегистрированных преступлений на территории Российской Федерации, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий составило: 2017 г. – 90,5 тыс., 2018 г. – 174,6 тыс. (+92,9 %), 2019 г. – 294,4 тыс. (+68,5 %), 2020 г. – 510,4 тыс. (+73,4 %), 2021 г. – 517,7 тыс. (+1,4 %), 2022 г. – 522,1 тыс. (+0,8 %), то есть количество преступлений выросло почти в 6 раз (с 4,4 % в 2017 г. до 26,5 % в 2022 г.) [12].

Уголовное законодательство Российской Федерации содержит несколько составов преступлений, связанных с хищением чужого имущества, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий – п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств), ст. 159.3 УК РФ (Мошенничество с использованием электронных средств платежа), 159.6 УК РФ (Мошенничество в сфере компьютерной информации). Главной особенностью информационно-телекоммуникационных технологий за-

ключается в том, что преступная деятельность осуществляется в качественно иных условиях, исключающих непосредственный личный контакт между преступником и жертвой. В ходе совершения рассматриваемого преступления могут использоваться как информационно-телекоммуникационные сети, компьютерные сети, сеть Интернет.

Особое внимание необходимо уделить одной из форм хищения как мошенничество, которое совершается путем обмана или злоупотребления доверием, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. По данным ГИАЦ МВД России количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 159.3 УК РФ, составило: 2017 г. – 228 преступлений, 2018 г. – 4,9 тыс., 2019 г. – 18,1 тыс., 2020 г. – 25,8 тыс., 2021 г. – 10,2 тыс., 2022 г. – 7,2 тыс. Количество преступлений, предусмотренных ст. 159.6 УК РФ: 2017 г. – 2,1 тыс. преступлений, 2018 г. – 970, 2019 г. – 687, 2020 г. – 761, 2021 г. – 431, 2022 г. – 334.1.

Следует согласиться с Н. Д. Литвиновым, что мошенничество, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных технологий никогда не перерастет в иную форму хищения (к примеру, разбой или грабеж), поскольку злоумышленник прекращает свою противоправную деятельность при отсутствии каких-либо положительных действий со стороны потенциальной потерпевшего [5].

По мнению В. В. Урбан преступление, предусмотренное ст. 159.3 УК РФ необходимо относить к числу компьютерных преступлений, поскольку основным средством совершения указанных преступлений являются информационно-телекоммуникационные технологии [7].

Следует привести точку зрения профессора Е. А. Русскевича, который к числу преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, относит составы преступлений, предусмотренные ст.ст. 159.3, 159.6 УК РФ, включая их в группу компьютеризированных преступлений, опосредуемых информационно-коммуникационной инфраструктурой, которые существуют наряду с компьютерными преступлениями (преступления в сфере компьютерной информации), предусмотренные главой 28 Особенной части УК РФ [6, с. 71–74].

По мнению Е. И. Евтушенко, А. А. Венедиктова, особенностью диспозиции ч. 1 ст. ст. 159.3 УК РФ заключается в том, что электронное средство платежа выступает не как предмет хищения, а именно как средство изъятия денежных средств. Предметом рассматриваемого преступления выступают только безналичные денежные средства, находящиеся на банковском или консолидированном счете держателя карты [4].

Стоит отметить, что реализация указанного преступления осуществляется посредством использования компьютерных сетей, так и без такового, так как поддельная банковская карта может быть использована в противоправных целях вне среды компьютерных сетей.

В современных условиях использование поддельных банковских карт в глобальной сети Интернет является довольно распространенной практикой в криминальной среде. Как верно отмечает А. О. Буянова, одним из самых популярных способов хищения денежных средств у граждан, осуществляемый с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, на сегодняшний день является неправомерный доступ к их расчетным счетам [2].

Понятие «электронные средства платежа» (далее – ЭСП) раскрывается в ст. 3 Федерального закона «О национальной платежной системе» [9], включая в себя не только платежные банковские карты, но и иные формы безналичных расчетов с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Законодательная конструкция ч. 1 ст. 159.3 УК РФ подразумевает, что злоумышленник использует информационно-телекоммуникационные технологии для достижения преступной цели, поскольку этому имманентно понятие ЭСП, указанное в диспозиции рассматриваемой уголовно-правовой нормы. Анализ судебной практики показал, что наиболее распространенными являются случаи совершения указанного преступления путем размещения в сети Интернет заведомо ложных объявлений о продаже товара, оказания тех или иных услуг [14] либо посредством сообщения недостоверной информации потерпевшему о близких лицах (родственниках), попавших в трудную жизненную ситуацию [13].

Таким образом, обман, выступающий в качестве способа совершения указанного вида мошенничества, начинает видоизменяться, преобразовываясь из «традиционной» в цифровую форму, приобретая свои отличительные черты в виде цифрового следа, оставленного в информационном пространстве, в том числе сети Интернет, что отличает его от традиционных способов обмана при мошенничестве.

Преступление, предусмотренное ст. 159.6 УК РФ, обладает несколько иными существенными признаками, связанными со сферой компьютерной информации. Некоторые ученые придерживаются точки зрения, что мошенничество в сфере компьютерной информации представляет собой разновидность традиционного мошенничества (ст. 159 УК РФ), обладающего общей правовой природой, в связи с чем должно отвечать всем его признакам [3, с. 56]. Однако, в действительности мы наблюдаем несколько иную ситуацию. В частности, это касается ситуации, когда в 2021 г. были внесены изменения в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», которые свидетельствуют о существенном отклонении от традиционных признаков мошенничества в той части, что способ (обман или злоупотребление доверием) теперь не является обязательным признаком объективной стороны, в том числе и для рассматриваемого вида мошенничества (ст. 159.6

УК РФ). В указанном Постановлении указано, что: «В случаях, когда лицо похитило безналичные денежные средства, воспользовавшись необходимой для получения доступа к ним конфиденциальной информацией держателя платежной карты (например, персональными данными владельца, данными платежной карты, контрольной информацией, паролями), переданной злоумышленнику самим держателем платежной карты под воздействием обмана или злоупотребления доверием, действия виновного квалифицируются как кража» [11].

По мнению А. Г. Безверхова, В. Г. Шумихина и ряда других ученых данную разновидность мошенничества необходимо относить к самостоятельному преступлению, то есть новой форме хищения, обладающему своим специальным способом, что в значительной степени отличает его от иных форм хищения [1; 8, с. 229].

Исходя из смысла п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», способом совершения мошенничества в сфере компьютерной информации является целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные (портативные) – ноутбуки, планшетные компьютеры, смартфоны, снабженные соответствующим программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации, что позволяет виновному или иному лицу незаконно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него.

В данном случае предполагается, что злоумышленник осуществляет противоправную деятельность, связанную с несанкционированным вмешательством в функционирование информационно-телекоммуникационных сетей с целью получения незаконного доступа к компьютерной информации посредством взлома средств хранения, обработки и передачи компьютерной информации. Соответственно, ввод, удаление, блокирование и модификация компьютерной информации, перечисленные в диспозиции ч. 1 ст. 159.6 УК РФ, следует относить к альтернативным способам незаконного вмешательства в рамках рассматриваемого преступления.

В связи с вышеизложенным мы приходим к выводу, что действующее уголовное законодательство Российской Федерации включает в себя несколько разновидностей мошенничества, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. При этом, каждое из них имеет свои отличительные особенности, которые позволяют их отграничивать от иных форм хищения в целом, и друг от друга в частности. В зависимости от характера использования рассматриваемые преступления можно классифицировать на противоправные деяния, где, с одной стороны, ин-

формационно-телекоммуникационные технологии выступают в качестве орудия совершения преступления (ст. 159.6 УК РФ), а с другой, информационно-телекоммуникационные технологии рассматриваются как средство совершения преступления (ст. 159.3 УК РФ). Данная особенность информационно-телекоммуникационных технологий является уникальным признаком, характеризующим рассматриваемые преступления и отличающим его традиционного мошенничества (ст. 159 УК РФ), поскольку использование данных современных технологий оставляет цифровые следы в информационном пространстве, в том числе сети Интернет.

Список источников

1. Безверхов А. Г. Мошенничество и его виды : вопросы законодательной регламентации и квалификации // Уголовное право. 2015. № 5. С. 8–14.
2. Буянова А. О. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с хищением чужого имущества, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий // Молодой ученый. 2022. № 41 (336). С. 88–90.
3. Дмитренко А. П., Русскевич Е. А. Уголовно-правовое противодействие преступлениям в сфере информационно-коммуникационных технологий : учебное пособие. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017.
4. Евтушенко Е. И., Венедиктов А. А. Дистанционные хищения : понятие и признаки // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 12. С. 65–67.
5. Литвинов Н. Д., Федоров А. Н. Мошенничество с использованием средств мобильной связи (дистанционное) : понятие и особенности совершения // Научно-исследовательские публикации. 2015. № 12 (32). С. 73–80.
6. Русскевич Е. А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации : дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2021.
7. Урбан В. В. Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей : общая характеристика и уголовно-процессуальные меры по их противодействию // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 1 (88). С. 55–63.
8. Шумихин В. Г. Седьмая форма хищения чужого имущества // Вестник Пермского университета. 2014. № 2 (24).
9. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О национальной платежной системе» // Российская газета. 2011. № 139.
10. Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» //

Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50, ст. 7074.

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. 2017. № 280.

12. Портал правовой статистики Генеральной прокуратурой Российской Федерации // [Электронный ресурс] // URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 17.08.2023).

13. Приговор Волокамского городского суда Московской области от 18 января 2022 г. по делу № 1-46/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Приговор Железнодорожного районного суда г. Красноярск от 26 мая 2022 г. по делу № 1-254/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Приговор Куйбышевского районного суда г. Омска по делу № 1-87/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Bezverkhov A. G. Fraud and its types : issues of legislative regulation and qualification // Criminal law. 2015. № 5. P. 8–14.
2. Buyanova A. O. Criminal and legal characteristics of crimes related to the theft of other people's property committed using information and communication technologies // Young Scientist. 2022. № 41 (336). P. 88–90.
3. Dmitrenko A. P., Russkevich E. A. Criminal law counteraction to crimes in the field of information and communication technologies : textbook. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, 2017.
4. Yevtushenko E. I., Venediktov A. A. Remote theft : the concept and signs // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. № 12. P. 65–67.
5. Litvinov N. D., Fedorov A. N. Fraud using mobile communications (remote) : the concept and features of commission // Scientific research publications. 2015. № 12 (32). P. 73–80.
6. Russkevich E. A. Differentiation of responsibility for crimes committed using information and communication technologies and problems of their qualification : dis. ... Dr. jurid. sciences. M., 2021.
7. Urban V. V. Crimes committed using information and telecommunication networks: general characteristics and criminal procedural measures to counteract them // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1(88). P. 55–63.
8. Shumikhin V. G. The seventh form of theft of other people's property // Bulletin of the Perm University. 2014. № 2 (24).
9. Federal Law № 161-FZ of June 27, 2011 (as amended on 14.07.2022) «On the National

Payment System» // Rossiyskaya Gazeta. 2011. № 139.

10. Decree of the President of the Russian Federation № 646 dated December 5, 2016 «On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. № 50, Article 7074.

11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 30, 2017 № 48 (ed. dated 15.12.2022) «On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement» // Rossiyskaya Gazeta. 2017. № 280.

12. Portal of legal statistics by the Prosecutor General's Office of the Russian Federation // <http://crimestat.ru> (accessed: 17.08.2023).

13. The verdict of the Volokamsk City Court of the Moscow region dated January 18, 2022 in case № 1-46/2022 // SPS «ConsultantPlus».

14. The verdict of the Zheleznodorozhny District Court of Krasnoyarsk dated May 26, 2022 in case № 1-254/2022 // SPS «ConsultantPlus».

15. The verdict of the Kuibyshev District Court of Omsk in case № 1-87/2022 // SPS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

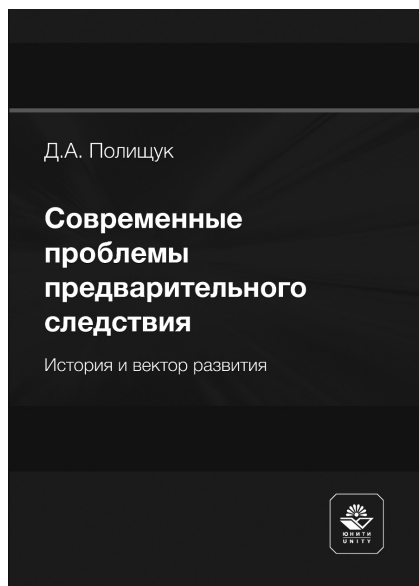
Л. А. Барокко – адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

L. A. Barokko – Adjunct of the Faculty of Training Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 12.02.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 12.02.2024.

Современные проблемы предварительного следствия. История и вектор развития. Монография. Полищук Д. А. 327 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Представлен многоаспектный анализ вопросов организации работы следователя. Основное внимание уделено проблемам, которые, как правило, остаются «за кадром» исследований, среди них: философско-правовые основания работы следователя; защита от противодействия расследованию преступлений, которое возможно со стороны адвокатов-защитников; преодоление конфликтных ситуаций в следственной практике и др. Уделено внимание вопросам работы следователя с логическими диаграммами, а также возможности использования в уголовном судопроизводстве нетрадиционных методов криминалистических исследований.

В ходе подготовки издания были подробно изучены материалы значительного количества уголовных дел, вследствие чего представлен детальный анализ типичных ошибок, допускаемых следователями при расследовании преступлений. В частности, на базе изученного материала

рассмотрены ошибки уголовно-правовой квалификации преступлений, предписаний уголовно-процессуального законодательства и пр. Рассмотрены пределы допустимости использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве.

Для практических сотрудников правоохранительных и правоприменительных органов, а также преподавателей и студентов юридических образовательных учреждений.

Научная статья

УДК 34.3

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-20-25>

EDN: <https://elibrary.ru/wulijg>

НИОН: 2015-0066-1/24-894

MOSURED: 77/27-011-2024-01-093

Исторические предпосылки формирования ведомственного процессуального контроля в России

Елена Владимировна Блинова¹, Кристина Андреевна Московцева²,

Анна Владиленовна Скачко³

¹ Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия,
elena.pirogova2012@yandex

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
kristinavolckova@yandex.ru

³ Академия управления МВД России, Москва, Россия,
s.matrix@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы становления и развития института ведомственного процессуального контроля в России. Доказано, что говорить о зарождении процессуального контроля в России можно только в контексте рассмотрения вопросов формирования следственного аппарата, появления процессуальной фигуры следователя, и как следствие, начальника следственного отдела, предшественника руководителя следственного органа. Авторами обоснован тезис о том, что появившаяся фигура начальника следственного отдела (в настоящее время – руководитель следственного органа) всецело сосредоточила в своих руках комплекс полномочий различного характера, который сформировал возможные пределы допустимого вмешательства со стороны прокурорского надзора и судебного контроля. В заключение авторы пришли к выводу о том, что на сегодняшний день, четко обозначена тенденция по усилению роли процессуального контроля, который, исходя из полномочий руководителя следственного органа, тесно взаимосвязан с организационно-процессуальным и организационным контролем.

Ключевые слова: досудебное уголовное судопроизводство, ведомственный контроль, процессуальный контроль, следственные действия, следователь, руководитель следственного органа, начальник следственного отдела

Для цитирования: Блинова Е. В., Московцева К. А., Скачко А. В. Исторические предпосылки формирования ведомственного процессуального контроля в России // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 20–25. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-20-25>. EDN: WULIJG.

Original article

Historical prerequisites for the formation of departmental procedural control in Russia

Elena V. Blinova¹, Kristina A. Moskovtseva², Anna V. Skachko³

¹ Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia,
elena.pirogova2012@yandex

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
kristinavolckova@yandex.ru

³ Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
s.matrix@mail.ru

Abstract. Issues of the formation and development of the institute of departmental procedural control in Russia are considered. It has been proved that it is possible to talk about the emergence of procedural control in Russia only in the context of considering the issues of the formation of the investigative apparatus, the emergence of the procedural figure of the investigator, and as a result, the head of the investigative department, the predecessor of the head of the investigative body. The authors substantiate the thesis that the emerging figure of the head of the investigative department (currently the head of the investigative body) has completely concentrated in his hands a set of powers of a different nature, which has formed the possible limits of permissible interference by prosecutorial supervision and judicial control. In conclusion, the authors came

© Блинова Е. В., Московцева К. А., Скачко А. В., 2024

to the conclusion that today, there is a clear trend towards strengthening the role of procedural control, which, based on the powers of the head of the investigative body, is closely interconnected with organizational, procedural and organizational control.

Keywords: pre-trial criminal proceedings, departmental control, procedural control, investigative actions, investigator, head of the investigative body, head of the investigative department

For citation: Blinova E. V., Moskovtseva K. A., Skachko A. V. Historical prerequisites for the formation of departmental procedural control in Russia. Bulletin of economic security. 2024;(1):20–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-20-25>. EDN: WULIJG.

Исторически днем формирования следственных органов считается 25 июля 1713 года. В этот день указом Петра I была учреждена следственная канцелярия. Право руководить данным органом было делегировано князю М. И. Волконскому. Указ наделял канцелярию М. И. Волконского правом производства досудебного расследования, после чего розыскное дело и виновных лиц необходимо было доставить в Санкт-Петербург. Из указа Петра I становится ясно, что процессуальных полномочий за гвардии майором не закреплялось. М. И. Волконский, возглавляя следственную канцелярию, обладал полномочиями по организации расследования вверенных розыскных дел. Между тем, Д. О. Серов и А. О. Федоров считают, что «закрепление полномочия самостоятельно принимать решение о пытках является процессуальным» [7, с. 50]. Мы не можем согласиться с данным мнением, поскольку Петр I, обладавший высшей властью, в своем именном указе предусмотрел обстоятельства, при которых необходимо применять пытки. Контекст изложения указа дает основания полагать, что М. И. Волконский прямо не наделялся данным полномочием, а право предоставлялось подчиненным ему следователям, то есть князь, не производивший самостоятельно предварительное расследование, не имел права и решать вопрос о применении к лицу пыток. Также в указе не содержится данных о необходимости процессуального контроля досудебного производства, отражен лишь необходимый результат (розыскное дело и обвиняемых привезти в Санкт-Петербург).

Таким образом, полагаем, что за следователями закреплены были процессуальные полномочия по производству предварительного расследования, а князь М. И. Волконский, возглавлявший следственную канцелярию, был наделен лишь организационными полномочиями.

Затем Наказом государя от 9 декабря 1717 года канцелярии были подчинены напрямую Петру I, устанавливая ответственность руководителя канцелярии за нарушения в форме смертной казни. Одновременно он создает шесть новых следственных канцелярий. Рассматривались они как независимый вневедомственный орган, занимающийся расследованием наиболее опасных преступлений (казнокрадство, взяточничество, мошенничество и др.). Наказ уделял большое внимание процессу расследования, деятельность же руководителей канцелярии оставил без изменений. Даже указание на смертную казнь закреплялось по поводу уличения в не-

надлежащем расследовании полученных в производство дел. Данный факт определялся самим царем, так как следственные канцелярии были ему полностью подчинены, а их руководитель лишь отчитывался о результатах расследования.

Для расследования дел менее тяжких государь в 1718 году учреждает полицию. Петр I закрепил за полицейскими обязанности по надзору за общественным порядком и подготовки материалов по уголовным преступлениям. Чуть позже он наделил Надворные суды правом производства предварительного следствия по «фискальным делам». Фактически, реформирование Петра I привело к созданию следственных органов, которые стали прототипом современных. Но просуществовала данная вневедомственная модель организации предварительного следствия совсем небольшой период: 22 января 1724 года следственные канцелярии были упразднены.

Между тем, в первой четверти VIII века были организованы еще два следственных органа: следственная канцелярия генерал-прокуратуры и Розыскная контора Высшего суда. Впрочем, просуществовали они сравнительно небольшой период времени и были упразднены в 1726 году. На этом специализированный следственный аппарат прекратил свое существование на долгие годы.

Устав Благочиния от 8 апреля 1782 года устанавливал передачу в ведение полицейских мест права производства расследования от мест судебных. Данный акт предусматривал организацию всей полицейской службы с детальной регламентацией штата и обязанностей. К слову, процессуальный контроль данным Уставом деятельностью полиции не предусматривался. Иерархия полиции выглядела следующим образом: городничий (отвечал за общий порядок на вверенной ему территории, ему подчинялись все нижестоящие чины полиции); частный (уголовный и гражданский) приставы (руководили полицией на отведенной территории); для больших городов назначался полицмейстер (вместо городничего); в Москве и Санкт-Петербурге императрицей лично назначался обер-полицмейстер.

Начало девятнадцатого столетия вошло в отечественную историю как период образования Министерства внутренних дел, в состав которого вошла полиция.

Не смотря на то, что иерархия предполагала подчинение нижестоящих полицейских чинов вышестоящим, на деле руководители осуществляли лишь организаци-

онный контроль. Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что первым этапом зарождения контроля за деятельностью лиц, осуществляющих расследование, можно назвать период с 1713 по 1808 гг. Данные исторические рамки характеризуются появлением следствия, руководителем которого осуществлял организационный контроль. Полагаем, что результат развития следствия в данный период определяется также четкой структурированной системой полицейской службы, заложившей основы полицейского права в России.

В 1808 году появляется новое должностное лицо – следственный пристав. Указ Александра I определил четырех чиновников, которым было поручено право проводить следствие в Санкт-Петербурге. Следственные приставы состояли в штате полиции, занимались они только расследованием уголовных дел, находились в распоряжении обер-полицеймейстера, который координировал организационный аспект их деятельности и не вмешивался в ход расследования.

Идея организации отдельного следственного подразделения была результативна, и поэтому получила свое распространение сначала по столицам, в 1810 году в Москве появились первые следственные приставы, а затем и по другим губернским городам.

Так, в этот момент в связи с закреплением следователей в системе полиции, происходит зарождение административной модели, которая в дальнейшем приводит к появлению организационно-процессуального контроля. Так, в 1842 году в связи с реорганизацией полиции было образовано два департамента. На базе одного из них было учреждено Следственное отделение. Руководитель данного подразделения назначался непосредственно Министром внутренних дел [7, с. 56]. В то же время, § 19 Дополнительных правил к Положению о производстве дел исполнительных Санкт-Петербургской полиции определяет круг ведения второго департамента, в который входили: расследование преступлений по сообщениям от начальства, а также на которые указал Полицеймейстер, Пристав, Надзиратель, Стряпчий, равно как и само виновное лицо либо иной человек; правонарушений по поводу «неправильного владения крепостными людьми или отыскивающих из крепостного состояния свободы»; исполнение приговоров Палаты уголовного суда и уголовного суда первого звена и др.

Начальнику департамента вменялось не только решение организационных задач, касающихся кадрового вопроса, жалования, отдыха, но и наблюдение за «скорым и законным удовлетворением просителей, ограждая их от всяких проволочек и стеснений», т. е. в этом случае руководитель был обязан следить за законностью расследования, а также отсутствием волокиты, соблюдением разумных сроков и прав заявителей. Раз в месяц итоги деятельности департамента докладывались обер-полицеймейстеру, а тот, в свою очередь, представлял отчет министру внутренних дел, который по личному указа-

нию императора осуществлял «высшее наблюдение за ходом дела».

Таким образом, можно констатировать факт постепенного зарождения следственного подразделения, приближенного к его настоящему пониманию, а также появления полноценного организационно-процессуального контроля, осуществляемого иерархической структурой руководителей, как непосредственного, так и вышестоящих.

Примечательно, что впервые организационно-процессуальный контроль появляется в период нахождения следствия именно в структуре полиции.

Следственная система продолжила укрепляться и одним из важнейших событий в истории уголовного судопроизводства стало издание Свода законов Российской империи 1832 года, который консолидировал и систематизировал уже имеющееся законодательство. Но совершенно очевидно, что кодифицированным законодательным актом Свод законов назвать нельзя, поскольку законодатель лишь обобщил действующие на тот момент акты, отграничив от утративших силу [1, с. 119].

Таким образом, следующий этап развития контроля за деятельностью следователя должен обозначаться временными рамками с 1808 по 1860 гг. Этот период характеризуется установлением организационно-процессуального контроля за следствием.

Вместе с тем, согласно Своду законов Российской Империи, производство формального следствия стало возлагаться именно на полицию, а контроль за расследованием осуществлял прокурор и стряпчий, производством же предварительного следствия по-прежнему занимались следственные (становые) приставы. В этот момент усиливается роль суда за производством предварительного расследования. Так, в Своде законов отмечено, что при недостатках, выявленных Земским судом, последний отправляет дело на доследование тому же или иному следственному приставу, либо при усмотрении в деятельности станового пристава умысла при вынесении решения, либо серьезных недостатков, суд ставит в известность Губернское правление.

Новые преобразования возложили предварительное расследование на судебных следователей, что было закреплено в Указе от 8 июня 1860 г. «Учреждение судебных следователей». Законодательно на этих чиновников возлагались обязанности по производству следствия по делам, подведомственным судебным местам. Сами судебные следователи находились в подчинении у Министерства юстиции.

Таким образом, на данный момент отграничение следователей от административной модели было больше номинально, по-прежнему фактически большую роль играл губернатор и прокурор. Соответственно, существовавший административный порядок фактического подчинения следователя губернской администрации, а через нее и прокурору, все более наталкивал на продолжение реформирования следственного аппарата

и окончательного упразднения административного контроля за ним.

Устройство следственного аппарата в данном периоде подразумевало стремление к процессуальной независимости, упразднение какого-либо вмешательства со стороны полиции «в дела судебные». Имевшийся опыт организационно-процессуального контроля при полицейской модели развития предварительного следствия, был воспринят негативно. Вся иерархическая система подчинения полиции губернатору ставила под сомнение судебную независимость. Поскольку назначение на должность и увольнение следственных приставов зависело всецело от губернской администрации, то в таком случае полиция имела право фактически влиять на отправление правосудия в части касающейся. Соответственно, кроме официально провозглашавшейся версии по оптимизации деятельности полиции [8, с. 67], по нашему мнению, в этом усматривается одна из причин скоротечности смены модели предварительного следствия и осуществляемого контроля.

В ходе дальнейшего реформирования и с принятием ряда законов полномочия судебных следователей расширяются. Согласно Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС), судебный следователь был обязан с полным беспристрастием приводить в известность все обстоятельства, доказывающие либо опровергающие вину.

Казалось бы, законодатель того времени очень внимательно подошел к вопросу организации органов судебного следствия, большое внимание уделив полномочиям следователей, максимально стараясь сохранить их процессуальную самостоятельность, а также закрепил контроль со стороны прокуратуры и суда. Но такое стремление законодателя к независимой процессуальной фигуре судебного следователя, невмешательству в судебные дела извне, превратилось в жесткое ограничение самостоятельности следователя рамками судебного контроля и прокурорского надзора.

Подобной позиции придерживается А. Г. Мамонтов, считая, что, «несмотря на весь прогрессивный комплекс преобразований, имеется ряд существенных недостатков, не позволяющих в полной мере положительно функционировать аппарату судебного следствия. Свое влияние на данный факт оказывает, прежде всего, существовавшее отсутствие нормативного разделения формального и предварительного следствия, что, в свою очередь, предвещало такое же отсутствие четкого разделения между следствием и дознанием» [3, с. 99].

Отмечая справедливость рассуждений профессора, заметим, что на данном этапе, за отсутствием должного контроля со стороны прокуратуры, прослеживается необходимость дополнительной процессуальной фигуры, которая бы смогла осуществлять контроль на местах. То есть предпосылки к появлению руководителя следственного органа, выражающиеся в появлении конструктивных проблем в области предварительного расследования, связанные с нехваткой контроля, были выявлены.

В 1920 году был учрежден новый орган – народных следователей. Должностные лица данной категории избирались Губернскими Исполнительными Комитетами Советов и действовали в пределах своего участка. Также назначались следователи по важнейшим делам, находящиеся в подчинении у министерства юстиции и Народного Комиссариата юстиции. Контроль за деятельностью народных следователей осуществлял Постоянный народный судья. Кроме того, на него возлагались обязанности по контролю за производством дознания органами милиции, дача им руководящих указаний, утверждение, смягчение или усиление меры пресечения и др.

Но уже в мае 1922 года надзор за деятельностью следственных органов был возложен на прокуратуру. Согласно ст. 121 УПК 1922 года «надзор за производством предварительного следствия осуществляет прокурор, который также вправе знакомиться с актами предварительного следствия и давать указания следователю, которые являются обязательными для исполнения».

Такое противостояние двух контрольно-надзорных систем за деятельностью следователей, безусловно, не могло сосуществовать параллельно, поскольку следователь в данный период состоял в прямом подчинении суда, но, тем не менее, надзор со стороны прокуратуры сопровождал его деятельность, что постепенно стало точкой отправления поиска места и роли прокурора в развивающейся системе следственного аппарата.

Очевидно, что надзор по своей природе предполагает не только наблюдение за законностью выполнения тех или иных действий следователем, но и определенные действия по устранению выявленных нарушений. Постепенно увеличившаяся область прокурорского надзора поставила вопрос о руководстве следствием. Поскольку прокурорский надзор проникал во все сферы принятия решений следователем, то и предполагал, координацию его деятельности, а значит, руководство [5, с. 277], хотя номинально следствие оставалось еще сосредоточено в судебной системе.

Принятие Основ уголовного судопроизводства СССР 1958 года и УПК РСФСР 1960 года, где в ст. 25, по-прежнему, оставалось право на осуществление прокурорского надзора, послужило отправной точкой к началу новой дискуссии о принадлежности органов предварительного следствия. К этому моменту назрела необходимость существенных перемен. Так, представляется очевидным, что, имея все предпосылки к учреждению ведомственной процессуальной фигуры, осуществляющей контроль за деятельностью следователей, не могли создать таковую ранее в виду некоторых причин, например, отсутствия ясности касательно вопроса определения процессуального статуса данного субъекта [2, с. 186]. Более того, очевидно, что законодатель прошлого века, учреждая следственные органы, хоть и под контролем прокуратуры или суда, но все же в отдельной системе, преследовал цель первоначально организационной независимости следователя. Отсюда и последующее преобразование – учреждение процессуальной

фигуры начальника следственного отдела, который сосредотачивал в своих руках весомый объем организационных полномочий.

Таким образом, в 1860–1963 гг. отмечается период «застоя» в становлении контроля ведомственного характера, поскольку следствие в данный период, претерпевая серьезное реформирование, попадало под жесткий контроль со стороны суда, являясь частью его структуры или прокурорского надзора.

Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1963 года «О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка» право производства предварительного следствия было передано Министерству охраны общественного порядка СССР (МВД СССР), что знаменовало начало официальной работы следственных аппаратов органов внутренних дел.

В 60-х – 70-х годах двадцатого столетия в ученой среде обозначились новые дискуссии относительно процессуального статуса начальника следственного отдела. Так, высказывались точки зрения, согласно которым требовались перемены, связанные с передачей отдельных полномочий прокурора [9, с. 16]. Были и противники подобных идей, считавшие, что предоставление больших полномочий начальнику следственного отдела повлечет за собой нарушение границ процессуальной самостоятельности следователя [10, с. 9].

Хотя законодательно процессуальный статус начальника следственного отдела урегулирован еще не был, фактически наряду с организационными полномочиями, он уже осуществлял и процессуальные, поскольку активно принимал участие в производстве по уголовному делу: давал следователю указания, проверял уголовные дела и принимал участие в осуществляемых следователем процессуальных действиях [6, с. 27].

Появившаяся фигура начальника следственного отдела всецело сосредоточила в своих руках комплекс полномочий различного характера, который сформировал возможные пределы допустимого вмешательства со стороны прокурорского надзора и судебного контроля. Более того, осуществляемый процессуальный контроль, проникая в деятельность следователя, по сути, предполагал возложение на начальника следственного отдела функции руководства предварительным расследованием. По нашему мнению, возникший диссонанс в осуществляемых функциях предполагаемых, исходя из наименования должности, также послужило одной из причин дальнейших преобразований, поскольку сугубо административный смысл, заложенный в существующую терминологию «начальник следственного отдела», был утрачен в связи с закреплением за ним процессуальных полномочий.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, начиная с 1965 года, начальник следственного отдела, был наделен законодательно закрепленными полномочиями по осуществлению процессуального контроля за деятельностью следователя.

Полемика по поводу процессуальной самостоятельности следователя сводится, на наш взгляд, к истории вопроса возникновения данной процессуальной фигуры. Как было отмечено ранее, должность следователя была изначально учреждена на базе суда, чья независимость не вызывает сомнений. А поэтому, исходя из неотъемлемого постулата судебской независимости, самостоятельность следователя также кажется очевидной и должной. Сосредоточение же следователя в подчинении у прокуратуры не вызывало негатива, поскольку следователи при прокуратуре более наделялись административным смыслом, процессуальный же был сосредоточен у самого прокурора [2, с. 187]. По сути, процессуальный статус следователя приобретает только во внесудебном процессуально самостоятельном органе с собственной иерархией. Отсюда и берет начало необходимость создания самостоятельного следственного аппарата, процессуальный контроль за которым должен осуществлять начальник, находящийся в одном подразделении со следователем.

Так, процессуальный контроль начальника следственного отдела продолжает укрепляться, восполняясь все новыми возможностями. Замысел создания субъекта, осуществляющего организационный контроль на местах, в лице начальника следственного отдела, постепенно был нивелирован и все более наполнялся смыслом осуществления процессуального руководства расследованием.

Данный период можно назвать отправной точкой проблемы, связанной с распределением полномочий прокурора и руководителя следственного органа. Так, существовавший перевес полномочий в сторону прокурора начал стираться. Граница, разделявшая прокурорский и ведомственный контроль, постепенно нивелировалась [4, с. 35].

Начиная с момента образования в 2007 году Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации, идея создания единого следственного органа воплощается в жизнь. Но, несмотря на предлог «при», Следственный комитет первоначально был органом прокуратуры.

Таким образом, начиная с 2007 года и по настоящее время, продолжается системное реформирование следственного аппарата, а значит и контрольно-надзорной иерархии за деятельностью следователя.

Проанализировав историю становления и развития ведомственного процессуального контроля в России, авторами сформулирован следующий вывод. Так, на сегодняшний день, четко обозначена тенденция по усилению роли процессуального контроля, который, исходя из полномочий руководителя следственного органа, тесно взаимосвязан с организационно-процессуальным и организационным контролем. То есть, постепенно реформирование движется к достижению идеи создания единого следственного органа, руководитель которого будет осуществлять ведомственный контроль, при взаимодействии с прокурорским надзором и судебным контролем.

Список источников

1. Головкин Л. В. Курс уголовного процесса. М. : Статут, 2016.
2. Исаенко А. Г. Проблемы совершенствования процессуального статуса руководителя следственного органа // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49).
3. Мамонтов А. Г. Становление института предварительного следствия в рамках судебной реформы 1864 г. М. : Московский университет МВД России, 2005.
4. Манова Н. С. Становление института ведомственного руководства деятельностью следователя // Вестник ВГУ. 2015. № 1 (26).
5. Победкин А. В., Новиков Е. А. Некоторые проблемы содержания процессуальных полномочий руководителя следственного органа // Вестник ВГУ. 2008. № 2.
6. Садиокова У. В. Процессуальные полномочия руководителя следственного органа: теория и практика реализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
7. Серов Д. О., Федоров А. О. Дела и судьбы российских следователей: князь М. И. Волконский // Российский следователь. 2016. № 4.
8. Судебные уставы. За пятьдесят лет. Том второй. 20 ноября 1864. Петроград : Сенатская типография, 1914.
9. Ураков Л. И. О процессуальном положении работников следственных отделов органов охраны общественного порядка // Социалистическая законность. 1964. № 7.
10. Чистякова В. С. Органы предварительного расследования преступлений и разграничение компетенции между ними: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1964.

Информация об авторах

Е. В. Блинова – доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, кандидат юридических наук;

К. А. Москвцева – преподаватель кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

А. В. Скачко – профессор кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения Академии управления МВД России, доктор юридических наук.

Information about the authors

E. V. Blinova – Associate Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Legal Sciences;

K. A. Moskvceva – Lecturer of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’;

A. V. Skachko – Professor of the Department of Organization of Financial, Economic, Logistics and Medical Support of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.09.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 16.01.2024.

The article was submitted 27.09.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 16.01.2024.

Научная статья

УДК 342.924

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-26-29>

EDN: <https://elibrary.ru/wnqwvh>

НИОН: 2015-0066-1/24-895

MOSURED: 77/27-011-2024-01-094

Неотвратимость административных наказаний: теоретико-правовые аспекты достижения истины по делам об административных правонарушениях

Артем Сергеевич Бойченко

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия,
sgt.boychenko@gmail.com

Научный руководитель: профессор кафедры административного права и процесса
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
доктор юридических наук **Г. С. Беляева**

Аннотация. С целью выявления актуальных теоретико-правовых аспектов достижения истины по делам об административных нарушениях, рассматривается реализация принципа неотвратимости административных наказаний при условии достижения истины в судопроизводстве. Установлена взаимосвязь между принципами неотвратимости наказаний и объективной истины при рассмотрении дел об административных правонарушениях. Полученные выводы свидетельствуют о необходимости совершенствования прикладной деятельности при рассмотрении и разрешении дел об административных правонарушениях для достижения целей неотвратимости наказания. Полученные результаты исследования могут быть полезными для дальнейшего изучения теоретической и практической проблематики реализации неотвратимости наказаний в административном праве.

Ключевые слова: административное наказание, дела об административных правонарушениях, объективная истина, принцип неотвратимости

Для цитирования: Бойченко А. С. Неотвратимость административных наказаний: теоретико-правовые аспекты достижения истины по делам об административных правонарушениях // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 26–29. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-26-29>. EDN: WNQWVH.

Original article

The inevitability of administrative penalties: theoretical and legal aspects of achieving the truth in cases of administrative offenses

Artem S. Boychenko

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia,
sgt.boychenko@gmail.com

Scientific supervisor: Professor of the Department of Administrative Law and Procedure
of the Belgorod State National Research University,
Doctor of Legal Sciences **G. S. Belyaeva**

Abstract. In order to identify relevant theoretical and legal aspects of achieving the truth in cases of administrative violations, the implementation of the principle of the inevitability of administrative penalties is considered provided that the truth is achieved in court proceedings. The interrelation between the principles of inevitability of punishments and objective truth in the consideration of cases of administrative penalties has been established. The findings indicate the need to improve applied activities in the consideration and resolution of cases of administrative offenses in order to achieve the goals of inevitability of punishment. The obtained research results may be useful for further study of the theoretical and practical problems of the realization of the inevitability of penalties in administrative law.

Keywords: administrative punishment, cases of administrative offenses, objective truth, principle of inevitability

For citation: Boychenko A. S. The inevitability of administrative penalties: theoretical and legal aspects of achieving the truth in cases of administrative offenses. Bulletin of economic security. 2024;(1):26–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-26-29>. EDN: WNQWVH.

© Бойченко А. С., 2024

Актуальность понятия и содержания истины на сегодняшний день имеет немаловажное практическое значение, если речь идет о реализации принципа неотвратимости наказаний по делам об административных правонарушениях. В ст. 24.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) уточняются задачи производства по делам об административных правонарушениях [1]. Так, следуя нормам ст. 24.1 КоАП РФ, суды при рассмотрении данных дел должны полно, всестороннее, объективно и своевременно выяснить обстоятельства дела, а также установить необходимые факты, которые имеют значение для дела.

Поскольку дело об административном правонарушении рассматривается уже на стадии нарушенных прав граждан, основной задачей суда при рассмотрении дела является познание тех фактов и обстоятельств, при которых они произошли, изучение полностью деяний и событий по тому или иному делу. При рассмотрении дел об административных правонарушениях по существу в целях реализации принципа неотвратимости наказаний перед судом встает задача по установлению истины. Следует подчеркнуть, что в настоящее время российская судебная реформа преследует цель обеспечения принятия судами справедливых, результативных и действенных решений, которые позволят исполнять на практике законодательные предписания, укрепляя авторитет власти и позиции политико-правовых институтов. В данном направлении немаловажную роль играют положения КоАП РФ.

По мнению Е. В. Ермолаевой, формулирование понятия и содержания объективной истины при рассмотрении дел об административных правонарушениях, реформирует современную судебную систему, зарождающая в себе цель, такую как «воплощение идеи справедливого суда» [3, с. 20]. Однако, следует выделить, что действующий КоАП РФ, равно как и другие российские кодексы, не содержат точного и конкретного определения термина «истина». Безусловно, вопрос о существовании самого понятия истины упоминается еще в философских критериях теории познания правовой действительности. Следовательно, современная юридическая наука различает два уровня познавательной деятельности – обыденное и научное познание:

а) обыденное можно характеризовать как знание, которое базируется на убеждении здравого смысла, практического сознания, и воплощающегося в повседневной жизни;

б) научное познание – это вид познавательной деятельности человека, реализуемая с помощью таких критериев как внутренняя неприкосновенность, инвариантность знания.

По мнению Е. В. Ермолаевой, судебное познание имеет свои характерные черты, что не позволяет отнести данное явление ни к одному из видов вышеперечисленной теории познания [3, с. 21]. Из содержания гл. 24 КоАП РФ следует, что судебный познавательный процесс характеризуется совокупностью следующих

элементов: определенные сроки рассмотрения дела; предмет судебного познания; судебный познавательный процесс может вести только судья; в судебном познавательном процессе могут участвовать только те лица, которые заявлены в рамках данного разбирательства.

По нашему мнению, для судебного познания в рамках рассмотрения дела об административных правонарушениях немаловажное значение имеют следующие элементы:

- должен быть ориентир на конечный результат правосудия;
- оперативность и ситуационная конкретность;
- максимальное единство всех мыслительных процессов;
- регулятивная направленность судебного познания.

Следует отметить, что познавательная деятельность имеет основную цель – это достижение истины по делу об административном правонарушении. Стремясь к достижению поставленной цели, познавательная деятельность служит получению верных знаний о фактических обстоятельствах по делу об административном правонарушении, их юридической квалификации. В данном контексте немаловажное значение приобретает теоретико-правовое содержание истины в вопросах реализации принципа неотвратимости административных наказаний. Так, в широком смысле слова истина – это соответствие мыслей, о предметах и явлениях окружающего мира самим предметам и явлениям объективной действительности. Иными словами, истина – это знание, соответствующее своему предмету, совпадающее с ним. Истина едина, но она может выделяться на такие подвиды, как:

а) объективная истина (содержит достоверное знание о природе, человеке и обществе; знание, которое не может быть опровергнуто в процессе дальнейшего познания);

б) формальная истина (это не полное или не точное знание, соответствующее определенному уровню развития общества, зависящего от определенного условия, места, времени и средств получения знаний; может изменяться, устаревать, замещаться в процессе дальнейшего познания).

Сущность и правовая природа объективной истины при рассмотрении дел об административных правонарушениях находятся в прямой взаимосвязи с деятельностью судебной инстанции по определению характера истины, что проявляется при рассмотрении дела. Знаковым моментом судопроизводства по делам об административных правонарушениях является судебный отказ от определения понятия объективной истины. Отдавая предпочтение формальной истине, суд фактически выносит решение, основанное на представленных доказательствах. По утверждению Н. В. Ландерсон, объективная истина – это фундаментальное, базовое начало, ключевая идея судопроизводства. Именно объективность истины позволяет суду, основываясь на принципе

состязательности, оказывать всю необходимую помощь участникам процесса, а также способствовать полному собиранию доказательств, их основательному исследованию, в том числе в целях установления обстоятельств дела [4, с. 25]. Говоря о реализации принципа неотвратимости по делам об административных правонарушениях, отметим, что данное утверждение как раз кстати, поскольку законодатель в КоАП РФ упоминает об активной роли суда.

Также Н. В. Ландерсон полагает, что «деятельность суда заключается в такой логической операции, как факты утверждаемые сторонами, и из «приличного закона», суд делает вывод о правильности требований истца; к этой работе суд приступает не раньше, чем составит утверждения о правдивости той или иной стороны» [4, с. 27]. Следуя представленным рассуждениям, будет справедливым утверждение о том, что объективная истина является базисом судебного познания. Соответственно, каждое судебное разбирательство обязано существовать исключительно при наличии объективной истины, в том числе и если речь идет о делах об административных правонарушениях.

Несмотря на то, что само понятие объективной истины не закреплено в процессуальном законодательстве, оно ярко выражается в нескольких нормативных положениях. Так, объективность суда включена в перечень неотъемлемых свойств суда и стоит в одном ряду с независимостью и беспристрастностью суда. Также установление действительных обстоятельств дела об административном правонарушении имеет одну из важных черт в системе судопроизводства, которая регулируется в соответствии с положениями КоАП РФ. Соответственно, дело, разрешенное без учета его фактических обстоятельств, либо в противовес им, является веским основанием для отмены вынесенного решения. Предполагается, что судебное решение должно быть обоснованным и законным, в основе которого доказательства, исследованные со всех сторон и в достаточно полном объеме. Данные действия в совокупности отражают содержание объективной истины, основываясь на котором суд оценивает достоверность, относимость и допустимость доказательств.

При этом необходимо отметить, что принцип объективной истины пребывает в тесном взаимодействии с принципом диспозитивности. О существовании такой же взаимосвязи между принципами объективной истины и состязательности пишут А. Н. Дерюга и Н. Н. Дерюга [2, с. 17]. В данном контексте также важно определить: можно ли ограничить сущностную природу объективной истины фактическими обстоятельствами по делу, либо же следует учитывать и другие обстоятельства, оцененные факты. Применительно к принципам объективной истины, состязательности и диспозитивности, систематизация представляет собой особый вид деятельности, в рамках которой проводятся работы по упорядочению принципов судопроизводства и приданию им соответствующей структуры для улуч-

шения качества рассмотрения и разрешения дел об административных правонарушениях.

На основании вышеизложенного можно отметить:

1. По делам об административных правонарушениях в целях реализации неотвратимости наказаний принцип объективной истины является одним из ключевых, основополагающих начал, которое требует правильной, морально-нравственной оценки фактов, хотя на практике до сих пор более удобной представляется формальная истина. На наш взгляд, принцип объективной истины – это воплощение пребывающих во взаимодействии принципов состязательности и диспозитивности, опирающееся на внешнюю конкуренцию, которая обеспечивает осуществление судопроизводства, полное и достаточное рассмотрение и разрешение дел об административных правонарушениях.

2. Представляется, что установлению и укреплению позиций объективной истины в судопроизводстве по делам об административных правонарушениях будет способствовать повышение практической значимости принципов диспозитивности и состязательности. В рамках реализации принципа неотвратимости административных наказаний *объективная истина представлена совокупностью следующих компонентов:*

- правильное установление предмета доказывания;
- основательная, последовательная проверка доказательств, которые представлены по делу;
- установление фактов в доказательствах, либо подтверждение отсутствия факта в доказательствах;
- достаточная оценка доказательств, их исследование, а также определение юридической сути обстоятельств по делу.

3. В XXI веке развитие производства по делам об административных правонарушениях сопровождается стремительным, но не всегда последовательным реформированием. Исторические хроники помнят доминанту следственного начала в судопроизводстве, тогда как уже сегодня укрепление позиций объективной истины прямо пропорционально росту значимости состязательных действий сторон под руководством беспристрастного суда.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.04.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1.
2. Дерюга А. Н., Дерюга Н. Н. Методика прикладных административно-деликтологических исследований // Административное право и процесс. 2021. № 10. С. 16–24.
3. Ермолаева Е. В. Презумпция вины юридического лица в совершении административного правонарушения // Административное право и процесс. 2022. № 11. С. 20–23.
4. Ландерсон Н. В. Административные деликты, отнесенные к компетенции судов // Ад-

министративное право и процесс. 2023. № 1. С. 24–32.

References

1. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ (ed. of 03.04.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1. Art. 1.

2. Deryuga A. N., Deryuga N. N. Methodology of applied administrative and delectological research //

Administrative law and process. 2021 No. 10. P. 16–24.

3. Ermolaeva E. V. Presumption of guilt of a legal entity in committing an administrative offense // Administrative law and process. 2022. No. 11. P. 20–23.

4. Landersson N. V. Administrative torts referred to the competence of courts // Administrative law and process. 2023. No. 1. P. 24–32.

Информация об авторе

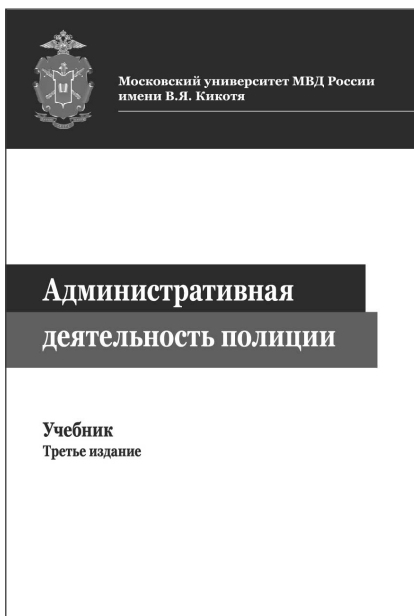
А. С. Бойченко – аспирант кафедры административного права и процесса Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Information about the author

A. S. Boychenko – Postgraduate student of the Department of Administrative Law and Procedure of the Belgorod State National Research University.

Статья поступила в редакцию 27.09.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 16.01.2024.

The article was submitted 27.09.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 16.01.2024.

Административная деятельность полиции. 3-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. О. В. Зиборова, В. В. Кардашевского. 703 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник подготовлен с учетом фундаментальных положений теории административного права на основе действующего законодательства.

Раскрываются понятие, содержание, принципы, формы и методы административной деятельности полиции по реализации целей и задач, возлагаемых на нее Федеральным законом «О полиции».

Особое внимание уделяется вопросам контрольно-надзорной и административно-юрисдикционной деятельности полиции. Рассматриваются основные аспекты деятельности служб и подразделений полиции по защите жизни, здоровья, прав и свобод человека, охране общественного порядка и общественной безопасности.

Для студентов, аспирантов (адъюнктов), курсантов и слушателей образовательных учреждений системы МВД России юридического профиля, преподавателей юридических вузов и факультетов, юристов-практиков.

Научная статья

УДК 342.7

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-30-33>

EDN: <https://elibrary.ru/yftlrs>

ИПОН: 2015-0066-1/24-896

MOSURED: 77/27-011-2024-01-095

Правозащитная деятельность органов муниципальной власти: проблемы ее эффективности и их преодоление

Рашид Борисович Булатов¹, Сергей Сергеевич Костычев²

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Россия

¹ bulatovrash@mail.ru

² ergeykostychev@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются органы и должностные лица местного самоуправления при осуществлении правозащитной деятельности на территории муниципального образования. Из них наиболее характерными являются: несовершенство конституционного законодательства в части положений, касающихся организации местного самоуправления; необходимость пересмотра и укрепления механизма предоставления бесплатной квалифицированной юридической помощи гражданам; недостаточный уровень правовой культуры у многих субъектов муниципальных-правовых отношений. Намечены направления устранения этих проблем. Их реализация позволит добиться совершенствования деятельности органов муниципальной власти по обеспечению и защите прав, свобод и законных интересов граждан на территории муниципального образования.

Ключевые слова: права и свободы граждан, органы местного самоуправления, правозащитная деятельность, муниципальная власть, бесплатная юридическая помощь, правовая культура

Для цитирования: Булатов Р. Б., Костычев С. С. Правозащитная деятельность органов муниципальной власти: проблемы ее эффективности и их преодоление // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 30–33. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-30-33>. EDN: YFTLRS.

Original article

Human rights activities of municipal authorities: problems of its effectiveness and their overcoming

Rashid B. Bulatov¹, Sergey S. Kostychev²

^{1,2} St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia

¹ bulatovrash@mail.ru

² ergeykostychev@gmail.com

Abstract. The article examines the problems faced by local government bodies and officials in carrying out human rights activities on the territory of a municipality. Of these, the most characteristic are: the imperfection of constitutional legislation in terms of provisions concerning the organization of local self-government; the need to review and strengthen the mechanism for providing free qualified legal assistance to citizens; the insufficient level of legal culture among many subjects of municipal legal relations. The directions of elimination of these problems are outlined. Their implementation will make it possible to improve the activities of municipal authorities to ensure and protect the rights, freedoms and legitimate interests of citizens in the territory of the municipality.

Keywords: citizens' rights and freedoms, local governments, human rights activities, municipal government, free legal aid, legal culture

For citation: Bulatov R. B., Kostychev S. S. Human rights activities of municipal authorities: problems of its effectiveness and their overcoming. Bulletin of economic security. 2024;(1):30–3. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-30-33>. EDN: YFTLRS.

Защита прав и интересов граждан является фунда-
ментальной задачей на всех уровнях публичной власти,

и органы муниципальной власти играют ключевую роль
в этом процессе на местном уровне. Главной целью их

© Булатов Р. Б., Костычев С. С., 2024

деятельности является обеспечение правовых гарантий для всех членов муниципального сообщества.

Это требование к правозащитной деятельности местного самоуправления в обязательном порядке должно выполняться, потому что именно органы муниципальной власти призваны решать многие проблемы социально-экономического и социально-правового характера, с которыми они сталкиваются в процессе осуществления своих полномочий и взаимоотношения с населением муниципальных образований.

Однако правозащитная судебная практика [1] свидетельствует, что органы муниципальной власти, ее должностные лица, муниципальные служащие в своей правозащитной деятельности сталкиваются с проблемами, которые мешают им эффективно осуществлять свои полномочия в этой сфере. Выделим наиболее характерные из них:

1. Очень часто проявляется недостаточный уровень правовой культуры [2; 3] у многих субъектов муниципальных правоотношений. А отсюда, зачастую, – отсутствие у них умения правильно распоряжаться комплексом правовых средств, составляющих механизм правозащитной деятельности.

2. Неудовлетворительное исполнение нормативных требований обязательного контроля со стороны органов публичной власти за осуществлением правозащитных функций муниципальными должностными лицами и служащими. А это, в свою очередь, вырабатывает безответственное отношение представителей органов муниципальной власти к надлежащему выполнению обязанностей по обеспечению и защите прав, свобод и законных интересов граждан на территории муниципального образования.

3. Отсутствие понимания важной необходимости изучения и исследования органами муниципальной власти отечественного и зарубежного опыта правозащитной деятельности.

4. Отсутствие четкого закрепления в нормах законодательства федерального уровня, уровня субъектов РФ и правовых актах органов муниципальной власти полномочий местного самоуправления по обеспечению и защите прав, свобод и законных интересов граждан, проживающих в муниципальных образованиях.

5. Наличие противоречий и нечеткости отдельных положений Конституции Российской Федерации, а также недостаточное толкование ее положений, не исключается и отсутствие должного понимания «неизвестных» сторон отечественной конституции [4].

Кроме того, не все благополучно обстоит с реализацией гражданами их конституционного права на получение юридической помощи. Право на юридическую помощь в Российской Федерации является ключевым элементом правовой системы, воплощающим принцип справедливости и равенства перед законом.

К сожалению, реальность такова, что качество бесплатной юридической помощи оставляет желать лучшего, как это подтверждается многолетней практикой.

Часто такая помощь не соответствует должным требованиям, что приводит к сомнению в ее эффективности и пользе для тех, кто в ней нуждается.

Стоит обратить внимание на необходимость пересмотра и укрепления механизмов предоставления бесплатной квалифицированной юридической помощи. Только так можно добиться того, чтобы законодательные гарантии на бумаге превращались в реальную защиту и поддержку для тех, кто в них наиболее нуждается.

Далее надо отметить, что нуждаются в устранении отдельные нормативные погрешности, содержащиеся в Конституции РФ, касающиеся местного самоуправления. Поправки, внесенные в Основной закон в 2020 г., в части организации муниципальной власти, конституционно закрепили положение об участии органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления (ч. 11 ст. 131); о вхождении органов местного самоуправления и органов государственной власти в единую систему публичной власти в Российской Федерации, и осуществления их взаимодействия для наиболее эффективного решения задач в интересах населения (ч. 3 ст. 132). Вынуждены признать, что эти новые изменения, по нашему мнению, не соответствуют положениям Конституции РФ, закрепленным в ст. 12, которая гарантирует самостоятельность местного самоуправления и невхождение органов местного самоуправления в систему органов государственной власти. Полагаем, что это также подразумевает независимое существование органов муниципальной власти.

Таким образом, мы выделили и рассмотрели основные проблемы, которые, по нашему мнению, препятствуют повышению эффективности функционирования правозащитной деятельности муниципальной власти.

На наш взгляд, эти проблемы правозащитной деятельности муниципальной власти могут быть решены только на основе статей 2–3, 7, 18, 130–133 Конституции РФ и статей 4–7, глав 3–4, 6, 7, 10 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», где закреплены механизмы осуществления деятельности представительных и исполнительных органов муниципальной власти.

Из выделенных нами проблем в системе организации и осуществления правозащитной функции органов муниципальной власти, как видно, одной из основных является низкий уровень правовой культуры, что доказывают следующие выводы:

1. На результатах обсуждения подготовленных проектов правовых актов и их последующего принятия негативно сказывается отсутствие юридических знаний у большинства депутатов представительного органа.

2. Без знания норм закона и умения применять их на практике, надлежащее исполнение закрепленных полномочий органами муниципальной власти край-

не затруднительно и может привести к негативному результату.

3. Недостаточный уровень правовой культуры отрицательно влияет на возможность грамотно оказать юридическую помощь нуждающимся гражданам, проживающим на территории муниципального образования.

Как известно, правовая культура выступает как часть общей культуры отдельного государства, личности, должностного лица, депутата представительного органа. Она включает в себя: знание субъектом основ правового регулирования; грамотное применение правоприменительных актов в своей деятельности и в быту; выработанную потребность постоянно жить и работать так, как предписывают нормы закона.

К сожалению, нередки ситуации, когда нехватка или полное отсутствие правовой осведомленности ведет к серьезным нарушениям в работе органов местного самоуправления. Так, несоблюдение исполнительской дисциплины, отсутствие профессионализма и формализм в подходах к обработке обращений граждан часто становятся следствием недостаточного правового воспитания. Вместо того, чтобы проявлять должное внимание к жалобам и предложениям, которые касаются нарушений прав и интересов граждан, некоторые служащие органов муниципальной власти ограничиваются формальным ответом на их обращения. Эти действия не только противоречат духу Основного закона Российской Федерации, в частности, ст. 33, но и игнорируют обязательные к исполнению федеральные законы, включая законы, регламентирующие порядок обжалования в судебных инстанциях и процедуру рассмотрения обращений граждан.

Такое поведение подрывает доверие граждан к правовой системе и властным структурам, что в конечном итоге усугубляет проблему низкого уровня правовой просвещенности. Важно, чтобы каждое звено в цепи муниципальной власти выполняло свою задачу в поддержании правопорядка и эффективно решало вопросы населения муниципального образования. В связи с этим необходимо усилить подготовку кадров представителей муниципальной власти, обеспечить систематический контроль качества их работы, в том числе с обращениями граждан, чтобы обеспечить соблюдение законодательства и укрепление законности при осуществлении местного самоуправления.

Таким образом, завершая исследование, сделаем общий вывод. В современном мире, где роль местного самоуправления укрепляется, стоит особенно обращать внимание на проблемы, препятствующие его эффективному функционированию в сфере правозащитной деятельности. Предоставление реальных, а не номинальных полномочий органам местного самоуправления позволит им эффективно заниматься защитой прав и свобод граждан, а также законных интересов юридических лиц, вовлеченных в муниципальные правоотношения. Укрепление этих аспектов потребует

не только юридической, но и политической воли, а также готовности к внедрению инновационных подходов в управленческую практику органов муниципальной власти. Реализация этих шагов станет решающим фактором в обновлении механизма защиты прав и свобод на муниципальной уровне, что в свою очередь, стимулирует более динамичное и эффективное развитие правозащитной деятельности в структуре местного самоуправления.

Список источников

1. Определение Конституционного Суда РФ от 1 апреля 2008 года № 1940-П «По жалобе администрации муниципального образования «Балтийский городской округ» Калининградской области и окружного совета депутатов того же муниципального образования на нарушение конституционных прав и свобод законом Калининградской области «Об организации местного самоуправления на территории балтийского городского округа» и частью 4 статьи 27 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 18. Ст. 2093.
2. Сальников В. П. Правовая культура: теоретико-методологический аспект: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Л., 1990. 402 с.
3. Галиев Ф. Х. Правовая культура и правовое государство // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 2 (36). С. 52–58.
4. Булатов Р. Б. Конституция Российской Федерации: поправки 2020 г. и их значение : учебное пособие / Р. Б. Булатов. СПб. : ГУАП, 2023. 232 с.

References

1. Ruling of the Constitutional Court dated April 1, 2008 No. 1940-P «at the place of administrative management of the municipality «Baltic City District» Kaliningrad region and the district Soviet deputies of that municipality do not violate the constitutional rights and powers of local self-government «occupation» intercity self-government on the territory of the Baltic Water District» and private 4 of Article 27 of the federal the constitutional law «On the judicial system of the Russian Federation», as well as at the place of disembarkation of N. A. Gorshenina, N. I. Kabanova and others do not cause constitutional inflows by the law of the Kaliningrad region» // The collection of ingenuity of the Russian Federation. 2008. No. 18. Art. 2093.
2. Salnikov V. P. Legal culture: theoretical and methodological aspect: Abs. ... Doctor of Philosophy. Jurid. Sciences. L., 1990. 402 p.
3. Galiev F. H. Legal culture and the right attitude // the right attitude: theory and practice. 2014. № 2 (36). P. 52–58.
4. Bulatov R. B. The Russian Federation Constitution: amendments 2020 meaning: final position / R. B. Bulatov. SPb. : GUAP, 2023. 232 p.

Информация об авторах

Р. Б. Булатов – профессор кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, доцент, почетный работник сферы образования Российской Федерации;

С. С. Костычев – аспирант кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения.

Information about the authors

R. B. Bulatov – Professor of the Department of Public Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation;

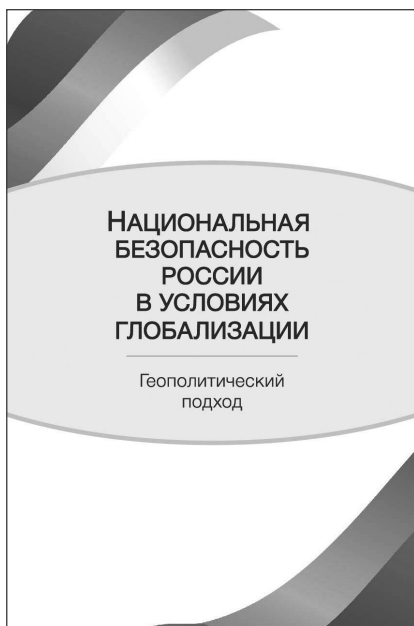
S. S. Kostychev – Postgraduate Student of the Department of Public Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 12.02.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 12.02.2024.

Национальная безопасность России в условиях глобализации. Геополитический подход. Монография. Под ред. А. П. Кочеткова, А. В. Опалева. 231 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Показаны концептуальные подходы к противодействию угрозам национальной безопасности России в условиях глобализации, раскрыты современные геополитические технологии обеспечения национальной безопасности России, изложены организационные основы противодействия угрозам ее безопасности.

Дан анализ политики обеспечения национальной безопасности России в условиях глобализации. Раскрыты основные направления реализации современной политики национальной безопасности России, даны предложения по оптимизации и координации деятельности органов государственной власти, бизнеса и гражданского общества в обеспечении национальной безопасности.

Книга адресована как научным работникам, сферой научных интересов которых являются проблемы глобалистики, геополитики и безопасности, так и специалистам, принимающим участие в разработке стратегических документов и реализации стратегических установок в сфере национальной безопасности.

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-34-39>

EDN: <https://elibrary.ru/yknksn>

ИПОН: 2015-0066-1/24-897

MOSURED: 77/27-011-2024-01-096

Содержание типовых элементов матрицы межведомственных стандартов антинаркотической профилактической деятельности

Глеб Николаевич Василенко

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
svara1945@gmail.com

Рецензент: профессор кафедры административного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент **Д. Н. Шурухнова**

Аннотация. Статья содержит авторское обоснование возможной структуры и содержания федерального межведомственного стандарта профилактики незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, устанавливающего единые требования к осуществлению комплексной антинаркотической профилактической деятельности в Российской Федерации.

Ключевые слова: профилактика, наркотические средства, стандарт, взаимодействие, исполнительная власть, деятельность

Для цитирования: Василенко Г. Н. Содержание типовых элементов матрицы межведомственных стандартов антинаркотической профилактической деятельности // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 34–39. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-34-39>. EDN: YKNKSN.

Original article

The content of typical elements of the matrix of interdepartmental standards for anti-drug preventive activities

Gleb N. Vasilenko

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
svara1945@gmail.com

Reviewer: Professor of the Department of Administrative Law
of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor **D. N. Shurukhnova**

Abstract. The article contains the author's substantiation of the possible structure and content of the federal interdepartmental standard for the prevention of illegal consumption of narcotic drugs and psychotropic substances, which establishes uniform requirements for the implementation of comprehensive anti-drug preventive activities in the Russian Federation.

Keywords: prevention, narcotic drugs, standard, interaction, executive, power, activity

For citation: Vasilenko G. N. The content of typical elements of the matrix of interdepartmental standards for anti-drug preventive activities. Bulletin of economic security. 2024;(1):34–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-34-39>. EDN: YKNKSN.

В ходе реализации антинаркотической политики в 2010–2020 годах наркоситуация в стране стабилизировалась, однако распространенность употребления химических и фармакологических средств, негативно влияющих на физическое и психическое состояние человека и вызывающих болезненное пристрастие, приводящее к зависимости среди несовершеннолетних и молодежи,

продолжает оставаться одной из ведущих социально значимых проблем нашего общества, определяющих необходимость организации активного противодействия. Вместе с тем необходимо учитывать, что деятельность специальных служб и экстремистских, в том числе националистических, организаций иностранных государств, причастных к незаконному производству и контрабанде

© Василенко Г. Н., 2024

наркотиков, также способствует их незаконному распространению в Российской Федерации.

Сложившееся положение требует принятия решительных мер по модернизации государственного управления и повышения эффективности системной работы соответствующих субъектов в сфере профилактического воздействия, направленного на противодействие незаконному потреблению наркотиков и их прекурсоров.

Успешное решение уполномоченными субъектами поставленных задач по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ (далее – НС и ПВ) напрямую зависит от должной организации их деятельности. Результативность функционирования субъектов исполнительной власти обеспечивается необходимыми ресурсами, полнотой и своевременностью принимаемых соответствующими государственными структурами управленческих решений, а также степенью координации общих усилий профилактического характера.

В целях научно-методического сопровождения реализации Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года [4] в части включения в число показателей системы мониторинга наркоситуации оценки состояния профилактической деятельности и ее эффективности необходимо разработать научно обоснованный межведомственный стандарт деятельности по профилактике незаконного потребления и оборота НС и ПВ.

Необходимость выработки стандартизированных направлений и показателей результатов осуществления профилактической антинаркотической деятельности в отношении определенных категорий объектов профилактики позволяют и делают целесообразным наглядное представление о целях, задачах, итоговых характеристиках осуществления комплексной антинаркотической деятельности в обобщенном виде в форме матрицы. Матричная форма имеет ряд преимуществ, среди которых: компактность, конкретность, наглядность и структурированность. Все эти качества позволяют субъекту профилактики, с одной стороны, получить значимую информацию о профилактической антинаркотической деятельности в концентрированном виде, а с другой – оперативно корректировать наполнение отдельных блоков в зависимости от изменения факторов, влияющих на состояние антинаркотической защищенности.

В предлагаемой матрице стандарта по строкам представлены категории (группы) населения с буквенной идентификацией, объединенного по признаку возраста, когда речь идет о несовершеннолетних или обучающихся, и по признаку положения в обществе, в случае анализа трудоспособного населения.

Таким образом, предусмотрены следующие категории (группы) объектов профилактики:

группа (А) – лица в возрасте 7–11 лет;

группа (Б) – лица в возрасте 12–16 лет;

группа (В) – лица в возрасте 17–21 года / учебные коллективы (студенты образовательных организаций

среднего профессионального и высшего профессионального образования, курсанты военных и военизированных образовательных организаций);

группа (Г) – военнослужащие по призыву;

группа (Д) – военнослужащие всех категорий, проходящие военную службу по контракту;

группа (Е) – трудовые коллективы;

группа (Ж) – родители/опекуны (беременные женщины, семьи с детьми раннего и дошкольного возраста 0–6 лет);

группа (З) – лица, находящиеся в местах ограничения или лишения свободы.

В «генеральных» столбцах матрицы представлены характеристики социума, соответствующие каждому из типов социального (асоциального) поведения. Для них введена цифровая идентификация (от 1 до 5) (табл. 1).

На пересечении определенной строки и столбца – в ячейке матрицы определяются особенности целей, задач, основных характеристик, ожидаемых в результате профилактической антинаркотической деятельности по отдельной группе населения с конкретным уровнем социализации.

Структура ячейки матрицы включает в себя: диагностический блок, цель, задачи, общие рекомендации к профилактическому воздействию и его основные результаты.

Содержание структурных элементов каждой ячейки матрицы отражает стандартные требования для осуществления профилактической антинаркотической деятельности в отношении определенных категорий (групп) объектов при первичной, вторичной и третичной профилактике.

Разработка и осуществление мероприятий по медицинской профилактике наркомании должно проводиться в соответствии с законодательством Российской Федерации в сфере оборота НС и ПВ и их прекурсоров, а также в области противодействия их незаконному обороту в целях охраны здоровья граждан, государственной и общественной безопасности [1; 2; 3; 6].

Универсальная первичная профилактика – это работа с условно здоровым населением, включающая формирование навыков трезвости, устойчивости – реализуется на популяционном, групповом и индивидуальном уровне.

Селективная первичная профилактика применима к группе «условно здоровых» лиц в случаях нарастания уровня факторов риска, например, в психотравмирующих ситуациях – реализуется на групповом и индивидуальном уровне.

Вторичная (селективная) профилактика – работа с группой риска, с лицами, имеющими опыт употребления НС и ПВ; направлена на отказ от потребления НС и ПВ (до формирования синдрома патологического влечения) – реализуется на групповом и индивидуальном уровне.

Третичная профилактика – работа в период реабилитации и ресоциализации во время стойкой ремиссии и

Таблица 1

Структура матрицы стандарта профилактической антинаркотической деятельности ФОИВ

Категория объектов профилактики	Первичная	Первичная	Вторичная	Вторичная	Третичная
	Социально активное поведение <i>(объект осуществляет общественно полезную, одобряемую государством и обществом деятельность, объект проявляет психологическую адекватность)</i> (1)	Законопослушное, правомерное поведение <i>(объект сознательно подчиняется общепризнанным правилам и нормам, закону)</i> (2)	Девиантное и/или асоциальное поведение <i>(объект периодически нарушает нормы административного законодательства в сфере НОН)</i> (3)	Аддиктивное и/или маргинальное поведение <i>(объект регулярно нарушает административное законодательство в сфере НОН и/или состоит на специализированных учетах и/или допускает эпизодическое потребление НС и ПВ)</i> (4)	Делинквентное поведение <i>(объект привлекался к уголовной ответственности в сфере НОН и/или регулярно потребляет НС и ПВ – наркозависимый)</i> (5)
(А) Лица в возрасте 7–11 лет	Объекты профилактического воздействия и основные характеристики их личности. Субъекты профилактического воздействия. Ограничения, предъявляемые к содержательному компоненту профилактической деятельности.				
	Диагностический блок. Цель профилактического воздействия. Задачи. Общие рекомендации. Основные результаты профилактического воздействия.	Диагностический блок. Цель профилактического воздействия. Задачи. Общие рекомендации. Основные результаты профилактического воздействия.	Диагностический блок. Цель профилактического воздействия. Задачи. Общие рекомендации. Основные результаты профилактического воздействия.	<i>Мероприятия профилактики для указанной категории объектов профилактического воздействия не предусмотрены.</i>	<i>Мероприятия профилактики для указанной категории объектов профилактического воздействия не предусмотрены.</i>
(Б) Лица в возрасте 12–16 лет	Объекты профилактического воздействия и основные характеристики их личности. Субъекты профилактического воздействия. Ограничения, предъявляемые к содержательному компоненту профилактической деятельности.				
	Диагностический блок. Цель профилактического воздействия. Задачи. Общие рекомендации. Основные результаты профилактического воздействия.	Диагностический блок. Цель профилактического воздействия. Задачи. Общие рекомендации. Основные результаты профилактического воздействия.	Диагностический блок. Цель профилактического воздействия. Задачи. Общие рекомендации. Основные результаты профилактического воздействия.	Диагностический блок. Цель профилактического воздействия. Задачи. Общие рекомендации. Основные результаты профилактического воздействия.	Диагностический блок. Цель профилактического воздействия. Задачи. Общие рекомендации. Основные результаты профилактического воздействия.
(В) Лица в возрасте 17–21 года/ учебные коллективы (студенты образовательных организаций среднего профессионального и высшего профессионального образования, курсанты военизированных образовательных организаций)	Объекты профилактического воздействия и основные характеристики их личности. Субъекты профилактического воздействия. Ограничения, предъявляемые к содержательному компоненту профилактической деятельности.				
	Диагностический блок. Цель профилактического воздействия. Задачи. Общие рекомендации. Основные результаты профилактического воздействия.	Диагностический блок. Цель профилактического воздействия. Задачи. Общие рекомендации. Основные результаты профилактического воздействия.	Диагностический блок. Цель профилактического воздействия. Задачи. Общие рекомендации. Основные результаты профилактического воздействия.	Диагностический блок. Цель профилактического воздействия. Задачи. Общие рекомендации. Основные результаты профилактического воздействия.	Диагностический блок. Цель профилактического воздействия. Задачи. Общие рекомендации. Основные результаты профилактического воздействия.

далее до полного восстановления – направлена на предотвращение срывов у выздоравливающих больных при отсутствии патологического влечения к НС и ПВ, снижения симптомов заболевания – реализуется на групповом и индивидуальном уровне.

Содержательная часть каждой ячейки матрицы, как ядро профилактического стандарта, отражает позицию каждого федерального органа исполнительной власти, вовлеченного в профилактическую антинаркотическую деятельность.

В рамках разработки стандарта необходимо сформировать в достаточном объеме общие для всех видов профилактики содержательные компоненты, включая объекты профилактического воздействия и основные характеристики их личности; субъекты профилактического воздействия; ограничения, предъявляемые к содержательному компоненту профилактической деятельности.

В целях унифицированного наполнения содержанием структурных элементов соответствующих ячеек матрицы по первичной, вторичной и третичной профилактике предлагается соблюдать указанные выше буквенные и цифровые обозначения.

Например:

«Б» 1 – диагностический блок, цель, задачи, общие рекомендации к профилактическому воздействию и его основные результаты для категории лиц в возрасте 12–16 лет с социально активным поведением (объект осуществляет общественно полезную, одобряемую государством и обществом деятельность, объект проявляет психологическую адекватность) в рамках первичной профилактики;

«Б» 2 – диагностический блок, цель, задачи, общие рекомендации к профилактическому воздействию и его основные результаты для категории лиц в возрасте 12–16 лет с законопослушным, правомерным поведением (объект сознательно подчиняется общепризнанным правилам и нормам, закону) в рамках первичной профилактики;

«Б» 3 – диагностический блок, цель, задачи, общие рекомендации к профилактическому воздействию и его основные результаты для категории лиц в возрасте 12–16 лет с девиантным и (или) асоциальным поведением (объект периодически нарушает нормы административного законодательства в сфере незаконного оборота НС и ПВ) в рамках вторичной профилактики;

«Б» 4 – диагностический блок, цель, задачи, общие рекомендации к профилактическому воздействию и его основные результаты для категории лиц в возрасте 12–16 лет с аддиктивным и (или) маргинальным поведением (объект регулярно нарушает административное законодательство в сфере незаконного оборота НС и ПВ и (или) состоит на специализированных учетах и/или допускает эпизодическое потребление НС и ПВ) в рамках вторичной профилактики;

«Б» 5 – диагностический блок, цель, задачи, общие рекомендации к профилактическому воздействию и

его основные результаты для категории лиц в возрасте 12–16 лет с делинквентным поведением (объект привлекался к уголовной ответственности в сфере незаконного оборота НС и ПВ и (или) регулярно потребляет НС и ПВ – наркозависимый) в рамках третичной профилактики.

Для отдельных категорий объектов профилактическое воздействие в рамках первичной (1, 2), вторичной (3, 4) или третичной (5) профилактики не целесообразно.

Так, например, не предусмотрены профилактические мероприятия для категорий объектов профилактического воздействия «А» 4 и «А» 5 в силу возраста профилактируемых лиц.

В силу специального статуса профилактируемых лиц не предусмотрены мероприятия по вторичной (3, 4) и третичной (5) профилактике:

для курсантов военных и военизированных образовательных организаций (категория «В»);

военнослужащих по призыву (категория «Д»);

военнослужащих всех категорий, проходящие военную службу по контракту (категория «Г»);

представителей отдельных видов профессиональной деятельности и деятельности, связанной источником повышенной опасности, перечень которых утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 18 мая 2011 г. № 394 [5] (категория «Е»).

В силу специального статуса профилактируемых лиц не предусмотрены мероприятия по первичной (1, 2) и вторичной (3) профилактике для лиц, находящиеся в местах ограничения или лишения свободы [7].

Предложенная модель стандартизации обладает свойством универсальности, что дает возможность ее коррекции, дальнейшего совершенствования с учетом трансформации конкретных управленческих задач, а также использования в отношении объектов профилактической деятельности в самых различных сферах.

Список источников

1. Федеральный закон Российской Федерации от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон Российской Федерации от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 27.06.2016, № 26 (часть I), ст. 3851.

3. Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 28.11.2011, № 48, ст. 6724.

4. Указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Правительства РФ от 18 мая 2011 г. № 394 «Об утверждении перечня отдельных видов профессиональной деятельности и деятельности, связанной с источником повышенной опасности, на занятие которыми устанавливаются ограничения для больных наркоманией» // СПС «Консультант-Плюс».

6. Приказ Минздрава России от 6 октября 2014 г. № 581н «О Порядке проведения профилактических медицинских осмотров обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях, а также образовательных организациях высшего образования в целях раннего выявления незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ» // СПС «Консультант-Плюс».

7. Приказ Минюста России от 28 декабря 2017 г. № 285 «Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы» // СПС «Консультант-Плюс».

References

1. Federal Law of the Russian Federation No. 3-FZ of January 8, 1998 «On Narcotic Drugs and Psychotropic substances» // SPS «ConsultantPlus».

2. Federal Law of the Russian Federation No. 182-FZ dated June 23, 2016 «On the Basics of the Crime Prevention System in the Russian Federation» // Collection

of Legislation of the Russian Federation, 06/27/2016, No. 26 (Part I), Art. 3851.

3. Federal Law of the Russian Federation No. 323-FZ dated November 21, 2011 «On the Basics of protecting the health of Citizens in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 11/28/2011, No. 48, Art. 6724.

4. Decree of the President of the Russian Federation of November 23, 2020 No. 733 «On approval of the Strategy of the State anti-drug policy of the Russian Federation for the period up to 2030» // SPS «ConsultantPlus».

5. Decree of the Government of the Russian Federation dated May 18, 2011 No. 394 «On approval of the list of certain types of professional activities and activities related to a source of increased danger, the occupation of which is restricted for drug addicts» // SPS «ConsultantPlus».

6. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation No. 581n dated October 6, 2014 «On the procedure for conducting preventive medical examinations of students in general education organizations and professional educational organizations, as well as educational institutions of higher education for the purpose of early detection of illegal consumption of narcotic drugs and psychotropic substances» // SPS «ConsultantPlus».

7. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 285 dated December 28, 2017 «On approval of the Procedure for organizing medical care for persons in custody or serving a sentence of imprisonment» // SPS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

Г. Н. Василенко – заместитель начальника кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

G. N. Vasilenko – Deputy Head of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.09.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 16.01.2024.

The article was submitted 15.09.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 16.01.2024.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-40-42>

EDN: <https://elibrary.ru/ysvbno>

НИОН: 2015-0066-1/24-898

MOSURED: 77/27-011-2024-01-097

О некоторых проблемах института лицензирования в Российской Федерации

Андрей Владимович Верещагин¹, Денис Валерьевич Леонов²,

Георгий Дмитриевич Лямин³

^{1,2,3} МИРЭА – Российский технологический университет», Москва, Россия

¹ andrej.ver2003@gmail.com

² leonov_d@mirea.ru

³ georgilyamin@gmail.com

Аннотация. Проводится комплексный анализ института лицензирования в действующей правовой системе Российской Федерации, а также ряда проблем рассматриваемого института. Особое внимание уделяется проблематике юридической техники, существующих и возникающих в связи с развитием общественных отношений правовых пробелов, а также практике реализации норм данного института и смежных с ним институтов.

Ключевые слова: институт лицензирования, лицензирующий орган, лицензиат, надзор, нормативно-правовой акт

Для цитирования: Верещагин А. В., Леонов Д. В., Лямин Г. Д. О некоторых проблемах института лицензирования в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 40–42. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-40-42>. EDN: YSVBNO.

Original article

About some problems of the licensing institute in the Russian Federation

Andrey V. Vereshchagin¹, Denis V. Leonov², Georgy D. Lyamin³

^{1,2,3} MIREA – Russian Technological University», Moscow, Russia

¹ andrej.ver2003@gmail.com

² leonov_d@mirea.ru

³ georgilyamin@gmail.com

Abstract. A comprehensive analysis of the institute of licensing in the current legal system of the Russian Federation, as well as a number of problems of the institution under consideration, is carried out. Special attention is paid to the problems of legal technology, existing and emerging legal gaps in connection with the development of public relations, as well as the practice of implementing the norms of this institution and related institutions.

Keywords: licensing institute, licensing authority, licensee, supervision, regulatory legal act

For citation: Vereshchagin A. V., Leonov D. V., Lyamin G. D. About some problems of the licensing institute in the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2024;(1):40–2. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-40-42>. EDN: YSVBNO.

Осмысление проблем лицензирования связано с необходимостью рассмотрения его теоретических аспектов и вопросов практической реализации. В российской правовой доктрине определение места лицензирования в системе права носит дискуссионный характер. В сущности, лицензирование представляет собой деятельность уполномоченных органов исполнительной власти по выдаче разрешений на осуществление той

или иной деятельности, т. е. лицензий. На наш взгляд, данный институт имеет прежде всего административно-правовой характер, что обосновывается непосредственным взаимодействием лиц, заинтересованных в получении лицензии, с органами исполнительной власти.

Специфика лицензирования как института административного права заключается, в частности, в разре-

© Верещагин А. В., Леонов Д. В., Лямин Г. Д., 2024

шительном типе правового регулирования. Указанный тип регулирования сочетает в себе ограничительные нормы, меры административного принуждения, государственный контроль за соблюдением установленных законом лицензионных требований и санкционирование деятельности, подлежащей лицензированию. В соответствии с Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [1], основная цель института лицензирования заключается в защите прав, интересов и здоровья граждан, а также безопасности государства от возможного ущерба путем пресечения и предупреждения нарушений при осуществлении особых видов деятельности. Воплощение такой значимой цели ставит перед государством задачу обеспечения соблюдения общественных интересов в сфере лицензирования, что в свою очередь возможно только при надлежащем выполнении функций уполномоченными государственными органами.

Анализ правового регулирования и правоприменительной практики в сфере лицензирования позволяет выделить некоторые проблемы данного института.

Так, в качестве первой проблемы мы можем выделить проблему раздробленности правового регулирования института лицензирования. В настоящей момент в правовой системе Российской Федерации насчитывается несколько десятков федеральных законов, регулирующих лицензирование, а также множество подзаконных актов в данной сфере. Данная проблема обуславливает существование некоторых негативных обстоятельств.

Во-первых, к таким обстоятельствам можно отнести нарушение принципа экономии нормативного регулирования. Значительное количество нормативно-правовых актов отрицательно сказывается на восприятии норм данного института субъектами лицензионно-разрешительной системы.

Во-вторых, данная проблема обуславливает сложность контрольно-надзорных мероприятий, проводимых лицензирующими органами, в связи с необходимостью применения различных нормативных правовых актов в отдельных случаях.

Наличие данной проблемы обуславливает необходимость изменений нормативно-правовой основы лицензирования. Так, на наш взгляд, решением данной проблемы могла бы являться систематизация основных норм о лицензировании в одном законодательном акте. Обращаясь к зарубежному опыту, в качестве примера мы можем привести Закон Республики Казахстан от 16 мая 2014 г. № 202-V ЗРК «О разрешениях и уведомлениях» [2]. Данный закон отличается тем, что он распространяется на выдачу всех разрешений в Республике Казахстан за исключением нескольких категорий разрешений.

Другим важным аспектом лицензирования является контроль и надзор за соблюдением лицензиатами лицензионных требований. Ежегодно лицензирующие органы

аннулируют тысячи лицензий в связи с нарушением лицензионных требований. При этом перед лицензирующим органом стоит вопрос качественной и всесторонней оценки добросовестности выполнения лицензионных требований. В связи с этим нельзя не рассмотреть вопрос о целесообразности создания отдельных подразделений по контролю в отношении деятельности лицензиатов в государственных органах.

В качестве примера создания подобного подразделения можно назвать учреждение в 2017 году в структуре Банка России Службы текущего банковского надзора. На протяжении первых пяти лет деятельности данного подразделения (с 2017 по 2022 годы) количество отозванных у банков лицензий неуклонно снижалось каждый год [3], в то время как за 2022 год значительно возрос уровень лояльности вкладчиков к банкам (Net Promoter Score (NPS) [4]. Данная статистика при продолжающемся снижении общего количества банков свидетельствует о повышении качества предоставляемых ими услуг, а также о повышении лояльности вкладчиков. Таким образом, создание Службы текущего банковского контроля положительно повлияло на устойчивость банковской системы.

Среди актуальных проблем лицензирования также можно выделить необоснованное применение лицензиатами тех или иных законодательно определенных понятий в целях обоснования нарушения лицензионных требований. Так, в 2019 году было увеличено количество проверок организаций, осуществляющих деятельность по производству и обороту этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. Согласно данным Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка [5], увеличение количества проверок было связано с заметным ростом непивоваренной продукции, заведомо ложно выдаваемой в качестве пивного продукта. Недобросовестные производители алкогольных коктейлей обозначали свою продукцию пометкой с законодательно определенной категорией «пивной напиток». Причина подобных махинаций заключалась в том, что размер акциза на пивной напиток на порядок меньше размера акциза на пиво или алкогольную пищевую продукцию. Данный прецедент показывает насколько необходим оперативный контроль лицензирующего органа в отношении соблюдения правил лицензирования соответствующего вида деятельности.

Исходя из всего вышесказанного, в настоящее время перед законодателем стоит ряд важных вопросов, непосредственно касающихся комплексного и всестороннего реформирования не только системы института лицензирования, но и его адаптации к существующим реалиям, диктуемым императивами политической и экономической конъюнктуры.

Список источников

1. Федеральный закон от 4 мая 2011 года № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов де-

тельности» // Российская газета от 6 мая 2011 г. № 97.

2. Закон Республики Казахстан от 16 мая 2014 г. № 202-V ЗРК // Казахстанская правда от 20.05.2014 г. № 97 (27718).

3. Банки: отзыв лицензии / <https://www.profbanking.com/articles/2170-banki-otzyv-litsenzij> (дата обращения: 22.11.2023).

4. Время доверия и поддержки: лояльность к банкам среди россиян выросла / <https://nafi.ru/analytics/vremya-doveriya-i-podderzhki-loyalnost-k-bankam-sredi-rossiyan-vyrosla> (дата обращения: 22.11.2023).

5. Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка. Обзор судебной практики и работы по аннулированию лицензий во внесудебном порядке / https://fsrar.gov.ru/actual/annulirovanie-licenzii-vo-vnesudebnom-poryadke/obzor_sudebnoj_praktiki_i_raboty_po_annulirovaniyu_licenzij_vo_vnesudebnom_porjadke (дата обращения: 22.11.2023).

References

1. Federal Law of May 4, 2011 No. 99-FZ «On Licensing Certain Types of Activities» // Rossiyskaya Gazeta of May 6, 2011, No. 97.

2. Law of the Republic of Kazakhstan dated May 16, 2014 No. 202-V ZRK // «Kazakhstanskaya Pravda» dated May 20, 2014 No. 97 (27718).

3. Banks: license revocation / <https://www.profbanking.com/articles/2170-banki-otzyv-litsenzij> (accessed: 22.11.2023).

4. Time of trust and support: loyalty to banks among Russians has increased / <https://nafi.ru/analytics/vremya-doveriya-i-podderzhki-loyalnost-k-bankam-sredi-rossiyan-vyrosla> (accessed: 22.11.2023).

5. Federal Service for Regulation of the Alcohol Market. Review of judicial practice and work on cancellation of licenses out of court / https://fsrar.gov.ru/actual/annulirovanie-licenzii-vo-vnesudebnom-poryadke/obzor_sudebnoj_praktiki_i_raboty_po_annulirovaniyu_licenzij_vo_vnesudebnom_porjadke (accessed: 22.11.2023).

Информация об авторах

А. В. Верещагин – студент Института технологий управления МИРЭА – Российского технологического университета;

Д. В. Леонов – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Института технологий управления МИРЭА – Российского технологического университета, кандидат юридических наук;

Г. Д. Лямин – студент Института технологий управления МИРЭА – Российского технологического университета.

Information about the authors

A. V. Vereshchagin – Student of the Institute of Management Technologies of the MIREA – Russian Technological University;

D. V. Leonov – Senior Lecturer of the Department of State Law Disciplines of the Institute of Management Technologies of the MIREA – Russian Technological University, Candidate of Legal Sciences.

G. D. Lyamin – Student of the Institute of Management Technologies of the MIREA – Russian Technological University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.12.2023; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 09.02.2024.

The article was submitted 07.12.2023; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 09.02.2024.

Научная статья

УДК 343.1

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-43-47>

EDN: <https://elibrary.ru/zfbpnu>

НИОН: 2015-0066-1/24-899

MOSURED: 77/27-011-2024-01-098

О проблемах доступа близких родственников потерпевшего к правосудию

Нина Анатольевна Воронина

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

nina-voronina96@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается имеющийся в УПК РФ пробел, связанный с отсутствием процессуального механизма, позволяющего обеспечить доступ к правосудию близким родственникам потерпевшего, умершего по причинам, не связанным с совершением в отношении него преступления. Проанализированы позиции ученых-процессуалистов, занимающихся исследованием данной проблемы, изучена правоприменительная практика. Автором предложены пути решения выявленной проблемы.

Ключевые слова: доступ к правосудию, потерпевший, близкий родственник, смерть потерпевшего, представитель потерпевшего, аналогия в уголовном судопроизводстве

Для цитирования: Воронина Н. А. О проблемах доступа близких родственников потерпевшего к правосудию // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 43–47. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-43-47>. EDN: ZFBPNU.

Original article

On the problems of access of close relatives of the victim to justice

Nina A. Voronina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

nina-voronina96@yandex.ru

Abstract. The gap in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is being considered related to the lack of a procedural mechanism that allows access to justice for the close relatives of the victim who died for reasons not related to the commission of a crime against him. The positions of procedural scientists involved in the study of this problem are analyzed, law enforcement practice is studied. The author suggests ways to solve the identified problem.

Keywords: access to justice, victim, close relative, victim's death, victim's representative, analogy in criminal proceedings

For citation: Voronina N. A. On the problems of access of close relatives of the victim to justice. Bulletin of economic security. 2024;(1):43–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-43-47>. EDN: ZFBPNU.

Особое место в исследовании вопросов обеспечения доступа к правосудию в уголовном судопроизводстве занимают проблемные аспекты, касающиеся защиты потерпевших, умерших по причинам, не связанным с совершением в отношении них противоправного деяния. Исследованию представленной темы посвящено немало научных работ, однако до сих пор отсутствует уголовно-процессуальный механизм, позволяющий надлежащим образом обеспечить близким родственникам умершего потерпевшего доступ к правосудию [11; 12; 18].

Проблема заключается в том, что в нормах УПК РФ не закреплен переход прав потерпевшего в случае, когда его смерть наступила иным причинам, не связанным с

преступлением (например, болезнь, несчастный случай и т. п.).

В части 8 статьи 42 УПК РФ содержится лишь норма, устанавливающая возможность перехода прав потерпевшего лишь в случае, когда причиной смерти потерпевшего выступает преступление, совершенное в отношении него. Видится, что законодатель не взял во внимание иные причины (например, естественные) и ограничился лишь последствиями совершенного преступления.

По мнению И. М. Ибрагимова, редакция ч. 8 ст. 42 УПК РФ неправомерно сужает смысл и возможность защиты прав той категории потерпевших, которые умерли

© Воронина Н. А., 2024

не только по причине совершения против них преступления, а по иным причинам [10, с. 159]. Действительно, это так, если исходить из буквального толкования данной статьи.

Иной позиции придерживается О. В. Качалова, которая отмечает, что уголовно-процессуальный закон не запрещает представительство потерпевшего, умершего по причинам, не связанным с преступлением, а просто не предусматривает [11, с. 31].

В свою очередь, результаты проведенного опроса сотрудников предварительного следствия и дознания¹ указывают на то, что 71 % опрошенных респондентов допускают применение положения ч.8 ст. 42 УПК РФ по аналогии. Тем самым, не запрещая представительство потерпевшего, умершего по причинам, не связанным с преступлением. 22 % опрошенных отрицают возможность применения аналогии в данном случае, аргументируя свою позицию тем, что об этом прямо не оговорено в самой статье. Видится, что 22 % респондентов придерживаются позиции строгого следования букве закона. 7 % респондентов затрудняются ответить.

Тем самым, можно сделать вывод о том, что отсутствие соответствующей нормы закона не мешает прибегнуть к использованию иных методов (применение норм закона по аналогии), позволяющих защитить права потерпевших, умерших по естественным причинам, а не в результате преступления.

Напомним, под применением нормы закона по аналогии следует понимать разрешение юридического вопроса на основе правовой нормы, регламентирующей схожие случаи и предусмотренной другим законом (другим разделом закона). Однако возникает вопрос: допустимо ли признать те или иные действия должностных лиц законными, если они прямо не предусмотрены нормами УПК РФ? Ведь характерной чертой уголовно-процессуального законодательства выступает его уголовно-процессуальная форма, поэтому осуществление тех или иных действий, связанных с принятием процессуальных решений, должно иметь как минимум легальную подоплеку (быть предусмотренным законом).

Считаем, пока не будут приняты соответствующие нормы УПК РФ, правоприменителю следует применять положения ч. 8 ст. 42 УПК РФ по аналогии. На наш взгляд, это вполне допустимо, даже, несмотря на то, что характерным атрибутом уголовно-процессуального законодательства выступает его процессуальная форма².

¹ В рамках данного исследования в период с июня по сентябрь 2023 года проводился опрос сотрудников предварительного следствия и дознания МО МВД России «Ржевский»; МО МВД России «Нелидовский», а также ОМВД России по району Покровское – Стрешнево г. Москвы, ОМВД по району Щукино г. Москвы (всего опрошено 83 сотрудника).

² «...в содержание уголовно-процессуальной формы входит обусловленная правовыми нормами последовательность совершения действий и принятия процессуальных решений» –

О позитивной роли аналогии в уголовном процессе неоднократно отмечали не только ученые, но и высшие судебные органы [3; 4; 14; 16, с. 49; 17, с. 29].

Так, в соответствии с позицией, сформулированной в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 1996 г. № 19-П «...возможные пробелы в уголовно-процессуальном регулировании... могут быть восполнены в правоприменительной практике органов, ведущих судопроизводство, на основе процессуальной аналогии» [2].

Схожей позиции придерживается А. П. Рыжаков. Ученый отмечает, что аналогия в уголовно-процессуальном праве должна рассматриваться в качестве возможности преодоления «черных дыр» российского уголовно-процессуального законодательства [15, с. 79].

Аналогии в уголовном судопроизводстве также рассматривают в виде средства восполнения пробелов в праве [8, с. 12].

О важности нормативного закрепления аналогии, а также критериев ее применения, при которых она будет правомерной, неоднократно отмечал в своих работах А. В. Победкин. По мнению ученого, умолчание законодателя об аналогии и правилах ее применения есть не что иное, как существенная ошибка законодателя, приводящая к дезорганизации правоприменителя и склоняющая к исключительно буквальному подходу к тексту УПК РФ [13, с. 75–76]. Действительно, такая тенденция присуща правоприменителю. Результаты проведенного нами опроса свидетельствуют о том, что 22 % опрошенных сотрудников не применяют нормы УПК РФ по аналогии, а следуют буквальному подходу к тексту УПК РФ.

На наш взгляд, отсутствие формального закрепления законодательной нормы о представительстве потерпевшего, умершего не в результате совершенного в отношении него преступления, выступает проявлением ограничения доступа к правосудию, под которым мы понимаем доступ ко всему уголовному судопроизводству, как к судебным, так и досудебным его стадиям.

Конституционный Суд Российской Федерации в одном из постановлений обратил внимание, что на государстве лежит обязанность принимать необходимые меры по созданию правовых гарантий защиты чести, доброго имени умерших потерпевших, посредством обеспечения компетентными органами доступа к правосудию и судебной защиты близким родственникам умершего потерпевшего в полном объеме [1].

Реализуя положения Конституционного Суда Российской Федерации, должностные лица используют раз-

В. Н. Григорьев, А. В. Победкин, В. Н. Яшин. Уголовный процесс : учебник. М. : ЭКСМО.2005. С. 62.

«Уголовно-процессуальная форма – режим законности, который является первостепенным условием успешной борьбы с преступными проявлениями и необходимой гарантией личности от произвола и судебных ошибок» – Пашкевич В. Ф. Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С. Н. Братуся. М. : Юрид.лит. 1981. С. 7.

личные способы, направленные на обеспечение доступа к правосудию близким родственникам умершего потерпевшего, что, в свою очередь, приводит к неоднозначной правоприменительной практике.

Так, встречаются случаи применения ч. 8 ст. 42 УПК РФ по аналогии, то есть, когда права умершего не в результате преступления потерпевшего переходят одному из близких родственников.

Так, из апелляционного постановления Кемеровского областного суда № 22-4078/2016 от 28 июля 2016 г. по делу № 22-4078/2016 следует, что потерпевшим по уголовному делу о краже был признан М.С.М., сын умершего М. В апелляционном порядке обжаловался приговор Ленинск-Кузнецкого районного суда Кемеровской области от 13 апреля 2016 г. в части, касающейся передачи вещественных доказательств – денежных средств (8 250 рублей) – потерпевшему. Суд в приговоре указал о передаче денежных средств умершему потерпевшему – М., а не сыну – М.С.М., который в рамках уголовного дела также был признан потерпевшим. В апелляционном производстве было принято решение о передаче 8250 рублей по принадлежности, т. е. потерпевшему М.С.М. – сыну умершего [5]. Как видим, отсутствие единства правоприменительной практики приводит к формальным и процессуальным ошибкам, что следует из данного примера.

На практике не единичны случаи, когда родственники умершего признаются в рамках уголовного дела представителями потерпевшего, но не потерпевшими. К примеру, из материалов уголовного дела, возбужденного по ч. 1 ст. 161, ч. 3 ст. 162 УК РФ следует, что представителем умершей (вследствие болезни) потерпевшей признана ее родная сестра, которая в рамках досудебного и в последующем – судебного производства участвовала в уголовном деле в статусе представителя [6].

Встречаются примеры, где близкие родственники потерпевших не признаются ни потерпевшими по уголовному делу, ни представителями, а права умершего потерпевшего в судебном заседании отстаивает государственный обвинитель [7, с. 21]. Полагаем, такой подход наглядно показывает, что реализацию гарантированного Конституцией Российской Федерации права на доступ к правосудию берет на себя государство в лице уполномоченных органов и должностных лиц. По мнению О. И. Андреевой, А. А. Рукавишниковой, П. О. Герцена, в целях ликвидации имеющегося в нормах УПК РФ пробела необходимо закрепить за прокурором обязанность обеспечивать защиту прав и законных интересов умерших потерпевших. Ученые отмечают, что применение такого подхода особенно актуально в случаях, когда отсутствуют близкие родственники, или они отказываются принимать участие в рамках уголовного дела [7, с. 22].

Лишение близкого родственника умершего потерпевшего возможности продолжить исполнение воли умершего лица, направленной на привлечение виновного лица к ответственности, приводит к ограничению доступа к правосудию. Это связано с тем, что нет единства

в применении судами норм уголовно-процессуального законодательства.

На наш взгляд, первопричиной этого выступает отсутствие уголовно-процессуальной нормы, посредством реализации которой была бы сформирована единая практика, относительно перехода прав потерпевшего близкому родственнику, в случае, когда смерть потерпевшего наступила по иным причинам, не связанным с преступлением.

О важности создания специальной нормы, устанавливающей основания, условия, порядок перехода прав потерпевшего, умершего не в связи с совершенным преступлением, к другим лицам, отмечал в своем диссертационном исследовании М. А. Гаврилов [9, с. 104].

Справедлива позиция О. В. Шипуновой о вызванной временем необходимости прибегнуть к реформированию положений ч. 8 ст. 42 УПК РФ. Ученый предлагает изложить эту норму в следующей редакции: «по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, а также в случае наступления смерти потерпевшего по иным причинам, не зависящим от преступления, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их близкие родственники, в качестве представителей потерпевшего [18, с. 53].

Тем самым, О. В. Шипунова делает акцент на причину смерти, расширяя ее границы, то есть независимо от того, по какой причине наступила смерть потерпевшего, его права в рамках уголовного дела вправе близкие родственники, в качестве представителя потерпевшего.

Считаем, данную точку зрения верной, ведь права потерпевших должны быть защищены в любом случае. Недопустимо ставить в зависимость возможность правовой защиты прав умерших потерпевших от причины смерти. Полагаем, что юридическим фактом должна выступать смерть потерпевшего, без конкретизации ее причины.

Наглядным примером, указывающим, что причина смерти потерпевшего не имеет юридического значения, выступают положения ч. 2 ст. 318 УПК РФ. Согласно положениям данной статьи, в случае смерти потерпевшего уголовное дело частного обвинения возбуждается путем подачи заявления его близким родственником.

В данном случае законодатель не придает значение причине смерти, тем самым, обеспечивая не только эффективную защиту прав потерпевшего, но и свободный доступ к правосудию его близким родственникам, преследующим цель – защитить права умершего потерпевшего в рамках уголовного дела и привлечь виновного к уголовной ответственности.

Указывая на необходимость законодательного закрепления права на представительство для близких родственников потерпевших, умерших не в результате преступления, О. В. Качалова справедливо отметила, что для обеспечения доступа к правосудию близким родственникам умершего потерпевшего следует применять ч. 8 ст. 42 УПК РФ по аналогии до тех пор, пока законодателем не будут предприняты иные меры [11, с. 33].

Разделяем позицию Оксаны Валентиновны и считаем, что применение представленной нормы по аналогии, до того пока не будут внесены соответствующие изменения в УПК РФ, обеспечит участникам уголовного процесса не только доступ к правосудию, но и позволит создать единую правоприменительную практику, что минимизирует количество жалоб, связанные с нарушением прав умерших потерпевших.

Итак, подчеркнем важность создания урегулированных уголовно-процессуальным законом условий в целях обеспечения близким родственникам умершего потерпевшего доступ к правосудию.

Приходим к выводу о необходимости модернизации норм уголовно-процессуального законодательства (положений ч. 8 ст. 42 УПК РФ), в части расширения допустимых случаев перехода прав умершего потерпевшего близким родственникам, посредством ликвидации в ч. 8 ст. 42 УПК РФ положения, указывающего на причину смерти.

Список источников

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко». <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision68564.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 1996 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 50. Ст. 5679.

3. Постановление Конституционного Суда от 2 февраля 1996 г. № 4-П «По делу по проверки конституционности пункта 5. части 2 статьи 371, части 3 статьи 374 и пункта 4 части 2 статьи 384 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан К. М. Кульнева, В. С. Лалуева, Ю. В. Лукашова, И. П. Серебренникова». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9231/ (дата обращения: 01.09.2023).

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8847/ (дата обращения: 01.09.2023).

5. Апелляционное постановление Кемеровского областного суда от 28 июля 2016 г. № 22-4078/2016 по делу № 22-4078/2016. <https://clck.ru/352sfk> (дата обращения: 15.07.2023).

6. Приговор Приволжского районного суда Самарской области от 18 февраля 2020 г. № 1-102/2019 1-4/2020 по делу № 1-102/2019. <https://clck.ru/352sjk> (дата обращения: 15.07.2023).

7. Андреева О. И., Рукавишникова А. А., Герцен П. О. Обеспечение прав умершего лица, пострадавшего от преступления, уголовно-процессуальными средствами // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 1. С. 14–24.

8. Белоносов В. О. Теория и практика применения аналогии в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 1998. 23 с.

9. Гаврилов М. А. Правопреемство в уголовном судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 252 с.

10. Ибрагимов И. М. Правомерные возможности защиты прав потерпевшего в российском уголовном процессе. М. : Юриспруденция, 2008. 424 с.

11. Качалова О. В. Как защитить права потерпевшего, умершего не вследствие преступления в отношении него // Уголовный процесс. 2023. № 5. С. 30–33.

12. Патрушева А.А. Правовое положение лиц, которым переходят права умершего потерпевшего // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 2. С.234–239.

13. Победкин А.В. Критерии правомерности применения аналогии в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 66–77.

14. Рахунов Р. Д. Аналогия в советском уголовном процессе // Правоведение. 1971. № 2. С. 8–14.

15. Рыжаков А. П. Уголовный процесс. М. : Дело и Сервис. 2003. 288 с.

16. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968.

17. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс) : учебник для вузов / Под ред. Г. П. Химичевой, О. В. Химичевой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право. 2004.

18. Шипунова О. В. Защита прав и законных интересов потерпевшего, умершего в ходе производства расследования по уголовному делу // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 1 (59). С. 48–54.

References

1. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 16-P dated 14.07.2011 «On the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 4 of Part One of Article 24 and paragraph 1 of Article 254 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens S. I. Alexandrin and Yu. F. Vashchenko». <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision68564.pdf> (accessed: 15.07.2023).

2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 19-P of 28.11.1996 «On the case of checking the constitutionality of Article 418 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the request of the Karatuzsky District Court of the Krasnoyarsk Territory» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 50. Art. 5679.

3. Resolution of the Constitutional Court of 02.02.1996 № 4-P «In the case of checking the constitutionality of

paragraph 5. part 2 of Article 371, Part 3 of Article 374 and paragraph 4 of Part 2 of Article 384 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in connection with the complaints of citizens K. M. Kulnev, V. S. Laluev, Yu. V. Lukashov, I. P. Serebrennikov». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9231/ (accessed: 01.09.2023).

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 8 dated 31.10.1995 «On some issues of application by Courts of the Constitution of the Russian Federation in the Administration of justice». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8847/ (accessed: 01.09.2023).

5. Appeal resolution of the Kemerovo Regional Court of 28.07.2016 № 22-4078/2016 in case № 22-4078/2016. <https://clck.ru/352sfk> (accessed: 15.07.2023).

6. The verdict of the Privolzhsky district Court of the Samara region of 18.02.2020 № 1-102/2019 1-4/2020 in case № 1-102/2019. <https://clck.ru/352sjk> (accessed: 15.07.2023).

7. Andreeva O. I., Rukavishnikova A. A., Herzen P. O. Ensuring the rights of a deceased person who suffered from a crime by criminal procedural means // Siberian criminal procedural and criminalistic readings. 2023. № 1. P. 14–24.

8. Belonosov V. O. Theory and practice of applying analogy in criminal proceedings : abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. Saratov. 1998. 23 p.

9. Gavrilov M. A. Succession in criminal proceedings of Russia : dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2022. 252 p.

10. Ibragimov I. M. Legitimate possibilities of protecting the rights of the victim in the Russian criminal process. M. : Jurisprudence.2008. 424 p.

11. Kachalova O. V. How to protect the rights of a victim who died not as a result of a crime against him // Criminal process. 2023. № 5. P. 30–33.

12. Patrusheva A. A. The legal status of persons who transfer the rights of a deceased victim // Bulletin of the Omsk Law Academy. 2018. № 2. P. 234–239.

13. Pobedkin A. V. Criteria for the legality of the use of analogy in criminal proceedings // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.2020. № 4(56). P. 66–77.

14. Rakhunov R. D. Analogy in the Soviet criminal process // Pravovedenie. 1971. № 2. P. 8–14.

15. Ryzhakov A. P. Criminal trial. M. Case and Service. 2003. 288 p.

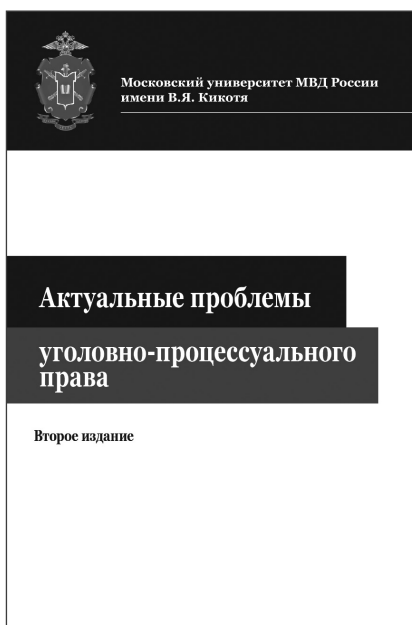
16. Strogovich M. S. Course of the Soviet criminal process. Vol. 1. M., 1968.

17. Criminal procedure law (Criminal procedure) : textbook for universities / Edited by G. P. Himicheva, O. V. Himicheva. 3rd ed., reprint. and additional. M. : UNITY-DANA, Law and Law. 2004.

18. Shipunova O. V. Protection of the rights and legitimate interests of the victim who died during the investigation of a criminal case // Legal science and law enforcement practice. 2022. № 1 (59). P. 48–54.

Статья поступила в редакцию 23.10.2023; одобрена после рецензирования 19.12.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 23.10.2023; approved after reviewing 19.12.2023; accepted for publication 30.01.2024.

Актуальные проблемы уголовно-процессуального права. Учебное пособие. Под ред. О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной. 304 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Курс лекций подготовлен в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования для обучающихся по направлению подготовки Юриспруденция, квалификации магистр. Цель пособия – вычлнить наиболее актуальные в теоретическом и практическом плане проблемы, требующие более глубокого изучения в отдельном учебном курсе.

Для слушателей (студентов), адъюнктов (аспирантов) и преподавателей образовательных организаций, осуществляющих обучение по направлениям подготовки (специальностям), входящим в укрупненную группу направлений подготовки (специальностей) Юриспруденция, а также для всех интересующихся проблемами уголовного судопроизводства.

Научная статья

УДК 34:002

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-48-51>

EDN: <https://elibrary.ru/zkvdcy>

ИПОН: 2015-0066-1/24-900

MOSURED: 77/27-011-2024-01-099

Проблемные аспекты функционирования института смежных прав в гражданском праве Российской Федерации

Татьяна Александровна Галанцева

Пятигорский государственный университет, Ставрополь, Россия,

yvc90@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены проблемные вопросы функционирования института смежных прав в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации. Развитие информационно-телекоммуникационных технологий обусловило ряд проблем в рассматриваемой сфере. Установлено, что в настоящее время существует необходимость совершенствования механизмов правовой защиты авторских и смежных прав. Автором дифференцированы наиболее распространенные способы нарушения исключительных прав с использованием сети Интернет, а также обобщены различные научные подходы относительно этой проблемы и способы ее решения. Автор приходит к выводу о том, что в настоящий момент возникла необходимость разработки новых способов защиты смежных прав в сети Интернет, в связи с чем выдвигается мнение о необходимости создания более эффективного правового механизма и разработки единого нормативно-правового акта, регламентирующего данную сферу отношений.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, защита прав, исключительное право, авторское право, смежные права, сеть Интернет, плагиат, пиратство, контрафактная продукция, ответственность, законодательство

Для цитирования: Галанцева Т. А. Проблемные аспекты функционирования института смежных прав в гражданском праве Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 48–51. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-48-51>. EDN: ZKVDCY.

Original article

Problematic aspects of the functioning of the institute of related rights in the civil law of the Russian Federation

Tatyana A. Galantseva

Pyatigorsk State University, Stavropol, Russia, yvc90@mail.ru

Abstract. The problematic issues of the functioning of the Institute of related rights in accordance with the current legislation of the Russian Federation are considered. The development of information and telecommunication technologies has caused a number of problems in this area. It has been established that at present there is a need to improve the mechanisms of legal protection of copyright and related rights. The author differentiates the most common ways of violating exclusive rights using the Internet, as well as summarizes various scientific approaches to this problem and ways to solve it. The author comes to the conclusion that at the moment there is a need to develop new ways to protect related rights on the Internet, in connection with which the opinion is put forward about the need to create a more effective legal mechanism and develop a single normative legal act regulating this sphere of relations.

Keywords: intellectual property, protection of rights, exclusive right, copyright, related rights, Internet, plagiarism, piracy, counterfeit products, liability, legislation

For citation: Galantseva T. A. Problematic aspects of the functioning of the institute of related rights in the civil law of the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2024;(1):48–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-48-51>. EDN: ZKVDCY.

Категория «смежные права» активно распространена и используется именно в странах романо-германской правовой семьи, когда как в странах англосаксонской системы такой дефиниции не выделяется, в связи с

чем используется обобщающее понятие как «авторские права».

У отечественного института охраны смежных прав достаточно короткая история: их гражданско-правовая

охрана была введена лишь в 1991 году с введением Основ гражданского законодательства СССР [2]. Несмотря на то, что смежные права не могут существовать без авторских, то есть производны от них, это не принижает их реальной ценности для гражданских правоотношений. Именно категория «смежные права» включает в себя совокупность личных неимущественных отношений на особые объекты, вытекающие из авторских прав. Сюда относятся и права исполнителей фонограмм, и вещателей, и создателей баз данных и т. д. Сегодня именно эти понятия используются для обозначения оригинального материала, который в пересчете на денежный эквивалент оказываются достаточно дорогостоящими, ввиду своей «оригинальной» природы.

Естественно, в литературе высказываются различные позиции относительно указанной оригинальности. С одной стороны, смежные права не являются полностью авторскими, поскольку они не связаны с созданием потенциально новых объектов, потому они и именуется «смежными». Однако, это ничуть не уменьшает важность указанных прав для гражданско-правовой отрасли в целом.

Проблемы авторских и смежных прав являются чрезвычайно актуальными сегодня ввиду того, что в настоящее время ведется активная борьба с плагиатом и пиратством – явлениями, которые основаны на безвозмездном и свободном использовании плодов чужого труда. Особенно акцентируется эта тематика в связи с активным использованием возможностей сети Интернет. Безусловно, это нельзя назвать здоровой тенденцией – она должна искореняться путем повышения правовых средств охраны авторских и смежных прав, в том числе в гражданском праве.

Главным проблемным аспектом функционирования рассматриваемого института является необходимость совершенствования механизмов правовой защиты авторских и смежных прав, особенно в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети Интернет. Нужно заметить, что касательно именно смежных прав достаточно активно ведется борьба по их защите через судебные органы. Связано это, прежде всего, с самими особенностями рассматриваемой категории. Очень часто обладателями смежных прав являются крупные организации, музыкальные лейблы и т. п., которые готовы защищать свои вложения посредством проведения судебных тяжб. Так, по Решению от 6 октября 2020 г. по делу № А66-5456/2020 Арбитражного суда Тверской области ООО «П.» было привлечено к гражданско-правовой ответственности по заявлению правообладателя, поскольку первые ретранслировали на своем интернет-сайте радиовещание ЗАО «Европа Плюс» (истец) [9].

Интернет прочно вошел в жизнь большинства жителей планеты. Его основное преимущество – свободный доступ к информации. Глобальная сеть предоставляет возможность получить необходимые данные из любого конца планеты. Однако, технические возможности компьютерных сетей позволяют осуществлять их

использование и в противоправных целях. Сегодня сеть является источником интернет пиратства – незаконного распространения объектов авторских и смежных прав. В современном мире интернет так или иначе связан с вопросами использования исключительных прав: все статьи, фотографии, рисунки, записи, клипы и т. д. – все это так или иначе является объектом авторских или смежных прав. Однако, первоначальный смысл сети «Интернет» основан на добровольном размещении информации. Но в настоящее время очень много материалов, размещаемых в открытом доступе, являются объектами смежных или авторских прав. Ситуация усугубляется и потенциальной невозможностью всеобъемлющего регулирования таких прав: интернет слишком обширен и невозможно контролировать объем всех данных, размещаемых в цифровой среде. Кроме того, в последнее время наблюдается проблема сетевых «зеркал». Даже если пиратские сайты обнаруживаются, и доступ к ним ограничивается, администраторы интернет-сайтов создают точные копии и продолжают заниматься противоправной деятельностью [3].

Наиболее распространенные способы нарушения исключительных прав с использованием сети Интернет схожи с существующими в реальном пространстве. К ним можно отнести плагиат, незаконное копирование и распространение.

Однако, можно выделить и специфические формы:

1) Интернет-пиратство – наиболее распространено в аудиовизуальной сфере. В сети Интернет распространяется множество клипов, записей программ, телепередач, фильмов и других подобных материалов. Данная деятельность является достаточно масштабной и осуществляется специализирующимися на этом людьми. Зачастую они оформляют платный доступ к специальным сервисам, откуда и совершают незаконное копирование с последующим распространением. Основной целью деятельности таких лиц является получение материальной выгоды за счет размещения на сайтах с пиратским материалом рекламных продуктов. Некоторыми авторами отмечается, что ряд таких субъектов стремятся таким образом «достичь социальной справедливости и помочь людям» [8]. В качестве одной из самых опасных тенденций называют выход пиратских копий до их официального релиза у правообладателя. В результате, последний теряет целевую аудиторию, а значит, количество просмотров и ту же самую прибыль от рекламодателей.

2) Интернет-пиратство музыкальных произведений – в большей степени касается фонограмм и записей выступлений. Сегодня в сети активно распространяются файлообменники с этими материалами, которые «забирают» потенциальную аудиторию у официальных распространителей, а, следовательно, несут потенциальные убытки в виде упущенной выгоды.

3) Интернет-пиратство в сфере программного обеспечения. Данная противоправная деятельность заключается в осуществлении незаконного копирования

и распространение программных продуктов в сети Интернет, в том числе снятие официальных средств защиты программных продуктов. Рассматриваемая проблема осложняется тем, что подобная деятельность обуславливает возникновение иных негативных последствий, в частности, возможность заражения компьютерных устройств различными интернет-вирусами, содержащихся во взломанном программном обеспечении, что является причиной утечки персональных данных, хищений финансовых активов, взломам операционных систем и т. д.

Защита авторских и смежных прав обуславливает решение ряда проблем в рассматриваемой сфере, которые можно разделить на три вида: образовательные, правовые и технологические.

Во-первых, среди общественности широкое распространение получило поверье о том, что любой продукт, размещенный в сети Интернет, является свободным и авторским правом не защищается. Действительно, в глобальной сети любое произведение без особых усилий можно скачать, скопировать и распространить, поскольку сеть Интернет предполагает свободное копирование информации без дополнительных соглашений и юридических действий. В этой ситуации единственным препятствием является институт авторского права.

В настоящее время в научном сообществе высказываются различные позиции относительно этой проблемы и способы ее решения. Обобщение научных подходов позволило сгруппировать их следующим образом [5]:

1) охрана авторских и смежных прав в сети Интернет является нецелесообразной;

2) охрана авторских и смежных прав в сети Интернет традиционными правовыми способами невозможна, в связи с чем необходим новый правовой механизм, регламентирующий данную сферу деятельности. В свою очередь, новый механизм защиты указанных прав также несет в себе дополнительные проблемы. В частности, законодательная проблема, которая связана с тем, что законодателем не предусмотрено дополнительных средств (способов) регламентации охраны авторских и смежных прав. Другой является проблема образования, то есть осуществление охраны прав осуществляют высоко квалифицированные специалисты в данной сфере. В случае с охраной интеллектуальной собственности в Российской Федерации не предусмотрены отдельные специалисты в данной области, что опять возвращает нас к пробелу в законодательстве) и т. д.;

3) охрана авторских и смежных прав в сети Интернет традиционными способами необходима и возможна путем внесения соответствующих изменений в действующее законодательство. В настоящее время, разброс регулирования охраны интеллектуальной собственности по различным нормативно-правовым актам недопустима, так как носит глобальный характер. Соответственно, охрана интеллектуальной собственности требует единого нормативно-правового акта для урегулирования

споров в данной сфере. Мы склонны придерживаться второй позиции: опыт последних лет показывает неэффективность традиционных механизмов, хотя в случае со смежными правами они иногда дают результаты. Однако, все имеющиеся судебные решения – лишь капля в море. Сегодня необходима разработка новых эффективных мер противодействия пиратству в сети Интернет [3].

Проблемами, не решенными законодателями на сегодняшний день, остаются неурегулированность терминологии, в частности понятия контрафактной продукции [7]. В Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ) и Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) контрафакт относится только к экземплярам произведений или фонограмм, а в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ) – ко всем результатам интеллектуальной деятельности или средствам индивидуализации, зафиксированным на материальных носителях. Согласно ч. 4 ст. 1252 ГК РФ контрафактными считаются такие материальные носители, которые приводят к нарушению исключительного права [1]. А вот указание на экземплярах произведений или фонограмм ложной информации об их изготовителях, о местах их производства с точки зрения ГК РФ не делают их контрафактными, так как не нарушают авторские и смежные права. А ложная информация о правообладателях имеет отношение к праву авторства, личному неимущественному праву, которое не относится к исключительному праву, что также не делает продукцию контрафактной. Масштабы правонарушений в сфере авторских прав не просто большие – они огромные. Но в стране фактически не применяются на практике меры уголовно-правовой ответственности за нарушения авторских прав, неэффективными остаются и административно-правовые санкции, а также обозначенные законом процессуальные обеспечительные меры. Предусмотренные УК РФ и КоАП РФ штрафы воспринимаются нарушителями как «издержки профессиональной деятельности», и не могут иметь превентивного значения. Для решения этих проблем требуются серьезные изменения в законодательстве, которые должны быть очень тщательно подготовлены [6].

Таким образом, в функционировании института смежных прав сегодня имеется ряд ключевых проблем. Первая, наиболее актуальная, связана с защитой смежных прав в сети Интернет. В настоящее время не существует действенного механизма деятельности в этом направлении, а традиционные способы не дают желаемых результатов. Считаем, что в настоящий момент возникла необходимость разработки новых способов защиты смежных прав в сети Интернет. Анализ судебной практики показал, что сегодня в Российской Федерации назрела необходимость совершенствования законодательства о защите смежных прав. В первую очередь, необходим поиск эффективных средств противодействия интернет пиратству, которое в последние годы набирает свою популярность. Люди хотят использовать объекты

чужих смежных прав нелегально, но при этом, бесплатно, удовлетворяя свои культурные потребности. Ряд лиц и вовсе идет на это для получения коммерческой выгоды, например, за распространение контрафактных записей исполнителей. К сожалению, имеющихся традиционных способов в настоящее время не хватает, а потому в сети продолжается массовое нарушение исключительных прав, что в демократическом правовом государстве недопустимо. Еще одной значимой проблемой являются отдельные аспекты правового регулирования защиты смежных прав, в том числе в уголовно-правовой и административно-правовой областях.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // Российская газета. 2006. № 289.
2. Основы Гражданского Законодательство Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1) // Ведомости ВС СССР. 1991. № 26, ст. 733.
3. Алисова Е. В. Актуальные проблемы защиты авторского права в сети Internet // Наука, образование и культура. 2016. № 7 (10). С. 55–62.
4. Савина В. Г. Актуальные проблемы защиты авторского права в сети Internet // Студенческий вестник. 2021. № 16-3(161). С. 16–18.
5. Самокруто М. А. Актуальные проблемы защиты авторских и смежных прав // Бюллетень науки и практики. 2020. № 5. С. 20–23.
6. Сологубова Л. А., Кириенко С. Е. Защита объектов авторского права и смежных прав в интернете // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2014. № S6. С. 377–382.
7. Соцков Е. А. Неюрисдикционные способы защиты интеллектуальной собственности // Современные проблемы права, экономики и управления. 2016. № 1 (2). С. 138–143.
8. Сидорова Е. Е., Козырь А. А. Актуальные проблемы защиты авторского права в сети Internet // Приоритетные векторы развития промышленности и сельского хозяйства : материалы IV Международной научно-практической конференции : в 7 т., Макеевка, 15 апреля 2021 года. Том V. Макеевка : Государственное

образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донбасская аграрная академия», 2021. С. 149–152.

9. Решение Арбитражного суда Тверской области от 6 октября 2020 г. по делу № А66-5456/2020 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/pM1Jpu00RIWh/?ysclid=lpw7miacax338878372> (дата обращения: 07.12.2023).

References

1. Civil Code of the Russian Federation № 230-FZ dated December 18, 2006 (as amended on 13.06.2023) // Rossiyskaya Gazeta. 2006. № 289.
2. Fundamentals of Civil Legislation of the USSR and the Republics (approved by the Supreme Soviet of the USSR on May 31, 1991 № 2211-1) // Vedomosti VS USSR. 1991. № 26, article 733.
3. Alisova E. V. Actual problems of copyright protection on the Internet // Science, education and culture. 2016. № 7 (10). P. 55–62.
4. Savina V. G. Actual problems of copyright protection on the Internet // Student Bulletin. 2021. № 16-3(161). P. 16–18.
5. Samokruto M. A. Actual problems of copyright and related rights protection // Bulletin of Science and practice. 2020. № 5. P. 20–23.
6. Sologubova L. A., Kiriienko S. E. Protection of objects of copyright and related rights on the Internet // Electronic network polythematic journal «Scientific works of KubSTU». 2014. № S6. P. 377–382.
7. Sotskov E. A. Non-jurisdictional methods of intellectual property protection // Modern problems of law, economics and management. 2016. № 1 (2). P. 138–143.
8. Sidorova E. E., Kozyr A. A. Actual problems of copyright protection on the Internet // Priority vectors of industrial and agricultural development : proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference : in 7 volumes, Makeyevka, April 15, 2021. Vol. V. Makeyevka : State Educational Institution of higher professional Education «Donbass Agrarian Academy», 2021. P. 149–152.
9. The decision of the Arbitration Court of the Tver Region dated October 6, 2020 in case № А66-5456/2020 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/pM1Jpu00RIWh/?ysclid=lpw7miacax338878372> (accessed: 07.12.2023).

Информация об авторе

Т. А. Галанцева – аспирант Пятигорского государственного университета.

Information about the author

T. A. Galantseva – Graduate Student of the Pyatigorsk State University.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 12.02.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 12.02.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-52-54>

EDN: <https://elibrary.ru/zinhkg>

ИПОН: 2015-0066-1/24-901

MOSURED: 77/27-011-2024-01-100

Уголовная ответственность за налоговые преступления в Азербайджанской Республике

Адил Алхаз Гезалов

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столевых, Владимир, России,
adil.gozelov@mail.ru

Аннотация. Поднимается актуальная проблема налоговых преступлений в Азербайджанской Республике, дается определение налога, раскрывается этимология и современное состояние данного феномена.

Ключевые слова: Азербайджанская Республика, Конституция Азербайджанской Республики, Уголовный кодекс Азербайджанской Республики, Налоговый кодекс Азербайджанской Республики, налог, бюджет, преступления

Для цитирования: Гезалов А. А. Уголовная ответственность за налоговые преступления в Азербайджанской Республике // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 52–54. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-52-54>. EDN: ZINHKG.

Original article

Criminal liability for tax crimes in the Republic of Azerbaijan

Adil Alkhaz Gezalov

Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stolevs, Vladimir, Russia,
adil.gozelov@mail.ru

Abstract. The actual problem of tax crimes in the Republic of Azerbaijan is raised, the definition of tax is given, the etymology and the current state of this phenomenon are revealed.

Keywords: the Republic of Azerbaijan, Constitution of the Republic of Azerbaijan, Criminal Code of the Republic of Azerbaijan, Tax Code of the Republic of Azerbaijan, tax, budget, crimes

For citation: Gezalov A. A. Criminal liability for tax crimes in the Republic of Azerbaijan. Bulletin of economic security. 2024;(1):52–4. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-52-54>. EDN: ZINHKG.

В современной Азербайджанской Республике налоговая система играет важную роль в финансовом секторе. Она является главным источником формирования государственного бюджета, который обеспечивает финансовую устойчивость страны.

Обратимся к этимологии термина налог. Налог – это элемент общественного бытия. В древних философских трактатах можно обнаружить первые указания на налоги. В эпоху зарождения человеческой цивилизации мыслители рассматривали налоги как неотъемлемую и полезную составляющую общества, несмотря на то, что формы налогообложения, которые им были известны, были весьма варварскими: например, военные трофеи, эксплуатация рабочей силы, жертвоприношения и так далее. С развитием общества формы налогообложения постепенно претерпевали изменения, приближаясь к

современным формам. Развиваясь на основе философского понимания, налог стал важной составляющей в обеспечении жизни общества. Это привело к появлению новой области экономической теории – науки о налогообложении [1, с. 8].

Философ Гольбах считал, что «подчиняясь верховной власти, нации, несомненно, должны были предоставить ей средства, чтобы она могла успешно трудиться ради их счастья; поэтому каждый индивид жертвовал частью принадлежащего ему имущества, чтобы содействовать сохранению и защите собственности всех граждан. Таково происхождение налогового обложения. Оно справедливо только в том случае, если народ дал согласие подчиниться ему; его применение законно лишь при условии, что оно используется строго по назначению, т. е. в интересах сохранения государства.

© Гезалов А. А., 2024

Его неизменным мерилom должна быть общественная польза: размер той доли владений и благ, которыми пользуется каждый член общества, определяет степень, в которой он обязан способствовать общему благу» [2, с. 194–195].

В современной налоговой системе Азербайджанской Республики произошли изменения. Ранее налоги были воспринимаемы как обязательные платежи, а неплата налогов считалась нарушением закона.

Современные налоги стали символом свободы и высокого статуса гражданина, а не просто бременем. В настоящее время большинство населения страны обязано отдавать часть своего имущества в пользу государства, и уклонение от этой обязанности уже не только неприемлемо с политической точки зрения, но и экономически неверно.

Процесс налогообложения стал более организованным. С ростом суммы налоговых сборов становится все чаще встречающимся явлением уклонения от уплаты. В связи с этим необходимы эффективные правовые механизмы для борьбы с налоговыми мошенниками.

За нарушение законодательства о налогах в Азербайджанской Республике предусмотрена ответственность для налогоплательщиков, налоговых агентов, их представителей и должностных лиц налоговых органов. Это предусмотрено Налоговым кодексом Азербайджанской Республики, Кодексом Административных Проступков Азербайджанской Республики, Уголовным кодексом Азербайджанской Республики и другими законами Азербайджанской Республики. Они несут полную ответственность в соответствии с установленными нормами и порядком.

Согласно статье 11 Налогового кодекса Азербайджанской Республики, термин «налог» трактуется как обязательный, индивидуальный и безвозмездный платеж, перечисляемый в государственные и местные бюджеты, в форме отчуждения, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом находящихся в собственности налогоплательщиков денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и муниципалитетов [2, с. 194–195].

Следует отметить, что Конституция Азербайджанской Республики [4], в частности статья 73 предусматривает, что все граждане обязаны полностью и своевременно уплачивать налоги и другие государственные платежи. Никто не может быть принужден к уплате налогов и других государственных платежей сверх установленных законом сумм, указанной законом, и без предусмотренных законом оснований [3].

Согласно требованию статьи 77 Налогового кодекса Азербайджанской Республики, под налоговой ответственностью понимается обязанность налогоплательщика уплатить налоги, в том числе текущие налоговые платежи), начисленные проценты и применимые санкции, в случаях и в порядке, установленных Налоговым кодексом Азербайджанской Республики. Налогоплательщики несут ответственность за выполнение

своих налоговых обязательств с момента возникновения условий, определяющих уплату налога в соответствии с требованиями налогового законодательства.

Следует отметить, что налогообложение является одним из основных источников формирования бюджета Азербайджанской Республики. В целях обеспечения нормального функционирования экономики, стабильности и целостности сбора налогов государство ввело ответственность в сфере налогообложения, в частности, по мнению законодателя, уголовную ответственность за ряд налоговых правонарушений, повышающих социальные риски.

В Уголовном кодексе Азербайджанской Республики (АР) предусмотрена уголовная ответственность за преступления в сфере налогообложения (статья 213 УК АР «Уклонение от уплаты налогов»). Статья 213.1 УК АР предусматривает ответственность за уклонение от уплаты налогов или взносов по обязательному государственному социальному страхованию в значительном размере. Статья 213.2 УК АР предусматривает уголовную ответственность за те же деяния, но совершенные организованной группой в крупном размере.

Налоговые преступления обычно относят к экономическим преступлениям. Однако характер отношений, нарушаемых этими преступлениями, различен. Налогообложение отличается от экономической деятельности. Экономика основана на свободном обмене товарами и осуществляется субъектами с равным правовым статусом на основе добровольности. Однако в сфере налогообложения такого равенства нет. Налоговые органы выступают в качестве контролирующих субъектов, обладая полномочиями по применению административных санкций к нарушителям.

Если говорить об объекте данного вида преступления, то родовым объектом являются отношения по сбору налогов (по исчислению налогов и отношения по их уплате). Непосредственным объектом статьи 213 УК АР являются отношения по исчислению налога.

Самый частый способ нанести ущерб бюджету – это помешать налоговым органам точно исчислить налоги, либо не подавать декларацию о подоходном налоге, либо намеренно вносить в нее ложную информацию. Статья 213 УК Азербайджана может включать в себя посягательства на отношения, связанные с исчислением налогов и оплатой бюджета.

Если говорить об объективной стороне изучаемых преступлений, то обязательным условием применения мер уголовной ответственности является административная преюдиция.

О чем идет речь? Фактически, речь идет о том, что лицо может быть привлечено к административной ответственности после ранее совершенных нарушений, подверженных административным санкциям, и повторного совершения тех же самых нарушений в течение года. Чтобы квалифицировать действия или бездействия лица по статье 213 УК АР, необходимо, чтобы оно пред-

варительно совершило одно из действий, указанных в статье, и было подвергнуто административным санкциям, а затем повторно совершило те же самые нарушения в течение год. Административная преюдиция играет двойную роль. Помогает лицу осознать свои обязанности и законные требования. Это уменьшает вероятность случайного совершения преступления. И повторное нарушение налоговых постановлений свидетельствует о непринятии общественных норм и оправдывает применение более строгих мер ответственности в отношении нарушителя. Согласно Налоговому Кодексу Азербайджанской Республики, требование подачи декларации должно быть определено. Кроме того, срок подачи декларации также определяется этим же Налоговым Кодексом.

Окончание совершения преступления наступает после истечения срока, установленного для подачи соответствующей декларации. Если лицо не предоставило декларацию, то это означает, что оно не сформировало необходимые документы для ее составления, несмотря на обязанность это сделать и осведомленность о ней. В случае, если документы были созданы, то речь может идти только о несвоевременной подаче.

Субъектом преступления по данному преступлению могут быть граждане, достигшие возраста уголовной ответственности (16 лет) и обязанные по закону подавать декларацию о доходах. Поскольку диспозиция статьи предусматривает административную преюдицию, лицо должно привлекаться к административной ответственности за такое же деяние не менее двух раз. Субъектами могут быть как физические лица, так и индивидуальные предприниматели, осуществляющие свою деятельность без образования юридического лица. В санкциях вышеуказанных статей предусмотрена наложение штрафа именно на должностных лиц.

Субъективная сторона преступлений выражается только в виде умысла, когда субъект преступления должен осознавать неправомочность своих действий, понимать, что они повлекут недополучению бюджетом установленных законом платежей, и, тем не менее, сознательно желать или допускать это.

Так за период с января по июнь 2023 года в Азербайджанской Республике было возбуждено 268 уголовных дел по фактам уклонения от уплаты налогов. По данным Государственной налоговой службы при Министерстве экономики Азербайджана, предварительное расследование по 80 уголовным делам было завершено, по 42 – прекращено производство, 38 – направлено в суд с предъявлением обвинения в отношении 47 человек, в отношении двух лиц избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. По 18 из 42 уголовных дел расследование было завершено в связи с полной уплатой налогоплательщиками налогов в ходе предварительного

расследования. С учетом выплат за предыдущие годы по этим уголовным делам в государственный бюджет поступили средства в размере 3 млн 551,8 тыс. манатов. За 6 месяцев 2023 года обеспечено возмещение ущерба госбюджету в размере 21 млн 288,5 тыс. манатов [5]. Приведенные примеры, подтверждают то, что в Уголовном кодексе Азербайджанской Республики существуют положения, направленные на устранение обстоятельств, создающих условия для уклонения от налогов, а также освобождение от уголовной ответственности лиц, совершивших налоговые преступления, но полностью уплатившие налоги.

В заключении отметим, что в данной статье автор попытался рассмотреть этимологию термина налог, раскрыть сущность данного феномена в современных реалиях, а также раскрыть объективные и субъективные признаки преступлений в области налогообложения.

Список источников

1. Налоги и налогообложение в Азербайджане. Учебник для вузов. Второе издание. «ММ-С», Баку, 2020.
2. Гольбах Поль Анри. Избранные произведения : в 2 т. Т. 2. М. : Соцэкгиз, 1963.
3. Налоговый кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 11 июля 2000 года № 905-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 05.12.2023 г.).
4. Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года.
5. В Азербайджане возбуждено 268 уголовных дел по факту уклонения от уплаты налогов // <https://media.az/economy/1067918889/v-etom-godu-v-azerbaydzhane-vozbuzhdeno-268-ugolovnyh-del-po-faktu-ukloneniya-ot-uplaty-nalogov/?ysclid=lrj9yqoosl335024310> (дата обращения: 08.01.2024).

References

1. Taxes and taxation in Azerbaijan. Textbook for universities. Second edition. MM-S, Baku, 2020.
2. Holbach Paul Henri. Selected works : in 2 vols. 2. M. : Sotsekgiz, 1963.
3. Tax Code of the Republic of Azerbaijan (approved by the Law of the Republic of Azerbaijan dated July 11, 2000 № 905-IQ) (with amendments and additions as of 05.12.2023).
4. The Constitution of the Republic of Azerbaijan dated November 12 1995.
5. 268 criminal cases on tax evasion have been initiated in Azerbaijan // <https://media.az/economy/1067918889/v-etom-godu-v-azerbaydzhane-vozbuzhdeno-268-ugolovnyh-del-po-faktu-ukloneniya-ot-uplaty-nalogov/?ysclid=lrj9yqoosl335024310> (accessed: 08.01.2024).

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 12.02.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 12.02.2024.

Научная статья

УДК 343.34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-55-60>

EDN: <https://elibrary.ru/zxgmfv>

НИОН: 2015-0066-1/24-902

MOSURED: 77/27-011-2024-01-101

Особенности возбуждения уголовного дела по признакам создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ

Елена Юрьевна Герасимова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
gerasimova.eu@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей возбуждения уголовного дела по признакам использования и распространения вредоносных компьютерных программ. Рассматриваются нормативные правовые акты и их воплощение в практической деятельности. На основании приведенных данных, мнения ученых и научной литературы была выявлена значительная роль быстрого и качественного использования специальных знаний сведущих лиц в области информационных технологий и компьютерной техники при проверке сообщения о преступлении.

Ключевые слова: следователь, взаимодействие, специалист, эксперт, преступления, вредоносные компьютерные программы, информация, информационные технологии

Для цитирования: Герасимова Е. Ю. Особенности возбуждения уголовного дела по признакам создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 55–60. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-55-60>. EDN: ZXGMFV.

Original article

Peculiarities of initiating a criminal case on the basis of the creation, use and distribution of malicious computer programs

Elena Yu. Gerasimova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
gerasimova.eu@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the peculiarities of initiating a criminal case on the grounds of the use and distribution of malicious computer programs. The normative legal acts and their implementation in practice are being considered. On the basis of the data presented, the opinions of scientists and scientific literature revealed the significant role of rapid and qualitative use of special knowledge of knowledgeable persons in the field of information technology and computer technology in checking the report of the crime.

Keywords: interrogating officer, cooperation, specialist, expert, crimes, malicious computer programs, information, information technologies

For citation: Gerasimova E. Yu. Peculiarities of initiating a criminal case on the basis of the creation, use and distribution of malicious computer programs. Bulletin of economic security. 2024;(1):55–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-55-60>. EDN: ZXGMFV.

Существующая в отношениях, регулируемых уголовно-процессуальным правом, стадия возбуждения уголовного дела была и остается широким дискуссионным полем для исследователей. Наиболее острым для обсуждения в данной сфере является вопрос о целесообразности существования самой стадии в той форме, которую она имеет в настоящее время. И здесь не-

возможно однозначно принять сторону за или против. Высказывается достаточно убедительная и во-многом справедливая аргументация ученых, как выступающих за сохранение в уголовном процессе стадии проверки сообщения о преступлении перед принятием решения о возбуждении уголовного дела, так и тех, кто настаивает на устранении этого института уголовно-процессуаль-

© Герасимова Е. Ю., 2024

ного права и необходимости начала расследования сразу после поступления сообщения о преступлении.

Безусловно, заслуживают внимания обозначенные М. В. Кардашевской некоторые положения на этот счет. Особое значение в предложенных ею тезисах уделяется роли дознания в процессе проверки сообщения о преступлении. Для этого предлагается внести некоторые изменения в нормы механизма правового регулирования, касающиеся статуса этих правоприменительных структур и их роли в процессе проведения мероприятий, направленных на установление наличия или отсутствия оснований для уголовного преследования конкретного лица или для возбуждения уголовного дела по факту совершения преступления [3]. Было бы весьма любопытно сформировать модель стадии возбуждения уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 173 УК РФ в условиях реализации ее предложений, и, возможно, мы прибегнем к подобному приему в наших дальнейших изысканиях, однако, не останавливаясь на анализе современной дискуссии о необходимости существования стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе, мы должны признать ее безусловное весьма важное значение для обеспечения прав граждан и юридических лиц. Кроме такого «охранительного» значения, в криминалистическом плане мы бы хотели еще отметить основополагающее ее значение для предстоящего расследования.

Данная стадия характеризуется существенным дефицитом информации о рассматриваемом факте преступного деяния или деяния с некоторыми признаками преступления. Отсутствие достоверных сведений о значимых элементах механизма преступления, проверка сообщения о котором производится, требует от следователя особых усилий по скорейшему получению документально подтвержденной информации об этом, что в случае подтверждения достаточности оснований для возбуждения уголовного дела может существенно повлиять на результаты всего расследования. Характерные типичные особенности создания, использования и распространения вредоносных программ, которые мы описали выше прибавляют актуальности проблеме проведения качественной проверки сообщения о таком преступлении.

Проверка сообщения о преступлении начинается с возникновения повода к возбуждению в одной из перечисленных в законе форм и его регистрации в книге учета сообщений о преступлениях. Здесь мы должны отметить одну характерную особенность практической реализации этого условия. При криминалистическом поиске закономерностей деятельности лица, расследующего преступление, возможно рассматривать эту категорию с одной стороны, как документально оформленное сообщение или в некоторой степени формальный повод указываемый в постановлении о возбуждении уголовного дела или нормативно определенное условие для принятия решения о возбуждении, и с другой, как основание для проведения проверки сообщения о

преступлении, которое необходимо для обеспечения второго условия возбуждения уголовного дела – получения достаточных данных. Необходимость такой оговорки вызвана тем, что в материалах проверки создания, распространения и использования вредоносных компьютерных программ очень часто присутствует не один документ, являющийся поводом к возбуждению уголовного дела из перечня, указанного в части 1 ст. 140 УПК РФ. Как показывает анализ изученных материалов уголовных дел, возбужденных по признакам преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ, во всех случаях производится предварительная проверка, иногда занимающая длительное время и включающая целый ряд проверочных мероприятий. Такие преступления редко вызывают общественный резонанс и далеко не всегда имеют явные признаки преступного характера, как это бывает, например, при обнаружении признаков насильственной смерти или при крушении авиационного судна, когда решение о возбуждении уголовного дела принимается почти незамедлительно при появлении повода.

Обращаясь к исследованиям компьютерных преступлений иных видов, в механизмах которых достаточно часто в качестве предикатного присутствует создание, использование или распространение вредоносных программ можно обнаружить схожие особенности в стадии возбуждения. Так, В. В. Коломинов, изучая состояние в 2017 году сформировавшейся к тому моменту судебной следственной практики расследования мошенничества в сфере компьютерной информации, получил следующие результаты: в 80 % случаях возбуждения уголовного дела по признакам преступления исследуемой им категории поводом послужило заявление, полученное от граждан или юридических лиц; остальные 20 % составили сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученные из иных источников, оформленные рапортом об обнаружении признаков преступления, которые составили сотрудники органа дознания или следователи, проводившие проверку сообщения о преступлении [4]. Случаи мошенничества в сфере компьютерной информации, исследованные им, не всегда сопряжены с совершением создания, использования и распространения вредоносных программ. Кроме того, все¹ такие корыстные преступления возбуждаются по заявлению потерпевшего или его законного представителя, что прямо предусмотрено законом. Учитывая это, приведенные выше результаты только в некоторой степени совпадают с полученными нами при исследовании судебной следственной практики создания, использования и распространения вредоносных программ. Однако при этом также следует учитывать, что при расследовании такого рода мошенничества, не всегда удается уста-

¹ Категоричность этого суждения не совсем корректна, хотя существующие исключения из указанного правила, по нашему мнению, могут повлиять на результаты «на уровне статистической погрешности».

новить обстоятельства, указывающие на использование преступниками вредоносной программы, не смотря на присутствие в механизме расследуемого ими преступления некоторых признаков, указывающих на высокую вероятность этого. Так, например, в одном из случаев, изученных в процессе проводимого нами исследования, удалось рассмотреть, что при расследовании одного из уголовных дел о компьютерном мошенничестве было доказано, что Ш., используя имя пользователя и пароль от сайта «Госуслуги», принадлежащих С., на странице личного кабинета оформил заявку на получение положенной С. единовременной выплаты в сумме 10 000 рублей, указав при этом в заполненной им анкете номер банковского счета, открытого на имя бабушки его супруги. Как стало известно из беседы со следователем, расследовавшим данное преступление, преступник вначале расследования и при проверке сообщения о преступлении объяснял получение им пароля путем самостоятельного подбора случайных вариантов. Очевидно, что без использования программных средств, которые автоматически нейтрализуют средства защиты путем подбора случайных вариантов паролей, вероятность достижения такого результата стремится к нулю. Вероятно, предполагая это, сторона защиты впоследствии объяснила получение пароля приобретением его на одном из сайтов так называемого «даркнета». Вспомнить подробности такого приобретения при этом не представилось возможным. Опровергнуть эту версию следствию не удалось, и учитывая, что это не мешало квалифицировать действия Ш. по статье УК, предусматривающей уголовную ответственность за совершение хищения, данное обстоятельство в представленной стороной защиты форме было заложено в предъявленное обвинение. Но даже такая версия, тем не менее, с высокой степенью вероятности предполагает использование вредоносной программы предоставившими Ш. через ресурсы «даркнета» пароль.

Здесь необходимо отметить еще одну характерную особенность расследования рассматриваемой нами категории преступлений, заключающуюся в том, что с заявлением об использовании вредоносных программ в отношении их компьютерной информации чаще всего в правоохранительные органы обращаются физические лица, а не представители юридических. О. П. Бердникова и С. С. Ржанникова связывают такую тенденцию с тем, что различные организации часто не заинтересованы в придании огласке факта посягательства на свою информационную систему, боясь причинить ущерб репутации. В этой связи они скрывают подобные преступления, привлекая к устранению уязвимостей службы безопасности и подразделения, обеспечивающие информационную безопасность [2, с. 47].

Кроме того, в материалах уголовных дел нередко можно встретить такой повод к возбуждению уголовного дела, как явка с повинной. Однако, анализ материалов проверки сообщений о преступлениях дает основания поставить под сомнение факт того, что лица, обративши-

ся с таким поводом, действительно исключительно по своей инициативе, искренне раскаявшись в содеянном, самостоятельно решили прекратить свою преступную деятельность и заявить об этом в правоохранительные органы. Кроме прочего, на это указывает частое присутствие в материалах наряду с явкой с повинной, материалов оперативно-розыскной деятельности, к которым прилагается рапорт об обнаружении признаков преступления. Так, к примеру, в г. Кострома в 2019 году сотрудниками ФСБ в результате осуществления оперативно-розыскной деятельности был установлен Г., который занимался распространением вредоносных программ, предназначенных для нейтрализации средств защиты путем автоматизированного подбора учетных записей к популярным онлайн-сервисам купли-продажи товаров и услуг, получения доступа к управлению учетными записями пользователей, для хищения данных кредитных/дебетовых карт, вывода имеющихся на балансе средств через доступных электронных платежных системы. Следствию были предоставлены рассекреченные материалы, полученные в результате проведения оперативного эксперимента с соответствующим рапортом об обнаружении признаков преступления. В первом томе материалов уголовного дела (л. 104–105) также имелась полученная от Г. явка с повинной. Следует отметить, что данное обстоятельство, являющееся поводом к возбуждению уголовного дела, не было впоследствии признано судом как обстоятельство, смягчающее наказание, так как это сообщение лицом о преступлении было сделано в связи с его задержанием по подозрению в совершении этого преступления [7].

Часто в качестве иных источников, являющихся поводом к началу проведения проверки сообщения о создании, использовании или распространении вредоносных программ выступают материалы, полученные в результате осуществления оперативно-розыскной деятельности. О тенденциозности этого явления отмечалось еще в 2014 году в разработанных Генеральной прокуратурой Российской Федерации методических рекомендациях по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации [5]. Как показало проведенное исследование, данный тезис остается актуальным и к настоящему моменту.

Наиболее распространенными оперативно-розыскными мероприятиями, являющимися поводом к возбуждению в форме иных источников, являются проверочная закупка и оперативный эксперимент. Так, например, при расследовании уголовного дела № 60001 как и в предыдущем примере в г. Костроме было установлено, что А. на неустановленных следствием ресурсах открытой информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» получил вредоносную программу «Brutal V.0.8», предназначенную для получения регистрационных данных (логинов и паролей) учетных записей «lсq» и электронной почты третьих лиц, нейтрализуя средства защиты компьютерной информации. А. сбыл эту программу

пользователю с ник-неймом «Prado», которым являлся сотрудник Управления ФСБ России, действовавший в рамках осуществления оперативно-розыскного мероприятия «Проверочная закупка» [9].

Однако, некоторых случаях можно встретить и другие, предусмотренные законом, ОРМ, такие как наблюдение, опрос, наведение справок и др. Так, в Екатеринбурге были выявлены неоднократные факты распространения компьютерных программ и иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для модификации и нейтрализации средств защиты программных продуктов, правообладателем которых является ООО «1С-Софт». Распространение осуществлял П., путем копирования на свой компьютер вредоносных программ с последующим предоставлением свободного доступа для копирования их с использованием FTP-ресурса абонентам Интернет-провайдера ЗАО «АКАДО-Екатеринбург». Для документирования такого рода преступной деятельности оперуполномоченный Г. отдела «К» ГУ МВД России по Свердловской области в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия «Наблюдение» произвел осмотр FTP-ресурса и пиринговой сети, а также копирование на оптический носитель компьютерной информации компьютерных программ обладающих признаками вредоносности [10].

При поступлении материалов, полученных в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, следователь вне зависимости от того, на каком этапе расследования они были ему предоставлены, должен прежде всего проверить: полноту предоставляемых материалов, б) законность и обоснованность проведения и получения результатов, в) соблюдение порядка предоставления. Только при соблюдении этих условий возможно использовать информацию, содержащуюся в предоставляемых материалах.

Исходя из приведенных данных о наиболее часто встречающихся поводах к возбуждению уголовного дела по признакам создания, использования и распространения вредоносных программ, можно сделать обоснованное предположение о типичных следственных ситуациях, складывающихся на стадии возбуждения. И данное предположение вполне подтверждается результатами изучения материалов проверок сообщения о таких преступлениях, которое показало, что типичными исходными ситуациями являются когда: заявитель самостоятельно выявил факт использования вредоносной программы; об использовании или распространении вредоносной программы стало известно правоохранительным органам в результате осуществления оперативно-розыскной деятельности; в процессе расследования уголовного дела, был выявлен дополнительный эпизод аналогичный уже расследуемому факту преступного деяния; в процессе расследования уголовного дела, возбужденного по факту преступления не предусмотренного ст. 273 УК РФ был установлен факт умышленного использования преступниками вредоносной программы, ее создания или распространения.

Использование вредоносной программы при совершении другого преступления, не предусмотренного ст. 273 УК РФ, подлежит дополнительной квалификации по ней, в связи с чем расследование или проверка сообщения о преступлении будет содержать отдельный комплекс процессуальных действий или мероприятий, прямо связанных с этим преступлением. Наряду с основным преступлением, например, предусмотренным ст. 159 УК РФ, создание, использование и распространение вредоносных программ, безусловно, подлежит условно отдельному (в некоторой степени – обособленному) доказыванию при расследовании или проверке на стадии возбуждения. Особенности этих процессов не имеют существенных отличий, связанных с квалификацией основного преступления.

Иными словами, вне зависимости от характера основного расследуемого преступления, проверка сообщения дополнительного предикатного эпизода преступной деятельности, имеющего признаки, предусмотренного статьей 273 УК РФ в каждом случае будет преимущественно одинаковой. Существенным отличием будет являться только то, что в случаях сложных механизмов расследуемых преступлений, сложность которых обусловлена присутствием основного преступления корыстного характера, будет высокая вероятность оказания серьезного противодействия расследованию. В связи с этим следует проводить проверочные мероприятия, изначально имеющие по своему определению доказательственное значение, т. е. следственные действия в рамках возбужденного уголовного дела по признакам основного преступления. Это позволяет фиксировать, например, идеальные следы в форме показаний, а не при получении объяснений в порядке ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Доказательственный характер получаемой информации таким образом может позволить предотвратить возможность использования стороной защиты некоторых форм противодействия. Кроме того, наличие возбужденного уголовного дела позволяет в полной мере осуществлять оперативное сопровождение, которое может включать любое из перечисленных оперативно-розыскных мероприятий.

Как известно, кроме повода к возбуждению уголовного дела необходимы основания. Во всех случаях определения перечня первоначальных проверочных мероприятий в рамках проверки сообщения о преступлении необходимо определить минимальный объем данных, которых будет достаточно для возбуждения, наличие которых и необходимо проверить. На стадии возбуждения нет необходимости получать достаточные данные о таких элементах состава преступления, как объект, определяющийся априори в силу включения преступления в один из разделов особенной части УК и субъект, для которого законом не предусмотрены особые требования, и который может оставаться неустановленным даже после возбуждения [6]. Таким образом, для получения достаточных данных, которые бы позволили принять решение по результатам провер-

ки сообщения о преступлении, необходимо получить данные о всех обязательных признаках объективной стороны и прямом умысле на совершение преступных действий вне зависимости от преследуемых мотивов и целей.

При этом в материалах, собираемых в ходе проведения проверки сообщения о преступлении обычно присутствуют: заявление пострадавшего или подвергшегося воздействию вредоносной программы; рапорт об обнаружении признаков преступления; материалы ОРД, предоставленные следователю; протокол осмотра места происшествия по месту обнаружения факта оборота вредоносной программы; объяснения лиц, задействованных в механизме проверяемого преступления; объяснения лиц, имеющих доступ к компьютерному техническому устройству, являющемуся одним из элементов механизма преступления; журналы NetFlow регистрации событий, предоставляемые поставщиком услуг доступа к сети «Интернет»; заключение эксперта или специалиста [8, с. 115].

Из конструкции правовой нормы, предусматривающей уголовную ответственность за совершение преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ мы выделили следующие элементы, требующие обязательного подтверждения для принятия решения о возбуждении уголовного дела: (1) вредоносный характер компьютерной программы или компьютерной информации, заключающийся в ее предназначении для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации или копирования, а также нейтрализации средств защиты компьютерной информации; (2) отнесение информации, подвергаемой (или потенциально подвергаемой) перечисленным формам воздействия, к компьютерной; (3) наличие в действиях преступников в отношении присутствующей в механизме преступления вредоносной компьютерной программы или компьютерной информации признаков, позволяющих определить эти действия как создание, распространение или использование; (4) «заведомость», предполагающая изначальную осведомленность преступников о вышеуказанном вредоносном характере программы, присутствующей в механизме совершаемого ими преступления.

Думается, что подтверждение перечисленных обстоятельств, собранными при проведении проверки материалами, будет достаточным основанием для того, чтобы принять решение о возбуждении уголовного дела. Опровержение хотя бы одного из них или постановка его под серьезное сомнение, напротив, повлечет необходимость принятия решения об отказе в возбуждении. Добиться прямого подтверждения перечисленных обстоятельств, в представленной в данном перечне формулировке, при проверке сообщения о преступлении возможно далеко не всегда. Особенно, если это касается обстоятельств юридического характера, таких, как признание компьютерной информации вредоносной. Специалист или эксперт не могут прямо ответить на

вопрос о том, является ли представленная программа вредоносной¹, но специальные знания, которыми они обладают, вполне позволяют определить, для чего она предназначена. Выводы юридического характера должны быть сделаны на основании ответа на этот вопрос. «Вредоносность программного обеспечения категория юридическая и находится в компетенции правоприменителя. ... Так или иначе выводы эксперта будут иметь лишь ориентирующий характер в разрешении вопроса о вредоносности программы» [1, с. 117].

Особое значение на этапе возбуждения уголовного дела по признакам создания, использования и распространения вредоносных программ имеет такая составляющая, как объяснения сотрудников организаций, выступающих элементами механизма совершения преступления. Необходимо помнить, что для принятия решения о возбуждении уголовного дела требуется однозначно определить, в действиях преступников признаки использования, распространения, а в некоторых случаях и создания программы, охарактеризованной как вредоносная. Учитывая исчерпывающий перечень форм оборота вредоносных программ, предусмотренных законодателем, на это следует обратить особое внимание.

Подводя итоги рассмотрения нами некоторых особенностей стадии возбуждения уголовного дела по признакам создания, распространения и использования вредоносных компьютерных программ можно отметить, что центральную часть проверки сообщения о таком преступлении занимает быстрое и качественное использование специальных знаний сведущих лиц в области информационных технологий и компьютерной техники. Выводы, сделанные специалистом или экспертом ложатся в основу последующей работы по обнаружению и фиксации не только материальных подтверждений элементов механизма преступной деятельности, но и идеальных следов, в которых отразились обстоятельства преступления, без подтверждения которых невозможно принять решение о возбуждении уголовного дела или об отказе.

Список источников

1. Противодействие преступлениям, совершаемым в сфере компьютерных технологий : учебник / Андреев А. В., Гончар В. В., Гончар Н. Н. [и др.] ; под ред. Калиниченко И. А. М. : ИНФРА-М, 2022. 624 с.

2. Бердникова О. П., Ржанникова С. С. Особенности возбуждения уголовных дел о мошенничестве в сфере компьютерной информации и типичные следственные ситуации на первоначальном этапе расследования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 3 (27). С. 46–49.

¹ В материалах некоторых из изученных нами уголовных дел, эксперты или специалисты все же характеризовали исследуемую программу как вредоносную, и это не было поставлено под сомнение стороной защиты или судом.

3. Кардашевская М. В. Проблемы реформирования стадии возбуждения уголовного дела // Материалы всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием. Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний (Пермь). 2019. С. 54–60.

4. Коломинов В. В. Расследование мошенничества в сфере компьютерной информации: научно-теоретическая основа и прикладные аспекты первоначального этапа: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2017. С. 88.

5. Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации: утв. Генпрокуратурой России от 30.05.2014 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70542118/> (дата обращения 01.03.2023).

6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 3 // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.03.2023).

7. Приговор № 1-568/2019 от 16 декабря 2019 г. по делу № 1-568/2019 // Архив Свердловского районного суда г. Костромы.

8. Пузарин А. В. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации, совершаемых против собственности : учебное пособие // Московский ун-т МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020.

9. Уголовное дело № 1-434/2016. Архив Свердловского районного суда г. Кострома. 2016.

10. Уголовное дело № 1-330/2017 // Архив Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбург. 2017.

11. Уголовное дело № 1-126/2017 // Архив Буйского районного суда Костромской области. 2018.

References

1. Countering crimes committed in the field of computer technology: textbook / Andreev A. V., Gonchar V. V., Gonchar N. N. [et al.]; ed. Kalinichenko I. A. M. : INFRA-M, 2022. 624 p.

2. Berdnikova O. P., Rzhannikova S. S. Features of the initiation of criminal cases of fraud in the field of computer information and typical investigative situations at the initial stage of the investigation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3 (27). P. 46-49.

3. Kardashevskaya M. V. Problems of reforming the stage of initiation of a criminal case // Materials of the All-Russian correspondence scientific and practical conference with international participation. Perm Institute of the Federal Penitentiary Service (Perm). 2019. P. 54–60.

4. Kolominov V. V. Investigation of fraud in the field of computer information: scientific and theoretical basis and applied aspects of the initial stage: dis. ... cand. jurid. sciences'. Irkutsk, 2017. p. 88.

5. Methodological recommendations on the implementation of prosecutorial supervision over the execution of laws in the investigation of crimes in the field of computer information: approved. By the Prosecutor General's Office of Russia from 30.05.2014 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70542118/> (accessed: 01.03.2023).

6. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation. 2017. No. 3 // URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: 07.03.2023).

7. Verdict No. 1-568/2019 of December 16, 2019 in case No. 1-568/2019 // Archive of the Sverdlovsk District Court of Kostroma.

8. Puzarin A. V. Investigation of crimes in the field of computer information committed against property: studies. manual // Moscow Un-t of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, 2020.

9. Criminal case No. 1-434/2016. Archive of the Sverdlovsk District Court of Kostroma. 2016.

10. Criminal case No. 1-330/2017 // Archive of Ordzhonikidze District Court of Yekaterinburg. 2017.

11. Criminal case no. 1-126/2017 // Archive of the Buysky District Court of the Kostroma region. 2018.

Статья поступила в редакцию 27.09.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 16.01.2024.

The article was submitted 27.09.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 16.01.2024.

Научная статья
УДК 343.140.02
<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-61-66>
EDN: <https://elibrary.ru/oqtkow>
НИОН: 2015-0066-1/24-903
MOSURED: 77/27-011-2024-01-102

Актуальные направления деанонимизации правонарушителей в сфере IT

Владимир Владимирович Гончар¹, Борис Рафаелович Аветисян², Карэн Рафаелович Аветисян³

^{1,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² Научно-исследовательский институт образования и науки, Москва, Россия, Boris.Avetisyan@gmail.com

¹ VGonchar8@mvd.ru

³ Karen-Avetisyan-1989@bk.ru

Аннотация. Рассматриваются основные теоретические, юридические и технические аспекты установления лиц, совершающих преступления в сфере информационных технологий. Особое внимание уделено описанию механизмов маскирования передачи данных и установлению ключевых элементов модели противодействия анонимной работе правонарушителей, построенной на основе SDN – Software Defined Networking, DXE – Decentralized Exchange, DPI – Deep Packet Inspection, AML – Anti-Money Laundering, «KYC» – know your customer/client и «KYT» – know your transaction технологий.

Ключевые слова: противодействие киберпреступности, деанонимизация, логирование удаленного управления, эвристические методы анализа трафика, децентрализованные криптобиржи

Для цитирования: Гончар В. В., Аветисян Б. Р., Аветисян К. Р. Актуальные направления деанонимизации правонарушителей в сфере IT // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 61–66. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-61-66>. EDN: OQTKOW.

Original article

Current directions of deanonymization of IT offenders

Vladimir V. Gonchar¹, Boris R. Avetisyan², Karen R. Avetisyan³

^{1,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

² Scientific Research Institute of Education and Science, Moscow, Russia, Boris.Avetisyan@gmail.com

¹ VGonchar8@mvd.ru

³ Karen-Avetisyan-1989@bk.ru

Abstract. The main theoretical, legal and technical aspects of identifying persons who commit crimes in the field of information technology are considered. Special attention is paid to the description of the mechanisms of masking data transmission and the establishment of key elements of the model of countering the anonymous work of offenders, based on technologies: SDN – Software Defined Networking, DXE – Decentralized Exchange, DPI – Deep Packet Inspection, AML – Anti-Money Laundering, «KYC» – know your customer/client and «KYT» – know your transaction.

Keywords: countering cybercrime, deanonymization, remote control logging, heuristic methods of traffic analysis, decentralized crypto exchanges

For citation: Gonchar V. V., Avetisyan B. R., Avetisyan K. R. Current directions of deanonymization of IT offenders. Bulletin of economic security. 2024;(1):61–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-61-66>. EDN: OQTKOW.

Мониторинг цифрового пространства со стороны государственных органов является обязательным элементом безопасности личности, общества и государства. Этот механизм можно представить в виде процессуального, технического и силового элементов. Взаимодействие вышеуказанных элементов будет определять

эффективность контроля информации, в частности на Deep-Web платформах [1; 2]. На территории России выход в открытую сеть реализован через национальный домен «.ru» [3].

При регистрации доменных имен в домене «.ru» необходимо предоставить соответствующую устано-

© Гончар В. В., Аветисян Б. Р., Аветисян К. Р., 2024

вочную информацию [4] о лице и заполнить обязательную документацию, в том числе, заполнить анкету владельца домена, где необходимо указать паспортные данные [5], и при обнаружении следов организации незаконной деятельности на доменном имени зарегистрированном в домене .ru правоохранительным органам представляется возможным установить владельца данного ресурса, на основании подпункта 2 пункта 1 статьи 64 ФЗ № 126 от 7 июля 2003 года «О связи», который обязывает операторов связи, хранить информацию на территории Российской Федерации до шести месяцев. Данный фактор существенно ограничивает время хранения оперативно-значимых сведений, посредством которых возможна реализация мероприятий по обнаружению искомого лица [6].

Зарегистрированное доменное имя ресурса выступает одним из идентификаторов, позволяющих установить владельца хоста (персональный компьютер, сервер, локальная сеть и т. д. – устройства, с предустановленным сетевым оборудованием, либо устройства с модульно интегрированным сетевым интерфейсом), а именно лица, на которое оно зарегистрировано. При анализе сетевого трафика следует понимать, что наряду с IPv4 – интернет-протоколом четвертой версии необходимо обратить внимание и на MAC-адрес исследуемых узлов [7]. Уникальными идентификаторами в глобальной сети выступают «белые» IP-адреса.

На каждом устройстве с сетевым интерфейсом существует ряд идентификаторов (IP-адрес и MAC-адрес), посредством которых оператор реализует целевую активность в глобальной сети.

В большинстве локальных сетей предусмотрен выход в глобальную сеть через сетевое оборудование MAN – (Metropolitan Area Network) [8]. На внутренний сервер с настроенным DHCP – (Dynamic Host Configuration Protocol) [9], позволяющим в автоматическом режиме присваивать подключаемым сетевым узлам IP-адреса из диапазона, определенного маской сети, существует сетевая кабель. Выход в Интернет пользователями данной сети, обслуживаемыми вышеуказанным сервером, не зависимо от топологии сети: кольцо, шина, звезда, древо и т. д., – реализован посредством сетевого протокола NAT [9]. При наличии соответствующих сведений за интересующий период времени, производим корреляцию – сопоставляем внутренние (локальные) IP-адреса с внешние IP-адреса (глобальные), посредством которых узлы локальной сети взаимодействовали с ресурсами глобальной сети, туннелируемыми узлами (например: облачные хранилища) и др.

Одним из наиболее важным компонентов при анализе активности сетевых узлов, наряду с сопоставлением белых и серых IP-адресов исследуемых объектов (лиц и их активности в сети) выступают директории хранения журналов активности узлов, условно называемое «время их жизни» (сколько времени, до перезаписи данные в рамках центров обработки данных (ЦОД)), а также таблицы маршрутизации, обеспечивающие кор-

ректную маршрутизацию пакетов данных по обслуживаемым сервером узлам [10].

Представляя глобальную сеть в виде единой магистральной транснациональной сети по всему миру, с различными уровнями доступа ее пользователей, введем понятие – цифровой юрисдикции, которую следует понимать как контролируемый государством индексируемый сегмент глобальной сети. Не индексируемые, постоянно мигрирующие сегменты в глобальной сети (Deep-Web платформы), представляют собой платформы с наивысшим уровнем приоритета к их исследованию и получению актуальной, оперативно-значимой информации.

Использовании вышеуказанными лицами технологии VPN [11], регистрации в доменном имени .com в рамках сетевой инфраструктуры недружественных государств, при организации незаконной деятельности, снижает эффективность контроля, а именно – получение информации посредством запросов провайдером на предоставление сведений об искомом объекте (сетевой интерфейс, его активность, домен и установочные данные лица при регистрации и т. д.) определяет рудиментарность векторных ограничений (целевых, направленных на конкретное лицо) в отношении организаторов противоправной деятельности.

Копиями ранее заблокированных сайтов «на территории Российской Федерации» выступают – зеркала интернет-ресурсов. При создании зеркала, владельцы сайта фактически меняют доменное имя, причем участники Web-ресурса оперативно уведомляются об актуальной, вновь «поднятой» цифровой платформе. Оперативность миграции серверной части, отсутствие ограничений на количество зеркал, определяет низкую эффективность противодействия данным ресурсам. Для блокировки такого ресурса, мигрировавшего на новое доменное имя, правоохранительным органам необходимо, повторно, формировать и реализовывать перечень процессуальных действий по результатам которого Роскомнадзор [12] проведет процедуру блокировки.

Примечание.

Обращаясь к зарубежной практике, а именно к ужесточению ответственности за подобную противоправную деятельность, формируется основа к нейтрализации клиентской базы, и как следствие снижению прибыли владельцев незаконных Интернет-ресурсов. На сегодняшний день Китай контролирует деятельность зарубежных компаний в своем сегменте информационно-телекоммуникационных сетей. Однако данный путь имеет и обратную – негативную сторону, а именно цифровую изоляцию, что сомнительно в современном мире.

Рассмотрим еще один аспект заявленной темы, а именно транзакции в финансовой сфере. Данные операции реализуются через банки, сведения, обрабатываемые в банках, относятся к категории информации ограниченного доступа [4, ч. 2 ст. 5].

В случае, если банки осуществляют свою деятельность на территории России, и/или в рамках ее цифровой юрисдикции; в соответствии с Федеральным законодательством, обязанности на предоставление соответствующих сведений распространяются на все виды транзакций.

Примечание.

В настоящее время предоставление правоохранительным органам, в частности субъектам оперативно-розыскной деятельности, сведений о транзакциях российских банков может составлять несколько месяцев, а запрос, направленный в адрес иностранного банка, может остаться без ответа. Таким образом, правоохранительные органы имеют возможность отследить только «национальную ветвь» всей транзакционной цепи. И если речь о криптовалюте, то предоставленные сведения будут отражать использование лишь «холодных криптокошельков»¹, – временных хранилищ, как правило используемых для одноразовой пересылки денежных средств или цифровых активов. Исходя из вышерассмотренных аспектов напрашивается ряд решений, в правовом плане – установить ограничение на взаимодействие отечественных и иностранных банков? На сегодняшний день, с учетом многоуровневых связей и форм взаимодействия, в частности, в сфере экономики, реализовать инициативу по изоляции зарубежного банковского сегмента – маловероятно.

Для совершенствования противодействию легализации (отмыванию) доходов [13] необходимо совершенствование нормативной правовой базы, в частности международной, регламентирующей формы взаимодействия. Приказом Генпрокуратуры России № 511, Росфинмониторинга № 244, МВД России № 541, ФСБ России № 433, ФТС России № 1313, СК России № 80 от 21 августа 2018 г. «Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем» государственных органов по контролю «межгосударственного, транснационального» закреплена межведомственная Инструкция по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем.

В рамках государственной политики совершенствования национальной «антиотмывочной» системы Федеральной службой по финансовому мониторингу реализован сбор и анализ информации, в частности о крипто-транзакциях. К вопросу эффективности – ис-

ключительно в рамках цифровой юрисдикции государства и дружественных стран. Имеют место лишь частные случаи установления владельца криптокошелька, в случаях:

– самоличного отключения VPN и взаимодействие с «контролируемым» правоохранительными органами сетевым оборудованием;

– многократного изменения сетевого интерфейса за единицу времени, признак использования VPN;

– произведение реверса анализируемой транзакции в обе стороны, с выявлением «миксеров»², после чего редукцией приведение в линейный вид, объединив все разветвления цифровых активов в блок, тем самым получить начальные и окончательные хеш-суммы транзакции конкретной криптовалюты.

Исследование технической природы анонимизации действий пользователя определяет наличие и/или использование следующих технологий: городской сетевой инфраструктуры – MAN; в рамках которой функционирует виртуальной сервер – VPS (Virtual Private Server) провайдера, сетевая инфраструктура и оборудование которого находятся в контролируемой государственными органами цифровой юрисдикцией; на которых «поднята и развернута» виртуальная частная сеть – VPN; посредством протокола сетевого уровня – NAT реализована процедура преобразования IP-адреса(ов) узла(ов) локальной сети – LAN (Local Area Network), беспроводной локальной сети – WLAN (Wireless Local Area Network), либо удаленного туннелируемого узла.

Анализ активности пользователей сети, позволяет идентифицировать лицо и его активность на конкретном хосте (сетевом узле), в том числе окончательном.

Первым компонентом к изучению выступает технология проверки данных в сетевых пакетах – DPI (Deep Packet Inspection), предоставляющая возможности изучения накопленных статистических данных и его фильтрации. Провайдер как координатор «отслеживает» весь трафик, по всем уровням модели OSI (Open Systems Interconnection), обслуживаемых им хостов. Представляющий оперативный интерес, «аномальный трафик», в соответствии с руководящей документацией и внутренними инструкциями, в целях эргономичности обращения к нему в сегменте базы данных и последующим его анализе, записывается в отдельные «логи» (журналы событий).

В случаях если по исследуемому сетевому узлу будет установлен дата-центр, следует предположить использование VPN-сервера. При использовании на хосте технологии VPN (оборудование, выход в сеть которого реализован с контролируемой территории) – изменение

¹ Cold Storage – холодное хранение, т. е. криптокошелек, который не имеет постоянного подключения к сети Интернету. Подразумевает хранение валюты офлайн под защитой персонального ключа. К таковым относят, например, аппаратный криптокошелек, хранящийся на отдельном устройстве, внешне похожем на флеш-накопитель / <https://profinvestment.com/cold-hot-cryptocurrency-wallets/> (дата обращения: 19.09.2023).

² Сервис, который позволяет пользователям скрывать происхождение и назначение транзакций. Пользователи отправляют криптовалюту в сервис, смешивают эту криптовалюту с другими монетами или токенами, а затем отправляют эквивалентное количество «смешанных» монет на адрес получателя, скрывая связь между отправителем и получателем.

IP-адреса, DNS и т. д. следует воспользоваться утилитой IP lookup, посредством которой установить организацию, иерархию подсетей и диапазон обслуживаемых хостов.

Блокировка VPN-сервера, при наличии достоверных идентифицирующих сведений с «наблюдением» за активностью IP-адреса (поиск и обращение по принципу процесса DORA (Discovery-Offer-Request-Acknowledge) в протоколе DHCP к иным, доступным для хоста VPN-серверам).

Блокировка провайдером «эталонных» портов VPN:

– 1194 (OpenVPN),

– UDP-порты 500 и 4500 (протокол IPSec & протокол IKEv2),

– 1701 (протокол L2TP).

Примечание.

Важно отметить, порт 443, заблокировать при анализе активности не представится возможным так как данный порт используется при передаче трафика по протоколу HTTPS – Hyper Text Transfer Protocol Secure (предназначен для безопасной передачи данных в сети Интернет).

Нередко правонарушители используют механизм маскирование протокола OpenVPN на стек протоколов TCP/UDP в целях анонимизации и легализации трафика. Шифрование OpenVPN имеет отличительную подпись, отличительный маркер которой отслеживается посредством DPI. Функция VPN, позволяющая скрыть зашифрованный трафик OpenVPN, имитируя его в обычный интернет-трафик именуется «обфускацией». Реализуется путем удаления связанных с VPN данных из пакета OpenVPN и назначения ему порта 443, изначально предназначенного для передачи трафика по протоколу HTTPS.

Анализ активности узла и установление протоколов передачи данных:

– IKEv2 (Internet Key Exchange Version 2),

– WireGuard, SSTP (Secure Socket Tunneling Protocol),

– PPTP (Point-to-Point Tunneling Protocol), выявление маркеров инкапсуляции сетевых пакетов GRE (Generic Routing Encapsulation).

Использования роf (идентификация удаленных систем), анализ трафика позволяет установить:

– ОС (операционную систему);

– MTU (Maximum transmission unit – максимальный размер полезного блока данных одного пакета);

– используемый браузер.

Добавив экспорт MTU через API (Application Programming Interface) и обновив сигнатуры, появляется возможность установить пользователей VPN-протоколов, проху (сетевой «посредник» между узлами), а также выявить смену User-Agent (идентификатор браузера).

Далее рассмотрим механизм деанонимизации через преднамеренный вызов утечки VPN-трафика. Провайдер может вызвать подключение по протоко-

лу IPv6 на исследуемом сетевом узле, отправляя поддельные ICMPv6 Router Advertisement сообщения. Подобные пакеты могут быть разосланы при помощи утилит: rtadvd, THC-IPv6, SI6 Networks' IPv6 Toolkit и др.

Важно отметить, что исследуемый узел должен поддерживать обе версии протокола IP: IPv4 и IPv6. Осуществляя рассылку Router Advertisement (сообщение, инициируемое маршрутизатором/роуэтром) сообщений, содержащих соответствующую RDNSS-опцию (рекурсивный DNS-сервер), провайдер имитирует локального рекурсивного DNS-сервера, после чего производит DNS-спуфинг (переадресации пользователей с запрошенного им ресурса на указанный инициатором), и изучить сетевой трафик объекта исследования.

В случае если IPv6 VPN-клиентом не поддерживается, реализуется отключение поддержки шестой версии протокола IP на всех сетевых интерфейсах. Таким образом, у приложений, запущенных на компьютере, не будет другого выбора, как использовать IPv4. Если же IPv6 поддерживается, то справедлива версия, о том, что весь IPv6-трафик отправляется через VPN.

Требования к гибкости и масштабируемости компьютерных сетей определили государственным структурам приоритетную задачу по обеспечению безопасности элементов сети, в особенности распределенных высокопроизводительных кластеров обработки Больших Данных (BIG DATA) и интеграции технологий виртуализации для предоставления облачных сервисов (Cloud Bursting).

По нашему мнению, модель противодействия анонимизации действий правонарушителей в информационно-телекоммуникационной сети должна состоять из следующих элементов:

I. SDN – Software Defined Networking – форма виртуализации вычислительных ресурсов с функцией удаленного программно-конфигурирования сети, выполняющей функции: разделения передачи трафика, его контроля и управления; определения единого интерфейса между устройствами управления и передачи данных, оптимизации контроля всех сетевых узлов в структуре сети; объединение управление узлами сети и применение соответствующих политик безопасности между Software Defined Networking («северный мост»); между физическими сетевыми устройствами («южный мост»).

Примечание:

Информационный поток «северный мост» реализован на базе протокола REST API – работа с логическими компонентами.

Информационный поток «южный мост» реализован посредством протокола OpenFlow, обеспечивающий взаимодействие контроллера с сетевыми устройствами.

II. DPI-Deep Packet Inspection – глубокий анализ трафика (пакетов); RDP – Remote Desktop Protocol – протокол удаленного подключения.

Посредством DPI реализуется:

- контроль и управление аварийными событиями на устройствах;
- сбор логированной информации с устройств;
- опрос характеристик производительности устройств;
- представление информации по нагрузке компонентов ЭВМ.

Анализ эвристической модели исследуемого трафика/протоколов включает:

- структуру передаваемых данных;
- принадлежность передаваемого трафика/пакета к конкретному приложению;
- частоту открытия сессий;
- формат заголовков;
- размер пакета;
- номера портов;
- иную информацию, идентифицирующую исследуемый трафик.

DPI устанавливается на границе сети оператора/провайдера и наиболее эффективен при анализе трафика в симметричных сессиях. В случае же если трафик ассиметричен, не целесообразно контролировать весь массив данных, анализировать следует лишь метаданные, явно характеризующие исследуемый трафик. Данная процедура может быть реализована при помощи инкапсуляции в broadcast-фреймы, с отправкой на DPI-устройства, находящиеся в едином домене. Далее посредством анализа метаданных исследуемого трафика в логах, устанавливаются сессии с аналогичными данными, таким образом возможно определить источник отправки пакетов данных и установить узлы в рамках национальной «цифровой юрисдикции».

III. AML – Anti-Money Laundering – противодействие отмыванию денег, полученных преступным путем. В отношении DEX источников (транзитных адресов, децентрализованных биржевых аккаунтов, зарегистрированных на «третьи» лица) включает в себя «KYC» – know your customer/client, – принцип деятельности финансовых институтов (банков, бирж, криптобирж и т. п.), обязывающий их идентифицировать личность контрагента, прежде чем проводить финансовую операцию; «KYT» – know your transaction¹, включая:

- историю поступлений на криптовалютный адрес;
- вероятность связи с незаконной деятельностью;
- особенности поведения пользователя;
- иную доступную информацию об адресе и его связях.

Примечание.

¹ KYT это дополнение к уже известному процессу KYC, который требует от компаний проверки личности своих клиентов для предотвращения мошенничества и других незаконных действий. Основная цель KYT – предотвратить отмывание денег, финансирование терроризма и другие виды преступной деятельности путем обнаружения необычных или подозрительных моделей транзакций.

Следует учитывать готовые программные решения, в рамках которых разработчиком – составителем алгоритмируются, прописываются все условия в смарт-контрактах. Представляя собой программный код, не исключается наличие – стегано и крипто-контейнеров с дополнительными условиями, jitr-ов в исполняемом коде, целью которых выступает включение заранее недеklarированных возможностей.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации / Информационная безопасность / 57. Достижение цели обеспечения информационной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение следующих задач // СПС «КонсультантПлюс», 2023.
2. ГОСТ Р 58210-2018/ISO/IEC TR 29181-1:2012. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационные технологии сети будущего. Формулировка проблем и требования // СПС «КонсультантПлюс», 2023.
3. ГОСТ Р ИСО 14813-1-2011. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационные технологии сети будущего. Формулировка проблем и требования. Интеллектуальные транспортные системы. Схема построения архитектуры интеллектуальных транспортных систем // СПС «КонсультантПлюс», 2023.
4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс», 2023.
5. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс», 2023.
6. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» // СПС «КонсультантПлюс», 2023.
7. ГОСТ Р 53632-2009. Национальный стандарт Российской Федерации. Показатели качества услуг доступа в интернет / Термины и определения // СПС «КонсультантПлюс», 2023.
8. ГОСТ 33707-2016. Межгосударственный стандарт. Информационные технологии (ISO/IEC 2382:2015) // СПС «КонсультантПлюс», 2023.
9. ГОСТ Р 56045-2021/ISO/IEC TS 27008:2019. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационные технологии. Методы и средства обеспечения безопасности. Раздел 13 Безопасность коммуникаций. В.2 Оценка мер обеспечения информационной безопасностью 13.1 Менеджмент информационной безопасности сетей // СПС «КонсультантПлюс», 2023.
10. Указ Президента РФ от 1 мая 2022 г. № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс», 2023.

11. ГОСТ Р 53729-2009. Национальный стандарт Российской Федерации. Качество услуги «предоставление виртуальной частной сети (VPN)» // СПС «КонсультантПлюс», 2023.

12. Постановление Правительства РФ от 16 марта 2009 г. № 228 «О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» // СПС «КонсультантПлюс», 2023.

13. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation / Information Security / 57. Achieving the goal of ensuring information security is carried out through the implementation of state policy aimed at solving the following tasks» // SPS «ConsultantPlus», 2023.

2. GOST R 58210-2018/ISO/IEC TR 29181-1:2012. The national standard of the Russian Federation. Information technology networks of the future. Formulation of problems and requirements // SPS «ConsultantPlus», 2023.

3. GOST R ISO 14813-1-2011. The national standard of the Russian Federation. Information technology networks of the future. Formulation of problems and requirements. Intelligent transport systems. The scheme of building the architecture of intelligent transport systems // SPS «ConsultantPlus», 2023.

4. Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 «On Information, Information Technologies and Information Protection» // SPS «ConsultantPlus», 2023.

5. Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 «On Personal Data» // SPS «ConsultantPlus», 2023.

6. Federal Law No. 126-FZ of July 7, 2003 «On Communications» // SPS «ConsultantPlus», 2023.

7. GOST R 53632-2009. The national standard of the Russian Federation. Indicators of the quality of Internet access services / Terms and definitions // SPS «ConsultantPlus», 2023.

8. GOST 33707-2016. The interstate standard. Information technologies (ISO/IEC 2382:2015) // SPS «ConsultantPlus», 2023.

9. GOST R 56045-2021/ISO/IEC TS 27008:2019. The national standard of the Russian Federation. Information technology. Methods and means of ensuring security. Section 13 Security of communications. B.2 Assessment of information security measures 13.1 Management of information security of networks // SPS «ConsultantPlus», 2023.

10. Decree of the President of the Russian Federation No. 250 dated May 1, 2022 «On additional measures to ensure the information security of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus», 2023.

11. GOST R 53729-2009. The national standard of the Russian Federation. The quality of the service «provision of a virtual private network (VPN)» // SPS «ConsultantPlus», 2023.

12. Decree of the Government of the Russian Federation dated March 16, 2009 No. 228 «On the Federal Service for Supervision in the field of Communications, Information Technologies and Mass Communications» // SPS «ConsultantPlus», 2023.

13. Federal Law No. 115-FZ of August 7, 2001 «On Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism».

Информация об авторах

В. В. Гончар – начальник кафедры информационной безопасности учебно-научного комплекса информационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Б. Р. Аветисян – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института образования и науки;

К. Р. Аветисян – старший преподаватель кафедры информационной безопасности учебно-научного комплекса информационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

V. V. Gonchar – Head of the Department of Information Security of the Information Technology Training and Research Complex of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

B. R. Avetisyan – Chief Researcher of the Scientific Research Institute of Education and Science;

K. R. Avetisyan – Senior Lecturer of the Department of Information Security of the Information Technology Training and Research Complex of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.09.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 16.01.2024.

The article was submitted 20.09.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 16.01.2024.

Научная статья

УДК 34.01

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-67-70>

EDN: <https://elibrary.ru/oslbvi>

НИОН: 2015-0066-1/24-904

MOSURED: 77/27-011-2024-01-103

Права и обязанности мужчин в крестьянской среде во второй половине XIX столетия в рамках обычного права, самосуда и конокрадства

Сергей Николаевич Грошев¹, Евгений Геннадьевич Усов²

¹ Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия,

groshev_sergej@mail.ru

² Байкальский институт БРИКС Иркутского национального исследовательского технического университета, Иркутск, Россия, usov.evgeniy@list.ru

Аннотация. Приводится сравнительный анализ правового положения мужской гендерной группы через осмысление исторически сложившихся норм обычного права в крестьянской среде во второй половине XIX века. С помощью исторического метода исследована правовая регуляция самосуда и конокрадства в деревнях центральной России и Сибири в указанный период в аспекте анализа правового положения мужчин. С помощью ретроспективного анализа соотносятся такие понятия как «обычное право» и «самосуд» через призму мужских прав и обязанностей.

Ключевые слова: права и обязанности мужчин, обычное право, самосуд, конокрадство, крестьянская социокультурная среда

Для цитирования: Грошев С. Н., Усов Е. Г. Права и обязанности мужчин в крестьянской среде во второй половине XIX столетия в рамках обычного права, самосуда и конокрадства // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 67–70. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-67-70>. EDN: OSLBVI.

Original article

The rights and duties of men in the peasant environment in the second half of the XIX century within the framework of customary law, lynching and horse theft

Sergey N. Groshev¹, Evgeny G. Usov²

¹ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia,

groshev_sergej@mail.ru

² Baikal Institute BRICS of the Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, usov.evgeniy@list.ru

Abstract. A comparative analysis of the legal status of the male gender group is presented through an understanding of the historically established norms of customary law in the peasant environment in the second half of the XIX century. Using the historical method, the legal regulation of lynching and horse theft in villages of central Russia and Siberia during this period was studied in the aspect of analyzing the legal status of men. With the help of a retrospective analysis, such concepts as «customary law» and «lynching» are correlated through the prism of men's rights and duties.

Keywords: rights and duties of men, customary law, lynching, horse theft, peasant socio-cultural environment

For citation: Groshev S. N., Usov E. G. The rights and duties of men in the peasant environment in the second half of the XIX century within the framework of customary law, lynching and horse theft. Bulletin of economic security. 2024;(1): 67–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-67-70>. EDN: OSLBVI.

Актуальность заявленной темы обуславливается в сибирской деревне конца XIX столетия, затрагивает тем, что обычное право в крестьянской среде, особенно важнейшую проблематику социокультурных связей и в

© Грошев С. Н., Усов Е. Г., 2024

том числе в аспекте правового регулирования в рамках правового положения гендерных групп. В различные периоды обычное право русской деревни выступало объектом пристального внимания ученых, которые скрупулезно пытались осмыслить эту многогранную проблему, затрагивая в том числе и самосуд.

Стоит отметить, что анализ такого социально-правового явления как самосуд выступает крайне важной научной позицией в аспекте исследования правового положения мужской гендерной группы, так как в этой форме процессуальных действий активными его участниками выступали мужчины.

Ведя речь о самосуде и его соотношении с обычным правом русской деревни необходимо подчеркнуть, что для правового регулирования в крестьянской социокультурной среде он был явлением обыденным еще в эпоху средних веков. Основной вопрос здесь заключается в том, что самосуд можно понимать двояко. С одной стороны, некоторыми отечественными учеными самосуд рассматривался как искажение правовой регуляции, самоуправство в тяжелой форме, отдельный состав преступления. С другой же самосуд воспринимался как часть обычного права. Так, по мнению М. Ф. Владимирского-Буданова самосуд следует рассматривать как уголовно наказуемое деяние. В то же время, указанный автор обосновывал нормативное разграничение конокрадов в аспекте их профессиональной и рецидивной направленности, доказывая, что за простую кражу лошади поток и разграбление не предусматривалось [2, с. 391].

Анализируя обычное право с точки зрения его нормативной составляющей И. Я. Фойницкий отмечает, что закон и обычное право обладают схожей регулятивной природой, опосредуя общественные отношения дополняя друг друга и трансформируясь в рамках правоприменения [8, с. 7]. Ученый акцентирует внимание на том, что в правовом регулировании в его исторической ретроспективе существовал глубокий нормативный диссонанс, затрагивавший правосознания различных социальных групп и социальных слоев. В этой связи, самосуд, в его юридической интерпретации, мог носить неправовой характер, но органично вписываться в обычаи и традиции народа [8, с. 53]. Подобный взгляд на проблему правового регулирования можно экстраполировать и на проблематику закрепления гендерной специфики, которая имела место в конце XIX столетия, когда мужские права и обязанности фактически реализовывались субъектами правоотношений, но не закреплялись в нормативной базе, находя свое отражение сугубо в плоскости правосознания.

Феномен самосуда, по мнению С. В. Пахмана, это ни что иное как одна из форм народного суда, которая имела место наряду с судом сельского старосты [7, с. 309–317]. В свою очередь Г. А. Евреинов полагал, что обычное право в крестьянской социокультурной среде не подменяло текущую нормативную базу и существенно не влияло на жизнь и бытовую составляющую

сельских жителей [6, с. 41]. В подобном ключе писал и Н. П. Дружинин, отмечая, что нормы права, установленные государством, легко интегрировались в сельскую жизнь, отличавшейся рутинной и простотой [4, с. 28]. Автор обосновывает доминирующее воздействие законодательства на жизнь крестьян приводя следующий ряд регулятивных направлений, исходящих от публичной власти:

- процедура выхода из общины;
- размер повинностей в пользу помещика;
- круговая порука в сфере выкупных и иных платежей;
- уголовная подсудность волостным судам;
- процедура наследования, имущественного выдела и опекуна [5, с. 74].

Если анализировать понятие «самосуд» с этимолого-лингвистических позиций, то согласно словарю В. И. Даля самосудом является самоуправство, т. е. выход за рамки нормативно-правовой регуляции [3, с. 278]. По своей сути самосуд – это экстраординарная процессуальная форма, которая была нетипична для нормативной регуляции жизни и быта русских крестьян. Самосуд, как правило, применялся в рамках особо тяжких преступлений, к которым традиционно относились следующие составы: поджог; конокрадство; различные формы хищения чужого имущества; супружеская неверность и сексуальная связь с чужой супругой; незаконная вырубка леса [1, с. 29].

В указанный период конокрадство являлось крайне распространенным и опасным явлением, так как потеря лошади могла разорить крестьянское хозяйство. Проблема была в том, что самосуд обычно применялся к личности перекупщика краденого, а сами профессиональные конокрады избегали ответственности [9, с. 123].

В рамках неблагоприятных последствий самосуда для виновного могли выступать как телесные наказания, так и смертная казнь [8, с. 281]. Обычно за конокрадство в Центральной России виновных убивали на месте применяя самые жестокие формы умерщвления [1, с. 31].

Ведя речь о социокультурной среде сибирского крестьянства, необходимо подчеркнуть, что там наблюдалась четкая преемственность обычаев деревни центральной России, которая выступала продуктом русской колонизации. При этом, обычаи русского крестьянства в Сибири были значительно усилены, получив существенный импульс. Учитывая специфику проживающего в Сибири в указанный период контингента, самосуд над преступниками отличался крайней жестокостью и почти всегда заканчивался смертью для последних. Сибирские мужчины всегда отличались суровостью своего нрава, выступая для конокрадов и другого преступного элемента грозным охранителем правопорядка. По мнению Н. М. Ядринцева, сибирский крестьянин иногда мог убить до сотни преступников [10, с. 497–500].

По сути, в рамках анализа правового положения мужчин, крестьянский самосуд был не только

правом, но и своеобразной обязанностью поддерживать текущий правопорядок своими силами в связи со слабостью местной администрации. Чем слабее было государственное управление в регионе, тем существенней реализовалось крестьянское право на самосуд.

Стоит отметить, что права и обязанности мужчин во второй половине XIX столетия во многом обуславливались возможностью центральной власти обеспечивать правопорядок и здесь важную роль играло обычное право русской деревни, где ведущим актором являлся именно мужчина, на которого падало бремя реализации карательной функции государства. Подобная тенденция была характерна для всех регионов Российской империи. Важно то, что нередко нормы обычаев русских крестьян нередко не совпадали с нормативной базой государства, расхившихся не только в процессуальном, но и карательном аспектах. Сам феномен крестьянского самосуда являлся частью обычаев русской деревни и отличался крайней формой жестокости. Последняя обуславливалась недоверием крестьян к официальному суду и публичной власти в целом. Неприемлемость официального суда в крестьянской среде проявлялась в ряде характерных качеств:

- отсутствие веры крестьян в справедливость официального суда;
- канцелярская волокита в судебных инстанциях;
- сомнение в неотвратимости наказания, публичности и наглядности государственного суда;
- сроки привлечения к ответственности;
- сомнение в должном профилактическом воздействии официального суда.

Примечательно то, что русский крестьянин, независимо от региона, применяя самосуд к конокрадам часто убивал последних с особой жестокостью, так как лошадь выступала основой крестьянского хозяйства.

В заключение статьи посвященной правам и обязанностям мужчин в крестьянской среде во второй половине XIX столетия в рамках обычного права, самосуда и конокрадства необходимо отметить, что обязанность обеспечения правопорядка в крестьянской среде ложилась на мужскую гендерную группу. При этом, мужские права и обязанности фактически реализовывались субъектами правоотношений, но не закреплялись в нормативной базе, находя свое отражение сугубо в плоскости правосознания. В рамках анализа правового положения мужчин, крестьянский самосуд был не только правом, но и своеобразной обязанностью поддерживать текущий правопорядок своими силами в связи со слабостью местной администрации. Права и обязанности мужчин во второй половине XIX столетия во многом предопределялись возможностью центральной власти обеспечивать правопорядок и здесь важную роль играло обычное право русской деревни, где ведущим актором являлся именно мужчина, на которого падало бремя реализации карательной функции государства.

Список источников

1. Васев И. Н. Самосуд в крестьянском правовом быту / И. Н. Васев // Известия АлтГУ. 2016. № 3 (91). С. 28–32.
2. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2005. 800 с.
3. Даль В. И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка / В. И. Даль. М. : Астрель, Транзиткнига, Харвест, 2006. 352 с.
4. Дружинин Н. П. Крестьяне и общее гражданское право / Н. П. Дружинин // Журнал юридического общества. 1896. № 6. С. 26–41.
5. Дружинин Н. П. Право и личность крестьянина / Н. П. Дружинин. Ярославль : Типография К. Ф. Некрасова, 1912. 316 с.
6. Евреинов Г. А. Самобытность или отсталость / Г. А. Евреинов. СПб., 1905. 131 с.
7. Пахман С. В. Обычное гражданское право в России / С. В. Пахман. М. : Зерцало, 2003. 736 с.
8. Сборник народных юридических обычаев (Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии Т. XVIII) / под ред. П. А. Матвеева, С. В. Пахмана. Т. 1. СПб. : Тип. В. Киршбаума, А. С. Суворина, 1878. 615 с.
9. Успенский Г. И. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 4. / Г. И. Успенский. М. : Художественная литература, 1956. 607 с.
10. Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке: исследования и наблюдения над жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин / Н. М. Ядринцев. СПб. : Типография А. Моригеровского, 1872. 719 с.

References

1. Vasev I. N. Lynching in peasant legal life / I. N. Vasev // Izvestiya AltGU. 2016. № 3 (91). P. 28–32.
2. Vladimirsky-Budanov M. F. Review of the history of Russian law / M.F. Vladimirsky-Budanov. M. : Publishing House «Territory of the future», 2005. 800 p.
3. Dahl V. I. The Great illustrated explanatory dictionary of the Russian language / V. I. Dahl. M. : Astrel, Transit book, Harvest, 2006. 352 p.
4. Druzhinin N. P. Peasants and general civil law / N. P. Druzhinin // Journal of the Law Society. 1896. No. 6. P. 26–41.
5. Druzhinin N. P. The right and personality of a peasant / N. P. Druzhinin. Yaroslavl : Printing house of K. F. Nekrasov, 1912. 316 p.
6. Evreinov G. A. Originality or backwardness / G. A. Evreinov. SPb., 1905. 131 p.
7. Pakhman S. V. Customary civil law in Russia / S. V. Pakhman. M. : Zertsalo, 2003. 736 p.
8. Collection of folk legal customs (Notes of the Imperial Russian Geographical Society on the department of Ethnography Vol. XVIII) / edited by P. A. Matveev,

S. V. Pakhman. Vol. 1. SPb. : Type. V. Kirshbaum, A. S. Suvorin, 1878. 615 p.
9. Uspensky G. I. Collected works: in 9 vols. 4 / G. I. Uspensky. M. : Fiction, 1956. 607 p.

10. Yadrinsev N. M. The Russian community in prison and exile: research and observations on the life of prison, exiled and vagrant communities / N. M. Yadrinsev. SPb. : A. Morigerovsky Printing House, 1872. 719 p.

Информация об авторах

С. Н. Грошев – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

Е. Г. Усов – доцент Байкальского института БРИКС Иркутского национального исследовательского технического университета, кандидат юридических наук.

Information about the authors

S. N. Groshev – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

E. G. Usov – Associate Professor of the Baikal Institute BRICS of the Irkutsk National Research Technical University, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.12.2023; одобрена после рецензирования 29.01.2024; принята к публикации 09.02.2024.

The article was submitted 27.12.2023; approved after reviewing 29.01.2024; accepted for publication 09.02.2024.

Общая теория права и государства. Курс лекций. Учебное пособие. Малахов В. П. 271 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Центральной проблемой общей теории права и государства и ее главной целью, важной и для практики, и для юридического образования, являются правопонимание и государствовопонимание. При этом понимание природы и сущности права невозможно без понимания природы и сущности государства, и наоборот.

В предлагаемом курсе лекций правопонимание достигается через видение природы и сущности как права в целом, так и множества его элементов, моментов содержания, взятое в существенном отличии, с одной стороны, от догматического выстраивания действительного права как регулятора общественных отношений, а с другой – от философского понимания права как социально-духовного феномена.

В контексте правовой теории понимание природы и сущности государства формируется посредством выявления многообразия его связей с правом и раскрытия их взаимной противоречивости.

Курс лекций соответствует действующему образовательному стандарту для вузов системы МВД России. Предназначен для студентов (слушателей), аспирантов (адъюнктов) и преподавателей юридических вузов.

Научная статья

УДК 343.21

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-71-74>

EDN: <https://elibrary.ru/osmjgy>

НИОН: 2015-0066-1/24-905

MOSURED: 77/27-011-2024-01-104

«Представитель власти» и «должностное лицо»: вопросы соотношения понятий

Мевлуд Демуралович Давитадзе¹, Алексей Александрович Середин²

¹ Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, md2063@mail.ru

¹ Московский университет им. С.Ю. Витте, Москва, Россия

² Открытый гуманитарно-экономический университет (ОГЭУ), Москва, Россия, seredin-a@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам понимания и соотношения уголовно-правовых категорий «представитель власти» и «должностное лицо». Уяснение смысла терминов и их взаимное соотношение происходит на основе изучения теоретического материала и судебной практики. Рассматриваются вопросы терминологического несоответствия, определения сферы действия двух дефиниций, предлагаются варианты разрешения выявленного правового дисбаланса.

Ключевые слова: представитель власти, должностное лицо, должностные полномочия

Для цитирования: Давитадзе М. Д., Середин А. А. «Представитель власти» и «должностное лицо»: вопросы соотношения понятий // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 71–74. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-71-74>. EDN: OSMJGY.

Original article

«Representative of the authorities» and «official»: issues of correlation of concepts

Mevlud D. Davitadze¹, Alexey A. Seredin²

¹ Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Moscow, Russia, md2063@mail.ru

¹ S. Y. Witte Moscow University, Moscow, Russia

² Open University of Humanities and Economics (OGEU), Moscow, Russia, seredin-a@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of understanding and correlation of the criminal law categories «representative of authority» and «official». The understanding of the meaning of the terms and their mutual correlation is based on the study of theoretical material and judicial practice. The issues of terminological inconsistency, the definition of the scope of the two definitions are considered, options for resolving the identified legal imbalance are proposed.

Keywords: government representative, official, official authority

For citation: Davitadze M. D., Seredin A. A. «Representative of the authorities» and «official»: issues of correlation of concepts. Bulletin of economic security. 2024;(1):71–4. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-71-74>. EDN: OSMJGY.

Назначение справедливого наказания во многом зависит от правильной квалификации совершенного противоправного деяния, что, в свою очередь связано не только с определенными проблемами юридической техники законотворческой деятельности, но и с неверным пониманием правоприменителем сути терминологиче-

ских положений отдельных понятий и их признаков, содержащихся в конкретных нормах УК РФ.

В уголовном праве существует несколько терминологических недостатков, препятствующих адекватному и единообразному толкованию термина «представитель власти» в уголовном праве. Первый из них обнаружива-

ется при соотнесении его со смежным понятием должностного лица, поскольку представитель власти есть его разновидность. Некоторые авторы в своих исследованиях отмечают несоответствие определения в примечании к ст. 318 УК РФ с дефиницией в примечании 1 к ст. 285 УК РФ. По их мнению, законодатель допускает логическую ошибку, определяя подобное подобным, повторяя то же самое, но другими словами [1, с. 104; 2, с. 13]. Действительно, в законе «представитель власти» определен как должностное лицо, а «должностное лицо» – как лицо, осуществляющее функции представителя власти. Понятие должностного лица раскрывается посредством указания на альтернативную триаду его полномочий, в числе которых названы функции представителя власти. Характер деятельности последнего является средством его идентификации как должностного лица. В примечании к ст. 318 УК РФ повторяется мысль о том, что определяемое понятие является разновидностью более широкого родового термина, однако происходит уточнение органов, осуществляющих властные полномочия, и конкретизация специфики полномочий представителя власти (осуществляются в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости). Поэтому, говорить об имеющейся в законе логической ошибке, препятствующей адекватному пониманию сути термина, на наш взгляд, нельзя. Это не означает, что данные формирования являются удачными и не требуют корректировки. Определенным недостатком является то, что в первом случае (примечание 1 к ст. 285 УК РФ) речь идет о функциях, а во втором (примечание к ст. 318 УК РФ) – о полномочиях представителя власти. Функция определяется как деятельность, обязанность, работа [3, с. 1325]. Полномочия – это право, предоставленное кому-либо на совершение чего-либо [4, с. 542]. Это смежные, родственные, но не тождественные понятия: функция представляет собой категорию вторичную по отношению к термину «полномочия». В то же время, в законе данные дефиниции употребляются как синонимы, что неверно с позиций законодательной техники, систематического толкования и логики построения уголовного закона.

Второй недостаток, связанный с категорийным аппаратом, обусловлен вопросом определения сферы применения двух обозначенных нами понятий: примечание 1 к ст. 285 УК РФ распространяется лишь на нормы гл. 30 УК РФ, в то время как примечание к ст. 318 УК РФ действует в отношении всех тождественных категорий, употребляемых уголовным законом. Поэтому формально – это две правовых дефиниции с разной степенью взаимного влияния: понятие представителя власти дополняет собой содержание правовой категории «должностное лицо», в то время как обратного, зеркального влияния за пределами гл. 30 УК РФ не предусмотрено. В последнем случае такая формулировка примечания 1 к ст. 285 УК РФ дает основания предполагать иное содержание термина «должностное лицо». Соответствующее толкование может быть дано Верховным Судом

РФ. Изучение постановлений Пленума Верховного Суда РФ по делам о преступлениях, составы которых не отражены в гл. 30 УК РФ, но характеризуются признаками должностного лица, позволяет говорить об отсутствии в них соответствующих разъяснений: постановление от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» – в части ст. 264.1 УК РФ, постановление от 23 ноября 2010 г. № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ)» – в части п. «а» ч. 2 ст. 258.1 УК РФ, постановление от 27 апреля 2017 г. № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» – в части п. «б» ч. 2 ст. 229.1 УК РФ. Тем самым Верховный Суд РФ не проясняет сложившейся ситуации. Такая позиция может быть вызвана, либо очевидностью данного вопроса, в связи с чем дополнительное разъяснение не требуется, либо полной солидарностью с законодателем (тем самым выражается согласие с тем, что действие данного понятия ограничивается рамками гл. 30 УК РФ), либо нейтралитетом, при котором решение вопроса целиком отдается на откуп правоприменителю.

Между тем, в постановлении от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (п. 1) Верховный Суд для ознакомления с собственной позицией относительно толкования термина «должностное лицо» отсылает правоприменителя к тексту постановления от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». Интересно, что в последнем случае, проблем с пониманием дефиниции возникает существенно меньше: все статьи, о которых идет речь, содержатся в гл. 30 УК РФ.

Вряд ли такую позицию можно объяснить нерешительностью, поскольку ранее Верховный Суд занимал собственную позицию, прямо входившую в противоречие с уголовным законом. Вот один из примеров: в п. 4 постановления от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» указывается, что если в ходе совершения преступлений, предусмотренных ст.ст. 131 и 132 УК РФ в целях преодоления сопротивления потерпевшего применялось физическое или психическое насилие в отношении других лиц, то действия виновного требуют дополнительной квалификации по иным статьям Особенной части УК РФ. В то же время, исходя из того, что в ст.ст. 131, 132 УК РФ прямо говорится о том, что насилие может быть применено, как к потерпевшему, так и к другим лицам, оно охватывается составом полового преступления. В этом случае мы имеем дело с конкуренцией части и целого, но не с совокупностью.

Интересно, что нижестоящие суды, рассматривая дела по обвинению должностного лица – специального субъекта преступления, не входящего в гл. 30 УК РФ, подходят к решению вопроса о признании его таковым, достаточно формально. Так, например, признавая начальника Главного управления архитектуры муниципального образования субъектом преступления по ст. 169 УК РФ, суд лишь перечислил обязанности, возложенные на него должностной инструкцией, не соотнося их при этом с функциями должностного лица [5]. В другом случае, вынося приговор в отношении главного специалиста отдела торговли и бытового обслуживания администрации муниципального района по обвинению в совершении должностных преступлений, предусмотренных ст.ст. 285, 286, 291.2 (гл. 30 УК РФ) и ст. 169 (гл. 22 УК РФ), суд ограничивается универсальной констатацией факта принадлежности его к числу представителей власти. Какой-либо специфики определения лица как должностного в рамках квалификации по ст. 169 УК РФ не делается [6]. Тем самым, действие примечания 1 к ст. 285 УК РФ распространяется на весь уголовный закон. Кроме того, судами выносятся приговоры, в содержании которых наличие специального субъекта преступления – должностного лица устанавливается исходя из особенностей выполняемых им функций и места прохождения службы. Последнее следует из примечания 1 к ст. 285 УК РФ. Так, привлекая к ответственности начальника ГИБДД муниципального образования по ст. 169 УК РФ, суд прямо указывает на наличие у него организационно-распорядительных полномочий и полномочий представителя власти [7].

Ограничивать действие термина рамками одной главы целесообразно лишь в том случае, если его содержание обладает значительной спецификой. Современное уголовно-правовое понятие должностного лица является весьма широким. Данная дефиниция в равной степени подходит для целей применения норм гл. 30 УК РФ и норм, описанных в других статьях УК РФ (например, в ст. 140, ч. 3 ст. 141, 149, 169, 170, п. «а» ч. 3 ст. 194 и др., в том числе в примечании к ст. 318). Это же подтверждается материалами судебной практики. Конечно, данное определение в силу широты описанных в нем признаков не может в деталях отражать специфику всех соответствующих статей УК РФ. Но поскольку особенности, относящиеся к основаниям выполнения обязанностей, характеристике функций, а также органам и организациям, в которых должностное лицо осуществляет свои полномочия, являются альтернативными друг другу, вопрос о применении данного термина в конкретном случае решается при помощи обоснованного использования приемов толкования (в частности, по объему). Более того, поскольку данный термин активно используется в УК РФ за пределами гл. 30, а дополнительных ориентиров в его понимании не предусмотрено, логично, что правоприменитель в вопросе толкования правовой дефиниции опирается на ее понимание, отраженное в законе.

Таким образом, во-первых, исходя из конструкции составов должностных преступлений, особенностей легального, судебного и доктринального толкований, считаем, что аутентичное понятие должностного лица, приведенное в уголовном законе, не противоречит смыслу его норм за рамками гл. 30 УК РФ. Во-вторых, по причине отсутствия фактических препятствий, считаем необходимым распространить примечание 1 к ст. 285 УК РФ на весь текст уголовного закона. В-третьих, неоправданной является ситуация, при которой два термина, близкие по своему содержанию, находящиеся в соотношении части и целого и используемые фактически при квалификации смежной группы преступлений по однородным статьям (должностное лицо и представитель власти), находятся в разных главах УК РФ.

Внесение данных изменений будет способствовать устранению терминологических противоречий, поможет избежать ошибок при квалификации должностных преступлений, а также преступлений, совершаемых в отношении должностных лиц.

Список источников

1. Журавлева Г. В. Уголовная ответственность за служебный подлог : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
2. Феркалюк Ю. И. Представитель власти как субъект должностных преступлений // Российский следователь. 2009. № 12.
3. Новейший энциклопедический словарь. М. : ООО «Издательство АСТ», 2004.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. IV. М., 1991.
5. http://sudact.ru/regular/doc/1516517694294&snippet_pos=352#snippet (дата обращения: 12.01.2018).
6. http://sudact.ru/regular/doc/1516518389922&snippet_pos=920#snippet (дата обращения: 12.01.2018).
7. http://sudact.ru/regular/doc/1516518651622&snippet_pos=5886#snippet (дата обращения: 12.01.2018).

References

1. Zhuravleva G. V. Criminal liability for official forgery : dis. ... cand. jurid. M., 2006.
2. Ferkalyuk Yu. I. A representative of the authorities as a subject of official crimes // Russian investigator. 2009. № 12.
3. The newest encyclopedic dictionary. Moscow : LLC «AST Publishing House», 2004.
4. Dal V. I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 v. V. IV. M., 1991.
5. http://sudact.ru/regular/doc/1516517694294&snippet_pos=352#snippet (accessed: 12.01.2018).
6. http://sudact.ru/regular/doc/1516518389922&snippet_pos=920#snippet (accessed: 12.01.2018).
7. http://sudact.ru/regular/doc/1516518651622&snippet_pos=5886#snippet (accessed: 12.01.2018).

Информация об авторах

М. Д. Давитадзе – профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры публичного права Московского университета им. С.Ю. Витте, доктор юридических наук, профессор;

А. А. Середин – доцент кафедры уголовного права и процесса Открытого гуманитарно-экономического университета (ОГЭУ), кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

M. D. Davitadze – Professor of the Department of Criminology and Penal Enforcement Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Professor of the Department of Public Law of the S.Y. Witte Moscow University, Doctor of Legal Sciences, Professor;

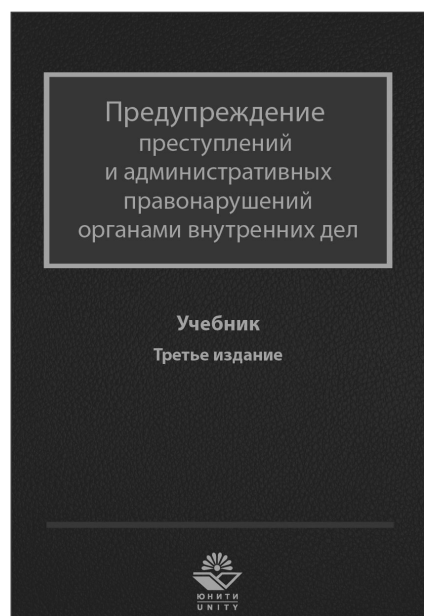
A. A. Seredin – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Open University of Humanities and Economics (OGEU), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.10.2023; одобрена после рецензирования 19.12.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 18.10.2023; approved after reviewing 19.12.2023; accepted for publication 30.01.2024.

Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел. Под ред. В. Я. Кикотя, С. Я. Лебедева. Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. 639 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Раскрыты основные теоретические и практические положения организации и осуществления деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений.

Показаны ее правовые, организационные и тактические основы, вопросы предотвращения, профилактики и пресечения противоправных деяний, входящие в предупредительную компетенцию органов внутренних дел. Определена полицейская специфика общей, индивидуальной и виктимологической профилактики правонарушений.

Особое внимание уделено предупреждению полицией преступлений и административных правонарушений несовершеннолетних; насильственных преступлений против личности; правонарушений в сфере экономики; рецидивной, профессиональной и организованной преступности; террористической и экстремистской преступной деятельности; преступлений и правонарушений, связанных с оборотом наркотических

средств и психотропных веществ, с незаконным оборотом оружия, с миграционными процессами; преступлений и правонарушений коррупционной направленности; дорожно-транспортных правонарушений и др.

Дана оценка перспективам развития ведомственной системы предупреждения преступлений и административных правонарушений, обоснованы стратегические направления предупредительной деятельности ОВД.

Для курсантов, слушателей, адъюнктов и преподавателей образовательных учреждений МВД России, студентов, аспирантов и преподавателей юридических образовательных учреждений, практических работников правоохранительных органов.

Научная статья
УДК 342.72/.73
<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-75-78>
EDN: <https://elibrary.ru/oujowc>
НИОН: 2015-0066-1/24-906
MOSURED: 77/27-011-2024-01-105

Принцип светского государства в рамках конституционного права России

Юлия Сергеевна Жалене

Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, Иркутск,
jaleneyus@iclod.com

Аннотация. С целью рассмотрения категории «светское государство» с параллельным осмыслением его признаков через призму зарубежной и отечественной конституционной доктрины, исследуются конституционные нормы, регламентирующие общественные отношения в сфере конфессиональной индифферентности государственных институтов. Анализируется правовая природа принципа светского государства и его реализация в рамках ст. 14 Конституции России. Изучается доктринальная составляющая указанного основополагающего начала, акцентируя внимание на дискуссионности этого принципа и некоторой его научной амбивалентности.

Ключевые слова: Конституция, конституционно-правовое регулирование, светское государство, государственная религия, конфессии, конституционные принципы, конфессиональная индифферентность

Для цитирования: Жалене Ю. С. Принцип светского государства в рамках конституционного права России // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 75–78. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-75-78>. EDN: OUIJOWC.

Original article

The principle of a secular state within the framework of the constitutional law of Russia

Yulia S. Zhalene

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia, Irkutsk,
jaleneyus@iclod.com

Abstract. In order to consider the category of «secular state» with a parallel understanding of its features through the prism of foreign and domestic constitutional doctrine, the constitutional norms regulating public relations in the field of confessional indifference of state institutions are studied. The legal nature of the principle of a secular state and its implementation within the framework of Article 14 of the Constitution of Russia are being analyzed. The doctrinal component of this fundamental principle is studied, focusing on the controversial nature of this principle and some of its scientific ambivalence.

Keywords: Constitution, constitutional and legal regulation, secular state, state religion, confessions, constitutional principles, confessional indifference

For citation: Zhalene Yu. S. The principle of a secular state within the framework of the constitutional law of Russia. Bulletin of economic security. 2024;(1):75–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-75-78>. EDN: OUIJOWC.

Актуальность заявленной темы выражается в том, что ниторативный базис, отраженный в положениях ст. 14 Основного Закона России фиксирует принцип светского государства, то есть закрепляет конфессиональную индифферентность публичной власти. Тем не менее, в рамках дефинитивного аспекта конституционная доктрина выражает определенную научную амбивалентность, которая транслирует указанную проблематику в дискуссионную сферу. В этой связи, научный

анализ проблематики светского государства обладает существенной актуальностью. Тем более, что в русле правоприменительной практики ст. 14 Конституции РФ определяет границы должного и возможного функционирования государственных институтов, так как Основной Закон страны обладает качеством прямого действия. При этом, остро встает проблема терминологической сущности категории «светское государство» в рамках его универсализации. Выступая элементом базиса кон-

© Жалене Ю. С., 2024

ституционно-правовой регуляции заявленная проблематика выстраивает определенный научный алгоритм, указывающим исследователям на определенный спектр вопросов, отсылающий ученых к осмыслению имплементации принципа социального государства, то есть его воплощению на практике. Стремление к достижению стройности концептуальной формы светского государства к формированию конфессиональной индифферентности государственных институтов провоцирует нас к скрупулезному анализу светского государства как политико-правового явления в рамках отечественного правопорядка.

Стоит отметить, что в толковом словаре понятие «светский» можно детерминировать в рамках концептуального трио [5, с. 1760]. При этом первый подход отсылает нас к элитарной сфере, обозначая такую область социальной жизни, которая отсылает нас высшим слоям общества. Второй подход прямо коррелируется с эстетической стороной светской жизни, к такому явлению как «галантность», «манерность» в плоскости их утонченности, эксклюзивности, элитарности. В свою очередь третий подход к пониманию «светскости» как термина четко коррелируется с нерелигиозной сферой, такой областью социальных связей, где не фигурируют религиозные конфессии и религия. Именно в таком контексте следует рассматривать понятие «светский» (светское образование, светское государство и пр.).

В рамках нормативной базы светская государственность отражена в отечественном Основном Законе (ст. 14). Однако, указанная статья нормирует запрет на установление государственной религии, запрещает сращивание конфессиональных структур с публичной властью, параллельно закрепляя принцип правового равенства конфессий. Здесь можно увидеть саму концептуальную ценность Конституции РФ, в рамках ее нитративности, основополагания [2, с. 27].

В рамках ретроспективного анализа нельзя не упомянуть первую фиксацию принципа светского государства, которое впервые было закреплено в Конституции РФ 1993 года, при том, что опыт советского конституционно-правового регулирования демонстрировал полное отсутствие последнего. По сути, светская государственность выступает антиподом государственности религиозной, теократиям, которые в современный период еще имеют место (Ватикан, Иран, Саудовская Аравия и пр.). Однако, наука конституционного права до сих пор в дефинитивном аспекте не имеет универсального понятия такой категории как «светское государство». При этом, толковые словари также не конкретизируют указанный термин, что не способствует его аналитической детализации. Авторские определения светского государства [9, с. 62–66; 3, с. 33; 8, с. 119 и др.] в основном отражают следующие позиции:

- запрет на огосударствление религии и ее обязательности;
- отмежевание конфессиональных коллабораций от публичной власти;

- наличие принципа формального равенства конфессий перед законом.

Тем не менее, отталкиваясь от подобного способа толкования светской государственности напрашивается вывод о том, что упоминание о светском государстве в Основном Законе страны излишне перегружает текст основного закона, так как по сути повторно транслирует ряд основополагающих демократических начал, таких как отделение церкви от государства и недопустимость огосударствления религии.

Если обратиться к конституционному опыту зарубежных стран, то можно усмотреть отсутствие прямого дефинитивного транслирования понятия «светское государство». Так, большинство конституций определяют светское государство через закрепление принципа отделения церкви от публичной власти, а также запрета огосударствлять религию, не нормируя при этом само понятие.

В частности, Основной Закон V Республики (ст. 1) нормирует неделимость, социальность и демократичность параллельно с реализацией принципа светского государства. По сути Конституция Франции никоим образом не разъясняет указанное основополагающее начало. В свою очередь, Конституция ФРГ также не содержит определение светского государства, закрепляя его наличие вместе с таким спектром свобод как неприкосновенность свободы вероисповедания, совести, религиозных и мировоззренческих убеждений [4, с. 182].

В то же время, Основной Закон Польши закрепляет в аспекте светского государства мировоззренческую, религиозную и философскую свободу, а также равный правовой режим религиозных объединений. При этом взаимоотношения публичной власти с различными конфессиями опосредуется в рамках международного права и национальной нормативной базы (ч. 4 и 5 ст. 25 Конституции Республики Польша) [1, с. 301].

Кроме того, конституционно-правовое регулирование Турции (ст. 24 Конституции Турции) в качестве основных признаков светского государства нормирует следующие позиции:

- конфессиональная свобода;
- свобода религиозных обрядов;
- государственный контроль за конфессиями и этической составляющей их деятельности;
- запрет политизации и коммерциализации религии.

По сути, конституционно-правовое регулирование отечественных и зарубежных стран в рамках реализации принципа светского государства не содержит таких важных качеств как конкретика и универсальность. Важно отметить то, что в аспекте нашего исследования отсутствует концептуальная модель светского государства, которая обладала бы признакам наличия концептуальной модели в рамках ее репликации и развития.

Стоит отметить, что нормативная «светскость» в рамках отделения церкви от государства в большинстве конституций достаточно универсально. В частности, по мнению А. В. Пчелинцева в Российской Федерации принцип светского государства нормирован наилучшим образом [6, с. 64]. С другой стороны, И. В. Понкин полагает, что в рамках отечественного конституционно-правового регулирования в аспекте детерминации светского государства обладает свойством некоторой концептуальной размытости. Автор в рамках указанной проблематики выделяет следующие важнейшие позиции:

- отделение государственных институтов от клерикальных структур;
- запрет на установление государственной религии [7, с. 48].

Если взять за основу указанные положения, то можно определить светское государство как такой признак государственных институтов, где имеет место отделение церкви от публичной власти и ее невмешательство в дела религии, равно как и реализация запрета на установление государственной религии, обладающей свойством общеобязательности. По сути, здесь важен взаимный суверенитет государственных и клерикальных институтов.

Вместе с тем, светское государство воплощается не только во взаимоотношениях с религиозными организациями, но и через индифферентное отношение к лицам не исповедующим никакой религии. В этой связи, в рамках конституционных поправок 2020 года имеет место конституционная новелла (ч. 2 ст. 67.1) где упоминается «вера в Бога» в рамках отечественного традиционализма. Кроме того, отечественная нормативная база предусматривает и общерелигиозные праздники в аспекте Трудового кодекса для православного населения, хотя Россия признается как многонациональное и поликонфессиональное государство. По сути, имплементация принципа светского государства претворяется в жизнь через призму полной религиозной индифферентности публичной власти, а ее, в рамках отечественного правопорядка, наблюдать не приходится. В свою очередь посылка о том, что понимание некоторых православных праздников государством несет в себе не религиозный, но историко-культурный подтекст не может быть оптимальной, так как Российская Федерация страна, наполненная различными конфессиями и большими группами атеистов.

По нашему мнению, корень проблематики светского государства находится в концептуальной плоскости отсутствия его дефинитивного определения в нормативной базе страны. В связи с этим, определить уровень реализованности указанного основополагающего начала достаточно затруднительно, так как правоприменительно достаточно сложно воплотить все аспекты светской государственности в своей деятельности. В частности, подобная проблема оказывает влияние и на такую сферу как образование, так как п. 1 ст. 3 Федерального закона «Об образовании» нормирует светский характер обра-

зовательного процесса. Подобная тенденция указывает на необходимость нормативного закрепления такой категории как «светское государство», где можно было бы последовательно уяснить все характерные черты последнего. При этом, нормативизация светской государственности несет в себе и необходимость в реализации комплекса мер, которые отражаются в следующих важнейших направлениях:

- законодательной детерминации важнейших религиозных терминов;
- формировании единой государственной доктрины в рамках взаимодействия различных конфессий и публичной власти;
- принятии нормативного акта, который нормировал бы образовательный кластер в рамках преподавания религиоведения в школах;
- правовом опосредовании поведения высших должностных лиц страны в аспекте их участия в обрядной и церемониальной составляющей религиозной жизни;
- реформатировании механизма правовой регуляции кластера финансирования со стороны публичной власти клерикальных организаций;
- в ликвидации в рамках гражданского права тех привилегий, которыми обладают традиционные религиозные конгрегации.

В заключение необходимо отметить, что Конституция Российской Федерации фиксирует принцип светского государства, то есть закрепляет конфессиональную индифферентность публичной власти. В русле указанной проблематики остро встает проблема терминологической сущности категории «светское государство» в рамках его универсализации. Большинство конституций зарубежных стран определяют светское государство через закрепление принципа отделения церкви от публичной власти, а также запрета огосударвлять религию, не нормируя при этом само понятие. В связи с этим можно определить светское государство как такой признак государственных институтов, где имеет место отделение церкви от публичной власти и ее невмешательство в дела религии, вместе с реализацией запрета на установление государственной религии, обладающей свойством общеобязательности. Нормативизация светской государственности несет в себе и необходимость в реализации комплекса мер, которые включают в себя: нормативную детерминацию религиозных понятий; формирование государственных программ взаимодействия церкви и государства; нормативное опосредование образовательного процесса в школах; нормативную регламентацию поведения высших должностных лиц в аспекте их участия в обрядной и церемониальной составляющей религиозной жизни; реформатирование механизма финансирования религиозных конгрегаций со стороны государства; нуллификацию тех преференций, которыми обладают традиционные конфессии в рамках гражданского законодательства.

Список источников

1. Афанасьева О. В. Конституционное право зарубежных стран : учебник для вузов / О. В. Афанасьева, Е. В. Колесников, Г. Н. Комкова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2023. 401 с.
2. Грошев С. Н. Концептуальное значение текстов основного закона / С. Н. Грошев, М. В. Саудаханов // Конституция: воплощение ценностей верховенства права, гражданского общества и современного государства: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 17 декабря 2021 года. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2021. С. 26–28.
3. Исаева А. А. Признаки светского государства в России: особенности реализации и перспективы развития / А. А. Исаева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 5 (72). С. 32–39.
4. Конституции государств Европейского Союза / гл. ред. [и авт. вступ. ст.] Л. А. Окуньков. М. : Издательская группа ИНФРА, 1997. 802 с.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 4-е изд. М. : Азъ, 1997. 2314 с.
6. Пчелинцев А. В. Свобода вероисповедания и деятельность религиозных объединений в Российской Федерации: конституционно-правовые основы / А. В. Пчелинцев. М. : ИД «Юриспруденция», 2012. 248 с.
7. Понкин И. В. Светскость государства / И. В. Понкин. М. : Издательство Учебно-научного центра довузовского образования, 2004. 468 с.
8. Саудаханов М. В. Человек в систем государственно-церковных отношений в современной России: конституционно-правовой аспект / М. В. Саудаханов // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 3. С. 116–119.
9. Филина Н. В. Понятие и признаки светского государства / Н. В. Филина // Вестник СИБИТа. 2012. № 1 (1). С. 62–66.

Информация об авторе

Ю. С. Жалене – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России.

Information about the author

Yu. S. Zhalene – Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 23.10.2023; одобрена после рецензирования 19.12.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 23.10.2023; approved after reviewing 19.12.2023; accepted for publication 30.01.2024.

References

1. Afanasyeva O. V. Constitutional law of foreign countries : textbook for universities / O. V. Afanasyeva, E. V. Kolesnikov, G. N. Komkova. 7th ed., reprint. and add. M. : Yurayt Publishing House, 2023. 401 p.
2. Groshev S. N. Conceptual meaning of the texts of the basic law / S. N. Groshev, M. V. Saudakhanov // Constitution: the embodiment of the values of the rule of law, civil society and the modern state: Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Irkutsk, December 17, 2021. Irkutsk : East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. P. 26–28.
3. Isaeva A. A. Signs of a secular state in Russia: features of implementation and prospects of development / A. A. Isaeva // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2018. № 5 (72). P. 32–39.
4. Constitutions of the States of the European Union / ch. ed. [and auth. introductory article] L. A. Okunkov. M. : INFRA Publishing Group, 1997. 802 p.
5. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian language / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. 4th ed. M. : Az, 1997. 2314 p.
6. Pchelintsev A. V. Freedom of religion and the activities of religious associations in the Russian Federation: constitutional and legal foundations / A. V. Pchelintsev. M. : Publishing House «Jurisprudence», 2012. 248 p.
7. Ponkin I. V. Secularism of the state / I. V. Ponkin. M. : Publishing house of the Educational and Scientific Center of pre-university education, 2004. 468 p.
8. Saudakhanov M. V. Man in the system of state-church relations in modern Russia: constitutional and legal aspect / M. V. Saudakhanov // Education. The science. Scientific personnel. 2021. No. 3. P. 116–119.
9. Filina N. V. The concept and signs of a secular state / N. V. Filina // Bulletin of Sibita. 2012. № 1 (1). P. 62–66.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-79-81>

EDN: <https://elibrary.ru/nrhspq>

НИОН: 2015-0066-1/24-907

MOSURED: 77/27-011-2024-01-106

Регистрационный учет граждан Российской Федерации в условиях цифровизации

Владимир Иванович Забавка

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, zabavkavladimir@mail.ru

Аннотация. Приводится анализ регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и месту жительства в пределах РФ и пути его совершенствования в условиях цифровизации.

Ключевые слова: государство, Российская Федерация, Конституция, закон, административный регламент, регистрационный учет по месту пребывания и месту жительства

Для цитирования: Забавка В. И. Регистрационный учет граждан Российской Федерации в условиях цифровизации // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 79–81. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-79-81>. EDN: NRHSPQ.

Original article

Registration of citizens of the Russian Federation in the context of digitalization

Vladimir I. Zabavka

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, zabavkavladimir@mail.ru

Abstract. The registration of citizens of the Russian Federation at the place of stay and place of residence within the Russian Federation and ways to improve it in the conditions of digitalization are being analyzed.

Keywords: state, Russian Federation, Constitution, law, administrative regulations, registration at the place of stay and place of residence

For citation: Zabavka V. I. Registration of citizens of the Russian Federation in the context of digitalization. Bulletin of economic security. 2024;(1):79–81. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-79-81>. EDN: NRHSPQ.

Одной из существенных составляющих конституционного статуса личности в Российской Федерации выступает право на свободу передвижения человека и гражданина. Регистрационный учет граждан России строится на основополагающих принципах, закрепленных в Конституции Российской Федерации, которые должны лежать в основе функционирования всех сфер общественной жизни, деятельности государственных и муниципальных органов власти на различных уровнях. Это право гарантируется как национальным законодательством, так и международными нормами [1]. Вместе с тем постановка на регистрационный учет по месту пребывания либо месту жительства является обязанностью лица, а не его правом. Данное действие ни в коей мере не ограничивает право человека на свободу передвижения, поскольку выбор места пребывания (жительства) осуществляется непосредственно гражданином. Снятие граждан с учета проис-

ходит либо по заявлению о регистрации их по новому месту жительства, либо по иным, указанным в законе, причинам.

Существование института регистрации обосновывается необходимостью ведения такого учета в целях контроля за передвижением граждан и получения статистических данных о миграции населения.

Современный режим регистрации граждан выступает не как добровольное уведомление соответствующих государственных органов о фактическом местонахождении гражданина, а как регулятор миграционных процессов в интересах безопасности государства. Под миграцией населения в настоящее время понимаются процессы, затрагивающие перемещение населения, связанное со сменой места жительства. Миграционные процессы входят в число самых важных проблем народонаселения и исследуются не как простое механическое передвижение людей, а как сложный обществен-

© Забавка В. И., 2024

ный процесс, затрагивающий многие стороны социально-экономической жизни.

Законом Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» [2] и другими нормативно-правовыми актами вопросы регистрационного учета граждан по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации возложены на Главное управление по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации и его территориальные органы.

Согласно данному закону регистрационный учет граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации – государственная деятельность по фиксации и обобщению информации о регистрации граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства и их снятии. Регистрационный учет граждан Российской Федерации имеет уведомительный характер и отражает факты прибытия гражданина Российской Федерации в место пребывания или место жительства, его нахождения в указанном месте и убытия гражданина Российской Федерации из места пребывания или места жительства.

Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по регистрационному учету граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, утвержденный приказом МВД России от 31 декабря 2017 г. № 984, определяет сроки и последовательность административных процедур (действий) подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях (в том числе подразделений по вопросам миграции отделов (отделений, пунктов) полиции территориальных органов МВД России на районном уровне), а также порядок их взаимодействия с территориальными органами федеральных и региональных органов исполнительной власти, органами местного самоуправления, лицами, ответственными за прием и передачу в органы регистрационного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации [3].

Каждый дееспособный гражданин Российской Федерации выбирает место своего жительства по личному усмотрению. Согласно вышеуказанному закону, граждане России обязаны регистрироваться по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации. Свободный выбор места жительства – одно из важнейших прав человека. Вместе с тем, в соответствии с Конституцией РФ, ограничение права гражданина на свободу передвижения возможно только лишь на основании положений федерального закона и только в той мере, которая необходима для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и

законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Провозглашая принцип свободы выбора места жительства, закон устанавливает, что возможно и ограничение этого права: в пограничных зонах; в закрытых военных городках; в закрытых административно-территориальных образованиях; в зонах экологического бедствия; на отдельных территориях и в населенных пунктах, где в случае опасности распространения инфекционных, массовых неинфекционных заболеваний и отравлений людей введены особые условия и режимы проживания населения и хозяйственной деятельности; на территориях, где введено чрезвычайное или военное положение и другие.

Право свободного выбора места жительства признается за дееспособными гражданами. Лица в возрасте от 14 до 18 лет, обладающие частичной дееспособностью, а также лица, дееспособность которых ограничена судом, могут выбирать место жительства лишь с согласия родителей, усыновителей, попечителей. Для отдельных категорий граждан предусматривается легальное, т. е. определенное самим же законом место жительства. Например, местом жительства несовершеннолетних, не достигших 14 лет, признается место жительства их родителей, усыновителей, опекунов.

Процессы информатизации затронули деятельность подразделений по вопросам миграции, в первую очередь в сфере представления электронных услуг. Сервисы портала государственных услуг продолжают совершенствоваться. В новой версии портала появился «Госбар» – навигационная панель, которая помогает ориентироваться на портале и получать услуги физическим и юридическим лицам и имеет привязку к региону, в котором пользователь получает государственную услугу. Предполагается создание и внедрение системы автоматизированной регистрации (САР) граждан, прибывающих в населенные пункты, что позволит производить проверку в автоматическом режиме.

Автоматизация процесса должна быть на всех этапах подготовки и оформления регистрационных документов и позволит обеспечить информационное взаимодействие между уполномоченными органами, осуществляющих регистрацию граждан. С помощью современных интегрированных средств и систем анализа данных в рамках информационных технологий достигается не только согласованное эффективное управление подразделениями и службами МВД, но и повышением качества работы конкретных сотрудников ОВД. Значительное увеличение количества информационно-аналитических задач, решаемых на основе использования адекватных современных методов анализа данных, позволяет выйти на существенно новый уровень решения задач охраны правопорядка и борьбы с преступностью.

Вместе с тем значительное увеличение количества информационных задач, необходимость согласованного эффективного управления подразделениями и службами системы УВМ обуславливает развитие и широкое применение современных IT технологий. В частности,

речь идет о системах поддержки принятия решений на основе средств интеллектуального анализа данных, геоинформационных систем, видео технологий и т. п. IT технологии являются мощным и перспективным инструментом для обоснования и принятия решений в области правоохранительной деятельности. Этому, несомненно, способствует дальнейшее развитие и совершенствование ЕИТКС ОВД, создание информационных систем обработки данных, интеграция ведомственных информационных и вычислительных ресурсов и другие.

В настоящее время внедряется федеральная государственная информационная система «Единый федеральный информационный регистр, содержащий сведения о населении Российской Федерации». Согласно Федерального закона «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ, федеральный регистр сведений о населении – это информация, которая уже собрана, обработана и хранится в государственных информационных системах органов государственной власти Российской Федерации и органах управления государственными внебюджетными фондами и представляет собой компиляцию персональных данных [4].

Также с учетом развития информационно-коммуникационных технологий назрела необходимость внедрить механизмы регистрации граждан не по месту пребывания или жительства в результате посещения органа власти или МФЦ, а с привязкой к имеющимся индивидуальным средствам связи, что позволит более эффективно достигать установленной законодательством цели.

Таким образом, регистрационный учет как инструмент регулирования внутренних миграционных процессов играет важную роль в реализации основных направлений деятельности органов государственной власти по регулированию миграционных потоков. С учетом развития информационно-коммуникационных технологий совершенствуются механизмы регистрации граждан Российской Федерации по месту пребывания или жительства, чтобы обеспечить каждому гражданину и обществу в целом комфортное и безопасное сосуществование.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Феде-

рации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ). Ст. 4398.

2. Закон Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (ред.от 21.01.2023) // СЗ РФ, 1998 № 6, ст. 783.

3. Приказ МВД России от 31 декабря 2017 г. № 984 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по регистрационному учету граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: «КонсультантПлюс».

References

1. The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on December 12, 1993 (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated 02/05/2014 No. 2-FKZ, dated 07/21/2014 No. 11-FKZ, dated 03/14/2020 No. 1-FKZ) // Art. 4398.

2. The Law of the Russian Federation of 25.06.1993 № 5242-1 «On the right of citizens to freedom of movement, choice of place of stay and residence within the Russian Federation» (ed. of 21.01.2023) // SZ RF, 1998 No. 6, Art. 783.

3. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 31.12.2017 № 984 «On approval of the Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the provision of state registration services for citizens of the Russian Federation at the place of stay and at the place of residence within the Russian Federation» // [Electronic resource]. Access mode: «ConsultantPlus».

4. Federal Law «On the Unified Federal Information Register containing information about the population of the Russian Federation» dated June 8, 2020 No. 168-FZ // [Electronic resource]. Access mode: «ConsultantPlus».

Информация об авторе

В. И. Забавка – доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. I. Zabavka – Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 20.09.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 16.01.2024.

The article was submitted 20.09.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 16.01.2024.

Научная статья

УДК 343.917

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-82-85>

EDN: <https://elibrary.ru/mzgcmm>

ИПОН: 2015-0066-1/24-908

MOSURED: 77/27-011-2024-01-107

К вопросу о политической преступности

Александра Михайловна Зарина¹, Татьяна Сергеевна Бессонова²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

^{1,2} Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

¹ sistersashenka86@yahoo.com

² bessonowatatiana@yandex.ru

Аннотация. Определяются истоки преступности от исторического памятника «Русская правда». Устанавливаются обстоятельства отсутствия политической преступности и политических преступлений в Древней Руси. Обосновывается вывод о невозможности дать единое определение политическому преступлению и политической преступности на сегодняшний день. Разнообразие преступлений и преступности следует рассматривать под призмой времени и изменять законодательство в силу обеспечения безопасности прав и свобод граждан и нашего государства.

Ключевые слова: политическая преступность, политические преступления, история, уголовный закон, конституционный строй, общественная безопасность

Для цитирования: Зарина А. М., Бессонова Т. С. К вопросу о политической преступности // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 82–85. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-82-85>. EDN: MZGCMN.

Original article

On the issue of political crime

Alexandra M. Zarina¹, Tatyana S. Bessonova²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

^{1,2} Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ sistersashenka86@yahoo.com

² bessonowatatiana@yandex.ru

Abstract. The origins of crime from the historical monument «Russian Truth» are determined. The circumstances of the absence of political crime and political crimes in Ancient Russia are being established. The conclusion is substantiated that it is impossible to give a single definition of political crime and political crime today. The variety of crimes and criminality should be considered under the prism of time and legislation should be changed in order to ensure the security of the rights and freedoms of citizens and our state.

Keywords: political crime, political crimes, history, criminal law, constitutional system, public security

For citation: Zarina A. M., Bessonova T. S. On the issue of political crime. Bulletin of economic security. 2024;(1): 82–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-82-85>. EDN: MZGCMN.

История всегда претерпевает изменения. Все события и факты, которые протекают во времени имеют определенное значение. По истечении времени, прошедшие события анализируются, им дается определенная оценка и строится наше отношение уже к имеющимся фактам.

Преступность является неотъемлемой частью истории. Все совершенные преступные деяния (составы преступлений), со стороны истории, будут рассматриваться как имеющиеся достоверные факты и собы-

тия. Преступность – это явление, которое всегда имело место быть. Она видоизменялась, менялись методы и способы, но всегда была, есть и будет. Изучая преступность как исторический факт, не было промежутка времени в развитие человечества без существования преступности.

Современные тенденции преступности отражаются в действующем УК РФ. С момента введения в действие УК РФ претерпевал множество раз изменения, а именно: дополнения, криминализацию и декриминализацию.

© Зарина А. М., Бессонова Т. С., 2024

Приблизительно в 1072 году появилась «Русская правда», являясь прототипом ныне действующего УК РФ. Русская правда является историческим памятником и важнейшим источником для изучения древнерусского права и строя государственности. В рамках уголовного права «Русская правда» содержит преступления против жизни, собственности и личности. Она являлась руководством для «устава», т. е. княжеского суда.

По мнению Аитовой И. А., «Русская Правда не является самостоятельным судебником, а всего лишь одним из дополнительных статей к Кормчей; ... Правда составлялась под влиянием памятников церковно-византийского права. Все это приводит к мысли, что Русская Правда сложилась не в сфере княжеского, а в среде церковной юрисдикции» [1, с. 6].

Вывод о церковной юрисдикции автора логичен, так как в «Русской правде» отсутствуют политические преступления, которые априори не могут относиться к компетенции церковного суда (церковной юрисдикции) [2, с. 108].

Рушения судов того времени, основывались на обычаях и традициях, а также решения судов были прецедентными, т. е. основывались на судебной практике.

Безусловно, в современной юриспруденции кардинально все изменилось, и в уголовном праве в частности, но истоки уголовного права получили свое начало из «Русской правды».

Итак, обратимся к зарождению политической преступности. На современном языке, политическая преступность классифицирована в УК РФ как «против общественной безопасности» и «против конституционного строя». Субъектами таких преступлений становятся оппозиции или правящее политическое руководство. И целью политических преступников становится власть, ее противоправный захват или удержание.

Обращаясь к истории древнерусского государства, на протяжении всего становления государственности, всегда существовали междоусобицы, вражда, захват земель и войны между княжествами внутри государства, покушения и убийства на княгинь и князей, на царей и цариц и т. д. Меньше двух веков назад, такого рода преступления стали воспринимать и говорить о них открыто, как о политических.

В криминологии относительно не давно стали выделять политическую или, если хотите экстремистскую преступность. Сама наука криминология относительно «молодая» и по политическим соображениям не ставили акцент на радикальность некоторых видов преступлений и квалифицировали их как угодно, но без указания мотива на политику. Осмысление политической преступности наступило в начале 90-х годов [1, с. 43].

Один из видов политической преступности, самый опасный и циничный – это политический терроризм. Обратимся к нормативно-правовой базе международного сообщества и обнаружим большое количество таких

актов, пактов, соглашений, резолюций и т. д., которые разными путями и способами запрещают и уж тем более не оправдывают такого рода преступления, например: Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (заключена в г. Варшаве 16 мая 2005, Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (заключена в г. Нью-Йорке 13 апреля 2005), Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (заключена в г. Варшаве 16 мая 2005), Хартия европейской безопасности (принята в г. Стамбуле 19 ноября 1999) и др., и все эти документы были аутентифицированы и ратифицированы Российской Федерацией.

Терроризм, политический терроризм совершается тоталитарными режимами в отношении воли народов, политических групп (партий) или в отношении отдельно взятых лиц разными способами и поэтому объединить все общественно-опасные преступления в одно толкование политической преступности или преступления невозможно.

Борьба с политической преступностью актуальна сегодня как никогда, так как рост такого рода преступности мы наблюдаем во всем мире. В нашей стране достаточно посмотреть статистику Генеральной Прокуратуры Российской Федерации [5] и Судебного департамента при Верховном Суде РФ [6]. По данным Генеральной прокуратуры в 2022 году зарегистрировано преступлений террористического характера – 2 233, 2021 году – 2 136 преступлений, 2020 году – 2 342, 2019 году – 1 806, 2018 году – 1 679, вывод напрашивается о росте данного вида преступности, причем в указанную статистику Генпрокуратура не относит экстремистскую преступность, ее учет осуществляется самостоятельно. На основании статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ, мы можем сделать другой вывод, а именно: не по всем общественно-опасным деяниям возбуждаются уголовные дела, а если и возбуждаются, то не всегда по террористической направленности, а в последствии не все дела передаются в суд, а прекращаются по разным причинам и обстоятельствам, которые у нас предусмотрены в УПК РФ. И наконец, уголовные дела, поступившие в суд, не всегда заканчиваются обвинительным приговором или вердиктом. Так, в 2022 году по террористической направленности осуждено 1 320 лиц, а по количеству уголовных дел с обвинительным судебным решением еще меньше, потому как преступления террористической направленности совершаются группой лиц (зачастую).

При рассмотрении политической преступности на мировой арене, мы также наблюдаем рост такой направленности преступности. Так, по данным министерства внутренних дел Германии, министром был предоставлен отчет о политической преступности за 2021 год, в течение года в Германии было насчитано 55 048 преступлений с политической мотивацией. Таким образом, в прошлом году было совершено больше

преступлений политического характера, чем за последние 20 лет [7].

В каждой стране рост политически мотивированной преступности является показателем интенсивности социальных конфликтов.

Террористическая и экстремальная направленность преступности безусловно имеют общее «зерно», как политическая преступность в целом, но объединить их вместе видится не рациональным. Поэтому не представляется возможным определить единое понятие такого вида преступности. УК РФ не содержит понятие политическая преступность и далеко не вся преступность предусмотрена в главах 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» и 24 «Преступления против общественной безопасности», и те преступления которые там указаны также не все совершаются по политизированным мотивам.

Следует согласиться с автором А. В. Зориным: «В уголовном законодательстве демократических государств политическая мотивация как таковая не криминализируется, хотя преступления по политическим мотивам совершались и совершаются в любом обществе. В этих странах субъекты «политических» преступлений несут уголовную ответственность не за политические убеждения (антиамериканские, антифранцузские, антигерманские и т. д.), а за объективно и виновно содеянное, если оно предусмотрено в законе» [3, с. 197]. Слова А. В. Зорина подкрепляются действующим уголовным законодательством, например, ст. 277 УК РФ «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля», где прослеживается политическая деятельность объекта посягательства, а не политические взгляды субъекта преступления; или ст. 275 УК РФ «Государственная измена», где диспозиция описательная и раскрывает понятие государственной измены, но причины побуждающие на совершение деяния не раскрываются, оно и понятно, что для квалификации такого преступления мотивация не имеет значение.

Признаки политической преступности можно предопределить следующие: «сохранения, изменения или прекращения деятельности государственных конституционных органов, политических общественных объединений, высших должностных лиц национального или иностранного государства, либо международного сообщества, либо видных общественных или политических деятелей, либо сохранения или изменения внешних границ государства, а также уничтожения людей либо их вытеснения с определенной территории по национальным, расовым, этническим, религиозным признакам или политическим убеждениям» [4, с. 73].

К сожалению, с последними событиями в мире, открытыми или скрытыми конфронтациями между государствами, политическое преступление, в том числе и терроризм меняется и искажаются на политической международной арене, трактуется в угоду заинтере-

сованной группе лиц и другое толкование не позволяет вплоть до применения наказания за саботаж. В одном случае такое преступление подлежит осуждению со стороны, например, Европы, а в другом, наоборот, те же европейцы поощряют такие общественные деяния.

Время диктует свои правила по становлению законодательства, в том числе учитывая политические формы и режимы, мы всегда должны быть прагматичными и дальновидными для противодействия такой преступности и при необходимости изменять и дополнять закон во благо прав и свобод, а также безопасности наших граждан и в целом нашего государства, преследовать исключительно интересы своей страны.

Список источников

1. Аитова И. А. «Русская правда в оценка В. О. Ключевского» // Национальная Ассоциация Ученых. 2015. № 9-3 (14). С. 6–7.
2. Ключевский Василий Осипович (1841–1911). Курс русской истории / В. О. Ключевский. М. : Академический проект, 2015. С. 525.
3. Зорин А. В. «Политическая преступность как историко-правовое явление» // Общество и право 2011. № 5 (37). С. 195–202.
4. Тайсумова Х. С. «Понятие политической преступности и ее формы» // Евразийский научный журнал 2016. № 7. С. 71–73.
5. Правовой портал Генеральной Прокуратуры Российской Федерации // <http://crimestat.ru/>.
6. Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ // <http://cdep.ru>.
7. <https://newsrnd.com/news/2022-05-10-annual-report-of-the-federal-criminal-police-office--political-crime-is-increasing-significantly-due-to-corona-protests.BJVq3nw8q.html>.

References

1. Aitova I. A. «Russian truth in the assessment of V. O. Klyuchevsky» // National Association of Scientists. 2015. №. 9-3 (14). P. 6–7.
2. Klyuchevsky Vasily Osipovich (1841–1911). Course of Russian history / V. O. Klyuchevsky. M. : Academic project, 2015. P. 525.
3. Zorin A. V. «Political crime as a historical and legal phenomenon» // Society and Law 2011. № 5 (37). P. 195–202.
4. Taysumova Kh. S. «The concept of political crime and its forms» // Eurasian Scientific Journal 2016. No. 7. P. 71–73.
5. Legal portal of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation // <http://crimestat.ru/>.
6. Statistical data of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation // <http://cdep.ru>.
7. <https://newsrnd.com/news/2022-05-10-annual-report-of-the-federal-criminal-police-office--political-crime-is-increasing-significantly-due-to-corona-protests.BJVq3nw8q.html>.

Информация об авторах

А. М. Зарина – доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент Департамента международного и частного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Т. С. Бессонова – доцент Департамента международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

A. M. Zarina – Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Associate Professor of the Department of International and Private Law of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

T. S. Bessonova – Associate Professor of the Department of International and Public Law of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.10.2023; одобрена после рецензирования 19.12.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 02.10.2023; approved after reviewing 19.12.2023; accepted for publication 30.01.2024.

Настольная книга эксперта. Майлис Н. П. Монография. 287 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ судебной экспертизы и исследований.

Изложены истоки формирования и развития судебной экспертизы, основные теоретические понятия. Рассмотрены вопросы формирования теории идентификации и диагностики в судебной экспертизе, современная классификация судебных экспертиз и перспективы их развития, субъекты судебно-экспертной деятельности и ее правовое обеспечение.

В соответствии с процессуальным уголовным, гражданским, арбитражным законодательством и Кодексом об административных правонарушениях рассмотрены виды назначаемых экспертиз, особенности проведения комплексных экспертиз, информационное обеспечение судебно-экспертной деятельности и отдельных видов экспертиз, а также экспертная этика как важная составляющая профессиональной деятельности. Должное внимание уделено экспертным ошибкам и подготовке судебных экспертов.

Для аспирантов (адъюнктов), студентов, преподавателей высших учебных заведений, практических работников, назначающих судебные

экспертизы, и специалистов, которые их проводят, а также широкого круга читателей, проявляющих интерес к криминалистике и судебной экспертизе.

Научная статья

УДК 343.9.01

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-86-90>

EDN: <https://elibrary.ru/ncyswu>

ИПОН: 2015-0066-1/24-909

MOSURED: 77/27-011-2024-01-108

Конституционные ценности в доктрине конституционного права и практике конституционной юстиции

Елена Юрьевна Зинченко¹, Евгений Николаевич Хазов²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ elena9998863@yandex.ru

² evg.hazow@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются конституционные ценности в доктрине конституционного права и практике конституционной юстиции, определяющей сущность современного российского государства. Авторы отмечают, что конституционные ценности состоят из единства различных компонентов, среди которых духовно-нравственные имеют особое значение. Проводится анализ конституционных ценностей, дается их характеристика, и обосновывается их роль в современной конституционной доктрине демократического государства.

Ключевые слова: конституционные ценности, Конституция, Конституционный суд, судебная практика, суверенитет, иерархия ценностей, публичные интересы

Для цитирования: Зинченко Е. Ю., Хазов Е. Н. Конституционные ценности в доктрине конституционного права и практике конституционной юстиции // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 86–90. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-86-90>. EDN: NCYSWU.

Original article

Constitutional values in the doctrine of constitutional law and practice of constitutional justice

Elena Yu. Zinchenko¹, Evgeniy N. Khazov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ elena9998863@yandex.ru

² evg.hazow@yandex.ru

Abstract. The constitutional values in the doctrine of constitutional law and the practice of constitutional justice, which determines the essence of the modern Russian state, are being examined. The authors note that constitutional values consist of the unity of various components, among which spiritual and moral ones are of particular importance. The article analyzes constitutional values, gives their characteristics, and substantiates their role in the modern constitutional doctrine of a democratic state.

Keywords: constitutional values, Constitution, Constitutional Court, judicial practice, sovereignty, hierarchy of values, public interests

For citation: Zinchenko E. Yu., Khazov E. N. Constitutional values in the doctrine of constitutional law and practice of constitutional justice. Bulletin of economic security. 2024;(1):86–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-86-90>. EDN: NCYSWU.

Сущностное наполнение, определение правовой природы и практического влияния конституционных ценностей – все это актуальные вопросы современной доктрины конституционного права Российской Федерации. На первоначальном этапе исследования представляется необходимым определить, что же в современной отечественной науке конституционного права понимается под конституционными ценностями [1].

Данный вопрос является достаточно дискуссионным. К примеру, ученый А. А. Кондрашев рассматривает правовую категорию как систему общесоциальных догм, которые получили свое правовое отражение в законодательном акте высшей юридической силе и (или) которые формируются в ходе системного толкования конституционных норм [2, с. 8]. В то же время исследователь Ю. А. Рудт рассматривает конституционные цен-

© Зинченко Е. Ю., Хазов Е. Н., 2024

ности через призму совокупности публичных и частных интересов, охраняемых в Российской Федерации на конституционном уровне, то есть нашедших свое отражение в Конституции Российской Федерации [3, с. 77].

Третья группа исследователей, к которой, в частности, относится кандидат юридических наук, доцент И. А. Карасева, отмечает, что конституционные ценности это ни что иное, как всякие социальные и публичные блага, которые нашли свое формальное отражение в разнообразных юридических формах. В таком случае, данная группа ученых соотносит понятие «юридические ценности» с такими категориями как «нормы-принципы», «права», «свободы», «законные интересы» и др. [4, с. 28].

Не можем согласиться с соответствующей позицией, которая также отражается в некоторых работах и зарубежных ученых [5] по той причине, что такой доктринальный подход обобщает правовую природу и значение всех ранее озвученных юридических категорий, которые якобы входят в единую сущность конституционных ценностей, что противоречит объективной действительности, ведь каждое из таких понятий имеет свое индивидуальное значение и проявление в практике правоприменения.

Мы же считаем целесообразным отметить наиболее устойчивые и сложившиеся позиции отечественных ученых, которые отражают понимание конституционных ценностей с позиции учета их как самостоятельного и специфического правового инструмента [6].

Такой подход, к примеру, отражен еще в работе 2005 года, написанной О. А. Снежко, которая отмечает, что конституционные ценности есть ни что иное как базовые идеи, принципы и ориентиры, которые в совокупности определяют вектор общественного и публичного развития государства и социума [7, с. 13].

Нельзя не согласиться и с позицией судебной власти, ведь роль Конституционного и Верховного Суда Российской Федерации в части конкретизации публичных интересов, государственных и общественных приоритетов, а также сложившихся принципов правового взаимодействия нельзя недооценить. Что уже говорить о дискуссионном вопросе о возможности использования формируемой конституционной практики Конституционным Судом РФ в последующем правовом регулировании, если даже сам Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин убежден, что высший орган конституционного контроля одновременно обладает самостоятельной правотворческой функцией, в связи с чем прецедентные акты суда являются источником права. В. Д. Зорькин даже пишет о том, что положения, изложенные в решениях Конституционного Суда, по своей юридической силе превосходят всякие законы, в связи с чем приравниваются к основному закону государства [8].

Аналогичной позиции придерживается и председатель судебного состава Арбитражного суда города Москвы в отставке Г. В. Комарова, также замечая, что наряду с актами Конституционного Суда РФ, к источникам

правового регулирования следует относить Постановления и иные акты Пленума Верховного Суда РФ [9, с. 77]. И, несмотря на то, что законодатель прямо не включает судебную практику в правовую систему, характеризует ее как источник права именно доктрина, а также конкретные судебные решения.

Таким образом, с одной стороны, судебные позиции по тем или иным правовым вопросам де-юре не являются правовыми источниками, а де-факто отражают тенденции формирования и реализации конституционных ценностей, сложившихся в обществе и государстве в конкретный историко-социальный промежуток времени. Для более детального понимания целесообразно отметить и позицию Е. И. Клочко, которая в своем диссертационном исследовании рассматривает конституционные ценности в качестве специфического, и что самое главное, индивидуального инструмента правового регулирования, которые применим лишь во внутринациональных правовых отношениях, поскольку отражает особые правовые регуляторы, присущие для того или иного государства и его общества.

«Таким образом, надлежащим субъектом выявления конституционных ценностей из текста конституции, их содержательного наполнения и использования в качестве инструмента разрешения правовых споров является национальный конституционный суд» [10, с. 114] – дополняет Е. И. Клочко.

Встает закономерный вопрос о том, как между собой соотносятся понятия «конституционные принципы», «конституционные ценности» и «конституционные нормы» в целом? На основе совокупного теоретического толкования можно прийти к выводу, что соотношение указанных понятий как смежных и синонимичных методологически ошибочно и, более того, принижает юридический потенциал ценностей как конституционно-правовой категории. В ином случае, это бы означало отрицание самостоятельности конституционных ценностей [11].

В таком случае встает закономерный вопрос о том, каким образом можно выявить конституционные ценности и каково их содержание, а равно каковы критерии для выявления и наполнения правовой сущности конституционных ценностей? В первую очередь следует отметить, что в отличие от конституционных принципов и иных смежных конституционных норм конкретного характера, конституционные ценности в большей мере характеризуются как нормы оценочного характера, а потому могут трактоваться в каждом конкретном случае индивидуально с учетом специфики сложившейся политической, экономической, социальной, культурной, правовой или иной обстановки.

Во-вторых, для выявления конституционных ценностей с учетом внутригосударственных политико-правовых традиций и особенностей публичного развития необходимо брать во внимание то, каким образом соотносятся те или иные рассматриваемые ценности со степенью развития общественных отношений. Более того,

при проверке актуальности тех или иных конституционных ценностей следует также учитывать и их соответствие морально-нравственным принципам, разделяемым всем или большей частью общества на конкретный исторический период времени.

В-третьих, закрепление конституционных ценностей, а равно их признание зависит от процессов и явлений, протекающих в социально-экономических, культурных, политических и иных отношениях в конкретный исторический промежуток отдельно взятого государства и общества. Как следствие, конституционные ценности не являются исчерпывающими, а потому динамичны и постоянно обновляются наряду с трансформациями в общественных и государственных институтах.

К примеру, спорна позиция А. А. Сухановой, которая в своем исследовании перечисляет закрытый перечень конституционных ценностей, раскрывая их путем перечисления основополагающих конституционных прав, свобод и базовых принципов, отражен в Конституции Российской Федерации, среди которых: идеологический и политический плюрализм; государственный суверенитет; федерализм; разделение власти; светских характер государственности и др. [12, с. 53].

Конечно, нельзя не согласиться с тем, что перечисленные категории относятся к конституционным ценностям, однако следует понимать, во-первых, что совокупность ценностей условно иерархична и превалирование одних идей и постулатов заменяется другими вследствие протекающих политико-правовых процессов, а во-вторых, система конституционных ценностей не может быть определена исчерпывающим образом в силу динамичного характера данного правового инструмента [13, с. 86].

Никто не оспаривает тот факт, что, к примеру, разделение властей входит в систему конституционных ценностей, поскольку это прямо отражено как в Конституции Российской Федерации, так и в иных федеральных законах. Однако необходимо воспринимать данный вопрос комплексно с учетом реальной практики, в рамках которой прослеживается трансформация законодательной, судебной и исполнительной ветвей власти, их взаимопроникновение и даже возможность влияния представителей одной структуры власти на другую в легальном поле [14].

Более того, вследствие конституционных изменений от 2020 года можно отметить и усиление роли так называемой «президентской власти», то есть полномочий Президента Российской Федерации, в содержании которых прослеживается возможность ограничения законодательной, судебной и исполнительной власти. К примеру, такое влияние прослеживается через систему назначения и освобождения от службы служащих. Другой пример – после внесения конституционных поправок увеличена квота президента на назначение сенаторов в Совет Федерации (после поправок напрямую или косвенно от президента зависит еще больше сенаторов – 115 из 200), да и сам президент в отставке

сможет замещать состав органа Федерального Собрания пожизненно [15].

Еще один пример – в нынешних правовых реалиях Президент РФ на формальной основе стал осуществлять общее руководство Правительством РФ, определяет структуру органов исполнительной власти, назначает федеральных министров и самого председателя Правительства РФ, что выражает усиление так называемой «президентской власти» по отношению к исполнительной власти [16].

Данный пример был необходим для понимания того, что на конституционно-правовом уровне разделение и независимость судебной, исполнительной и законодательной власти продолжает действовать как правовая конструкция, однако фактически роль данной конституционной ценности ослабла [17].

В то же время, современные тенденции совершенствования российского законодательства, а также такие тенденции трансформации государственного и муниципального управления, особенности международного взаимодействия Российской Федерации с иностранными государствами и международно-правовыми субъектами отражают усиление таких конституционных ценностей как суверенность, защита культурной самобытности, сохранение этнокультурного и языкового многообразия, поддержка зарубежным соотечественникам, обеспечение приоритета публичных интересов и т. д. [18].

Связано это с пересмотром российским политическим руководством концепции международного взаимоотношения, а также возрастании объективной необходимости продвижения национальных интересов на международной арене в связи с имеющимися угрозами нарушения культурной идентичности российского общества, а также вмешательством иностранных государств в российские общественные и государственные институты. Такое смещение вектора иерархии конституционных ценностей отражает первоочередную необходимость решения наиболее значимых задач в сформированной государственной политике современности [19].

На основании совокупности изложенного можно прийти к заключению, что конституционные ценности есть ни что иное как формализованные на конституционно-правовом уровне представления и приоритеты общественного, а также государственного устройства [20]. В силу своей юридической природы, конституционные ценности отражают те правовые и институциональные идеи, которые сформировались в конкретный исторический промежуток времени, а с позиции онтологического статуса выступают самостоятельным и специфическим правовым регулятором, применяемым, как правило, Конституционным Судом Российской Федерации при разрешении наиболее сложных правовых споров или иными публичными органами для определения конкретного политического вектора на основании иерархии общественных и публичных потребностей.

Список источников

1. Белоновский В. Н., Гаджиев Г. А., Егоров С. А., Зинченко Е. Ю. и др. Актуальные проблемы конституционного права России. Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» (квалификация «магистр»), 3-е изд., перераб. и доп. М., 2023.
2. Кондрашев А. А. Конституционные ценности в современном российском государстве : о конфликтах и девальвациях // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1. С. 6–13.
3. Рудт Ю. А. Влияние универсальных конституционных ценностей на развитие национальных конституционных ценностей в России // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2013. № 10. С. 76–79.
4. Карасева И. А. Конкуренция конституционных ценностей в практике Конституционного суда Российской Федерации и конституционных судов зарубежных стран : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 244 с.
5. Venter F. Global Features of Constitutional Law. 2010. 248 p.
6. Зинченко Е. Ю., Хазов Е. Н. Духовно-нравственные основы конституционного строя Российской Федерации // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2023. № 1. С. 52–56.
7. Снежко О. А. Правовая природа конституционных ценностей современной России // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 2 (51). С. 13–19.
8. Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. <https://base.garant.ru/5133313/> (дата обращения: 10.10.2023).
9. Комарова Г. В. Понятие, сущность и значение судебной практики на современном этапе развития Российской Федерации // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2009. № 4 (15). С. 74–79.
10. Клочко Е. И. Конституционные ценности в доктрине конституционного права и практике конституционной юстиции : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 198 с.
11. Глотов С. А., Ларичев А. А., Пешин Н. Л. и др. Проблемы и перспективы развития публичной власти в условиях конституционной модернизации. Под ред. Б. С. Эбзеева, Л. Т. Чихладзе. М., 2023.
12. Суханова А. А. Конституционные ценности современной России : иерархия и конкуренция // Вестник Челябинского университета. 2015. № 23 (378). С. 53–57.
13. Авдеев Д. А. Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6. № 2. С. 73–91.
14. Гасанов К. К., Бабаева Ю. Г., Белоновский В. Н., Егоров С. А., Зинченко Е. Ю. и др. Конституционное право России : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2023.
15. Зинченко Е. Ю., Хазов Е. Н. Проблемы реализации конституционных норм в современной России в свете новых конституционных поправок. В сборнике : конституционализм и правоохранительная деятельность. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Составитель С. Ю. Андрейцо. 2020. С. 76–81.
16. Хазов Е. Н., Зинченко Е. Ю., Померлян А. Н. и др. Внесение изменений в Конституцию Российской Федерации (конституционные поправки-2020). Новосибирск, 2020.
17. Зинченко Е. Ю., Хазов Е. Н. Конституционная модель современного российского федерализма // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 46–50.
18. Кожевников О. А., Ларичев А. А., Пешин Н. Л. и др. Местное самоуправление в единой системе публичной власти. Вектор и последствия конституционной реформы в Российской Федерации. М., 2020.
19. Зинченко Е. Ю., Хазов Е. Н. Деятельность органов публичной власти в рамках предстоящей конституционной реформы в современной России // Международный журнал конституционного и государственного права. 2020. № 3. С. 38–42.
20. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ, 14.11.2022, № 46, ст. 7977.

References

1. Belonovsky V. N., Gadzhiev G. A., Egorov S. A., Zinchenko E. Yu., etc. Actual problems of the constitutional law of Russia. Textbook for university students studying in the field of «Jurisprudence» (Master's degree), 3rd ed., revised. and add. M., 2023.
2. Kondrashev A. A. Constitutional values in the modern Russian state : on conflicts and devaluations // Constitutional and municipal law. 2017. № 1. P. 6–13.
3. Rudt Yu. A. The influence of universal constitutional values on the development of national constitutional values in Russia // Altai Bulletin of State and Municipal service. 2013. № 10. P. 76–79.
4. Karaseva I. A. Competition of constitutional values in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation and constitutional courts of foreign countries : dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2014. 244 p.
5. Venter F. Global Features of Constitutional Law. 2010. 248 p.
6. Zinchenko E. Yu., Khazov E. N. Spiritual and moral foundations of the constitutional system of the Russian Federation // International Journal of Psychology and Pedagogy in Professional Activity. 2023. № 1. P. 52–56.
7. Snezhko O. A. The legal nature of constitutional values in modern Russia // Comparative Constitutional Review. 2005. № 2 (51). P. 13–19.

8. Zorkin V. D. The precedent nature of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2004. № 12. <https://base.garant.ru/5133313/> (accessed: 10.10.2023).

9. Komarova G. V. The concept, essence and significance of judicial practice at the present stage of development of the Russian Federation // Scientific proceedings of the Russian Academy of Advocacy and Notariate. 2009. № 4 (15). P. 74–79.

10. Klochko E. I. Constitutional values in the doctrine of constitutional law and the practice of constitutional justice : dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2019. 198 p.

11. Glotov S. A., Larichev A. A., Peshin N. L. and others. Problems and prospects of development of public power in the context of constitutional modernization. Edited by B. S. Ebzeev, L. T. Chikhladze. M., 2023.

12. Sukhanova A. A. Constitutional values of modern Russia : hierarchy and competition // Bulletin of the Chelyabinsk University. 2015. № 23 (378). P. 53–57.

13. Avdeev D. A. Constitutional and legal values: concept, types and hierarchy // Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research. 2020. Vol. 6. № 2. P. 73–91.

14. Gasanov K. K., Babaeva Yu. G., Belonovsky V. N., Egorov S. A., Zinchenko E. Yu. et al. Constitutional law of Russia : textbook for university students studying in the field of Law. M. : UNITY-DANA, 2023.

15. Zinchenko E. Yu., Khazov E. N. Problems of the implementation of constitutional norms in modern Russia in the light of new constitutional amendments. In the collection : constitutionalism and law enforcement. Materials of the All-Russian scientific and practical conference. Compiled by S. Y. Andreyzo. 2020. P. 76–81.

16. Khazov E. N., Zinchenko E. Yu., Pomerlian A. N. et al. Amendments to the Constitution of the Russian Federation (constitutional amendments-2020). Novosibirsk, 2020.

17. Zinchenko E. Yu., Khazov E. N. The constitutional model of modern Russian federalism // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 2. P. 46–50.

18. Kozhevnikov O. A., Larichev A. A., Peshin N. L. and others. Local self-government in a unified system of public authority. The vector and consequences of constitutional reform in the Russian Federation. M., 2020.

19. Zinchenko E. Yu., Khazov E. N. The activities of public authorities in the framework of the upcoming constitutional reform in modern Russia // International Journal of Constitutional and State Law. 2020. № 3. P. 38–42.

20. Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022 № 809 «On approval of the foundations of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 14.11.2022, № 46, art. 7977.

Информация об авторах

Е. Ю. Зинченко – профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, профессор;

Е. Н. Хазов – профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

E. Yu. Zinchenko – Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Professor;

E. N. Khazov – Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 12.02.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 12.02.2024.

Научная статья

УДК 343:347

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-91-101>

EDN: <https://elibrary.ru/mogxny>

НИОН: 2015-0066-1/24-910

MOSURED: 77/27-011-2024-01-109

Активная состязательность процесса: торжество демократических начал правосудия или возможность злоупотребления правом?

Елена Анатольевна Иванченко¹, Татьяна Викторовна Воротилина²

¹ Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия, kvi-elena@yandex.ru

² Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия, vorotilina@mail.ru

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. Процессуальное законодательство постоянно подвергается изменениям, и вопрос о положении суда в состязательной модели судебного процесса продолжает оставаться дискуссионным на протяжении длительного времени, особенно в свете тенденции поступательного упрощения судопроизводства. Теоретическое уточнение правового содержания принципа состязательности необходимо с точки зрения формулирования предложений по укреплению состязательных начал в отдельных видах судопроизводства для максимально эффективного обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Ключевые слова: состязательность, принципы процессуального права, вид судопроизводства, сторона процесса, суд, злоупотребление правом, активная состязательная позиция

Для цитирования: Иванченко Е. А., Воротилина Т. В. Активная состязательность процесса: торжество демократических начал правосудия или возможность злоупотребления правом? // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 91–101. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-91-101>. EDN: MOGXNY.

Original article

Active adversarial process: the triumph of democratic principles of justice or the possibility of abuse of law?

Elena A. Ivanchenko¹, Tatyana V. Vorotilina²

¹ North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia, kvi-elena@yandex.ru

² Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, vorotilina@mail.ru

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. Procedural legislation is constantly undergoing changes and the issue of the position of the court in the adversarial model of the judicial process continues to be debatable for a long time, especially in light of the trend of progressive simplification of proceedings. Theoretical clarification of the legal content of the adversarial principle is necessary from the point of view of formulating proposals to strengthen the adversarial principles in certain types of legal proceedings in order to ensure the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings as effectively as possible.

Keywords: adversarial nature, principles of procedural law, type of legal proceedings, side of the process, court, abuse of law, active adversarial position

For citation: Ivanchenko E. A., Vorotilina T. V. Active adversarial process: the triumph of democratic principles of justice or the possibility of abuse of law? Bulletin of economic security. 2024;(1):91–101. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-91-101>. EDN: MOGXNY.

В отечественной правовой доктрине на протяжении нескольких десятилетий не теряет актуальности тематика совершенствования правового государства, повышения уровня правовой культуры и правосознания как граждан государства, так и представителей властных структур.

Считаем, что самым развивающимся фундаментальным институтом государственности на настоящий момент является институт судебной власти, как отмечает Ю. А. Курохтин [17, с. 4], и мы не можем не согласиться с данной точкой зрения. Действительно, гражданское общество настоятельно ищет новые, более активные

© Иванченко Е. А., Воротилина Т. В., 2024

подходы к усовершенствованию созданной тридцать лет назад модели правового государства, к нахождению баланса между частными и публичными интересами.

Суд является уникальным судебным органом по своей правовой природе, уникальность эта заключается в том, что судебная деятельность не начинается сама по себе, она не инициативна в принципе, даже в контексте реализации контрольной или надзорной государственных функций, суд концептуально лишен какой-либо инициативы. Судебную деятельность инициирует всегда сторона заинтересованная, именно она можно сказать непосредственно «запускает» институт судебной защиты. Следовательно, первое, что отличает правовую культуру судебной деятельности в целом, это полностью ее безынициативный характер.

Второй отличительной чертой судебной деятельности является то, что посредством ее реализации происходит разрешение проблемы (спора, конфликта) непосредственного субъекта общественных отношений, обеспечение гражданского согласия и общего благополучия социума.

В процессе совершенствования правового государства, а также реформирования отдельных его правовых институтов переосмыслению подвергаются даже фундаментальные, бесспорные, статичные, догматичные правовые положения. Одним из таких положений является необходимость обеспечения состязательности судебного процесса, а также правовой культуры поддержания данной состязательности всеми участниками судебного процесса. Это положение-константа воспринимается таковой на страницах научной литературы практически безоговорочно. Однако, в процессе юридической полемики время от времени возникает критика данного подхода, что вполне имманентно для академической среды.

Состязательность – основополагающий принцип организации судебной деятельности, он самым органичным образом связан с принципом равенства сторон, можно уверенно утверждать, что оба из названных принципов взаимодополняют и обуславливают реализацию друг друга.

В 90-х годах прошлого века состязательность и равенство сторон названы были ключевым механизмом реформирования отечественной судебной системы, поставлены во главу угла обеспечения судебными органами построения правового государства. Если представить генеральный концепт государственных реформ в судебной сфере в последние два десятилетия, им уверенно можно назвать – формирование культуры истинно состязательного судебного процесса.

Состязательность можно рассматривать и как принцип организации судебной деятельности, и как принцип осуществления правосудия, что по своему правовому смыслу является более широким понятием. В действующей Конституции РФ он закреплен и как принцип организации судопроизводства, и как принцип правосудия, его содержательность настолько глубока, что изучению принципа состязательности посвящено огромное коли-

чество работ, в связи с названным отметим, что эта не та ситуация, когда можно утверждать о диссертабельности темы, ссылаясь на дефицит научных исследований. Тем не менее, ученые открывают все новые и новые аспекты реализации принципа состязательности, данная тема сама по себе неистощима своими гранями. Однако большинство работ посвящено реализации принципа состязательности в отдельных видах судопроизводства, с нашей же точки зрения, данный принцип необходимо рассматривать как универсальное начало любого вида судебного процесса.

Такой подход позволит оценивать состязательность не только с точки зрения реализации равной возможности сторонам представлять свои доказательства в процессе и проявлять любую иную активность, но и посмотреть на деятельность суда как уникального организатора такого состязательного судебного процесса.

На страницах научной печати мы встретили споры о том, можно ли суду быть вовлеченным в состязательность процесса настолько, что исключается любая возможность его участия в поиске доказательств? Или он все-таки может принимать активную позицию при рассмотрении дела и получать доказательства, обнаруженные по своей инициативе? Мы склоняемся к мнению, что доводить состязательность до Абсолюта и абсурда нельзя. За судом должна сохраняться известная активность в самостоятельном обнаружении доказательств и использовании их в процессе отправления правосудия, противопоставлять активность против справедливости и беспристрастности, на наш взгляд, является не верным.

Лишить суд активности в обнаружении доказательств – значит превратить данный государственный орган в рядовую «контору», заверяющую надлежащесть представленных доказательств. При такой ситуации, более юридически грамотная сторона (а чаще всего сторона просто более финансово обеспеченная, которая смогла нанять более квалифицированного представителя, специалиста, эксперта и т. д.) с большой долей вероятности будет выигрывать судебный процесс, даже если ее позиция, с точки зрения справедливости и права, будет неправильной.

Это будет происходить потому, что уровень правовой грамотности населения нашего государства еще далек от высокого.

Аналогично мы не можем оценить как высокий, уровень предоставляемой квалифицированной помощи, так как на рынке юридических услуг осуществляют свою деятельность огромное количество юристов, имеющих крайне низкую квалификацию.

Именно поэтому, необходимо оставить суду возможность помогать стороне отстаивать свою позицию, сохранение активности суда – объективная необходимость и ничуть не противоречит принципу состязательности.

Активная состязательность – единственная возможность обеспечить конституционную состязательность

разрешения правового спора или правового конфликта, а не обусловить победу более финансово сильного оппонента.

При абсолютизации состязательности законодатель с правоприменителем по сути слепо копируют чужие правовые ценности, в частности, возведенная в Абсолют состязательность присуща американскому или же британскому судебным процессам. Необходимо, во-первых, сохранять российскую правовую самобытность, национальные правовые традиции, особенности национальной системы права, а, во-вторых, такая абсолютная состязательность плохо «ложится» на нашу современную действительность, которой присущи следующие черты: низкий уровень правовой культуры, слабо представленный настоящими профессионалами рынок квалифицированной юридической помощи и т. д.

Государство уже тридцать лет выстраивает судебную систему, в которой будут быстро, справедливо и эффективно разрешаться правовые споры, тем самым также быстро, справедливо и эффективно будут разрешаться частные, локальные и масштабные социальные конфликты, для преодоления которых субъекты общественных отношений обращались в судебные органы. Активная состязательность судебного процесса – вот то, что позволит обеспечить быстроту, справедливость и эффективность.

Закрепив данный принцип в ст. 123 Конституции Российской Федерации, законодатель сформировал потребность приведения в согласованное с Основным законом состояние отраслевого законодательства, особенно процессуального. Состязательность все более четко стала проявлять в нормах уголовно-процессуального, гражданско-процессуального и всех других процессуальных кодексов. Считаем это и закономерным, и правильным.

Такая современная тенденция – подробная детализация конституционного принципа состязательности в отраслевом законодательстве – заставляет перестать смотреть на состязательность, как на доктринальный правовой принцип, обязывает понять его живую правовую природу и востребованность.

Осложняет надлежащую реализацию принципа состязательности то, что в российском законодательстве отсутствует как таковой четкий перечень функционала суда, при оценке же комплекса полномочий суда не может не возникать некая разбалансированность в их оценке, разночтение в понимании полномочий отдельными судьями, что недопустимо в принципе с точки зрения обеспечения единства правового пространства, единства юридической практики и единства судебной системы.

Состязательность – это подлинно демократический принцип, неотъемлемый от права на защиту, гарантирующий его осуществление и обнаружение истины.

Право на справедливый суд включает в себя как принцип равенства сторон, так и состязательный характер судебного разбирательства, определяющий особую

правовую культуру ведения судебного процесса, а также культуру участия в нем в качестве стороны.

Целесообразно, на наш взгляд, рассматривать реализацию принципа состязательности, во-первых, через достижение целей, стоящих перед судебной властью, а во-вторых, через конституционное положение об особой роли судебной власти в системе государственной власти в контексте независимости и самостоятельности суда.

При этом Ю. А. Курохтин справедливо отмечает, что «...не может быть состязательности ради самой состязательности» [17, с. 5], состязательность – это всего лишь инструмент достижения более высокой цели – справедливое и беспристрастное судебное разбирательство. Именно с учетом данной цели судебный орган должен организовывать всю свою процессуальную деятельность.

Таким образом, указанная генеральная цель поддержания состязательности судебного процесса обусловливает:

- предоставление сторонам равных возможностей по отстаиванию своей позиции по делу и опровержению противоположной позиции;
- равенство сторон как субъекта доказывания;
- активное участие самого суда в процессе доказывания.

Любое исследование реализации принципа состязательности должно носить комплексный характер, на это указывают большинство авторов. Только оценка принципа состязательности со всех позиций, названных выше, позволит дать данному доктринальному началу самую полную, развернутую характеристику, на основе которой мы можем предложить следующее определение состязательности – это унифицированный порядок и основополагающая организация любого вида судопроизводства.

В эффективной деятельности суда заинтересован каждый гражданин персонально, общество как носитель публичных интересов и государство как олицетворение властных начал организации человеческой общности, предназначение суда состоит в справедливом, оперативном и профессиональном разрешении социальных конфликтов, вылившихся в конфликт правовой.

Кроме того, судебные органы обладают исключительной компетенцией осуществлять контрольные полномочия в отношении как самих органов государственной власти, так и в отношении нормативных и правовых актов, ими издаваемых, проверка законности таких актов не прямо, а опосредованно обеспечивает надлежащую реализацию принципа состязательности.

Более двадцати лет назад Президент РФ обозначил курс развития российского правосудия, отметив, что в гражданском и уголовном судопроизводстве необходимо поступательно усиливать реализацию принципов состязательности и равноправия сторон [1]. С этого момента новеллы процессуального законодательства стали поэтапно обеспечивать реализацию обозначенной тенденции.

Однако, нельзя утверждать, что с реализацией обозначенного курса на усиление состязательности складывается все благополучно в практической плоскости, есть тому и объективные причины, в частности:

1. На сегодняшний день отсутствует как таковой единый концептуальный подход к пониманию состязательности в судопроизводстве в целом и в отдельных видах судопроизводства, в частности.

2. Отсутствует необходимое уточнение роли суда в обеспечении принципа состязательности, кроме этого, не разрешено еще достаточное число предшествующих вопросов, понимание которых необходимо для уяснения роли суда в обеспечении данного принципа, среди которых:

– отсутствие явственной границы самостоятельности суда (одной из последних тенденцией, на наш взгляд негативной, следует назвать попытку «отобрать» у суда отдельные полномочия по судебному контролю);

– отсутствие в законодательстве четкого перечня функций суда, что также мы считаем неправильным, с точки зрения обеспечения определенности статуса судебной власти и роли судебных органов, а также иные предшествующие вопросы, имеющие важное теоретическое и практическое значение для реализации принципов правосудия.

Абсолютно справедливо отмечает большинство исследователей, что роль суда в обеспечении принципа состязательности необходимо рассматривать наряду с иными принципами правосудия [8; 19; 21; 32].

Принцип состязательности неразрывно связан с принципом равенства всех участников процесса, т. е. для суда все участники процесса должны обладать абсолютно одинаковым набором прав, особенно это актуально в свете увеличения числа дел [24], рассматриваемых российскими судами, стороной процесса в которых являются иностранные граждане, как отмечает в своей публикации А. В. Копченев [14, с. 224].

Так как принцип равенства и принцип состязательности сторон не позволяет суду становиться на сторону какой-либо стороны, суд обязан обеспечить реализацию принципа доказанности вины, для этого судебный орган ограничивается тем, что обеспечивает наличие в судебном процессе государственного обвинителя и потерпевшего.

Следовательно, реализация принципа доказанности вины не относится к компетенции суда, эта обязанность распространяется на органы предварительного расследования, органы прокуратуры и потерпевшего. Активную роль в обеспечении доказанности вины суд принимать не может, так как в ином случае он будет вставать на сторону подсудимого или на сторону потерпевшего, что будет противоречить надлежащей реализации принципа состязательности. Для обеспечения принципа доказанности вины суд может только создать надлежащие условия (удовлетворение ходатайств, содействие стороны в реализации полномочий в доказывании и т. д.).

Принципы судопроизводства не равны друг другу по своей правовой природе, одни принципы применяются только при наличии определенных условий, другие принципы применяются, безусловно, и во всех без исключения случаях; действие одних распространяется на определенных участников процесса, других – на всех участников судебных заседаний. Одни принципы распространяются на все виды судопроизводства, предусмотренные российским законодательством, другие действуют только в рамках определенного вида судопроизводства. Некоторые принципы судопроизводства имеют прямое действие, другие действуют на суд и иные стороны процесса опосредованно.

Состязательность – принцип по своей природе универсальный, так как действует на всех участников процесса и во всех случаях, безусловно, распространяется на весь процессуальный перечень участников, реализуется во всех видах судопроизводства, имеет прямое действие.

Следовательно, суд обязан:

– создать все необходимые условия для надлежащей реализации принципа состязательности – такие условия, в которых без затруднения стороны судебного процесса реализуют свои права и исполняют предусмотренные процессуальным законодательством обязанности;

– исполнять в полном объеме и в установленном порядке требования процессуального законодательства, устанавливающие порядок создания сторонам процесса надлежащих с точки зрения принципа состязательности условий;

– учитывать случаи из процессуально установленного перечня, при которых рассмотрение правового спора или правового конфликта возможно без соблюдения конституционной состязательной основы.

Таким образом, можно уверенно утверждать, что на суд в состязательном судебном процессе возлагается самый большой объем обязанностей, «... в противоборстве двух сторон», – пишет А. В. Копченев, – «на суд полагается едва ли не самая тяжелая часть в соревновании» [14, с. 226].

Соревновательность судебного процесса носит характер субъективный, так как зависит от позиции сторон, которые они занимают в процессе, следовательно, надлежащая реализация принципа состязательности не зависит исключительно от суда.

Таким образом, максимальная реализация принципа состязательности обеспечивается, прежде всего, волей сторон, желающих участвовать именно в состязательном судебном процессе и понимающих, что такое участие возможно только при неукоснительном соблюдении норм материального и процессуального права.

Суд не может обязать стороны вести себя состязательно и активно в судебном процессе, по большому счету, сторона вообще может проигнорировать вызов в судебное заседание, следовательно, достижение состо-

нения состязательности напрямую зависит от волеизъявления сторон, а не только от деятельности суда.

Утверждения, возведенные в правила еще юристами времен Древнего Рима, «Нет судьи без истца» и «Пусть будет выслушана и другая сторона», получили законченное выражение в принципе состязательности, действующем в сфере правосудия по настоящий день.

Реализуя принцип состязательности, суд фактически организует юридический диалог между сторонами процесса, урегулированный процессуальными нормами. Посредством данного юридического диалога стороны процесса доказывают для суда факты, на которые ссылаются для подтверждения определенных обстоятельств, с этой целью приводя определенные аргументы и доводы.

Согласно меткому выражению Г. Л. Осокиной, суд может вынести правильное решение только на основе анализа противоречивых мнений [23, с. 152]. В свою очередь Т. Ю. Герасимова отмечает, что предоставляя любые, не запрещенные законом доказательства для того, чтобы убедить судебный орган в своих доводах, процессуальная сторона пытается на их основе убедить суд в единственно нужном для нее выводе – что мнение данной стороны является истинным [9, с. 116].

По мнению отдельных исследователей, в максимальном объеме принцип состязательности реализуется на стадиях судебного разбирательства [27, с. 73], мы полностью разделяем данное мнение, так как судебное разбирательство по своему характеру является состязанием, «...где в качестве рефери выступает суд» [23, с. 152].

Согласно положениям процессуального законодательства и реализации принципа непосредственности судебного разбирательства, стороны не могут ссылаться во время судебного разбирательства на обстоятельства, которые ранее судом не исследовались. Суд должен неукоснительно придерживаться данного правила, и для того, чтобы такие обстоятельства фигурировали в процессуальном статусе доказательств, они должны быть представлены и исследованы непосредственно.

Суд фактически регулирует процесс подведения стороной процесса черты в исследовании доказательств, это обычно происходит на стадии судебных прений, когда сторона процесса выступает с речью, аргументируя допустимость, относимость и достоверность представленных доказательств. При этом сторона, как справедливо отмечают отдельные авторы [13, с. 12; 8, с. 110; 18, с. 126], в процессе доказательственной речи, обозначая доказательства, подтверждающие ее позицию, может параллельно критиковать позицию своего процессуального оппонента, но делать это аргументировано, что также входит в предмет контроля суда. То есть на стадии судебных прений у каждой стороны процесса появляется еще одна возможность выразить несогласие с оппонировавшей стороной, убедить суд в истинности своего мнения.

Процессуальное законодательство допускает, что у суда и после судебных прений может возникнуть необ-

ходимость в выяснении новых доказательств, это вполне согласуется с надлежащей реализацией принципа состязательности и необходимо для установления истины по делу, в таком случае суд должен вынести соответствующее определение (о возобновлении рассмотрения дела по существу). После выяснения необходимых обстоятельств прения могут быть возобновлены, а могут и не возобновляться, не даром принцип состязательности считается одним из самых динамичных принципов правосудия [23, с. 154], он особенно ярко проявляется при обмене мнениями, дебатах, прениях, на что справедливо указывает Т. В. Иванова [13, с. 65].

Общеизвестно, что состязательная форма отправления правосудия способствуют проявлению процессуальной самостоятельности сторон, на что указывают большинство исследователей [12, с. 49; 16, с. 41].

Суд обязан контролировать, чтобы сторона в процессе предоставляла доказательства с учетом времени для подготовки доводов стороны-оппонента, правило о процессуальной самостоятельности и активности не должно противоречить этому положению.

Аналогичная обязанность контроля распространяется на правило, чтобы на стадии судебных прений последняя реплика (необходимо помнить, что реплика – это не дополнение основной речи, а самостоятельная речь) принадлежала ответчику (или его представителю).

Суд должен учитывать, что участие в судебных прениях не является обязанностью процессуальной стороны, является ее правом, по смыслу процессуального закона сторона может вообще отказаться участвовать в прениях, а также имеет право регулировать объем своего участия в них.

Отказ от участия в прениях – достаточно редкая ситуация, обычно стороны активно используют данную возможность предоставления и опровержения чужих доказательств, однако, право на отказ за стороной закреплено, такой отказ не нарушает принципа состязательности.

Таким образом, состязательность на этапе судебных прений реализуется в том, что сторона процесса старается обойти оппонировавшую сторону. Возможность высказывать свое отношение к приводимым доводам оппонента является частной формой реализации рассматриваемого принципа.

Необходимо помнить, что состязательность в полном объеме может реализовываться только тогда, когда судом обеспечивается неукоснительное равноправие сторон. О том, что принципы состязательности и равноправия взаимообуславливают и дополняют друг друга, мы уже говорили в данной работе, у них много общего и нарушение одного из них выступает законным основанием для пересмотра судебного решения.

Отдельные авторы высказывают точку зрения, согласно которой суд не обязан поддерживать чистую состязательность в судебном процессе, аргументируя это тем, что международно-правовые акты говорят о желательности такой модели, а не обязательности ее

[10, с. 37]. Мы не можем поддержать высказанное мнение, так как считаем, что суд должен неукоснительно обеспечить стороне принципиальную и достаточную возможность предоставлять в защиту своей позиции любые доказательства (главное, чтобы они были допустимыми), приводить доводы в защиту своей позиции, быть осведомленной о тех доказательствах, которые поступили от оппонировавшей стороны и имеются в распоряжении суда.

Мы поддерживаем классификацию элементов состязательности, предложенную В. М. Семеновым, которая включает в себя следующие элементы:

1. Предоставление сторонам равных процессуальных возможностей.
2. Закрепление равных процессуальных обязанностей.
3. Создание равных условий для реализации сторонами предоставленных процессуальным законодательством прав.
4. Одинаковая и гарантированная помощь со стороны суда [28, с. 122].

Следовательно, что, позволено одной стороне процесса должно быть обеспечено и другой стороне, в данном случае равноправие является необходимым условием обеспечения надлежащей состязательности, на что справедливо указывает Ю. В. Миронова [22, с. 74].

По мнению Е.С. Поповой, состязательность даже больше направлена на поддержание равноправия сторон, чем на достижение цели правосудия – установление истины по делу. Данная точка зрения, разумеется, имеет право на существование, однако, необходимо помнить, что реализация всего комплекса принципов судопроизводства в конечном итоге направлена на вынесение судом законного, справедливого и обоснованного решения.

Необходимо отметить, что институт состязательности не так однозначен в различных видах процесса, как это кажется на первый взгляд, его реализация в гражданском судебном процессе не вызывает вопросы только потому, что в данном виде судопроизводства отсутствует так называемая «досудебная» стадия, «...не приходится «примирять» состязательность с досудебным производством в силу его отсутствия» [32, с. 55].

Гораздо более полемична состязательность в уголовном судопроизводстве, мнения авторов по данному вопросу очень полярные и разнятся от требования довести состязательность до Абсолюта на всех стадиях уголовного процесса [30, с. 40–58] до требований полного ее упразднения как принципа правосудия [25].

По мнению А. Р. Шариповой, гражданское, административное и арбитражное судопроизводство существенно отличаются от уголовного судебного процесса реализацией принципа состязательности, первые три вида судопроизводства, по мнению указанного автора, являются более состязательными, что доказывает бытующее в юридической литературе мнение о чрезвычайной особенности уголовного судопроизводства [4] – многие авторы предпринимают попытки провести некоторые

параллели применения принципа состязательности в отдельных видах судопроизводства, чтобы обнаружить отличия в реализации данного междисциплинарного принципа. Такие исследования характеризуются разной «степенью погружения» в существо вопроса, однако многие авторы склоняются к выводу о том, что реализация состязательных начал автоматически исключает присутствие в состязательных отношениях сторон самого судебного органа – арбитра. Мы не можем присоединиться к данному мнению, так как без активной и целенаправленной судебной деятельности невозможно создать условия для реализации состязательных начал в любом виде судопроизводства.

Считаем, что в данной работе необходимо также коснуться тенденции злоупотребления процессуальным правом, складывающейся при реализации сторонами состязательных начал. Данное негативное правовое явление требует применения соответствующих адекватных мер.

Причины злоупотребления правом могут быть самые разные. Так, в юридической литературе названы, например, следующие:

- неточность норм права;
- несовершенство нормы с точки зрения юридической техники;
- низкий уровень правосознания правоприменителя;
- неопределенность судебной практики, отсутствие в ней единства;
- столкновение интересов правоприменителей [5, с. 99–101].

В свою очередь, О. В. Желева приводит свой перечень причин злоупотребления правом в процессуальных отраслях российского законодательства [11], который также интересен в контексте полноты картины причин злоупотребления правом. В этой связи нам импонирует позиция В. К. Бабаева своей простотой и логичностью, настаивающего на единственной причине злоупотребления правом – желании удовлетворить свои интересы противоправным способом [29, с. 498–199].

Однако следует указать, что злоупотребление правом не есть всегда правонарушение, на это справедливо указывают отдельные авторы [20, с. 25], данные категории пересекаются, но не являются тождественными.

Более того, злоупотребление правом в подавляющем большинстве случаев имеет характер правомерного поведения. Относительно поведения стороны в судебном процессе, можно утверждать, что это правомерное поведение стороны процесса, но поведение по своей сути общественно вредное, недобросовестное, хоть и формально законное.

Ярким примером такого поведения является шикана – поведение лица, преследующего единственную цель – причинение вреда. Самой распространенной формой такого поведения в состязательном судебном процессе является неявка стороны по уважительной причине в судебное заседание или привнесении систематических ходатайств о переносе судебного заседания.

Формы злоупотребления правом отличаются своим разнообразием и бывают характерными для определенного вида судопроизводства. Отдельные авторы, рассуждая по данному вопросу, справедливо приходят к выводу, что злоупотребление правом чаще всего связано с конкретным нарушением определенного принципа судопроизводства [33, с. 231; 26, с. 163], при чем, это утверждение, на наш взгляд, правильно для любого вида судопроизводства.

Нам, в контексте заявленного предмета исследования, представляет интерес злоупотребление правом, связанное с реализацией принципа состязательности.

Состязательная природа участия в судебном процессе практически всегда формирует у стороны мотивацию выиграть процесс любой ценой, однако, не каждая сторона при этом будет умышленно злоупотреблять своими процессуальными правами. Следовательно, когда мы сталкиваемся с фактами такого злоупотребления, речь, прежде всего, идет об участнике процесса, не отличающимся высоким уровнем правовой культуры, нравственности.

Неразвитое правосознание такого участника судебного процесса позволяет вульгарно трактовать возможности, предоставленные стороне процессуальным законодательством в виде некоторых форм реализации принципа состязательности.

Так, например, в уголовном судопроизводстве состязательная сторона нередко превратно понимает презумпцию о возможности защищаться всеми не запрещенными УПК РФ способами и средствами, применяя ее слишком широко, чем это подразумевается соображениями добросовестности и разумности, что, по сути, является формой злоупотребления правом.

В уголовном судопроизводстве также распространены случаи, когда сторона процесса – сторона обвинения открыто злоупотребляет предоставленными законом полномочиями, причем такое злоупотребление даже носит иногда уголовно-правовой характер и формально подпадает под признаки, предусмотренные ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» Уголовного кодекса Российской Федерации [31] (далее по тексту – УК РФ).

Встречается злоупотребление правом и в административном судопроизводстве. Как уже говорилось, в каждом виде судопроизводства встречаются свои формы злоупотребления правом. Так, в административном судопроизводстве при разрешении судом правовых споров, в которых фигурирует разграничение полномочий между органами исполнительной власти или вообще одной из сторон процесса выступает орган исполнительной власти, нередко встречается злоупотребление правом, базирующееся на отсутствии четких правил толкования нормативно-правовых актов, в частности, на это указывают такие ученые как Е. С. Матвеева [20, с. 25], Е. Н. Крымова [15, с. 19] и некоторые другие.

Встречаются и иные формы злоупотребления сторонами процесса реализацией принципа состязательно-

сти, предоставленными процессуальными правами. Так, примером вульгарного использования принципа состязательности в гражданском и уголовном судопроизводстве является:

- сокрытие фактов, которые могут носить доказательственный характер;
- предоставление ложных объяснений доказательственных фактов.

И та, и другая форма злоупотребления правом своей целью ставит введение суд в заблуждение и получение тем самым в состязательной борьбе необоснованных преференций.

Необходимо отметить, что в уголовном и гражданском судопроизводстве отдельным субъектам вменяется в обязанность оперировать только правдивыми фактами, в отдельных случаях установлена в законе даже негативная юридическая ответственность за пренебрежение данным требованием и неисполнением обязанности давать правдивые показания (такая ответственность, например, распространяется на эксперта, свидетеля, некоторых других участников судебного процесса). Однако, грань между умышленно искаженными показаниями и добросовестным заблуждением очень условна и уверенно утверждать, что сторона процесса умышленно искажает или ложно интерпретирует отдельные факты, в большинстве случаев очень сложно.

Круг субъектов, несущих юридическую ответственность за дачу ложных показаний в гражданском судопроизводстве еще меньше, а, следовательно, большинство участников процесса не боятся понести ответственность за ложь или умышленное «недоговаривание» отдельных сведений.

Снова вернемся к уголовному судопроизводству, иммунитетом освобожден от обязанности давать правдивые показания подозреваемый, обвиняемый, подсудимый. Можно ли считать, что отказываясь давать показания, данные участники судебного процесса злоупотребляют предоставленным правом защищать себя всеми не запрещенными законом способами, злоупотребляют состязательностью процесса? Вопрос является крайне дискуссионным, что еще раз подтверждает неоднозначность реализации принципа состязательности, дискуссионность понятий «злоупотребление состязательностью», «злоупотребление правом».

В юридических публикациях распространено мнение, что максимальное злоупотребление правом происходит в уголовном судопроизводстве и совершается стороной защиты. Мы не находим эту точку зрения соответствующей действительности, факты злоупотребления правом распространяются между сторонами приблизительно равномерно, в работах отдельных авторов приводятся тому интересные примеры [6, с. 29; 2, с. 133].

Таким образом, нельзя игнорировать наличие фактов злоупотребления органами предварительного расследования правом на активную позицию в состязательном процессе, настолько активную, что складывается ситуация, при которой принцип презумпции невиновности

сти фактически подменяется принципом добросовестности органов предварительного расследования, что представляется недопустимым для такого вида судопроизводства, как уголовное, и такой стороны процесса, как сторона обвинения.

Характерным является то, что злоупотребление дискреционными полномочиями стороны обвинения, злоупотребление органами предварительного расследования правом на активную состязательность в большинстве случаев остаются «за кадром», если только на данные факты не обратит в суде внимание сторона защиты.

Говоря о злоупотреблении активной состязательностью в арбитражном процессе, целесообразно обратиться к мнению Л. Р. Борецкой, приводящей примеры, как злоупотребляющая правом сторона недобросовестно инициирует дела, которые будут неизбежно затягивать основной судебный процесс из-за параллельного их рассмотрения [7]. Суд остается буквально связанным параллельными процессами, так как, не разрешив инициированные дела, являющиеся взаимосвязанными с основным, он не может вынести по нему соответствующего решения.

Приведенную ситуацию можно смело экстраполировать на административный процесс, в котором одна из сторон, используя право на активную состязательность подает суду жалобы, инициирует заявления для защиты интереса, изначально для стороны безразличного, а суд обязан их рассматривать и принимать по ним решения. Безусловно, это следует считать формами злоупотребления правом.

Вообще, подача многочисленных жалоб является излюбленным способом затягивания процесса, самой распространенной, на наш взгляд, формой злоупотребления правом на активную состязательную позицию, данная форма, в частности, весьма распространена в уголовном процессе.

Состязательность судебного процесса – несомненное правовое благо, торжество демократических начал в организации процесса отправления правосудия.

Эффективными средствами защиты стороной своих прав и интересов, своей позиции в состязательном процессе является подача отводов, жалоб, заявлений и пр., возможность злоупотребления данным правом существует для любой стороны судебного процесса и в любом виде судопроизводства. Будет ли сторона злоупотреблять правом на активную состязательную позицию целиком и полностью зависит от уровня правосознания и правовой культуры субъекта судебного процесса, являющегося стороной.

Однако, суд не должен принимать нейтральную позицию, «отпустив» судебную ситуацию на самотек, подпав под влияние злоупотребляющей правом стороны процесса, целью выбранной позиции которой является затягивание судебного процесса, а иногда и простое вредительство стороне-оппоненту.

Само по себе наличие большого количества жалоб, заявлений и прочего не является признаком злоупотре-

бления правом, это всего лишь форма реализации права на судебную защиту, права на состязательную борьбу, право на справедливое судебное разбирательство, право на равноправие сторон в судебном процессе. Признаки злоупотребления активной состязательностью появляются при сочетании большого количества жалоб и отводов с «...неразумностью и недобросовестностью в поведении субъектов» [3, с. 923].

Пресекать суду подобное поведение стороны очень сложно из-за отсутствия в законодательстве четких негативных последствий за злоупотребление активной состязательной позицией, злоупотребление правом, что является поводом для размышления о внесении соответствующих поправок в процессуальное законодательство.

Подводя общий итог данного исследования, считаем, что параллельно с указанными выше мерами есть смысл еще подумать о необходимости повышения уровня общей правовой культуры организации судебного процесса. Указанное относится как к судьям, так и ко всем другим участникам процесса, так как искаженное, гипертрофированное представление стороны о состязательных началах судебного процесса неизбежно приведет к злоупотреблению правом.

Список источников

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ «Не будет ни революций, ни контрреволюций» / <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21216> (дата обращения: 20.10.2023).
2. Азаров В. А., Нурбаев Д. М. Некоторые подходы к оценке феномена злоупотребления правом в уголовном процессе // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2019. Т. 16. № 4.
3. Андреева О. И., Григорьев В. Н., Зайцев О. А., Трубникова Т. В. Злоупотребление правом, его предупреждение и пресечение в уголовном процессе России: некоторые итоги исследования // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 914–924.
4. Арндаренко И. А. Доказательственное право уголовного судопроизводства в его соотношении с нормами, регулируемыми доказывание в гражданском, арбитражном процессах и производстве по делам об административных правонарушениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 30 с. / <https://kubsau.ru/upload/iblock/243/243e0d01b0d7d6649b79c215b0d9bd07.pdf> (дата обращения: 9.11.2023).
5. Бармина О. Н. Причины и условия возникновения злоупотреблений в праве // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 6. С. 96–103.
6. Биляев В. А., Климовский А. С. Состязательность : принцип уголовного судопроизводства или свойство, характеризующее его онтологическую сущность? // Уголовное производство : процессуальная теория и криминалистическая практика : материалы X Международной научно-практической конференции, Севастополь,

29–30 апреля 2022 года / Отв. редактор М. А. Михайлов. Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. С. 28–29.

7. Борецкая Л. Р. Понятие злоупотребления процессуальными правами в арбитражном процессе : формы и способы // Крымские юридические чтения. Правонарушение и ответственность : сборник материалов научно-практической конференции. Симферополь : Ариал, 2017. С. 62–66.

8. Герасимова В. А., Синенко В. С. Преимущества состязательности в процессе судебного доказывания // Приднепровский научный вестник. 2023. Т. 4. № 2. С. 108–111.

9. Герасимова Т. Ю. Становление и развитие принципа состязательности в российском уголовном процессе // Архивариус. 2016. Т. 2. № 1 (5). С. 116–119.

10. Глазкова М. Е. Применение европейских стандартов отправления правосудия в российском арбитражном процессе : монография. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Анкил, 2012. 200 с.

11. Желева О. В. О причинах злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве и путях его предупреждения и пресечения // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 43–48.

12. Зыбина О. С. К вопросу о реализации принципа состязательности органами судебной власти при отправлении правосудия по гражданским делам // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2018. № 3 (40). С. 47–52.

13. Иванова Т. В., Никитина О. В. Правовая аргументация : учебное пособие для вузов. М. : Юрайт, 2020. 191 с.

14. Копченев А. В. Состязательность сторон среди других принципов судопроизводства // Вестник Академии управления и производства. 2023. № 2. С. 222–227.

15. Крымова Е. Н. Злоупотребление правом в процессе функционирования исполнительных органов государственной власти в Российской Федерации : содержание и формирование концепции противодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009. 24 с.

16. Кубиевич С. В. Основные проблемы состязательности в уголовном процессе // Вестник Академии права и управления. 2023. № 1 (71). С. 40–42.

17. Курохтин Ю. А. Принцип состязательности судопроизводства в Российской Федерации. Конституционно-правовой аспект. Монография. Москва : Российская академия правосудия, 2009. 81 с.

18. Лозинский О. И., Меркулов М. С., Цай Б. А. Судебное следствие, его предназначение, суть и содержание, особенности и проблемные вопросы его реализации на практике // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19, № 2. С. 124–128.

19. Мазуренко П. Н. Реализация принципа состязательности при назначении и производстве су-

дебных экспертиз // Российская юстиция. 2023. № 3. С. 37–40.

20. Матвеева Е. С. Соотношение понятий «злоупотребление правом» и «правонарушение» : материальный и процессуальный аспект // Альманах молодых ученых : сборник научных статей. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2020. Вып. 2. С. 18–27.

21. Меграбян С. А. Генезис принципа равноправия сторон в исковом судопроизводстве // Современные вопросы государства, права, юридического образования : сборник научных трудов по материалам XVIII Международной научно-практической конференции, Тамбов, 22 декабря 2022 года / Редколлегия : А. В. Лапаева, Н. С. Ельцов, О. В. Моисеева. Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2023. С. 321–326.

22. Миронова Ю. В. Реализация принципов гражданского процессуального права при использовании систем видеоконференц-связи : дис. ... канд. юрид. наук Ю. В. Миронова. Саратов, 2021. 239 с.

23. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. 3-е изд., перераб. М. : Норма Инфра-М, 2013. 703 с.

24. Отчет Отдела судебной статистики и обобщения судебной практики Апелляционного суда Республики Крым за 2022 г. Апелляционный суд Республики Крым. Отдельный вид. 20 с.

25. Победкин А. В. Традиции доказывания в ответственном уголовном процессе (почему состязательность не принцип уголовного процесса) // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности : к 125-летию со дня рождения М. С. Строговича : материалы конференции (Москва, 24–25 октября 2019 г.). Москва, 2020. С. 78–83 / <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42217789> (дата обращения: 9.11.2023).

26. Пономарев В. Г. О сущности злоупотребления правом и его месте в уголовном законодательстве Российской Федерации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2012. № 1 (16). С. 158–167.

27. Попова Е. С., Митькова М. И. Реализация принципов состязательности и равноправия сторон в судебных прениях // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 1(54). С. 72–75.

28. Семенов В. М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М., 1982. 152 с.

29. Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. М. : Юрист, 2003. 592 с.

30. Теория уголовного процесса : состязательность : монография / под ред. Н. А. Колоколова. Ч. I. М., 2013. 368 с. / <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23155903> (дата обращения: 09.11.2023).

31. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

32. Шарипова А. Р. Состязательные процедуры в уголовном, гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве: поиск необоснованных раз-

личий // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 1. С. 54–59.

33. Юдин А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2009. 537 с.

References

1. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation «There will be neither revolutions nor counter-revolutions» / <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21216> (accessed: 20.10.2023).

2. Azarov V. A., Nurbaev D. M. Some approaches to assessing the phenomenon of abuse of law in criminal proceedings // Bulletin of Omsk University. The series «Law». 2019. Vol. 16. № 4.

3. Andreeva O. I., Grigoriev V. N., Zaitsev O. A., Trubnikova T. V. Abuse of law, its prevention and suppression in the criminal process of Russia : some results of the study // All-Russian Journal of Criminology. 2018. Vol. 12. № 6. P. 914–924.

4. Arendarenko I. A. Evidentiary law of criminal proceedings in its relation to the norms regulating evidence in civil, arbitration proceedings and proceedings in cases of administrative offenses : abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2011. 30 p. / <http://kubsau.ru/upload/iblock/243/243e0d01b0d7d6649b79c215b0d9bd07.pdf> (accessed: 19.11.2023).

5. Barmina O. N. The causes and conditions of the occurrence of abuses in law // Bulletin of Vyatka State University for the Humanities. 2014. № 6. P. 96–103.

6. Belyaev V. A., Klimovsky A. S. Competitiveness : the principle of criminal proceedings or the property characterizing its ontological essence? // Criminal proceedings: procedural theory and criminalistic practice : materials of the X International Scientific and Practical Conference, Sevastopol, April 29–30, 2022 / Editor-in-chief M. A. Mikhailov. Simferopol : Limited Liability Company «Publishing House Printing House «Arial», 2022. P. 28–29.

7. Boretskaya L. R. The concept of abuse of procedural rights in the arbitration process : forms and methods // Crimean legal readings. Offense and responsibility : collection of materials of the scientific and practical conference. Simferopol : Arial, 2017. P. 62–66.

8. Gerasimova V. A., Sinenko V. S. Advantages of competitiveness in the process of judicial proof // Pridneprovsky Scientific Bulletin. 2023. Vol. 4. № 2. P. 108–111.

9. Gerasimova T. Yu. The formation and development of the principle of competition in the Russian criminal process // Archivarius. 2016. Vol. 2. № 1 (5). P. 116–119.

10. Glazkova M. E. Application of European standards of administration of justice in the Russian arbitration process : monograph. M. : Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation, Ankil, 2012. 200 p.

11. Zheleva O. V. On the causes of abuse of law in criminal proceedings and ways of its prevention and suppression / O.V. Zheleva // Criminal Justice. 2017. № 10. P. 43–48.

12. Zybina O. S. On the question of the implementation of the principle of competition by judicial authorities in the administration of justice in civil cases // Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. 2018. № 3 (40). P. 47–52.

13. Ivanova T. V., Nikitina O. V. Legal argumentation : textbook for universities. M. : Yurayt, 2020. 191 p.

14. Kopchenov A. V. The adversarial nature of the parties among other principles of legal proceedings // Bulletin of the Academy of Management and Production. 2023. № 2. P. 222–227.

15. Krymova E. N. Abuse of law in the process of functioning of executive bodies of state power in the Russian Federation : content and formation of the concept of counteraction : abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. Voronezh, 2009. 24 p.

16. Kubievich S. V. The main problems of competition in criminal proceedings // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2023. № 1 (71). P. 40–42.

17. Kurokhtin Yu. A. The principle of adversarial proceedings in the Russian Federation. Constitutional and legal aspect. Monograph. Moscow : Russian Academy of Justice, 2009. 81 p.

18. Lozinsky O. I., Merkulov M. S., Tsai B. A. Judicial investigation, its purpose, essence and content, features and problematic issues of its implementation in practice // Problems of economics and legal practice. 2023. Vol. 19. № 2. P. 124–128.

19. Mazurenko P. N. Implementation of the principle of competition in the appointment and production of forensic examinations // Russian Justice. 2023. № 3. P. 37–40.

20. Matveeva E. S. Correlation of the concepts of «abuse of law» and «offense» : material and procedural aspect // Almanac of young scientists: collection of scientific articles. N. Novgorod : Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. Issue. 2. P. 18–27.

21. Mehrabyan S. A. Genesis of the principle of equality of the parties in the lawsuit proceedings // Modern issues of state, law, legal education : collection of scientific papers based on the materials of the XVIII International Scientific and Practical Conference, Tambov, December 22, 2022 / Editorial Board : A. V. Lapaeva, N. S. Yeltsov, O. V. Moiseeva. Tambov : Publishing House «Derzhavinsky», 2023. P. 321–326.

22. Mironova Yu. V. Implementation of the principles of civil procedural law when using videoconferencing systems : dis. ... Cand. of Legal Sciences Yu. V. Mironov. Saratov, 2021. 239 p.

23. Osokina G. L. Civil procedure. The general part. 3rd ed., reprint. M. : Norma Infra-M, 2013. 703 p.

24. Report of the Department of Judicial Statistics and Generalization of Judicial Practice of the Court of Appeal of

the Republic of Crimea for 2022. The Court of Appeal of the Republic of Crimea. A separate view. 20 p.

25. Pobedkin A. V. Traditions of proof in the domestic criminal process (why competitiveness is not the principle of criminal process) // The nature of the Russian criminal process and the principle of competitiveness: to the 125th anniversary of the birth of M. S. Strogovich : materials of the conference (Moscow, October 24-25, 2019). M., 2020. P. 78–83. / <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42217789> (accessed: 19.11.2023).

26. Ponomarev V. G. The abuse of rights and egos in the enlarged legislature of the Russian Federation nomarev // Newspaper Volgograd State University. Series 5, Jurisprudence. 2012. № 1 (16). P. 158–167.

27. Popova E. S., Mitykova M. I. Implementation of the principles of competition and equality of the parties in court debates // Newspaper St. Petersburg legal academies. 2022. № 1 (54). P. 72–75.

28. Semenov V. M. Constitutionally, the principle of the civil court proceedings. M., 1982. 152 p.

29. Theory of government and rights : textbook / Ed. V. K. Babaeva. M. : Lawyer, 2003. 592 p.

30. Theory of criminal procedure: competitiveness : monograph / edited by N. A. Kolokolov. P. I. M., 2013. 368 p. / <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23155903> (accessed: 19.11.2023).

31. Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ of June 13, 1996 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 17.06.1996. № 25. Art. 2954.

32. Sharipova A. R. Adversarial procedures in criminal, civil, arbitration and administrative proceedings : the search for unjustified differences // Legal Bulletin of Samara University. 2023. Vol. 9. № 1. P. 54–59.

33. Yudin A. V. Abuse of procedural rights in civil proceedings : dis. ...dr. jurid. sciences. SPb., 2009. 537 p.

Информация об авторах

Е. А. Иванченко – доцент кафедры правовой культуры и защиты прав человека Юридического института Северо-Кавказского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент;

Т. В. Воротилина – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доцент Департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

E. A. Ivanchenko – Associate Professor of the Department of Legal Culture and Human Rights Protection of the North Caucasus Federal University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

T. V. Vorotilina – Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Associate Professor of the Department of International and Public Law at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.12.2023; одобрена после рецензирования 15.01.2024; принята к публикации 07.02.2024.

The article was submitted 06.12.2023; approved after reviewing 15.01.2024; accepted for publication 07.02.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-102-105>

EDN: <https://elibrary.ru/pmpgqh>

НИОН: 2015-0066-1/24-911

MOSURED: 77/27-011-2024-01-110

Проблемы расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых посредством сети «Интернет» (по материалам Приморского края)

Ольга Александровна Карпенко¹, Виктория Евгеньевна Сидорчева²

^{1,2} Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России, Владивосток, Россия

¹ karpenkooa@bk.ru

² sidorcheva02@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы установления личности в ходе расследования наркопреступлений, совершаемых посредством сети «Интернет», на примере Приморского края. Сформулированы тактические приемы, а также предложения по решению проблем, возникающих при расследовании данной категории дел.

Ключевые слова: незаконный оборот, наркотические средства, сеть «Интернет», телеграмм, даркнет, следственные действия

Для цитирования: Карпенко О. А., Сидорчева В. Е. Проблемы расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых посредством сети «Интернет» (по материалам Приморского края) // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 102–105. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-102-105>. EDN: PMPGQH.

Original article

Problems of the investigation of drug trafficking offences committed through the Internet (on the materials of Primorsky Krai)

Olga A. Karpenko¹, Victoria E. Sidorcheva²

^{1,2} Vladivostok Branch of the Far Eastern Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Vladivostok, Russia

¹ karpenkooa@bk.ru

² sidorcheva02@mail.ru

Abstract. The problems of identification during the investigation of drug crimes committed through the Internet are considered, using the example of Primorsky Krai. Tactical methods are formulated, as well as proposals for solutions to problems arising in the investigation of this category of cases.

Keywords: trafficking, drugs, Internet, Telegram, Darknet, investigations

For citation: Karpenko O. A., Sidorcheva V. E. Problems of the investigation of drug trafficking offences committed through the Internet (on the materials of Primorsky Krai). Bulletin of economic security. 2024;(1):102–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-102-105>. EDN: PMPGQH.

Стоит сказать, что одним из негативных факторов, оказывающим влияние на социальную напряженность, является значительный рост преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. За 2020 год зарегистрировано преступлений в вышеуказанной сфере – 189 905, 2021 год – 179 732, за 2022 год – 177 741 [1]. Так, за 2020 год на территории Приморского края Российской Федерации выяв-

лено 3 995 преступлений рассматриваемой категории, за 2021 – 3 735, за 2022 – 3 525. Фактов совершения преступлений с использованием информационных технологий за 2020 год – 246 случая, за 2021 – 234, при этом количество оконченных преступлений – 112.

Ситуация на территории Приморского края показывает, что помимо наркопреступлений, связанных с хранением и потреблением наркотических средств, имеет место и сбыт наркотических средств. В целом на тер-

© Карпенко О. А., Сидорчева В. Е., 2024

ритории Приморского края за 2020 год было выявлено фактов сбыта – 1 781, за 2021 – 1 668, за 2022 – 1 557. В настоящий момент количество реально выявленных сбытов, за совершение которых лица привлекаются к уголовной ответственности минимально, в основном это сбыт, выделенный из хранения либо потребления наркотических средств.

В настоящее время доля указанных преступлений совершается с использованием информационных технологий, именно благодаря их применению легче осуществить свой преступный замысел и появляется возможность замаскировать следы совершения преступления.

Практика расследования уголовных дел показывает, что установить личность наркопреступника, совершающего преступления через сеть «Интернет», представляют собой сложность, объяснить это можно следующими факторами:

- 1) латентность преступлений в данной сфере, проблемы при сборе доказательств;
- 2) усовершенствование средств защиты мобильных приложений, используемых для установления связи между, например, закладчиком, куратором и покупателем наркотических средств;
- 3) отсутствие эффективного взаимодействия с оперативными-техническими подразделениями, такими, например, как БСТМ МВД России, с сотовыми операторами, банками;
- 4) нехватка кадров либо недостаточность компетенции экспертов и специалистов, привлекаемых для производства осмотра средств связи;
- 5) отсутствие технической базы в экспертно-криминалистических центрах, которая бы позволяла при проведении экспертиз извлекать данные из заблокированных устройств, удаленную информацию, данные из систем «облачного» хранилища.

Специфика преступлений в рассматриваемой сфере побуждает ряд проблем, оказывающих негативное влияние на процесс раскрытия преступлений. Предлагаем рассмотреть их более подробно.

Лица, ведущие расследование, испытывают сложности при раскрытии наркопреступлений, совершаемых через сеть «Интернет», начиная с этапа возбуждения уголовного дела.

Поводом и основанием обычно выступает рапорт об обнаружении признаков преступления либо материалы, собранные оперативными работниками. Данные факты могут быть зафиксированы, например, путем проведения оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ) «Проверочная закупка» в отношении одного или нескольких лиц. Следовательно, изучив поступивший материал, принимает решение о возбуждении уголовного дела, после этого возникает необходимость допроса лиц, участвующих при проведении ОРМ. Далее лицу, ведущее расследование, необходимо решить вопрос о проведении обыска по месту жительства подозреваемого. Целесообразно проводить обыск в таком

случае безотлагательно, во избежание уничтожения доказательств.

Одним из наиболее распространенных мессенджеров среди наркопреступников является «Telegram». При входе в данную сеть обеспечивается полная конфиденциальность, а также отсутствует какая-либо цензура.

Алгоритм преступной деятельности обычно заключается в следующем: администраторы чатов по продаже наркотических средств связываются с пользователями через другие сети и просят их перейти по ссылке, которая их перенаправляет на переписку в «Telegram». В чате можно найти подходящую, так называемую «вакансию» (закладчик, поставщик, складмен), вид наркотиков, суть «работы» (раскладывать мелкий товар по разным районам), выплаты за «работу», а также можно задать любой вопрос касательно «работы». Данные чаты обычно автоматически удаляются по истечении определенного времени, то есть если при задержании подозреваемого лица замедлить с осмотром смартфона, переписку восстановить уже будет невозможно. Несмотря на развитие информационно-телекоммуникационных технологий, правоохранные органы не имеют доступа к каналам, перепискам в данном мессенджере. Так, Первомайским районным судом г. Владивостока осужден гражданин Б. за покушение на незаконный сбыт наркотических средств в особо крупном размере в составе организованной группы. В ноябре 2015 года ему на мобильный телефон пришло сообщение с рекламой о работе, а также была указана ссылка на электронную почту. После чего связался с пользователем, на что в ответ ему пришло указание перейти в мессенджер «Telegram» для связи с «работодателем». После чего по вышеуказанному алгоритму он устроился на «работу». Ему было предложено рекламировать места приобретения наркотических средств в подъездах путем печати. Спустя некоторое время администратор чата «Босс», предложил повышение до закладчика и поездку на территорию Приморского края. По прилету гражданин Б. арендовал автомашину, после чего в «Telegram» пришло задание, чтобы он забрал из гаража мешки с наркотиками и в дальнейшем сделал закладки. Погрузив мешки с наркотиками в арендованную автомашину, поехал делать закладку на место, которое он ранее выбрал в мобильном приложении «2 GIS». Оказавшись на месте, он выкопал яму под 20 кг наркотика, далее положил в яму четыре пакета, связанных между собой скотчем, яму закопал, после чего был задержан сотрудниками полиции.

Анализ данного примера показывает, что бесконтактный способ сбыта наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий стал наиболее чаще использоваться наркопреступниками, так как он наиболее безопасен, чем классическая схема сбыта «из рук в руки». Именно с помощью данного способа гражданин Б. осуществлял свою преступную деятельность в течении нескольких

лет. Подобная схема сбыта наркотиков затрудняет установление личностей, причастных к совершению указанных преступлений, и формирование доказательственной базы их причастности к преступной деятельности.

Другой вытекающей из вышеуказанного пункта проблемой является длительность получения информации. Существование множества платежных систем в том числе и криптовалюта, огромное количество интернет-провайдеров, использование VPN сказывается на оперативности получения данных.

Второй по распространенности анонимной сетью, передача данных в которой происходит в зашифрованном виде, является «Dark net» (далее – «DN»). Часто данную сеть использует как инструмент для осуществления коммуникации в сфере незаконного оборота наркотиков [2]. Войти в теневой интернет достаточно просто, необходимо обеспечить подключение к сети «Интернет» на используемом девайсе и войти в браузеры «TOR», «Firefox», «Invisible Internet Project» по внешнему виду схожие с привычными для нас браузерами («Google», «Opera»). Сервисы данных браузеров накладывают свое шифрование поверх шифрования сервисов, которые не позволяют увидеть какие сайты вы посещаете, но при этом в некоторых случаях интернет-провайдер может увидеть, что он используется. Так, например в «DN» существовал крупнейший российский даркнет-рынок, специализирующийся в основном на торговле наркотиками, оплата на котором осуществлялась через криптовалюту.

Наркопреступники для достижения преступных целей используют все возможности сети «Интернет». Социальные сети, мессенджеры, форумы помогают оставаться анонимными при незаконном обороте наркотиков. Именно поэтому особое внимание стоит уделить судебной экспертизе и ее необходимости. Если проведение обыска дало результат, встает вопрос о проведении экспертиз. По изъятым наркотическим средствам, оборудованию, используемого для изготовления либо расфасовки наркотиков назначается физико-химическая экспертиза. При задержании подозреваемого лица необходимо изъять имеющиеся средства связи и направить их на компьютерную экспертизу, чтобы решить вопрос о наличии переписок, фото или видео изображений в таких программах как WhatsApp, Telegram, свидетельствующие о причастности лица к совершению фактов незаконного оборота наркотических средств, информации о системах платежей, истории в браузере. Но на практике при задержании подозреваемых лиц не всегда изымают средства связи, которые в дальнейшем могли выступать в качестве доказательств либо способствовали бы раскрытию серий преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. Даже если средства связи и изымаются, то они не осматриваются на предмет переписки с курьером, куратором и т. д.

Наркопреступниками стала использоваться функция «второе пространство». Опция, при которой пользователь имеет два рабочих профиля, настройки которых

могут отличаться от друг друга. То есть даже если изъятие и осмотр был проведен вовремя, то скорее всего правоохранительными органами в силу недостатка специальных знаний в данной сфере доказательства обнаружены не будут. В данном случае целесообразно направить средство связи на техническую экспертизу. Но сроки проведения затягиваются на долгое время ввиду нехватки специалистов либо технических средств.

На дальнейших этапах следователю необходимо установить преступную цепочку, начинающуюся от куратора, заканчивающуюся на заказчике наркотического средства. Необходимо направить запросы в компании операторов сотовой связи для установления владельцев номеров, в банки для получения выписки счета куда поступают денежные средства, так же если у нас известен IP-адрес лица, то возможно получить информацию о месте жительства, данных о лице, наиболее посещаемых сайтах, у интернет-провайдера.

Необходимо сказать и о проблемах, возникающих на этапе предварительного расследования:

- 1) длительная процедура получения судебного решения для выемки данных, охраняемых законом;
- 2) долгие ответы на запросы телефонных компаний, банков, а также интернет-провайдеров;
- 3) отсутствие контакта с сотрудниками, являющимися исполнителями запроса, по вопросам готовности ответа;
- 4) недостаточность электронного документооборота, многие следователи отправляют запрос посредством сервиса Почта России.

Все эти факторы затягивают сроки расследования, что препятствует рассмотрению дела по существу и осуществлению своевременного уголовного преследования причастных лиц.

По нашему мнению, наибольшее значения для разрешения проблем, рассмотренных в данной статье с которыми сталкиваются при расследовании уголовных дел в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных посредством сети «Интернет»:

- 1) повышение эффективности взаимодействия между подразделениями, а в некоторых случаях между ведомствами;
- 2) улучшение уровня подготовки экспертов и специалистов, обновление материально-технической базы;
- 3) налаживание взаимодействия, внедрение электронного документооборота между организациями, в которые посылаются запросы.

Таким образом, вышесказанные недостатки позволяют сделать вывод о том, что при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков имеют ряд проблем, связанных с отсутствием материальной базы, взаимодействием среди самой системы так и с другими ведомствами. Статистика показывает, что указанные преступления, совершаемые посредством сети «Интернет» со временем, только будут набирать обороты. Предложенные нами решения некоторых проблем не являются исчерпывающими.

Список источников

1. Портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 20.03.2023).
2. Карпенко О. А., Шмырин Д. Ф. Криминалистические аспекты изучения личности преступника, совершающего преступления в сфере незаконного оборота наркотиков посредством сети «Интернет» // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 4. С. 93–96.

References

1. Portal of legal statistics of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (accessed: 20.03.2023).
2. Karpenko O. A., Shmyrin D. F. Criminological aspects of studying the personality of a criminal who commits crimes in the field of drug trafficking by means of the Internet // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 4. С. 93–96.

Информация об авторах

О. А. Карпенко – доцент кафедры криминалистики и специальной техники Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук;

В. Е. Сидорчева – курсант Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России.

Information about the authors

O. A. Karpenko – Associate Professor of the Department of Criminalistics and Special Equipment of the Vladivostok branch of the Far Eastern Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences;

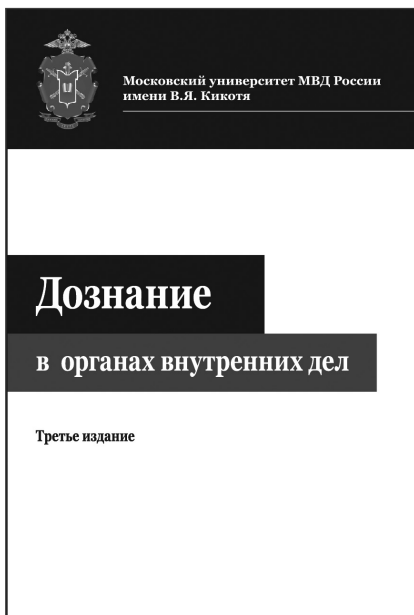
V. E. Sidorcheva – Cadet of the Vladivostok branch of the Far Eastern Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.09.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 16.01.2024.

The article was submitted 27.09.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 16.01.2024.

Дознание в органах внутренних дел. 3-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. Ф. К. Зиннурова, А. С. Есиной. 495 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Определены понятие, роль и значение дознания в уголовном судопроизводстве России. Рассмотрены деятельность органа дознания по уголовным делам; особенности и общие условия производства дознания как формы предварительного следствия. Особое внимание уделяется процессуальному положению и полномочиям дознавателя ОВД и его взаимодействию с отдельными участниками уголовного судопроизводства. Раскрыты правовые основы и направления взаимодействия в данной сфере в аспекте международного сотрудничества.

Для студентов, курсантов и слушателей юридических учебных заведений МВД России, а также преподавателей и аспирантов (адъюнктов).

Научная статья

УДК 342.56

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-106-109>

EDN: <https://elibrary.ru/sathzj>

НИОН: 2015-0066-1/24-912

MOSURED: 77/27-011-2024-01-111

К вопросу о правовом статусе органов принудительного исполнения

Сергей Геннадьевич Коваленко

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Россия, Санкт-Петербург, mirag88@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся роли и значения обеспечения исполнения судебных решений Федеральной службы судебных приставов; эволюции законодательного регулирования правового статуса органов принудительного исполнения; основных тенденций совершенствования и этапов развития российского законодательства, регулирующего деятельность службы судебных приставов.

Ключевые слова: судебная власть, суд, судебные решения, органы принудительного исполнения, Федеральная служба судебных приставов, правовой статус, законодательство

Для цитирования: Коваленко С. Г. К вопросу о правовом статусе органов принудительного исполнения // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 106–109. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-106-109>. EDN: SATHZJ.

Original article

On the issue of the legal status of enforcement agencies

Sergey G. Kovalenko

St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia,
mirag88@mail.ru

Abstract. The article discusses issues related to the role and importance of ensuring the enforcement of court decisions of the Federal Bailiff Service; the evolution of legislative regulation of the legal status of enforcement agencies; the main trends in the improvement and stages of development of Russian legislation regulating the activities of the bailiff service.

Keywords: judicial power, court, judicial decisions, enforcement agencies, Federal Bailiff Service, legal status, legislation

For citation: Kovalenko S. G. On the issue of the legal status of enforcement agencies. Bulletin of economic security. 2024;(1):106–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-106-109>. EDN: SATHZJ.

Конституция Российской Федерации 1993 года провозгласила верховенство закона в России и признала права и свободы человека и гражданина высшей ценностью. Это является основой для построения правового государства, к чему мы стремимся и с каждым годом приближаемся.

Разделение властей в нашей стране является неотъемлемой частью формирования демократического, правового и справедливого государства, которое гарантирует защиту прав и свобод граждан. Судебная ветвь власти в России является тем самым гарантом правосудия и верховенства права.

К основным функциям судебной власти относятся: защита законных интересов личности, общества и госу-

дарства, охрана прав и свобод человека и гражданина, восстановление нарушенных прав, законное и справедливое правосудие [1, с. 27]. Это еще раз подчеркивает важность совершенствования функционирования судебной власти для реализации конституционной модели построения государства.

Важно подчеркнуть, что роль судебной власти в правовой системе государства нельзя недооценивать. Она выходит за рамки простого вынесения судебных решений. Суд не только выносит решения, но и следит за их выполнением. Эта задача возлагается на специализированное ведомство – Федеральную службу судебных приставов. Необходимость такого контроля обусловлена стремлением к строгому соблюдению законов и поддер-

жанию порядка в обществе. Особую роль в этом процессе играет обеспечение принудительного исполнения решений суда, что представляет собой ключевую функцию судебных приставов.

Федеральная служба судебных приставов олицетворяет силу закона, воплощая в жизнь решения судебных органов. Это делает ее важным элементом в системе судебной защиты, так как она несет ответственность за выполнение судебных постановлений, которые уже вступили в законную силу. В. М. Большакова касается этой темы, утверждая, что качество и своевременность исполнения судебных актов отражают эффективность судебной системы в целом, а также уровень правосознания граждан и приверженность общества основополагающим правовым принципам [2, с. 8].

Обеспечение исполнения судебных решений – это не только вопрос механизма их реализации, но и показатель зрелости гражданского общества и его стремления к справедливости. Таким образом, Федеральная служба судебных приставов и качество ее работы являются отражением состоятельности судебной системы и ее способности поддерживать закон и порядок. Это, в свою очередь, способствует укреплению веры населения в непреложность закона и справедливость судебных решений.

В современном правовом обществе, эффективность судебной системы напрямую зависит от возможности обеспечения исполнения судебных решений. Система принудительного исполнения судебных актов является ключевым звеном в этом процессе. Она не ограничивается лишь механизмом претворения решений суда в жизнь, но также включает в себя роль сдерживающего фактора. Эффективное функционирование данной системы создает общественное ожидание неперемного исполнения судебных актов, что само по себе способствует добровольному их исполнению сторонами, тем самым снижая необходимость в применении принудительных мер.

Принцип неотвратимости исполнения решений суда формирует у участников правовых отношений уверенность в том, что правосудие восторжествует вне зависимости от их желания. Это приводит к формированию обязательного уважения к законам и судебным решениям, а также предупреждает возможные попытки уклонения от выполнения обязательств, закрепленных судебными актами.

Кроме того, наличие эффективной системы принудительного исполнения подчеркивает авторитет судебной власти и укрепляет веру граждан в справедливость и неизбежность правовых последствий для нарушителей. Она также служит предостережением для потенциальных правонарушителей, что любые решения суда будут исполнены, и никто не сможет избежать ответственности.

Система принудительного исполнения судебных актов, обладая профилактическими свойствами, оказывает значительное влияние на общее поведение участ-

ников правоотношений. Она формирует законопослушное поведение и способствует поддержанию порядка в обществе, обеспечивая тем самым стабильность и предсказуемость в судопроизводстве [2, с. 8]. Стоит отметить, что на сегодняшний день ситуация с исполнением судебных актов обстоит таким образом, что без деятельности органов принудительного исполнения не обойтись, их значимость в процессе восстановления нарушенных прав и свобод граждан и поддержания законности в государстве неоспорима и, можно даже сказать, что сопоставима с судебными органами. В связи с этим Федеральная служба судебных приставов является важнейшим инструментом реализации механизма принудительного исполнения судебных актов.

Ключевым элементом эффективной работы любого органа публичной власти является определение его правового статуса. Он включает в себя целый комплекс правовых норм, которые регулируют весь механизм функционирования органа публичной власти.

Рассмотрим понятие «правовой статус». Самое общее его определение звучит следующим образом – это совокупность прав, свобод и юридических обязанностей, отраженных в нормах действующего законодательства [3, с. 42]. Правовой статус органов принудительного исполнения формируется из норм Конституции (конституционно-правовой статус), а также Федеральных законов, которые определяют порядок осуществления их деятельности.

Конституция Российской Федерации закрепляет общие принципы функционирования органов публичной власти, в том числе органов принудительного исполнения. Например, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина; принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Фундаментальное положение, которое определяет основной принцип функционирования судебной власти в Российской Федерации закреплено в ст. 19 Конституции РФ: «все равны перед законом и судом». Многие положения Основного закона нашего государства определяют правовой статус органов принудительного исполнения в общем виде, однако, в федеральном законодательстве он раскрыт более подробно.

Первым федеральным законом, определившим порядок структурной организации и функционирования федеральной службы судебных приставов, стал Федеральный закон № 118 от 21 июля 1997 г. «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» (далее – ФЗ № 118). В нем содержались такие главы как: полномочия по организации деятельности органов принудительного исполнения; обязанности и права сотрудников; гарантии правовой и социальной защиты сотрудников; финансирование и материально-техническое обеспечение органов принудительного исполнения. Однако ни слова не говорится о статусе органов принудительного исполнения, порядке и форме устройства на службу, а также было упущено множество других аспектов, определяющих их правовой статус.

Принятие в России Федерального закона «Об исполнительном производстве» от 2 октября 2007 года стало ключевым моментом в изменении правовой основы, регулирующей деятельность органов, занимающихся принудительным исполнением судебных решений. Этот законодательный акт оказал значительное влияние на статус и полномочия Федеральной службы судебных приставов, расширив их возможности в контексте взыскания исполнительных производств. Нововведения коснулись не только увеличения полномочий, но и введения более детализированных процедур исполнения судебных актов, а также усиления мер ответственности за нарушения в данной сфере.

Законодательный акт предусмотрел ряд новых мер принудительного исполнения, что позволило повысить эффективность процессуальных аспектов работы приставов. В частности, были представлены уточнения по вопросам проведения некоторых процессуальных действий. Стало возможным наложение новых обязанностей и ужесточение наказаний за неисполнение или ненадлежащее исполнение судебных решений.

Однако, несмотря на прогрессивные изменения, введенные новым законом, ожидаемый рост эффективности в сфере исполнительного производства не последовал. Вопросы, связанные с реальным улучшением работы приставов и повышением результативности принудительного исполнения, остались открытыми. Кроме того, многие проблемы, с которыми сталкивается Федеральная служба судебных приставов в своей повседневной деятельности, так и не нашли своего отражения в этом законе.

1 октября 2019 года был принят Федеральный закон № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который закрепил структуру органов принудительного исполнения, порядок прохождения службы в органах принудительного исполнения, гарантии защиты сотрудника. Этот закон заложил многие фундаментальные понятия и принципы службы принудительного исполнения, привел их к стандарту федеральных законов о службе в государственных органах.

Этот закон стал новой редакцией упомянутого ФЗ № 118, расширив его и устранив пробелы. На изменениях, которые он принес хотелось бы остановиться более подробно, так как на сегодняшний день этот закон в большей степени определяет правовой статус органов принудительного исполнения.

В главах 1 и 2 устанавливается, что при устройстве в органы принудительного исполнения гражданин поступает на государственную службу, также предусмотрены должности и специальные звания гражданского государственного служащего. Приведены классификация должностей и специальных званий, а также квалификационные требования для поступления на службу. Это является существенным условием определения правового статуса служащего в органах принудительного

исполнения, если сравнивать с ФЗ № 118, то в нем данные положения не рассматривались.

Главы 3, 4, 5, и 6 целиком посвящены правовому положению (статусу) сотрудника, порядку поступления на службу и ее прохождению в органах принудительного исполнения, а также присвоению специальных званий. Сравнения со старым законом, можно обнаружить, что в нем рассматривались лишь полномочия, права и обязанности сотрудников, которые в свою очередь не были раскрыты в полном объеме.

В главах 7 и 8 закреплены положения о служебной дисциплине, а также служебном распорядке дня. Это также новые положения, которые в старом законе не были освещены и которые формируют правовой статус служащего в органах принудительного исполнения.

Последние главы посвящены формированию кадрового состава и прекращению службы в органах принудительного исполнения. Это классические положения законодательства определяющего правовой статус служащего в органах публичной власти. Регулирование трудовых отношений внутри подразделений органов принудительного исполнения и формирование кадрового резерва, подготовки кадров определяет качество осуществляемой деятельности, в том числе своевременность и рациональность принятия решений по исполнительному производству.

На сегодняшний день этот закон является основным источником формирования правового статуса как служащего в органах принудительного исполнения, так и самого органа, регулируя внутренние процессы службы, а также закрепляя статус органа публичной власти.

Таким образом, новый Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» принес множество изменений, которые положительно сказались на органах принудительного исполнения в целом. Он устранил пробелы в ФЗ № 118, а также отрегулировал многие процессы в системе органов принудительного исполнения. Закрепление статуса государственного служащего, а также положений, регулирующих порядок организации службы в органах принудительного исполнения, стали желанными для всех сотрудников этой службы и определили их правовой статус в полной мере.

Список источников

1. Большакова В. М. Генезис становления и развития судебной системы Российской Федерации в конце XX – начале XXI века: институциональные и нормативные характеристики / В. М. Большакова // Право и политика. 2021. № 3. С. 26–36.
2. Большакова В. М. Характеристика современного законодательства об органах принудительного исполнения Российской Федерации и службы в них // Право и государство: теория и практика. 2021. № 6 (198). С. 6–10.

3. Редких С. В. Понятие правового статуса: формально-правовой конспект // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 3. С. 42–44.

References

1. Bolshakova V. M. The genesis of the formation and development of the judicial system of the Russian Federation at the end of the XX – beginning of the XXI century: institutional and normative characteristics /

V. M. Bolshakova // Law and politics. 2021. No. 3. P. 26–36.

2. Bolshakova V. M. Characteristics of modern legislation on enforcement agencies of the Russian Federation and service in them // Law and the state: theory and practice. 2021. No. 6 (198). P. 6–10.

3. Redkich S. V. The concept of legal status: a formal legal synopsis // Gaps in Russian legislation. 2009. No. 3. P. 42–44.

Информация об авторе

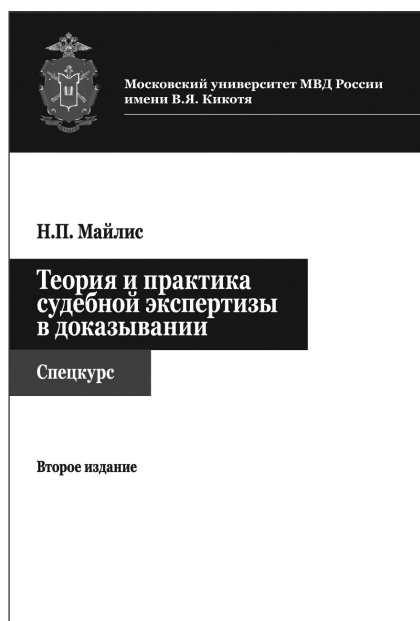
С. Г. Коваленко – аспирант кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения.

Information about the author

S. G. Kovalenko – Postgraduate student of the Department of Public Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 12.02.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 12.02.2024.

Теория и практика судебной экспертизы в доказывании. Спецкурс. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Майлис Н. П. 255 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Изложены истоки формирования и развития теории судебной экспертизы, основные теоретические понятия. Рассмотрены теория идентификации и диагностики, современная классификация судебных экспертиз, субъекты судебно-экспертной деятельности и система государственных экспертных учреждений. Раскрыто правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности. В соответствии с процессуальным уголовным, гражданским, арбитражным и административным законодательством рассмотрены основные виды экспертиз, назначаемых правоохранительными органами.

Подробно изложены технологическое обеспечение производства судебных экспертиз, их доказательственное значение в раскрытии и расследовании преступлений. Должное внимание уделено информационному обеспечению судебно-экспертной деятельности, комплексным исследованиям, экспертной этике и экспертным ошибкам.

Для студентов, аспирантов, преподавателей высших учебных заведений, практических работников, назначающих судебные экспертизы, и специалистов, которые их проводят.

Научная статья

УДК 343.1

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-110-114>

EDN: <https://elibrary.ru/scojic>

ИПОН: 2015-0066-1/24-913

MOSURED: 77/27-011-2024-01-112

Независимость, объективная и субъективная беспристрастность судей в контексте изменения подсудности уголовного дела

Екатерина Евгеньевна Коновалова¹, Дмитрий Петрович Чекулаев²

^{1,2} Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹ ee_konovalova@mail.ru

² dm_ch@inbox.ru

Аннотация. Анализируется практика применения основания изменения подсудности уголовного дела, предусмотренного пп. «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ, через призму принципа независимости судей и категорий объективной и субъективной беспристрастности судьи (судей). Делается вывод о том, что установленный законом порядок изменения территориальной подсудности уголовного дела и практика его применения ставят под удар принцип независимости судей.

Ключевые слова: объективность, субъективная беспристрастность, объективная беспристрастность, изменение подсудности

Для цитирования: Коновалова Е. Е., Чекулаев Д. П. Независимость, объективная и субъективная беспристрастность судей в контексте изменения подсудности уголовного дела // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 110–114. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-110-114>. EDN: SCOJIC.

Original article

Independence, objective and subjective impartiality of judges in the context of changing the jurisdiction of a criminal case

Ekaterina E. Konovalova¹, Dmitry P. Chekulaev²

^{1,2} Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

¹ ee_konovalova@mail.ru

² dm_ch@inbox.ru

Abstract. The practice of applying the grounds for changing the jurisdiction of a criminal case provided for in point «в» of the paragraph 2 of Part 1 of Article 35 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is being analyzed through the prism of the principle of independence of judges and categories of objective and subjective impartiality of a judge (judges). It is concluded that the procedure established by law for changing the territorial jurisdiction of a criminal case and the practice of its application jeopardize the principle of independence of judges.

Keywords: objectivity, subjective impartiality, objective impartiality, change of jurisdiction

For citation: Konovalova E. E., Chekulaev D. P. Independence, objective and subjective impartiality of judges in the context of changing the jurisdiction of a criminal case. Bulletin of economic security. 2024;(1):110–4. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-110-114>. EDN: SCOJIC.

В связи с принятием Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 509-ФЗ [1] вопросы изменения территориальной подсудности уголовного дела приобрели еще большую актуальность [2; 3]. Согласно данному закону пункт 2 части 1 статьи 35 Уголовно-процессуаль-

ного кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) был дополнен подп. «в». Территориальная подсудность уголовного дела может быть изменена по ходатайству сторон либо по инициативе председателя суда, в который поступило уголовное дело, в случае, если имеются

© Коновалова Е. Е., Чекулаев Д. П., 2024

обстоятельства, которые могут поставить под сомнение объективность и беспристрастность суда при принятии решения по делу.

Появление данного основания изменения территориальной подсудности уголовного дела в УПК РФ было продиктовано сложившейся судебной практикой [4], влиянием Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Проект федерального закона, которым предлагалось ввести пп. «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ, был инициирован Верховным Судом РФ в 2017 году. В пояснительной записке к данному законопроекту необходимость введения нового подпункта обосновывалась правовыми позициями ЕСПЧ, в частности, позицией ЕСПЧ о том, что суд, чтобы отвечать критериям независимости и беспристрастности, должен быть не только субъективно, но и объективно беспристрастен [5]. Несмотря на прекращение действия Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года в отношении Российской Федерации [6], правовые позиции ЕСПЧ сохраняют свою доктринальную значимость¹.

В свете сложившейся судебной практики представляется важным рассмотреть вопрос об «объективности» и «беспристрастности» как с теоретической точки зрения, так и с практической в контексте исследуемой нормы УПК РФ.

В теоретической плоскости понятия «объективность» и «беспристрастность» не отождествляются. Учеными предпринимаются попытки разграничить данные понятия. Так, под объективностью понимается «качество, заключающееся в требовании воссоздать подлинную картину совершенного преступления, предопределяющее такое отношение к расследованию и рассмотрению дела, которое позволяет выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого обстоятельства, а также обстоятельства, смягчающие и отягчающие его ответственность» [7, с. 10]². Встречаются и иные определения понятия «объективность». Например, объективность есть «качество, суть которого состоит в требовании, предопределяющем такое отношение к рассмотрению дела, которое позволяет выявить как уличающие, так и оправдывающие подсудимого обстоятельства, а также смягчающие и отягчающие его наказание, и в итоге постановить законный, обоснованный и справедливый приговор» [8].

¹ Еще до прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы, Л. В. Головки справедливо отметил, что денонсация Конвенции 1950 г. превращает как Конвенцию 1950 года, так и ЕСПЧ со своими решениями в «сравнительно-правовой опыт», ценный, интересный, полезный, но никак не могущий считаться источником уголовно-процессуального права. См. подробнее: Головки Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография. М., 2022. С. 11.

² Примечательно, что приведенное Х. А. Мамедовой определение понятия «объективность», спустя почти 30 лет также актуально, поскольку приводится в современной литературе [9, с. 384–385, автор параграфа – Арутюнян А. А.].

Под беспристрастностью же понимается «качество, суть которого составляет требование непредвзятого и справедливого отношения к каждому субъекту уголовного судопроизводства» [8]; либо «характеристика психологического отношения лица к тому или иному явлению, его субъективная способность объективно оценивать события и факты» [9, с. 385].

Исходя из приведенных доктринальных определений объективности и беспристрастности, можно заметить, что указанные категории не являются тождественными.

Рассматривая практические аспекты, важным представляется отметить правовые позиции ЕСПЧ относительно беспристрастности, которые как уже упоминалось, послужили «идейной основой» для принятия Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 509-ФЗ.

Так, в постановлении ЕСПЧ по делу «Игорь Кабанов (Igor Kabanov) против Российской Федерации» от 3 февраля 2011 г. [10] в пункте 37 отмечено, что требование беспристрастности, содержащееся в пункте 1 статьи 6 Конвенции, включает два аспекта:

1. Суд должен быть субъективно беспристрастен, то есть ни один член суда не должен иметь личной предвзятости или предубеждения.

2. Суд должен быть беспристрастным с объективной точки зрения, то есть обеспечивать достаточные гарантии, исключающие всякое законное сомнение в этом отношении.

Аналогичную позицию высказывал ЕСПЧ и в других постановлениях [например, 11; 12; 13].

Таким образом, при определении «беспристрастности» ЕСПЧ использует два «инструмента» – субъективный и объективный тесты (подходы). При этом следует отметить, что применяя данные тесты (подходы), ЕСПЧ очень осторожно подходит к определению беспристрастности, не толкуя ее расширительно. К примеру, в решении по делу «Пьерсак против Бельгии» ЕСПЧ указал: один лишь факт того, что судья когда-то работал в прокуратуре, еще не является основанием для сомнений в его беспристрастности; если же судья по характеру прежней работы мог иметь дело с данным случаем и впоследствии принимает участие в его рассмотрении, то имеются опасения отсутствия достаточных гарантий беспристрастности [12].

Представляется, что под термином «объективность» в пп. «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ следует понимать с учетом позиций ЕСПЧ «объективную беспристрастность», а – «беспристрастность» есть «субъективная беспристрастность».

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 июня 2023 г. № 22 [14] относительно вопроса об объективности и беспристрастности ограничился лишь следующим положением в п. 17: «Суд, исходя из конкретных обстоятельств обвинения и особенностей объекта преступного посягательства, принимает во внимание, в частности, должностное положение и характер служебных полномочий обвиняемого или потерпевше-

го, длительность нахождения его в этом статусе и наличие механизмов влияния на общественное мнение и деятельность государственных органов, находящихся на территории юрисдикции суда, которому подсудно уголовное дело». Таким образом, Пленум Верховного Суда РФ рекомендует учитывать лишь объективность или объективную беспристрастность, а о беспристрастности или субъективной беспристрастности в постановлении Пленума и вовсе не упоминается, что является существенным упущением.

Примечательно, что при рассмотрении конкретных дел Верховный Суд РФ также зачастую не проводит четкую грань между объективной и субъективной беспристрастностью, не делая между ними различий¹. Например, в Апелляционном определении от 17 февраля 2022 г. по делу № 18-АПУ22-1-К4 Верховный Суд РФ мотивировал принятое решение следующим образом: «Суд, удовлетворяя ходатайство об изменении территориальной подсудности уголовного дела в отношении М., в обоснование принятого решения указал, что тесное взаимодействие обвиняемого с руководством государственных и правоохранительных органов Астраханской области в силу ранее занимаемой им должности может поставить под сомнение **объективность и беспристрастность** суда при принятии решения по уголовному делу, если оно будет рассматриваться в Астраханской области». Далее Верховный Суд РФ указывает, что М. занимал должность заместителя начальника полиции УМВД России по Астраханской области, что в свою очередь, не может не вызывать сомнений в **беспристрастности** любого суда, находящегося на территории данного субъекта РФ.

В Апелляционном определении от 16 марта 2023 г. по делу № 18-АПУ23-1-К4 Верховный Суд РФ изложил следующее: «Согласно материалам дела... М. являлась судьей Арбитражного суда Ростовской области, до назначения на эту должность в течение нескольких лет работала судьей Кушевского районного суда Краснодарского края, в связи с чем в силу своего ранее занимаемого должностного положения имеет знакомства в органах судебной власти региона. <...> Изложенные сведения с учетом конкретных обстоятельств инкриминируемых обвиняемой М. преступных действий свидетельствуют о наличии возможности возникновения обоснованных сомнений в **объективности** судей Краснодарского краевого суда при рассмотрении данного уголовного дела».

Интересно, что в Апелляционном определении от 20 января 2022 г. по делу № АПЛ21-549² Верховный Суд

РФ указал следующее: «Доводы апелляционных жалоб о необоснованности выводов судьи Верховного Суда РФ о том, что судьи Хабаровского края не будут объективны и беспристрастны при отправлении правосудия, не основаны на материалах уголовного дела, **поскольку в обжалуемом постановлении установлена лишь возможность возникновения сомнений в объективности судебного решения, постановленного судьями Хабаровского края**, что, в свою очередь, является достаточным основанием для принятия решения об изменении территориальной подсудности». В данном случае Верховный Суд РФ вовсе не стал рассматривать вопрос о субъективной беспристрастности судей, отдав предпочтение объективной беспристрастности.

Данный подход представляется неверным, поскольку ставит под удар принцип независимости судей. Двухступенчатый подход (проверка сомнений как в объективности, так и в беспристрастности судьи) при разрешении вопроса об изменении подсудности уголовного дела на основании пп. «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ призван гарантировать тщательную проверку всех обстоятельств с целью необоснованного нарушения гарантированного Конституцией РФ права на законный суд (ч. 1 ст. 47).

Союз «и» между словами «объективность», «беспристрастность» подразумевает, что при разрешении вопроса об изменении подсудности должны приниматься во внимание не только объективная беспристрастность, но и субъективная. Примечателен тот факт, что Пленум Верховного Суда РФ рекомендует учитывать «механизмы влияния на общественное мнение и деятельность государственных органов, находящихся на территории юрисдикции суда», но не механизмы влияния на сам суд или судью, которому подсудно уголовное дело. Кроме того, независимость судей является принципом уголовного судопроизводства (ст. 8.1 УПК РФ), а игнорирование субъективной беспристрастности при разрешении вопроса об изменении территориальной подсудности уголовного дела бросает тень на указанный принцип.

Представляется, что до начала действия с 07.01.2019 подпункта «в» пункта 2 части 1 статьи 35 УПК РФ порядок разрешения ситуации, когда имеются сомнения в объективности и беспристрастности судьи, был более предпочтительным и решался посредством института отвода. В таком случае при отводе судьи не игнорируется вопрос его субъективной беспристрастности (ч. 1–5 ст. 65, п. 1 ч. 1 ст. 35 УПК РФ), тем самым гарантируется независимость судей. Отвод, заявленный судье, разрешается путем вынесения соответственно постановления или определения. При этом, если судья единолично рассматривает дело, то он может изложить свою позицию относительно субъективной беспристрастности в соответствующем постановлении. То же происходит в ситуации, если отвод заявлен всему составу суда. В случае, если дело рассматривается коллегиально, и какому-либо из судей заявлен отвод, то он вправе публич-

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2022 г. по делу № 18-АПУ22-1-К4 // http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2090062 (дата обращения: 05.07.2023); Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 марта 2023 г. по делу № 18-АПУ23-1-К4 // http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2222072 (дата обращения: 05.07.2023) и др.

² Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 января 2022 г. по делу № АПЛ21-549 // http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2082740 (дата обращения: 02.08.2023).

но изложить свое объяснение по поводу заявленного ему отвода.

При изменении территориальной подсудности уголовного дела на основании пп. «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ судьи, в чьей объективности и беспристрастности имеются сомнения, вовсе не имеют возможность высказать свою позицию относительно возникших сомнений. Решением данной проблемы послужила бы установленная законом возможность судьи (судей) суда, в котором должно рассматриваться дело согласно правилам подсудности, изложить свое объяснение по поводу их субъективной беспристрастности и направить его в суд, который рассматривает вопрос об изменении территориальной подсудности уголовного дела.

Список источников

1. Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 509-ФЗ «О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 31.12.2018. № 53 (часть I). Ст. 8435.

2. Таран А. С. От отказа в отводе состава суда до изменения территориальной подсудности // *Мировой судья*. 2021. № 2. С. 22–26.

3. Зимасова В. А., Ежова Е. В. Изменение территориальной подсудности уголовного дела в контексте принципов и независимости судей и состязательности сторон // *Вестник Сургутского государственного университета*. 2023. Т. 11. № 2. С. 91–98.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 9 ноября 2018 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 1, частей первой, третьей и четвертой статьи 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. В. Лушникова, А. С. Пушкарёва и И. С. Пушкарёва» // *Вестник Конституционного Суда РФ*. 2019. № 1.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 52 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам подсудности уголовных дел» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // *Собрание законодательства РФ*. 06.03.2023. № 10. Ст. 1566.

7. Мамедова Х. А. *Институт отводов в советском уголовном судопроизводстве*. Баку, 1986.

8. Моисеева Т. В. Обеспечение беспристрастности и объективности судей при рассмотрении уголовных дел // *Журнал российского права*. 2003. № 6. С. 46–53. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

9. *Курс уголовного процесса* / Под ред. Л. В. Головки. М., 2021.

10. Постановление ЕСПЧ от 3 февраля 2011 г. «Дело «Игорь Кабанов (Igor Kabanov) против Российской Федерации» (жалоба № 8921/05) // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление ЕСПЧ от 9 января 2018 г. по делу «Ревтюк (Revtyuk) против Российской Федерации» (жалоба № 31796/10) // СПС «КонсультантПлюс».

12. Решение ЕСПЧ от 1 октября 1982 г. по делу «Пьерсак против Бельгии» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2461430/>.

13. Постановление от 15 октября 2009 г. ЕСПЧ по делу «Микалефф против Мальты» // СПС «КонсультантПлюс».

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2023 г. № 22 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих подсудность уголовного дела» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Federal Law No. 509-FZ of December 27, 2018 «On Amendments to Articles 31 and 35 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 12/31/2018. No. 53 (Part I). Art. 8435.

2. Taran A.S. From the refusal to challenge the composition of the court to the change of territorial jurisdiction // *Magistrate*. 2021. No. 2. P. 22–26.

3. Zimasova V. A., Ezhova E. V. Changing the territorial jurisdiction of a criminal case in the context of the principles and independence of judges and the competitiveness of the parties // *Bulletin of the Surgut State University*. 2023. V. 11. No. 2. P. 91–98.

4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 9, 2018 No. 39-P On the case of checking the constitutionality of parts one and three of Article 1, parts one, three and four of Article 35 of the Code of Criminal Procedure Russian Federation in connection with the complaints of citizens A. V. Lushnikova, A. S. Pushkareva and I.S. Pushkareva // *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 2019. No. 1.

5. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2017 No. 52 «On Submitting to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation a Draft Federal Law «On Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on the Jurisdiction of Criminal Cases» // *ATP «Consultant Plus»*.

6. Federal Law of February 28, 2023 No. 43-FZ «On the Termination of International Treaties of the Council of Europe in Relation to the Russian Federation» // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 06.03.2023. No. 10. Art. 1566.

7. Mamedova H. A. *The Institute of Branches in the Soviet Criminal Proceedings*. Baku, 1986.

8. Moiseeva T. V. Ensuring the impartiality and objectivity of judges when considering criminal cases //

Journal of Russian Law. 2003. No. 6. P. 46–53. Access from SPS «ConsultantPlus».

9. The course of the criminal process / Ed. L. V. Golovko. M., 2021.

10. Judgment of the ECtHR dated 03.02.2011 «The case of Igor Kabanov (Igor Kabanov) against the Russian Federation» (complaint No. 8921/05) // SPS «ConsultantPlus».

11. Judgment of the ECtHR of 09.01.2018 in the case of Revtyuk v. the Russian Federation (application no. 31796/10) // SPS «ConsultantPlus».

12. Decision of the ECtHR dated 01.10.1982 in the case of Piersac v. Belgium // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2461430/>.

13. Judgment of 10/15/2009 by the ECtHR in the case of Micallef v. Malta // SPS «ConsultantPlus».

14. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 27, 2023 No. 22 «On the application by courts of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regulating the jurisdiction of a criminal case» // SPS «ConsultantPlus».

Информация об авторах

Е. Е. Коновалова – аспирант кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Д. П. Чекулаев – доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук.

Information about the authors

E. E. Konovalova – Postgraduate Student, Department of Criminal Procedure, Justice and Prosecutorial Supervision, Faculty of Law, Moscow State University named after M.V. Lomonosov;

D. P. Chekulaev – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Justice and Prosecutorial Supervision, Faculty of Law, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.09.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 16.01.2024.

The article was submitted 27.09.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 16.01.2024.

Актуальные проблемы теории государства и права. Под ред. А. И. Клименко, М. М. Рассолова ; под общ. ред. В. П. Малахова, В. В. Оксамытного. Учебное пособие. 4-е изд., перераб. и доп. 351 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Исследуются проблемы предмета и методов теории государства и права, новые теоретические аспекты происхождения права и государства, проблемы государственной власти в условиях глобализации, признаки, типология, строение и функции современного государства.

Рассматриваются сущность и парадигмы права, новые подходы к формам, правотворчеству и систематизации нормативно-правовых актов, а также вопросы теории правоотношений, реализации, толкования норм права и ответственности в демократическом обществе.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, всех интересующихся проблемами развития государства и права.

Научная статья

УДК 343.72

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-115-119>

EDN: <https://elibrary.ru/riwrsy>

НИОН: 2015-0066-1/24-914

MOSURED: 77/27-011-2024-01-113

Особенности и проблемы квалификации мошенничества при получении выплат

Мария Радимовна Корниенкова¹, Любовь Александровна Русскевич²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ KornienkovaMR@yandex.ru

² russkevich_22@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые особенности уголовной ответственности за мошенничество при получении выплат, анализируются примеры из правоприменительной практики. Отмечается, что особое значение при расследовании рассматриваемого преступления имеет своевременное установление субъективной стороны.

Ключевые слова: мошенничество, социальные выплаты, уголовная ответственность, субъективная сторона

Для цитирования: Корниенкова М. Р., Русскевич Л. А. Особенности и проблемы квалификации мошенничества при получении выплат // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 115–119. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-115-119>. EDN: RIWRSY.

Original article

Features and problems of qualifying payout fraud

Maria V. Kornienkova¹, Lyubov A. Russkevich²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ KornienkovaMR@yandex.ru

² russkevich_22@mail.ru

Abstract. Some features of criminal liability for fraud in receiving payments are considered, examples from law enforcement practice are analyzed. It is noted that the exceptional revealing of the sensual side is of particular importance in the investigation of the case.

Keywords: fraud, social payments, criminal liability, subjective side

For citation: Kornienkova M. V., Russkevich L. A. Features and problems of qualifying payout fraud. Bulletin of economic security. 2024;(1):115–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-115-119>. EDN: RIWRSY.

Специальное выделение отдельного вида мошенничества в сфере установленных законами и иными нормативными правовыми актами выплат было весьма неоднозначно встречено в отечественной науке уголовного права. Критика во многом была связана с реформой 2012 года, направленной на дифференциацию ответственности за мошенничество, в целом. Такая казуализация уголовного закона многими специалистами оценивается негативно. Отмечается, что подобное «наслоение» специальных норм, как правило, порождает многочисленные проблемы на уровне разграничения соответствующих посягательств. Верная мысль, которая за прошедшие 10 лет нашла свое абсолютное подтверждение на практике.

Норма о мошенничестве в сфере выплат не решала проблему пробельности уголовного закона, поскольку

ст. 159 УК РФ вполне была пригодна для квалификации таких посягательств. Нельзя сказать и о том, что законодатель таким образом решал задачу принципиального ужесточения наказания за мошеннические действия, затрагивающие отношения в области социальной поддержки со стороны государства. Санкции общей нормы о мошенничестве и исследуемого мошенничества в общем идентичны. Более того, если говорить о пенализации, то нельзя не заметить, что применительно к данному мошенничеству законодатель проявил более мягкий подход. В частности, в основном составе мошенничества в сфере выплат не предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Это весьма важный индикатор.

Сложно сказать однозначно, чем обусловлено такое решение. С одной стороны, вполне логичным было бы

© Корниенкова М. Р., Русскевич Л. А., 2024

ожидать повышение наказуемости в данной норме, поскольку посягательства на социальные выплаты затрагивают не только отношения собственности, но и весьма значимые отношения в области социальной поддержки населения. Иными словами, такое хищение вредит не только бюджету, но на другом уровне затрагивает интересы неограниченного круга лиц в сфере реализации государством социальной политики по поддержке отдельных групп населения. В этом смысле, на наш взгляд, правильно говорить о двуобъектности мошенничестве в сфере выплат. Следует отметить, что такой подход находит свою поддержку и в теории уголовного права. Так, А. В. Архипов отмечает, что дополнительным объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения в сфере социального обеспечения [9].

С другой стороны, можно также допустить, что такое решение законодателя имеет свое объяснение в понимании свойств подобного мошенничества, которое преимущественно совершается лицами, находящимися в сложном материальном положении. Как метко замечает по данному поводу И. А. Клепицкий, изучение приговоров по данной категории дел – весьма печальное занятие. Субъектами данного мошенничества выступают инвалиды, пенсионеры, студенты, матери и другие граждане, нуждающиеся в социальной поддержке [10].

К предмету преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, относятся социальные выплаты, а именно установленные федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления выплаты гражданам, нуждающимся в социальной поддержке. Понятие социальной выплаты законодательно не закреплено. К таким выплатам можно отнести пособия (например, пособие по временной нетрудоспособности, пособие по безработице, пособие по беременности и родам и т. п.), компенсационные выплаты (например, единовременная компенсационная выплата на возмещение расходов в связи с рождением одновременно трех и более детей), субсидии (например, частичная оплата услуг ЖКХ), а также иные выплаты (например, социальная доплата к пенсии).

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 15.12.2022) для целей статьи 159.2 УК РФ, в частности, относит компенсации на оздоровление и/или питание, субсидии на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, средства материнского (семейного) капитала, предоставление технических средств реабилитации (инвалидных колясок, протезов и т. п.), путевок, лекарственных средств, продуктов питания (абз. 2 п. 15). Не могут быть отнесены к предмету мошенничества при получении выплат стипендии, гранты, предоставляемые физическим лицам и организациям в целях поддержки науки, образования, культуры и искусства, субсидии на поддержку малого и среднего предпринимательства. При мошеннических действиях с такими выплатами содеянное должно квалифицироваться по ст. 159 УК РФ.

Мошенничество при получении выплат может быть совершено как в форме действия, так и бездействия. Обман как способ совершения деяния в форме действия в соответствии с разъяснениями постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [1] выражается в представлении в органы исполнительной власти, учреждения или организации, уполномоченные принимать решения о получении выплат, заведомо ложных и (или) недостоверных сведений о наличии обстоятельств, наступление которых согласно закону или иному нормативному правовому акту является условием для получения соответствующих выплат в виде денежных средств или иного имущества. Так, это могут быть сведения о личности получателя, об инвалидности, о наличии детей, наличии иждивенцев, об участии в боевых действиях, отсутствии возможности трудоустройства. Так, Чернышова-Гуркина Т. А. имея умысел на хищение денежных средств при получении пособия по безработице путем представления заведомо ложных и недостоверных сведений в ОКУ ЦЗН Пластовского района. Чернышова-Гуркина Т. А. внесла в свою трудовую книжку недостоверные сведения о том, что она в период времени с 01 октября 2017 года до 14 мая 2018 года работала в ООО «ЧелябАвтоГруз» в должности менеджера. После чего она обратилась в ОКУ ЦЗН Пластовского района с заявлением о признании ее безработной, предоставив свою трудовую книжку с внесенными недостоверными сведениями о предыдущем месте работы. Таким образом, «за период с 17 мая 2018 года по 16 мая 2019 года Чернышова-Гуркина Т. А. на основании представленных ею в ОКУ ЦЗН Пластовского района документов с внесенными в них недостоверными сведениями о предыдущем трудоустройстве незаконно получила пособие по безработице в размере 83 720 рублей 02 копейки» [3].

Наряду с активной формой деяния мошенничество при получении выплат может быть совершено в форме бездействия, при этом обман как способ мошенничества при получении выплат совершается путем умолчания о прекращении оснований для получения указанных выплат. Так, Петров Ю. Г. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159.2 УК РФ. Петров Ю. Г., находясь в отделении банка незаконно, умышленно, из корыстных побуждений, с целью хищения денежных средств в крупном размере, путем обмана сотрудников банка, выразившегося в сознательном умолчании сведений о смерти А., влекущих прекращение выплат, и предоставляя сотрудникам банка заведомо недействительную доверенность на свое имя на получение трудовой пенсии по старости и ежемесячной денежной выплаты А., получал денежные средства со счета, зарегистрированного на имя А., тем самым похитил денежные средства на общую сумму ..., принадлежащие УПФР, чем причинил ущерб в крупном размере [4].

Мошенничество при получении выплат признается оконченным с момента, когда денежные средства или

имущество поступили в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность пользоваться или распорядиться ими по своему усмотрению. Обязательным признаком состава является ущерб, причиненный в результате совершения преступления. Размер ущерба определяется размером полученных денежных средств в виде социальных выплат или стоимостью полученного имущества. В том случае, если виновный путем обмана получил документ, подтверждающий его право на получение социальной выплаты (сертификат, удостоверение, справку и т. п.), однако по независящим от него обстоятельствам фактически не воспользовался им, то содеянное следует квалифицировать в соответствии с ч. 1 ст. 30 УК РФ и ч. 3 или ч. 4 ст. 159.2 УК РФ, если имеются достаточные данные о том, что умысел лица был направлен на использование данного документа для совершения преступлений, предусмотренных частями 3 или 4 ст. 159.2 УК РФ (абз. 2 п. 16 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ).

По данным ГИАЦ МВД России, в 2012 г. было зарегистрировано только 497 таких преступлений, в 2018 г. – 6 022, в 2019 г. – 8 382, в 2020 г. – 9 061, в 2021 г. – 10 585, в 2022 г. – 7 300. Довольно отчетливо виден принципиальный рост мошенничества в сфере выплат, который приходится на пандемийный период Covid-19.

Как известно, распространение коронавирусной инфекции и ограничения, которые были введены в целях ее преодоления, привели к значительному увеличению безработицы. Снижение материальной обеспеченности граждан послужило причиной обращения к органам государственной власти и местного самоуправления за социальной поддержкой, в том числе выплат по безработице. В этот же период был введен специальный налоговый режим для самозанятых (в 2019 г. экспериментально в четырех регионах Российской Федерации), в 2020 г. получить такой статус стало возможно на всей территории Российской Федерации. Как будет показано ниже, введение института самозанятости имело свои, в некотором смысле трагические, последствия применительно к исследуемому виду мошенничества. В период пандемии многие оставшиеся без работы граждане получали статус самозанятого, однако фактически никаких работ не выполняли и, соответственно, не имели дохода. По этой причине лица с таким статусом становились на учет по безработице и получали пособие по безработице. В силу новизны института самозанятого и правовой неопределенности данного налогового режима многие граждане полагали, что это не является препятствием для получения помощи от государства.

Изучение правоприменительной практики позволило выявить следующие типичные проблемные ситуации, связанные с применением ст. 159.2 УК РФ.

Наиболее часто лица, получающие выплаты от государства, ссылались на правовую неопределенность порядка уведомления центра занятости населения и прекращения таких выплат в ситуациях, когда гражданин самостоятельно трудоустроивался.

Так, был отменен приговор мирового судьи в отношении П. А. за отсутствием в деянии состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159.2 УК РФ, ввиду его малозначительности.

Согласно апелляционной жалобе защитника умысла на совершение преступления у П. А. не было, так как на момент постановки на учет она была безработной, и вся сообщенная ею информация являлась достоверной. Факт своего дальнейшего трудоустройства П. А. также не скрывала, более того из информации, сообщаемой в СМИ, знала, что снятие ее с учета в качестве безработной будет произведено на основании этих данных, тем более что подразделения службы занятости не вели прием граждан в связи с коронавирусными ограничениями. Кроме того, Временные правила не предусматривали и обязанности безработного информировать государственные органы о своем трудоустройстве, что указывает на отсутствие объективной стороны преступления [5].

Стоит отметить, что в период действия ограничений, связанных с коронавирусной инфекцией, Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» в полном объеме не действовал. Подать заявление лично через органы социальной поддержки населения не представлялось возможным. В этот период действовали указанные выше Временные правила регистрации граждан в целях поиска подходящей работы и безработных, а также осуществления социальных выплат гражданам, признанным безработными, утвержденные постановлением Правительства от 8 апреля 2020 г. № 460 [2]. Согласно этим правилам подать заявление для получения статуса безработного и получения социального пособия по безработице можно было лишь путем оформления заявления через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет». В частности, такую возможность предоставлял сайт «Работа в России», используя который большинство граждан и подавали заявления. Однако при заполнении электронного заявления на сайте отсутствовала информация об обязанности лица уведомлять Центр занятости населения в случае самостоятельного трудоустройства. Возможно, этому послужил технический баг (недоработка/ошибка в программировании) либо же ввиду отсутствия обязанности сообщать о трудоустройстве во Временных правилах стало причиной дальнейшего добросовестного заблуждения граждан при трудоустройстве. Так или иначе этот пробел обернулся необоснованным (без учета субъективного отношения лиц к совершаемому преступлению) привлечением лиц к уголовной ответственности по ст. 159.2 УК РФ по всей России.

Данный вывод подтверждает еще одно решение суда. Так, приговор был отменен, а уголовное дело передано на новое судебное рассмотрение. При вынесении приговора суд не учел тот факт, что подача заявления о постановке на учет в качестве безработной С. В. осуществлялась с помощью сайта «Госуслуги», а не иным способом (как утверждала сторона обвинения, заявление было подано через сайт «Работа в России»). При этом

стороной защиты было установлено, что форма заявления о постановке на учет в качестве безработной и получения ежемесячного пособия по безработице, размещенная на портале «Госуслуги» подтверждают тот факт, что при подаче заявления через портал «Госуслуги» С. В. не могла быть проинформирована об обязательном уведомлении сотрудников Центра занятости о самостоятельном трудоустройстве для прекращения получения пособия по безработице, поскольку форма заявления не одержала соответствующих сведений. Таким образом, в материалах уголовного дела отсутствует подтверждение об обязанности С. В. уведомлять Центр занятости при самостоятельном трудоустройстве. Данное обстоятельство имеет существенное значение в рассматриваемом случае поскольку от того, каким способом С. В. было подано заявление, напрямую зависит доказанность наличия у нее корыстного мотива и умысла на хищение мошенническим путем денежных средств [6].

Как уже отмечалось ранее, отдельные проблемы с применением ст. 159.2 УК РФ возникли с лицами, имевшими статус самозанятых граждан и получающих выплаты по безработице. З. была признана виновной в мошенничестве при получении выплат. З. указала, что заявление, поданное ею в электронной форме в личном кабинете федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», не содержало указаний на то, что самозанятые не могут вставать на учет по безработице. Кроме того, сотрудники центра занятости должны были проверить представленные ею сведения. Считает, что ответственность за постановку на учет по безработице и выплату ей пособия возлагается на сотрудников центра занятости, которые не разъяснили ей, что самозанятым вставать на учет по безработице нельзя [7]. Таким образом, режим самозанятости не осознается гражданами как полноценное трудоустройство в связи с тем, что он предполагает оказание услуг либо выполнение работ по договору и связан с неполной занятостью человека. В особенности, сложным является вопрос об оценке субъективной стороны, когда самозанятый, получая пособие по безработице, не производит работы и (или) не оказывает услуги в статусе самозанятого, тем самым не имеет дополнительный доход помимо пособия по безработице.

Похожим образом граждане ссылались на то, что их участие в качестве номинальных руководителей либо учредителей хозяйствующих субъектов, которые фактически не осуществляли экономическую деятельность, не осознавалось ими как обстоятельство, препятствующее получению социальных выплат. Так, из апелляционного постановления Кировоградского городского суда Свердловской области следует, что Н. выразила несогласие с обвинительным приговором суда в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159.2 УК РФ ввиду того, что получала пособие по безработице и в этот же период осуществляла трудовую занятость по совместительству. По мнению Н. умысла на совершение преступления у нее не было, так как она добросовестно

заблуждалась в том, что работа по совместительству не исключает получения пособия по безработице. Защитник Н. также указал, что в Законе «О занятости населения в Российской Федерации» нет ни одного упоминания о совместительстве, в связи с чем, осужденная не могла знать, что, работая по совместительству, она не имеет права на получение пособия по безработице.

Кроме того, в отдельных случаях лица становились на учет в качестве безработных, фактически прекратив трудовые отношения с работодателем, но не оформив это в установленном порядке.

Интересным представляется тот факт, что значительное число возбужденных дел по ч. 1 ст. 159.2 УК РФ приходится на военнослужащих. При этом привлекались к ответственности лица при схожих обстоятельствах: состоя в реестре нуждающихся в обеспечении служебными жилищными помещениями и получая компенсацию за наем жилых помещений, предусмотренную Федеральным законом от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», получали в собственность жилое помещение, приобретенное в рамках участия в накопительно-ипотечной системе (НИС) жилищного обеспечения военнослужащих. Однако после подписания акта приема-передачи помещения военнослужащие фактической возможности использовать жилье не имели возможности. Но, что самое главное, лица не были предупреждены о том, что права на получение компенсации за наем жилых помещений они с момента подписания акта приема-передачи квартиры больше не имели. Таким образом, военнослужащие продолжали получать компенсацию до дня окончания срока договора найма жилого помещения, в котором они проживали до получения квартиры в рамках участия в НИС [8].

С подобными решениями судов военнослужащие не согласны, вину не признают. Исходя из материалов уголовного дела К. В. полагает, что суд приводит в приговоре доказательства, на которых основаны неверные выводы о его виновности, так как согласно принятым на себя обязательствам, К. В. в течение пяти дней после оформления жилого помещения в установленном порядке сообщил об этом командованию воинской части, подав соответствующий рапорт. Но в связи с эпидемиологической обстановкой рапорта подавались путем опускания в лоток на входе в штаб части, а каких-либо подтверждающих документов о приеме рапорта не выдавалось, что могло послужить предпосылками к утере его рапорта ответственными лицами [8].

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что выделение такого состава преступления как мошенничество при получении выплат в отдельную норму в уголовном законе является позитивным моментом. С другой стороны, в правоприменительной практике возникают трудности при установлении предмета и субъективной стороны данного преступления. Зачастую уголовные дела возбуждаются без учета психического отношения лица к деянию, что влечет за собой ряд негативных последствий: во-первых, последующее привлечение неви-

нового к ответственности, а во-вторых, поиск законного пути прекратить уголовное преследование.

Список источников

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 8 апреля 2020 года № 460 (ред. от 02.11.2021) «Об утверждении Временных правил регистрации граждан в целях поиска подходящей работы и в качестве безработных, а также осуществления социальных выплат гражданам, признанным в установленном порядке безработными» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Приговор № 1–187/2020 от 9 ноября 2020 г. по делу № 1–187/2020 // <https://sudact.ru>.
4. Приговор суда по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ № 1–430/2017 // <https://sud-praktika.ru/precedent/547992.html>.
5. Апелляционное постановление Гусь-Хрустального городского суда Владимирской области от 2 марта 2022 года по делу № 10–3/2022 // СПС «Консультант Плюс».
6. Апелляционное постановление Пролетарского районного суда Ростовской области от 30.09.2021 № 10–8/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Апелляционное постановление Ленинского районного суда города Кирова от 26.12.2022 по делу № 10–1/2023 (52/1–30/2022) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Апелляционное постановление 1 Западного окружного военного суда от 19.11.2021 № 22–136/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Архипов А. В. Законодательство об уголовной ответственности за хищения в России: проблемы правоприменения и концептуальные основы реформирования : монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. Л. М. Прокументова. М. : Юрлитинформ, 2022. С. 198.
10. Клепицкий И. А. Новое экономическое уголовное право. М., 2022. С. 349.

Информация об авторах

М. Р. Корниенкова – старший преподаватель кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Л. А. Русскевич – преподаватель кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

M. R. Kornienkova – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’;

L. A. Russkevich – Lecturer of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.09.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 16.01.2024.

The article was submitted 21.09.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 16.01.2024.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 30, 2017 No. 48 (ed. dated 12/15/2022) «On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement» // SPS «ConsultantPlus».
2. Resolution of the Government of the Russian Federation of April 8, 2020 No. 460 (as amended on 11/22/2021) «On approval of Temporary Rules for registration of citizens in order to find suitable work and as unemployed, as well as the implementation of social benefits to citizens recognized as unemployed in accordance with the established procedure» // SPS «ConsultantPlus».
3. Verdict No. 1-187/2020 of November 9, 2020 in case No. 1-187/2020 // <https://sudact.ru>.
4. The verdict of the court under Part 3 of Article 159.2 of the Criminal Code No. 1-430/2017 // <https://sud-praktika.ru/precedent/547992.html>.
5. The appeal decision of the Gus-Khrustalny City Court of the Vladimir region dated March 2, 2022 in case No. 10-3/2022 // SPS «ConsultantPlus».
6. Appeal decision of the Proletarian District Court of the Rostov region dated 30.09.2021. No. 10-8/2021 // SPS «ConsultantPlus».
7. The appeal decision of the Leninsky District Court of the city of Kirov dated 12/26/2022 in the case № 10-1/2023 (52/1–30/2022) // SPS «ConsultantPlus».
8. Appeal decision of the 1st Western District Military Court dated 11/19/2021 No. 22-136/2021 // SPS «ConsultantPlus».
9. Arkhipov A. V. Legislation on criminal liability for embezzlement in Russia: problems of law enforcement and conceptual foundations of reform : monograph / ed. Jurid. Sciences, prof. L. M. Prozumentova. M. : Yurlitinform, 2022. P. 198.
10. Klepitsky I. A. New economic criminal law. M., 2022. P. 349.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-120-125>

EDN: <https://elibrary.ru/tesucf>

НИОН: 2015-0066-1/24-915

MOSURED: 77/27-011-2024-01-114

Оказание добровольческими (волонтерскими) организациями помощи органам внутренних дел в профилактике незаконного потребления и оборота наркотических средств и психотропных веществ

Алексей Владимирович Константинов¹, Наталья Васильевна Михайленко²,
Станислав Петрович Стащенко³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, Москва, Россия

¹ alexk_pochta@mail.ru

² natamvz@gmail.com

³ arlik13@inbox.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые стороны оказания добровольческими (волонтерскими) организациями помощи органам внутренних дел в профилактике незаконного потребления и оборота наркотических средств и психотропных веществ. Проведенный анализ региональных практик помощи органам внутренних дел позволил выделить положительные и эффективные методы профилактики незаконного потребления и оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Ключевые слова: органы внутренних дел, волонтеры, волонтерские организации, кибердружина, незаконное потребление и оборот наркотических средств и психотропных веществ

Для цитирования: Константинов А. В., Михайленко Н. В., Стащенко С. П. Оказание добровольческими (волонтерскими) организациями помощи органам внутренних дел в профилактике незаконного потребления и оборота наркотических средств и психотропных веществ // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 120–125. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-120-125>. EDN: TESUCF.

Original article

Provision by voluntary (volunteer) organizations of assistance to internal affairs bodies in the prevention of illegal consumption and trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances

Aleksey V. Konstantinov¹, Natalya V. Mikhaylenko², Stanislav P. Staschenko³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ alexk_pochta@mail.ru

² natamvz@gmail.com

³ arlik13@inbox.ru

Abstract. Some aspects of the provision of assistance by voluntary (volunteer) organizations to internal affairs bodies in the prevention of illegal consumption and trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances are considered. The analysis of regional practices of assistance to internal affairs agencies allowed us to identify positive and effective methods of preventing illegal consumption and trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances.

Keywords: internal affairs bodies, volunteers, volunteer organizations, cyberdrug, illegal consumption and trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances

For citation: Konstantinov A. V., Mikhaylenko N. V., Staschenko S. P. Provision by voluntary (volunteer) organizations of assistance to internal affairs bodies in the prevention of illegal consumption and trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances. Bulletin of economic security. 2024;(1):120–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-120-125>. EDN: TESUCF.

© Константинов А. В., Михайленко Н. В., Стащенко С. П., 2024

Отдельного внимания заслуживает деятельность волонтерских организаций в области профилактики наркомании и правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Данная проблема – одна из наиболее сложных с точки зрения превенции, поскольку имеет крайне выраженный латентный характер (сбыт наркотических средств все чаще происходит удаленно, а пропаганда потребления внедряется в социальные сети, что делает ее доступной для широкого круга лиц).

По официальным данным ГИАЦ МВД России, в 2020 г. на территории Российской Федерации было выявлено 189 905 преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, из них тяжких и особо тяжких – 141 940 (74,7 %). Возбуждено уголовных дел по ст.ст. 228, 228.1, 228.2 УК РФ – 182 600 [1]. Ситуация в 2021 г. не претерпела существенных изменений: было выявлено 168 072 преступления, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, из которых по ст.ст. 228, 228.1, 228.2 УК РФ – 160 791 (95,7 %). Доля тяжких и особо тяжких преступлений остается довольно высокой – 73,4 % (123 398) [2].

Особое внимание уделяется привлечению волонтеров к участию в деятельности по профилактике незаконного потребления и оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Представители МВД России регулярно участвуют в межведомственных и молодежных форумах, в рамках которых осуществляется обмен опытом взаимодействия с добровольческими объединениями, а также развитие новых форм профилактической работы с молодежью, в том числе с использованием интернет-ресурсов. Обеспечивается участие в качестве экспертов во Всероссийском научно-образовательном форуме по профилактике социально-негативных явлений в молодежной среде «Социальный десант», а также онлайн-лектории, посвященном формированию в российском обществе антинаркотического мировоззрения, в рамках Всероссийского конкурса «Большая перемена» проекта президентской платформы «Россия – страна возможностей» [3]. Постоянно ведется работа по поиску и внедрению инновационных методов взаимодействия с волонтерами в комплексную систему профилактики в рамках Всероссийской форумной кампании, показавшей себя в качестве эффективного способа реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации.

В 2019 г. совместно с представителями Всероссийского общественного движения «Стопнаркотик» проведено более 50 рейдов по устранению открытой рекламы наркотических средств и психотропных веществ. Организованы профилактические антинаркотические встречи и беседы с охватом более 1 800 человек. Проведен федеральный форум «Студенческий антинаркотический клуб», в ходе которого представлены проекты, направленные на профилактику негативных явлений в

молодежной среде. По итогам мероприятия открыто 12 антинаркотических студенческих клубов в 12 российских вузах [4].

В 2019 г. на базе МГТУ имени Н.Э. Баумана проведена студенческая научно-практическая конференция «Современные вызовы и угрозы: проблемы и пути их решения». В мероприятии приняли участие представители Русской Православной Церкви, ведущих общественных организаций: Всероссийской общественной организации «Всероссийское антинаркотическое волонтерское движение обучающейся молодежи «Здоровая инициатива»», Общероссийской общественной организации «Офицеры России», – а также профессорско-преподавательский состав и студенты вузов г. Москвы [5].

Совместно с Общероссийским общественным движением «Здоровая инициатива» и Общероссийской общественной организацией «Лига здоровья нации» проведена антинаркотическая молодежная акция «Будь сильнее наркотиков». Число участников мероприятия составило 600 человек.

Потенциал волонтерских организаций и движений используется в ходе проведения региональных антинаркотических мероприятий, инициированных сотрудниками территориальных органов МВД России.

В 2019 г. ОГКУ «Центр профилактики наркомании» Иркутской области совместно с правоохранительными органами и добровольческими (волонтерскими) организациями региона проводился комплекс мероприятий, направленных на первичную профилактику наркомании, проработку и реализацию комплекса мероприятий по организации системы профилактической работы среди несовершеннолетних и молодежи.

На официальном сайте Центра [6] функционируют различные сервисы, например по разъяснению лицам, столкнувшимся с проблемой наркомании, действующей государственной политики в области противодействия незаконному распространению наркотических средств и психотропных веществ; осуществлению негласного сотрудничества по вопросам профилактики и выявления фактов незаконного оборота наркотиков (например, «Сообща о продаже наркотиков в интернете»); мониторингу наркоситуации в регионе.

Интересны практики внедрения круглосуточной психологической помощи лицам, страдающим наркотической зависимостью, организацией «Клуба анонимных наркоманов», проведения культурно-просветительских мероприятий (например, ежегодная акция «Красная ленточка» и I Всероссийский Байкальский антинаркотический форум, проходивший в 2019 г.), направленных на противодействие распространению наркотиков среди несовершеннолетних и молодежи, профилактику заболеваний в связи с потреблением наркотических средств (ВИЧ/СПИД) и др.

Указанные факты отражают действующий механизм реализации принципа взаимодействия и сотрудничества органов государственной власти с общественными организациями.

В сфере профилактики незаконного потребления и оборота наркотических средств и психотропных веществ можно отметить деятельность волонтерских организаций «Родители за мир без преступности, насилия и наркотиков» и «Молодежь против наркотиков», в рамках проектов которых на территории субъектов Российской Федерации реализуются многочисленные мероприятия, направленные на социальную реабилитацию и социальную адаптацию лиц, страдающих от наркотической и алкогольной зависимости. Основной акцент в их деятельности также делается на профилактику наркомании среди подростков и молодежи.

В рамках проекта «Миллион буклетов» волонтерским движением «Родители за мир без преступности, насилия и наркотиков» среди граждан распространяются памятки, знакомящие с признаками наркотической зависимости, видами наркотиков и негативными последствиями, вызываемыми их приемом. Безусловно, проект имеет крайне высокую социальную значимость, поскольку позволяет людям, не знакомым с проблемой наркомании, но столкнувшимся с ней, понять ее социальную опасность и принять меры, направленные на недопущение негативных общественных последствий.

Наиболее распространенные формы: проведение рабочих встреч с представителями молодежных общественных организаций по вопросам взаимодействия в сфере профилактики; организация лекций, диспутов, бесед и тренингов для учащейся молодежи профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования по основам профилактики незаконного потребления и оборота наркотиков.

В марте 2021 г. Управлением по контролю за оборотом наркотиков УМВД России по Ивановской области при поддержке областной общественной организации содействия развитию молодежи и семьи «ИМКА-Иваново», выполняющей функцию регионального центра координации и развития добровольчества, реализован антинаркотический проект «Фотокалейдоскоп». Задача проекта – активизация антинаркотической работы в социальных сетях. Лучшие работы размещены на странице комитета по делам молодежной политики, физической культуры и спорта Администрации г. Иваново в социальной сети «ВКонтакте» (https://vk.com/kdm_ivanovo).

В 2021 г. сотрудники Управления по контролю за оборотом наркотиков МВД по Республике Башкортостан приняли участие в работе проектной сессии «Инновационные технологии в формировании здорового образа жизни», проведенной волонтером антинаркотического движения в рамках полученного гранта. В ходе мероприятия 40 экспертов в области профилактики совместно со студентами уфимских университетов в составе четырех команд прорабатывали проблемы, рассматривали возможности и современные тренды развития профилактической деятельности. Итог сес-

сии – четыре проекта, направленных на формирование ценностей здоровья.

В Нижегородской области в 2021 г. с участием подразделения по контролю за оборотом наркотиков реализуется социальный проект «Амбассадоры будущего». Сотрудниками подразделения проведена профилактическая работа со старшеклассниками и студентами учебных учреждений г. Нижнего Новгорода. Под руководством команды проекта созданы три кейс-ролика «Непридуманные истории», в которых представлены три истории жизни осужденных девушек, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Нижегородской области. Их просмотр проходит с участием и комментариями специалистов.

Значительная часть проведенных мероприятий связана с обучением добровольцев (волонтеров) основам проведения профилактической работы в сфере незаконного оборота наркотиков.

Управление по контролю за оборотом наркотиков ГУ МВД России по Ставропольскому краю в рамках содействия развитию добровольчества приняло участие в проведении XXI Всероссийского слета добровольцев «Доброград-2021: добровольчество – социальное служение». Охват мероприятия – более 200 человек. В рамках слета сотрудники провели для общественников и волонтеров серию мастер-классов «Я здоров и независим. Профилактика зависимого поведения», рассказали об основных антинаркотических предупредительных программах, обучили формированию ключевых навыков отказа от предложения употребить либо распространить наркотические средства. Кроме того, выступали экспертами в оценке социальных проектов, представленных социально ориентированными некоммерческими организациями и лидерами молодежных объединений в рамках «Ярмарки проектных идей и технологий».

Управление по контролю за оборотом наркотиков УМВД России по Кировской области выступило куратором профилактического проекта «Открытая встреча» по обучению компетентных волонтеров-лекторов. В рамках проекта состоялся межрегиональный форум специалистов и волонтеров, занимающихся антинаркотической профилактикой. Его участниками стали более 200 педагогов и специалистов, руководителей, лидеров и добровольцев антинаркотических движений, некоммерческих организаций и общественных объединений из Кирова, Казани, Чебоксар, Перми, Нижнего Новгорода, Оренбурга, Саратова, Самары.

В Волгоградской области действует проект по подготовке волонтеров профилактического направления, специализирующихся на противодействии пропаганде наркотиков среди подростков и молодежи, – «Открытый диалог». Волонтеры внедряют в практику интерактивные формы занятий, посвященных здоровому образу жизни и недопущению потребления запрещенных препаратов и наркотических средств, ориентированных прежде всего на молодое поколение россиян.

Управлением по контролю за оборотом наркотиков МВД по Республике Мордовия совместно с ГБУ «Мордовский республиканский молодежный центр» реализован пилотный информационно-образовательный проект «Академия волонтера», направленный на повышение уровня информированности представителей молодежных общественных организаций по проблеме наркомании, а также на развитие волонтерского антинаркотического движения. Основная идея проекта – обучить положительным практикам в сфере первичной профилактики наркомании и дальнейшей практической реализации данных подходов, разработать и внедрить новые мероприятия, акции, направленные на пропаганду здорового образа жизни. Успешно прошедшие обучение получили сертификат, позволяющий проводить профилактические антинаркотические мероприятия среди молодежи.

Школы волонтеров созданы также в республиках Башкортостан и Марий Эл, в Псковской и Орловской областях и других регионах.

В Чувашской Республике в течение 14 лет на базе Дворца детского (юношеского) творчества работает «Школа профессиональной подготовки по профилю правоохранительной службы «Детская полицейская академия», курируемая Управлением по контролю за оборотом наркотиков МВД по Чувашской Республике. В задачи академии входят подготовка слушателей служению Отечеству, патриотическое воспитание и формирование общей культуры личности, овладение знаниями, умениями и навыками для успешной социализации личности. Предпочтение при приеме отдается детям из неполных семей, находящимся в трудной жизненной ситуации, а также детям сотрудников правоохранительных органов. Слушатели изучают основы государства и права, уголовное, административное, трудовое и гражданское право, криминалистику и огневую подготовку, спортивный и боевой разделы самбо.

Приведенные примеры показывают высокую социальную значимость волонтерства в профилактике незаконного потребления и оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Большинство профилактических проектов ставит своей целью снижение негативных явлений в подростковой и молодежной среде путем вовлечения несовершеннолетних в социально значимую деятельность.

В 2021 г. в рамках инновационной площадки «Школа полиции «СтрИж» во дворце МБОУ ДО детского (юношеского) творчества проходил III республиканский фестиваль социальных театров «Я выбираю жизнь», одним из организаторов которого выступало Управление по контролю за оборотом наркотиков МВД по Удмуртской Республике. Цель фестиваля – профилактика правонарушений, наркомании, алкоголизма и табакокурения в среде несовершеннолетних через творческую деятельность подростков. Мероприятие сопровожда-

лось съемочной группой ГТРК «Удмуртия» для выхода сюжета в программе «МВД 18».

В Республике Чувашия в 2021 г. подразделением наркоконтроля совместно с центром антинаркотической пропаганды «Мотивация» с подростками проведен I открытый фестиваль «Весна Победы». В ходе фестиваля, организованного в виде игры, участники проходили десять тематических площадок, две из которых были посвящены работе правоохранительных органов.

В Воронежской области в рамках антинаркотического месячника волонтеры Воронежского аграрного университета информировали участников музыкального фестиваля «Гром» (2021 г.) о последствиях наркопотребления, а также об ответственности за совершенные преступления и правонарушения, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Опыт органов внутренних дел многих субъектов Российской Федерации показывает непосредственную вовлеченность общественности в противодействие пропаганде незаконного потребления и распространения наркотических средств и психотропных веществ, в том числе в информационно-телекоммуникационных сетях, например в рамках Общероссийской акции «Сообща, где торгуют смертью».

По информации, полученной от волонтеров, осуществляющих мониторинг социальных сетей и интернет-ресурсов, а также координирующих деятельность активных волонтерских бригад, органы внутренних дел совместно с волонтерами и представителями районных администраций закрашивают надписи, пропагандирующие социально опасные формы поведения, и рекламу сайтов, занимающихся распространением наркотиков. Продолжение работы по вовлечению молодежи в деятельность по выявлению и пресечению функционирования интернет-ресурсов, используемых для пропаганды незаконного потребления и распространения наркотиков, показывает, что в субъектах Российской Федерации становится востребованным киберволонтерство. По данным антинаркотических комиссий, в субъектах Российской Федерации общественными организациями и объединениями самостоятельно либо во взаимодействии с органами государственной власти регионов реализуется не менее 57 проектов по направлению «Киберпатруль» («Кибердружина»).

В Республике Тыва антинаркотическим волонтерским движением, действующим в составе правового клуба «Фемида» при ГАПОУ РТ «Тувинский транспортный техникум», развивается проект «Киберволонтерство», в рамках которого создан отряд «Кибердружина». Организована работа «Школы добровольца», в которой обучаются и получают необходимые знания волонтеры антинаркотического движения и «Кибердружины».

Управлением по контролю за оборотом наркотиков УМВД России по Ямало-Ненецкому автономному округу заключено соглашение о сотрудничестве в создании

и организации деятельности отряда «Кибердружина» между ГБПОУ ЯНАО «Ямальский многопрофильный колледж» и УМВД России по Ямало-Ненецкому автономному округу. Сотрудниками подразделения по контролю за оборотом наркотиков организован семинар для участников отряда «Кибердружина» в целях обучения волонтеров интернет-мониторингу на предмет выявления ресурсов, содержащих пропаганду наркотических средств.

С участием Управления по контролю за оборотом наркотиков УМВД России по Мурманской области реализуется проект «Арктический киберпатруль». В 2021 г. волонтеры «Арктического киберпатруля» совместно с представителями Управления по контролю за оборотом наркотиков УМВД России по Мурманской области провели встречу со студентами на тему «Нет наркотикам!» и представили мини-постановку «Не выпадай из жизни», в которой показали миниатюру из жизни сверстников, вовлеченных в сети наркоторговцев, рассказали о правовых последствиях участия в незаконном обороте наркотиков. Также волонтерами обеспечивается разработка роликов профилактической направленности для размещения в официальной группе «Арктический Киберпатруль» социальной сети Интернет.

Также отметим практику взаимодействия территориальных органов МВД России по Курганской области с общественным движением «Молодая гвардия». В настоящее время регулярно проводятся профилактические акции «Штрихкод» и игры-акции «Интернет-охота «Киберпатруль»», в рамках которых неравнодушные молодые люди осуществляют интернет-мониторинг в целях выявления ресурсов, пропагандирующих незаконный оборот наркотиков, способы и места их потребления.

Успешно реализуется проект «Кибердружина» («Киберпатруль») в Республике Бурятия, Республике Дагестан, Волгоградской, Курской, Оренбургской, Новгородской, Костромской, Пензенской, Тюменской областях, г. Москве и других субъектах Российской Федерации.

Подобный опыт является, по сути, инновационным и позволяет деанонимизировать пользователей информационно-телекоммуникационных сетей и ресурсов, занимающихся пропагандой наркотических средств и психотропных веществ, а также своевременно осуществить противодействие пропаганде незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ. Проведенное исследование показало, что взаимодействие подразделений органов внутренних дел и волонтерских организаций по предупреждению и пресечению распространения наркотических средств и психотропных веществ нуждается в постоянном совершенствовании, прежде всего в вопросах развития форм противодействия пропаганде их потребления в информационно-телекоммуникационных сетях.

Предложенный положительный опыт показывает важность привлечения волонтеров для непосредственного взаимодействия с населением, проведения акций и оперативно-профилактических мероприятий, направленных на противодействие распространению наркотических средств и психотропных веществ среди населения, а также пропаганды здорового образа жизни среди несовершеннолетних и современной российской молодежи.

Список источников

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184>.
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552>.
3. Участники конкурса «Большая перемена» смогут узнать о работе полиции и ее спецподразделений // Официальный сайт Министерства просвещения Российской Федерации. URL: <https://edu.gov.ru/press/3752/uchastniki-konkursa-bolshaya-peremena-smogut-uznat-orabote-policii-i-ee-specpodrazdeleniy>.
4. SP-альманах Всероссийского общественного движения «Стопнаркотик», 2012–2019 гг. // Сайт Всероссийского общественного движения «Стопнаркотик». URL: http://stopnarkotik.ru/wp-content/uploads/2021/04/SN_2019_FINAL-1-47.pdf.
5. В МГТУ имени Н.Э. Баумана 29 мая 2019 года состоялась Всероссийская конференция «Современные вызовы и угрозы: проблемы и пути их решения» // Официальный сайт «Полис имени Н.Э. Баумана». <https://healtech.bmstu.net>.
6. Всероссийский Байкальский антинаркотический форум // ОГКУ «Центр профилактики наркомании». <http://www.narkostop.irkutsk.ru/i-vserossiyskiy-baikalskiy-antinarkoticheskiy-forum>.

References

1. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2020 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184>.
2. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–December 2021 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552>.
3. Participants of the «Big Change» contest will be able to learn about the work of the police and its special forces // Official website of the Ministry of Education of the Russian Federation. URL: <https://edu.gov.ru/press/3752/uchastniki-konkursa-bolshaya-peremena-smogut-uznat-orabote-policii-i-ee-specpodrazdeleniy>.

4. SP-almanac of the All-Russian public movement «Stopnarkotik», 2012–2019 // Website of the All-Russian public movement «Stopnarkotik». URL: http://stopnarkotik.ru/wp-content/uploads/2021/04/SN_2019_FINAL-1-47.pdf.

5. On May 29, 2019, the All-Russian conference «Modern Challenges and Threats: problems and ways to

solve them» was held at the Bauman Moscow State Technical University // Official website of the Bauman Policy. <https://healtech.bmstu.net>.

6. All-Russian Baikal Anti-drug Forum // OGKU «Drug Addiction Prevention Center». <http://www.narkostop.irkutsk.ru/i-vserossiyskiy-baikalskiy-antinarkoticheskiy-forum>.

Информация об авторах

А. В. Константинов – доцент кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Н. В. Михайленко – доцент кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

С. П. Стащенко – доцент кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

A. V. Konstantinov – Associate Professor of the Department of Countering Crimes in the field of information and telecommunication technologies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

N. V. Mikhaylenko – Associate Professor of the Department of Countering Crimes in the field of information and telecommunication technologies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

S. P. Staschenko – Associate Professor of the Department of Countering Crimes in the field of information and telecommunication technologies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.09.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 16.01.2024.

The article was submitted 27.09.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 16.01.2024.

Научная статья

УДК 347.6

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-126-132>

EDN: <https://elibrary.ru/liicom>

ИПОН: 2015-0066-1/24-916

MOSURED: 77/27-011-2024-01-115

Наследование доли как бизнес-актива пережившим супругом в рамках модели семейного предпринимательства

Анатолий Николаевич Левушкин

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия,
lewuskin@mail.ru

Аннотация. Брачно-семейные отношения учредителей семейного бизнеса напрямую влияют на управление корпорацией, и в случае ухода одного из учредителей из жизни могут повлечь правовую неопределенность и проблемы правоприменения в сфере реализации корпоративных прав для других участников семейного предпринимательства – супругов и других членов семьи. В рамках данной научной статьи определены существенные вопросы наследования доли как бизнес-актива пережившим супругом в рамках реализации концепции семейного предпринимательства, реализации прав субъектов наследственных правоотношений. Определена необходимость обеспечения баланса применения норм гражданского, корпоративного и семейного законодательства, с целью сохранения семейного бизнеса при передаче его пережившему супругу в рамках наследственных правоотношений.

Ключевые слова: наследственные правоотношения, наследование, доля в уставном капитале, бизнес-актив, семейный бизнес, супруг, семейное предпринимательство, корпоративные права

Благодарности: исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», Центр компетенций «Бизнес-право», Проект «Семейное и женское предпринимательство».

Для цитирования: Левушкин А. Н. Наследование доли как бизнес-актива пережившим супругом в рамках модели семейного предпринимательства // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 126–132. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-126-132>. EDN: LIICOM.

Original article

Inheritance of a share as a business asset by a surviving spouse within the framework of a family business model

Anatoly N. Levushkin

Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Moscow, Russia,
lewuskin@mail.ru

Abstract. The marital and family relations of the founders of a family business directly affect the management of the corporation and, in the event of the departure of one of the founders from life, may lead to legal uncertainty and problems of law enforcement in the field of corporate rights for other participants in family business – spouses and other family members. Within the framework of this scientific article, the essential issues of inheritance of a share as a business asset to the surviving spouses in the framework of the implementation of the concept of family entrepreneurship, the realization of the rights of subjects of hereditary legal relations are determined. The necessity of ensuring a balance between the application of the norms of civil, corporate and family legislation in order to preserve the family business when transferring it to the surviving spouse within the framework of hereditary legal relations is determined.

Keywords: hereditary legal relations, inheritance, share in the authorized capital, business asset, family business, spouse, family entrepreneurship, corporate rights

Acknowledgements: the research was carried out within the framework of the strategic academic leadership program «Priority 2030», the Competence Center «Business Law», the project «Family and Women's Entrepreneurship».

For citation: Levushkin A. N. Inheritance of a share as a business asset by a surviving spouse within the framework of a family business model. Bulletin of economic security. 2024;(1):126–32. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-126-132>. EDN: LIICOM.

© Левушкин А. Н., 2024

«В настоящее время участие семьи и ее членов в наследственных правоотношениях по поводу бизнеса является достаточно важным и практико-ориентированным процессом для общества» [6, с. 9]. Обоснование семейного предпринимательства представляет значительный интерес в первую очередь для специалистов в сфере юриспруденции, экономики, социологии, психологии, истории, политологии [2, с. 51]. Данная ситуация не вызывает недоумения: «семейное предпринимательство в обобщающем виде может рассматриваться как комплексное экономическое и социально-правовое образование» [9, с. 22].

В сегодняшних социально-экономических условиях, безусловно, проявляется тенденция увеличения реализации бизнес-проектов в рамках модели семейного предпринимательства, так как открываются все новые экономико-правовые горизонты использования семейного капитала, активов членов семьи, которые реализуют свой предпринимательский потенциал в различных правовых формах – путем создания корпораций, регистрации индивидуальной предпринимательской деятельности.

«В современной экономико-правовой модели общественных отношений члены семьи принимают самое активное и непосредственное участие в предпринимательских правоотношениях, суть которых нередко сводится к организации бизнес-процессов супругами, детьми и другими родственниками в рамках концепции семейной организации предпринимательства» [5, с. 91].

Требуется обоснованно правопонимание того, что правопреемство в наследственном, предпринимательском и семейном праве при переходе по наследству бизнес-активов, корпоративных прав предопределяет изменение личности лица – супруга или другого члена семьи, владеющего наследуемым активом, и сопровождается переходом субъективных прав и обязанностей от наследодателя к наследнику.

«Наследственные отношения принято определять как совокупность взаимосвязанных отношений, направленных на переход имущества, составляющего наследственную массу, от умершего человека – наследодателя к его наследникам» [8, с. 11].

«Принимая во внимание наиболее распространенный вариант участия супругов в создании корпорации путем приобретения статуса участника общества только одним из супругов, все большую актуальность приобретают как вопросы наследования доли умершего супруга в уставном фонде хозяйственного общества, так и вопросы оформления и реализации прав пережившего супруга» [6, с. 10].

Подчеркнем, что российским законом определено: доли в уставном капитале общества, приобретенные в браке (как и остальное имущество), являются частью общего имущества супругов, и при отсутствии заключенного между супругами брачного договора в случае расторжения брака данное имущество будет подлежать между супругами в равных долях. Иными словами, су-

пруг – участник общества – это собственник доли в контексте реализации модели семейного предпринимательства в уставном капитале, имеющий имущественные, но не корпоративные права. Полагаем, что корпоративные права принадлежат тому супругу, который реально осуществляет управленческие корпоративные права, несет обязанности, соответственно, отображается как владелец в выписке ЕГРЮЛ.

Убеждены, что такое положение весьма гармонично и обоснованно сочетается с правовой сущностью непубличной корпорации – общества с ограниченной ответственностью. Для такого хозяйственного общества имеет существенное значение личное участие в управлении делами компании и сохранение стабильного состава его участников (членов корпорации), так как закон предоставляет таким участникам, в том числе семейной корпорации, возможность закрепить требование о получении согласия всех участников Общества на переход доли (части доли) в уставном капитале общества к третьему лицу. Такая позиция довольно логична и оправдана с точки зрения практики реализации корпоративных норм и их возможного конфликта с правовой регламентацией на уровне семейного законодательства.

Действительно, для граждан, создавших бизнес, в том числе основанный на семейно-правовых связях, и личность управляющего им партнера имеет для них существенное значение, так как требует постоянного обсуждения вопросов корпоративного управления и контроля, принятия совместных управленческих решений и др. Изменение в составе участников может попросту привести к прекращению бизнеса, даже если он основан на семейно-правовых началах. В связи с тем, что в сфере раздела долей в уставном капитале ООО, как формы организации семейного предпринимательства, между супругами в рамках расторжения брака имеется пробел на уровне российского законодательства, правоприменительная практика создается на основании расширительного толкования вышеуказанной нормы, в связи с чем, суды допускают возможность расширения круга участников общества за счет вхождения в их состав супруга, как участника общества, исключительно при отсутствии соответствующего запрета в уставе данного общества и с согласия остальных участников корпорации.

В рамках судебной практики сформировалась правовая позиция, согласно которой, положение пункта 2 статьи 21 Закона об ООО является диспозитивным, так как предоставляет возможность предусмотреть в уставе общества запрет на такое отчуждение, устанавливаемое для всех способов отчуждения доли (части доли) третьим лицам, поскольку действующее правовое регулирование перехода доли (части доли) участника общества в уставном капитале корпорации к другому лицу принимает во внимание природу хозяйственных обществ как организаций, которые основаны на экономическом самоопределении граждан и саморегулировании. Закрепление ограничения, позволяет избежать бесконтрольного вхождения в состав участников общества

супруга участника, позволяя таким образом защитить интересы участников и самой корпорации.

Обратим особое внимание, что в современной правовой действительности члены семьи принимают самое активное и непосредственное участие в предпринимательских правоотношениях, суть которых нередко сводится к организации бизнес-процессов супругами, детьми и другими родственниками в рамках модели семейной организации предпринимательства. Полагаем, что данная сфера семейной предпринимательской деятельности имеет немаловажное значение с точки зрения доктрины и практико-ориентированного направления реализации современной концепции предпринимательства, направленной на дополнительную поддержку малого и среднего бизнеса, достаточно часто организованного на семейно-правовых связях [4, с. 3].

В числе ключевых, приоритетных национальных интересов Президентом РФ установлены «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России» [15], что абсолютно справедливо, ведь ценностный подход важен не только для организации отношений между членами семьи, но и в сфере экономической деятельности. И, как справедливо указывает в доктрине предпринимательского права профессор И. В. Ершова: «Несомненно, большая роль в достижении столь амбициозных и значимых целей отводится семейному бизнесу» [1, с. 68].

Очевидно, что после раздела общего имущества супругов доля в уставном капитале ООО переходит из общей собственности супругов в индивидуальную собственность каждого супруга. Право на долю возникает на основании имущественных брачно-семейных отношений. В то же время корпоративные права, которые обуславливаются владением долей (право на голосование и принятие решений на общем собрании и др.) – это составляющая непосредственно корпоративных отношений, выражающихся в соблюдении корпоративной процедуры для становления участником, условия прохождения которой содержатся в законе об ООО и уставе общества.

При рассмотрении споров, связанных с данным вопросом, Верховным судом РФ была сформирована правовая позиция, предусматривающая право супруга, в случае присуждения ему по итогам раздела совместного имущества супругов доли в уставном капитале, обратиться в это общество с заявлением о принятии его в состав участников корпорации. Право на получение действительной стоимости доли возникает у супруга исключительно в случае отказа в его принятии в состав участников ООО как корпоративной организации.

Следовательно, признание права собственности супруга в отношении половины доли в уставном капитале наделяет его исключительно имущественными, но не корпоративными правами, то есть не делает его в полном смысле участником общества, наделенного корпоративными управленческими полномочиями.

Данный подход позволяет соблюсти баланс интересов супруга и других участников корпоративной организации. Так как за супругом закрепляется имущественное право на долю в уставном капитале, используя в качестве компенсации право получения действительной стоимости доли. А общество оставляет стабильный состав участников неизменным, ставя запрет на вхождение в состав участников третьего лица, некомпетентного в сфере корпоративного бизнеса, исключая неблагоприятные последствия для деятельности юридического лица, вплоть до прекращения его деятельности.

В качестве первой проблемы можно заметить, что в результате раздела доли в уставном капитале возможно изменение структуры корпоративного управления и контроля. Как в случае уменьшения доли участника в результате разделения между супругами совместно нажитого имущества, у данного участника происходит утрата преобладающего права участия в обществе и статуса контролирующего лица.

Второй проблемой, касающейся раздела доли в уставном капитале супругами целесообразно назвать размывание доли супруга, который является участником общества, путем увеличения уставного капитала общества. Это действие совершается с целью фиктивного уменьшения стоимости доли, которая полагается второму супругу при разделе общего имущества.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Закона об ООО уставный капитал может быть увеличен, как за счет имущества самого общества, так и за счет внесения дополнительных вкладов участниками корпорации и (или) третьими лицами при принятии их в состав участников путем принятия решения общим собранием участников. Супруг, доля которого в процессе принятия данного решения может «размыться», может возражать такому положению дел, так как он заинтересован в сохранении своего имущества в общем имуществе супругов.

Когда такой супруг обращается в суд с иском с целью оспорить решение об увеличении уставного капитала суды сталкиваются с противоречием между нормами семейного и корпоративного права. Особенности доли в уставном фонде как объекта общей совместной собственности и объекта наследования определяют необходимость применения при осуществлении соответствующих прав пережившего супруга или наследников не только норм семейного законодательства, определяющих состав и правовой режим объектов совместно нажитого имущества супругов, но и положений корпоративного законодательства, устанавливающих правила вхождения в состав участников хозяйственного общества [6, с. 10].

Видится оправданным, что закон об обществах с ограниченной ответственностью не дает супругу – не являющемуся участником корпорации право оспаривать решения органов общего собрания, данное право имеется только у самих участников общества, которые состоят с ней в корпоративных отношениях. Одновременно, в связи с тем, что доля в уставном капитале входит в

состав общего имущества супругов, в отношении нее применяются нормы семейного законодательства, касающиеся владения, пользования и распоряжения общим имуществом супругов, следовательно, на распоряжение общим имуществом супругов необходимо получить согласие у другого супруга.

Распоряжение совместным имуществом супругов осуществляется по общему правилу с подразумеваемого (презмирующегося) согласия второго супруга, так как это соответствует лично-доверительному характеру брачно-семейных отношений и института совместной собственности. Одновременно указанная презумпция является опровержимой и не лишает супруга возможности на оспаривание сделки по распоряжению долей в уставном капитале общества, которая была совершена при отсутствии его согласия, с условием что он сможет доказать то что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать о его возражении на совершение данной сделки.

Правовая позиция Высшего Арбитражного Суда РФ определяет принятие супругом решения о введении в состав участников общества нового участника с внесением им неэквивалентного дополнительного вклада в уставный капитал общества как сделку, противоречащую пункту 2 статьи 35 СК РФ, так как данное действие является распоряжением общим имуществом супругов, влекущим уменьшение действительной стоимости доли супруга в обществе.

Подводя некоторые итоги, можно сделать вывод о том, что супруг участника ООО имеет право оспаривать решения общего собрания участников, но только в тех случаях, когда это решение затрагивает его имущественные интересы. Однако в такой ситуации этому ему необходимо доказать, что единственной целью данного решения является причинение ему вреда и уменьшение его права на имущество.

Так в Верховный суд РФ обратилась супруга вышедшего из общества участника с жалобой на предыдущие решения судов, где ей было отказано в удовлетворении исковых требований, ссылаясь на несоответствие их выводов фактическим обстоятельствам, аргументируя тем, что увеличение уставного капитала явилось следствием угроз третьего лица, супруг скрыл от супруги сделку по увеличению уставного капитала, на которую им не было получено ее согласие, судами был неверно исчислен срок исковой давности по заявленным требованиям.

При рассмотрении данного дела судом было установлено, что супругой ранее в суд был подан иск на общество с ограниченной ответственностью, содержащий в себе требования о признании сделки по увеличению уставного капитала общества за счет вклада третьего лица недействительной, о применении последствий недействительности сделки путем восстановления размера уставного капитала Общества. Супругом истицы, состоящем с ней в зарегистрированном браке с 1999 года, в 2014 году было учреждено общество с ограниченной ответственностью. В результате регистра-

ции он являлся единственным участником общества, владея уставным капиталом в размере 10 000 рублей. В 2020 году супругом было принято решение об увеличении уставного капитала общества путем принятия в состав участников общества третьего лица с взносом в размере 90 000 рублей. После внесения изменений регистрирующим органом в реестр супруг истицы подал в общество заявление на выход из состава участников, предварительно получив на данное действие согласие супруги. В обоснование своих требований супруга ссылается на создание общества в браке, в связи с чем, денежные средства, вносимые в уставный капитал, являлись совместными накоплениями (совместно нажитым имуществом), следовательно, доля в уставном капитале является общим имуществом супругов, а в результате принятия в состав участников третьего лица размер уставного капитала общества увеличился, а доля ее супруга уменьшилась, в связи с чем, принятые решения должны рассматриваться как противоречащие пункту 2 статьи 35 Семейного кодекса Российской Федерации.

Судебные инстанции, исследовав материалы дела, отказали в удовлетворении требований в связи с отсутствием подтверждения доводов истца об информированности третьего лица о наличии возражений с ее стороны по увеличению доли в уставном капитале общества. Также суды указали на истечение срока давности по заявленным требованиям, так как требования были заявлены супругой по истечении года, когда она должна была узнать о нарушении ее права в июле 2021 года, так как ею в июне 2020 года было оформлено нотариально удостоверенное согласие на выход ее супруга из состава участников общества, где был указан размер доли, принадлежащий ее супругу, следовательно, истица была осведомлена о том, что на момент предоставления такого согласия размер доли участия ее супруга в обществе составлял 10 % номинальной стоимостью 10 000 рублей.

Так как доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью может являться совместно нажитым имуществом супругов, при смерти одного из супругов появляются проблемы, связанные с переходом прав на долю пережившему супругу, в связи с неоднородностью такого перехода прав, выражающейся с одной стороны в наследовании, а с другой стороны в разделе имущества супругов и выделе доли пережившему супругу из общего имущества.

Как обоснованно установлено в науке, «вопросы, которые касаются наследования долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью, имеют практическое значение, поскольку в судебных органах рассматривается большое количество дел, связанных с переходом долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью в порядке наследования, определения действительной стоимости доли» [14].

В Федеральном законе от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» отсутствует норма, регулирующая отношения, возникающие по причине приобретения супругом статуса

участника ООО в случае прекращения режима общей совместной собственности супругов с помощью заключения брачного договора или соглашения о разделе имущества. Данный правовой нюанс имеет важное значение при наследовании пережившим супругом доли в уставном капитале хозяйственного общества. Статья 75 Основ законодательства о нотариате определяет, что в случае смерти одного из супругов свидетельство о праве собственности на долю в общем имуществе супругов выдается нотариусом по письменному заявлению пережившего супруга с извещением наследников, принявших наследство.

То есть выдача свидетельства о праве собственности на долю в общем имуществе супругов связана с совершением пережившим супругом активных действий, иначе все имущество целиком включается в состав наследственной массы, в результате чего происходит нарушение прав пережившего супруга.

Но данное положение в основах, противоречит действующему законодательству, так как Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ в пункт 4 статьи 256 ГК РФ был внесен абзац, указывающий, что в случае смерти одного из супругов пережившему супругу принадлежит доля в праве на общее имущество супругов, равная одной второй, если иной размер доли не был определен брачным договором, совместным завещанием супругов, наследственным договором или решением суда.

Иначе говоря, гражданским законодательством переживший супруг наделяется правом на долю в общем имуществе супругов вне зависимости от совершения им активных действий в отношении данного имущества. В результате чего можно обнаружить противоречие статьи 75 Основ законодательства о нотариате положениям абзаца 2 пункта 4 статьи 256 ГК РФ.

В юридической литературе справедливо отмечается, что получение пережившим супругом как участником общей совместной собственности супругов части доли в уставном фонде (капитале) общества с ограниченной ответственностью после смерти супруга, который был участником данного общества, не является наследованием [подробнее: 3, с. 295; 13; 12].

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу о том, что в отношении доли как бизнес-актива в уставном капитале ООО и как объекте наследования при реализации модели семейного предпринимательства, нотариусом после открытия наследства необходимо сопоставить даты приобретения данной доли с датой регистрации брака, а также провести проверочные работы на предмет наличия или отсутствия внесения супругами изменений в отношении режима совместной собственности супругов, после чего произвести выделение супружеской доли, если переживший супруг не совершит действия, направленные на отказ от выдела супружеской доли.

Необходимо подчеркнуть, что ряд практических осложнений возникает по причине того, что в рамках

корпоративного законодательства, в частности, закона об обществах с ограниченной ответственностью никоим образом не регулируются вопросы, касающиеся перехода прав на долю в уставном капитале при выделе супружеской доли. Статьей 21 данного нормативного правового акта предусматриваются различные варианты правопреемства, в том числе, касающиеся наследования, но они не предусматривают случаи, когда из совместного имущества супругов выделяется супружеская доля, в связи с тем, что доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью входит в общую совместную собственность по общему правилу в силу закона, иначе говоря отсутствует момент отчуждения доли. Аналогия с наследством здесь не совсем подходит, так как доля пережившим супругом приобретается двум разным основаниям, а именно в результате выдела супружеской доли и в результате наследования доли супругом в качестве наследника в рамках наследственных правоотношений. Право на супружескую долю возникает в силу законного режима имущества супругов, предполагается, что супруг является сособственником доли уже с момента возникновения на нее права собственности.

Обратим внимание, что наследник вправе осуществлять приобретенные корпоративные права только после получения от нотариуса свидетельства о праве на наследство [11, с. 37]. Следовательно, вопросы, касающиеся принятия пережившего супруга в состав участников общества, а также последствия при наличии отказа участников общества на ввод пережившего супруга в свой состав на данный момент, как показывает судебная практика, не урегулированы законом. Так Верховный Суд РФ определением от 22 февраля 2023 года передал на рассмотрение Судебной коллегии по экономическим спорам дело № А40-284789/2021, где рассматривалась ситуация, касающаяся приобретения пережившим супругом статуса участника в хозяйственном обществе. Устав данного общества содержал в себе ограничение на переход прав на долю к наследникам и правопреемникам участников, но не имел ограничений в части перехода доли к третьим лицам или супругам. В результате чего супруга после выдела причитающейся ей половины доли в уставном капитале произвела ее отчуждение третьему лицу, в результате чего обществом и другим участником было подано исковое заявление в суд, содержащее в себе требование об отмене сделки, направленной на продажу доли третьему лицу и передаче ее обществу. Но суды трех инстанций приняли решение о том, что данная сделка была правомерной, так как право на долю принадлежало супруге в силу закона, а не было получено ею в результате наследования. Далее это дело было передано в Верховный суд РФ, в связи с доводами истцов о правовой неопределенности, которая сложилась в правоприменительной практике при приобретении статуса участника хозяйственного общества супругом.

Полагаем, что правовая определенность в порядке наследственного правопреемства, касающаяся перехода

прав на долю как бизнес-актива в рамках реализации концепции семейного предпринимательства к пережившему супругу, имеет важное экономико-правовое значение, так как кроме перехода корпоративных прав, затрагивает право пережившего супруга на получение им действительной стоимости доли, что имеет экономическое значение для члена семьи.

«В случае присуждения супругу (бывшему супругу) в порядке раздела совместно нажитого имущества доли в уставном капитале общества, отчуждение долей которого третьим лицам ограничено, такой супруг (бывший супруг) получает право обратиться к обществу с требованием о вхождении в состав участников общества. Право на получение действительной стоимости доли у супруга (бывшего супруга) возникает только в случае отказа других участников в переходе прав на долю или ее часть к такому лицу (пункт 1 статьи 6 ГК РФ, пункт 5 статьи 21 Закона об обществах)» [16].

Вышеуказанное, несомненно, в полной мере учитывает правовую природу доли в уставном капитале хозяйственного общества как бизнес-актива и объекта наследования, но, к сожалению, данный подход прямо не указан в российском законодательстве, регулирующем переход бизнес-активов общества с ограниченной ответственностью в рамках организации модели семейного предпринимательства.

В результате проведенного правового анализа корпоративного, семейного и наследственного законодательства необходимо с целью избежания конфликта применения правовых норм дополнить пункт 8 статьи 21 закона об обществах с ограниченной ответственностью, содержащий в себе положения по наследованию долей в уставном капитале, предложением о том, что при выделе супружеской доли супруг имеет право на обращение в общество с требованием о вводе его в состав участников и в случае получения отказа от других участников общества имеет право на получение действительной стоимости доли в определенный законом разумный срок.

В контексте вышесказанного требуется говорить о конвергенции частного и публичного права при переходе семейного бизнеса по наследству. «Проявляется тенденция установления межотраслевых связей между семейными, наследственными, корпоративными и предпринимательскими отношениями» [10, с. 27]. Также обратим отдельное внимание на то, что нотариальная деятельность тесно связана с семейными и наследственными правоотношениями [подробнее: 7].

Убеждены, что весьма эффективной правовой конструкцией в рамках реализации модели семейного предпринимательства и наследственного планирования на сегодняшний день признается брачный договор (контракт). В независимости от того, что этим документом (договорной семейно-правовой конструкцией) не регулируются напрямую вопросы наследования семейного бизнеса, входящего в наследственную массу, полагаем, что он позволяет сделать долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, как бизнес-

актив, личной собственностью учредителя-супруга, исключив распространение на нее общих норм семейного законодательства Российской Федерации о совместной собственности супругов.

В заключении проведенного исследования наследственных, семейных и корпоративных правоотношений в рамках модели реализации семейного предпринимательства представляется необходимым прийти к выводу о недостаточной степени правовой регламентации перехода прав на долю в обществе с ограниченной ответственностью в порядке наследования при наличии в ней супружеской доли. А также предложить внести отдельные изменения в федеральный закон об ООО и основы законодательства о нотариате, предусматривающие обязательный выдел нотариусом супружеской доли при определении имущества, подлежащего включению в наследственную массу с отдельным пунктом, позволяющим пережившему супругу своими действиями отказаться от выдела супружеской доли.

Список источников

1. Ершова И. В. Семейный бизнес : точки отсчета и вектор ориентира в правовом регулировании // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 11. С. 67–75.
2. Ершова И. В. Семейный бизнес – явление уникальное и не до конца изученное // Семейный бизнес в правовом пространстве России : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2020. 624 с.
3. Илюшина М. Н. Права супругов на долю в обществе с ограниченной ответственностью : проблемы перехода и оформления // Семейный бизнес в правовом пространстве России : монография / Отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2020. 624 с.
4. Левушкин А. Н. Построение и легализация современной модели семейного предпринимательства : вопросы гражданско-правовой и публично-правовой легитимации и государственной поддержки // Гражданское право. 2023. № 4. С. 2–6.
5. Левушкин А. Н. Концепция легитимации семейного предпринимательства сквозь призму частно-правового и публично-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 8.
6. Левушкин А. Н., Надысева Э. Х. Переход семейного бизнеса по наследству // Наследственное право. 2021. № 3. С. 8–12.
7. Левушкин А. Н. Участие нотариуса в наследственных правоотношениях при переходе корпоративных прав и семейного бизнеса по наследству // Наследственное право. 2021. № 1. С. 17–20.
8. Левушкин А. Н., Бабич М. И. Наследование дробных акций: теория и практика применения // Наследственное право. 2018. № 2. С. 10–14.
9. Левушкин А. Н. Семейное предпринимательство в системе малого и среднего предпринимательства

: правовая природа и пути развития // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11 (96). С. 21–27.

10. Левушкин А. Н. Семейное супружеское предпринимательство и продажа бизнеса супругов по законодательству Российской Федерации // Законы России : опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 25–30.

11. Можиян С. А. Непоименованные судебные споры, возникающие при наследовании корпоративных прав // Нотариус. 2020. № 4. С. 37–40.

12. Серебрякова А. А. Наследование супругом доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Наследственное право. 2018. № 2. С. 23–25.

13. Чашкова С. Ю. Переход к пережившему супругу доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как общего имущества супругов // Законы России : опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 30–36.

14. Черепанова Ю. П. Наследование долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью // Наследственное право. 2022. № 4. С. 16–19.

15. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть 2). Ст. 5351.

16. Определение от 15 декабря 2020 г. № 308-ЭС20-11834 по делу № А22-6414/2017 // СПС «Консультант-Плюс».

References

1. Yershova I. V. Family business : points of reference and a vector of reference in legal regulation // Actual problems of Russian law. 2022. № 11. P. 67–75.

2. Yershova I. V. Family business is a unique phenomenon and not fully studied // Family business in the legal space of Russia : monograph / ed. by I. V. Yershova, A. N. Levushkin. M. : Prospect, 2020. 624 p.

3. Plyushina M. N. The rights of spouses to a share in a limited liability company : problems of transition and registration // Family business in the legal space of Russia : monograph / Ed. by I. V. Ershov, A. N. Levushkin. M. : Prospect, 2020. 624 p.

4. Levushkin A. N. Building and legalizing a modern model of family entrepreneurship : issues of civil and public

law legitimation and state support // Civil law. 2023. № 4. P. 2–6.

5. Levushkin A. N. The concept of legitimation of family entrepreneurship through the prism of private law and public law regulation // Current problems of Russian law. 2023. № 8.

6. Levushkin A. N., Nadyseva E. H. The transition of family business by inheritance // Inheritance law. 2021. № 3. P. 8–12.

7. Levushkin A. N. Participation of a notary in hereditary legal relations during the transition of corporate rights and family business by inheritance // Inheritance law. 2021. № 1. pp. 17–20.

8. Levushkin A. N., Babich M. I. Inheritance of fractional shares: theory and practice of application // Inheritance law. 2018. № 2. P. 10–14.

9. Levushkin A. N. Family entrepreneurship in the system of small and medium-sized enterprises : the legal nature and ways of development // Current problems of Russian law. 2018. № 11 (96). P. 21–27.

10. Levushkin A. N. Family matrimonial entrepreneurship and sale of business of spouses according to the legislation of the Russian Federation // Laws of Russia : experience, analysis, practice. 2018. № 4. P. 25–30.

11. Mozhilyan S. A. Unnamed litigation arising from the inheritance of corporate rights // Notary. 2020. № 4. P. 37–40.

12. Serebryakova A. A. Inheritance of a spouse's share in the authorized capital of a limited liability company // Inheritance law. 2018. № 2. P. 23–25.

13. Chashkova S. Yu. The transition to a surviving spouse of a share in the authorized capital of a limited liability company as the common property of spouses // Laws of Russia : experience, analysis, practice. 2018. № 4. P. 30–36.

14. Cherepanova Yu. P. Inheritance of shares in the authorized capital of limited liability companies // Inheritance law. 2022. № 4. P. 16–19.

15. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. № 27 (part 2). Art. 5351.

16. Definition of December 15, 2020 № 308-ES20-11834 in case № А22-6414/2017 // СПС «Консультант-Плюс».

Информация об авторе

А. Н. Левушкин – профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A. N. Levushkin – Professor of the Department of Business and Corporate Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 12.02.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 12.02.2024.

Научная статья

УДК 347.9

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-133-135>

EDN: <https://elibrary.ru/vxtiac>

НИОН: 2015-0066-1/24-917

MOSURED: 77/27-011-2024-01-116

К вопросу о понятии и содержании основополагающей цели английского гражданского процесса

Антонина Дмитриевна Лозовицкая

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия,
lozovitskaya@gmail.com

Аннотация. Анализируется специфическое для гражданского процесса Англии многоаспектное правовое явление – основополагающая цель английского гражданского процесса. Исследовано понятие основополагающей цели, различные подходы к ее содержанию, в том числе через призму эволюции английского гражданского процесса, а также взаимосвязь основополагающей цели и других институтов английского гражданского судопроизводства. Автор формулирует вывод о современном содержании основополагающей цели.

Ключевые слова: основополагающая цель английского гражданского процесса, Правила гражданского судопроизводства, правосудие, принципы гражданского процесса

Для цитирования: Лозовицкая А. Д. К вопросу о понятии и содержании основополагающей цели английского гражданского процесса // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 133–135. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-133-135>. EDN: VXTIAC.

Original article

On the question of the notion and characteristics of the overriding objective of English civil procedure

Antonina D. Lozovitskaya

Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Moscow, Russia,
lozovitskaya@gmail.com

Abstract. A multidimensional legal phenomenon specific to the civil process in England – the overriding objective of the English civil proceedings is being analyzed. The concept of the overriding objective, various approaches to its content, including the examination through the idea of evolution of English civil justice, as well as relationship between the overriding objective and other legal institutions of English civil litigation are scrutinized. The author formulates the modern approach in relation to the characteristics of the overriding objective.

Keywords: overriding objective of English civil procedure, Civil procedure rules, justice, principles of civil procedure

For citation: Lozovitskaya A. D. On the question of the notion and characteristics of the overriding objective of English civil procedure. Bulletin of economic security. 2024;(1):133–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-133-135>. EDN: VXTIAC.

Положениями об основополагающей цели, объединенными в часть 1, открываются Правила гражданского судопроизводства (Civil Procedure Rules) (далее также ПГС). Цель с таким наименованием была введена в ходе реформы лорда Вулфа. Часть 1 «Основополагающая цель» также сопровождается Практическим указанием, которое посвящено не общим вопросам, а преломлению положений в случае участия уязвимых лиц и свидетелей. В редакции реформы лорда Вулфа правило 1.1 ПГС звучало следующим образом: «Настоящие Правила яв-

ляются новым процессуальным кодексом, имеющим основополагающей целью обеспечение суду возможности разрешать дела справедливо».

В качестве основополагающей цели английского гражданского процесса стало принято определять тот результат, к которому стремится суд при рассмотрении любого гражданского дела и в любой момент времени. Эта цель выступила также первым явно выраженным принципом, применимому ко всему гражданскому судопроизводству и призванному контролировать все

© Лозовицкая А. Д., 2024

аспекты рассмотрения гражданского дела. Такой подход к пониманию основополагающей цели иллюстрирует загадочность английской юриспруденции, в которой не всегда проводятся четкие границы между терминами, имеющими в отечественном правоведении устоявшийся смысл. Однако указанное также демонстрирует сложность самой концепции основополагающей цели и ее пограничный характер.

Таким образом, основополагающая цель английского гражданского процесса выступает в качестве многокомпонентного явления, которое вобрало в свою сущность также и отдельные процессуальные принципы. Поэтому последующее реформирование английского гражданского процесса неизбежно было связано с модернизацией понимания и содержания рассматриваемой категории.

Так, поскольку главной проблемой, стоявшей перед реформой Джексона, были высокие и неконтролируемые судебные издержки, то и в формулировку основополагающей цели были внесены корреспондирующие изменения [подробнее: 1]. Правило 1.1 трансформировалось следующим образом: «Настоящие Правила являются новым процессуальным кодексом, имеющим основополагающей целью обеспечение суду возможности разрешать дела справедливо и с соразмерными издержками».

С 6 апреля 2021 года вступила в силу третья редакция норм об основополагающей цели. Помимо того, что Правила перестали быть «новым» процессуальным кодексом, поскольку действуют уже более 20 лет, также поправки внесены в правило 1.1.(2)(а): добавлено указание на необходимость обеспечения максимального участия всех сторон и свидетелей в судебном разбирательстве и представления ими доказательств. Данное изменение призвано дополнить справедливое рассмотрение дел идеей о необходимости решения вопроса об использовании любых процессуальных мер, которые могут поспособствовать эффективному участию всех сторон и иных участников в судебном разбирательстве.

Следует особо подчеркнуть, что нормативное закрепление основополагающей цели выражено в совокупности норм, размещенных в части 1 ПГС. В остальных частях ПГС содержатся нормы, гарантирующие достижение основополагающей цели.

Разработка норм части 1 ПГС «Основополагающая цель» ознаменовала внедрение новой концепции правосудия в английском гражданском процессе. Целью новой концепции правосудия является достижение пропорциональности, а не рассмотрение дела по существу, что получило название идеи материального правосудия (substantive justice) или правосудия по существу спора (justice on the merits). При этом гарантом достижения основополагающей цели выступила еще одна процессуальная новинка, предложенная лордом Вулфом, судебное управление делом (case management) [подробнее: 2].

В настоящее время сложились два подхода к пониманию основополагающей цели английского гражданского процесса.

Первый подход традиционалистский состоит в том, что, как и предшествовавшая концепция материального правосудия, основополагающая цель включает в себя компонент правильного установления фактов и корректного применения к ним норм права, к которому были добавлены еще два элемента: 1) соображения экономичности и 2) соображения эффективности. Согласно традиционалистскому подходу в своем ядре основополагающая цель ничем не отличается от своей предшественницы. Дополнением стали условия, при соблюдении и учете которых правосудие по существу спора должно достигаться в современных реалиях [3, p. 107–135].

Второй подход базируется на уникальной и самобытной природе основополагающей цели, которая ознаменует собой смену парадигмы в понимании целей правосудия по гражданским делам и кардинальный отход от концепции правосудия по существу спора. Такой подход получил название Коперниканского или Кунианского подхода [4, p. 84].

Сторонники Коперниканского подхода также не всегда едины в своем понимании основополагающей цели. Э. Закермен рассматривает экономичность и эффективность в качестве целей [5, p. 1–50], в то время как Дж. Сорабджи полагает, что эффективность и экономичность не могут выступать целями правосудия по гражданским делам, а являются задачами, через реализацию которых возможно достижение целей [4, p. 84]. Кроме того, согласно взглядам Э. Закермена экономичность, эффективность и правосудие по существу спора являются конкурирующими друг с другом целями, а сама основополагающая цель представляет собой правильный баланс между этими тремя соперниками, именно поэтому в нормах ПГС особый акцент делается на пропорциональность [5, p. 11–19]. Так, если поставить на первое место экономичность, то есть стремление минимизировать судебные издержки участников процесса, а также финансовые расходы государства на функционирование всей судебной системы, то может оказаться, что правосудие по существу спора станет недостижимой целью. Идея о конкурирующих целях, составляющих содержание основополагающей цели, напоминает известный анекдот, где из трех характеристик: быстро, качественно и недорого, можно выбрать только две.

Дж. Сорабджи отмечает, что ключевое отличие основополагающей цели лорда Вулфа от предшественников заключено в равном достижении процессуального правосудия и материального правосудия [4, p. 86]. В этом смысле процессуальное правосудие намного больше, чем эффективность и экономичность, то есть чем соблюдение процессуальных сроков и соразмерность судебных издержек. Процессуальное правосудие включает в себя обязательность обеспечения каждому лицу доступа к справедливой, правильной и надлежащим образом доступной системе правосудия [6]. Таким образом, учитываются не только потребности конкретного дела, находящегося на рассмотрении суда, но также и потреб-

ности иных дел, а также и на интересы участников потенциальных будущих споров, переданных на рассмотрение суда. В результате изменения концепции правосудия, во-первых, фокус правосудия смещен с каждого отдельного дела на глобальную оценку прав всех участников процесса на эффективный доступ к правосудию, и во-вторых, приведены разумные и обоснованные причины для частичного отхода от обязательности достижения материального правосудия по каждому делу [3, р. 165–182].

Внедрение основополагающей цели также положительным образом сказалось на соблюдении участниками процесса процессуальных обязанностей, следовании установленным процессуальным срокам. Кроме того, смена концепции правосудия позволила судам в случае выявления нарушений и злоупотреблений со стороны участников процесса активно использовать предусмотренные санкции и реагировать на неприемлемое поведение в процессе, поскольку цель достижения правосудия по существу спора «несмотря ни на что» более не является основной, главенствующей целью английского гражданского судопроизводства.

Современные нормы об основополагающей цели предусматривают следующее. Суд должен рассматривать дела справедливо и с соразмерными судебными издержками – такова формулировка основополагающей цели, изложенная в правиле 1.1 ПГС. При этом достижение основополагающей цели по каждому делу является обязанностью суда, а стороны должны помогать ему в достижении этой цели (ПГС 1.1, 1.3).

Таким образом, основополагающая цель английского гражданского процесса представляет собой с одной стороны цель, достижение которой суд должен обеспечивать на каждом этапе рассмотрения любого гражданского дела, с другой стороны, концепцию, объясняющую роль судебной власти и правосудия, и соответствующую текущему уровню развития общества и государства и стоящим перед ними задачам. В содержание основополагающей цели входят требование достижения истины по делу или требование разрешить дело при правильном установлении фактов и корректном применении к ним норм права; требование соблюдения разумных сроков или требование быстрого и скорого рассмотрения гражданских дел; требование пропорциональности, которое включает в себя соразмерность судебных издержек и значимости иска, использование такой процедуры, кото-

рая наилучшим образом подходит конкретному делу с учетом его особенностей, в том числе таких как, сложность, значимость, размер исковых требований, а также выделение на рассмотрение дела такой доли ресурсов суда (финансовых, кадровых, временных и др.) с учетом необходимости судебного рассмотрения иных дел.

Список источников

1. Лозовицкая А. Д. О методе списка при раскрытии доказательств : реформа Джексона // Образование. Наука. Научные кадры. 2017. № 2. С. 61–63.
2. Кудрявцева Е. В., Лозовицкая А. Д. Судебное управление делом и состязательная модель английского гражданского судопроизводства // Законодательство. 2023. № 5. С. 65–69.
3. Sorabji J. English Civil Justice after the Woolf and Jackson Reforms: A Critical Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 280 p.
4. Sorabji J. The Road to New Street Station: Fact, Fiction and the Overriding Objective // European Business Law Review. 2012. Volume 23. Issue 1. P. 77–89.
5. Zuckerman A. Zuckerman on civil procedure principles of practice. 3rd edition. London : Sweet and Maxwell, 2013. 1506 p.
6. Meggitt G. Civil Justice Reform – What has it achieved? Hong Kong : Sweet & Maxwell, 2010. 194 p.

References

1. Lozovitskaya A. D. On the list method in the disclosure : Jackson's reform // Education. Science. Scientific personnel. 2017. № 2. P. 61–63.
2. Kudryavtseva E. V., Lozovitskaya A. D. Judicial case management and the adversarial model of English civil litigation // Legislation. 2023. № 5. P. 65–69.
3. Sorabji J. English Civil Justice after the Woolf and Jackson Reforms : A Critical Analysis. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. 280 p.
4. Sorabji J. The Road to New Street Station: Fact, Fiction and the Overriding Objective // European Business Law Review. 2012. Volume 23. Issue 1. P. 77–89.
5. Zuckerman A. Zuckerman on civil procedure principles of practice. 3rd edition. London : Sweet and Maxwell, 2013. 1506 p.
6. Meggitt G. Civil Justice Reform – What has it achieved? Hong Kong : Sweet & Maxwell, 2010. 194 p.

Информация об авторе

А. Д. Лозовицкая – преподаватель кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук.

Information about the author

A. D. Lozovitskaya – Lecturer of the Department of Civil and Administrative Litigation of the Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 18.10.2023; одобрена после рецензирования 19.12.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 18.10.2023; approved after reviewing 19.12.2023; accepted for publication 30.01.2024.

Научная статья

УДК 342.53

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-136-141>

EDN: <https://elibrary.ru/usltjx>

НИОН: 2015-0066-1/24-918

MOSURED: 77/27-011-2024-01-117

Федеральное Собрание: историко-правовое развитие порядка формирования, анализ современной проблематики

Андрей Витальевич Мелентьев¹, Роман Валерьевич Федоров²

^{1,2} Российский технологический университет – МИРЭА, Москва, Россия

¹ melentev@mirea.ru

² fedorov@mirea.ru

Аннотация. В статье был проведен историко-правовой анализ формирования Федерального Собрания в различные периоды развития правовой системы Российской Федерации, проведен анализ функций Федерального Собрания как самостоятельного органа государственной власти и его соотношение с Верховным Советом РСФСР. Особое внимание уделено анализу Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» в части введения института пожизненного сенаторства и введения термина «сенатор Российской Федерации». Вынесены авторские предложения по совершенствованию современной законодательной базы, связанные с устранением коллизий при толковании конституционных норм главы 9 ст. 134 и ч. 2 ст. 135, вызванных последними поправками.

Ключевые слова: Федеральное Собрание, Государственная Дума, Совет Федерации, парламентарии, депутат, член Совета Федерации, сенатор Российской Федерации, коллизии

Для цитирования: Мелентьев А. В., Федоров Р. В. Федеральное Собрание: историко-правовое развитие порядка формирования, анализ современной проблематики // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 136–141. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-136-141>. EDN: USLTJX.

Original article

Federal Assembly: historical and legal development of the order of formation, analysis of modern issues

Andrey V. Melentev¹, Roman V. Fedorov²

^{1,2} Russian Technological University – MIREA, Moscow, Russia

¹ melentev@mirea.ru

² fedorov@mirea.ru

Abstract. The article provides a historical and legal analysis of the formation of the Federal Assembly in various periods of the development of the legal system of the Russian Federation, an analysis of the functions of the Federal Assembly as an independent body of state power and its relationship with the Supreme Soviet of the RSFSR. Special attention is paid to the analysis of the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 № 1-FKZ «On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public power» regarding the introduction of the institution of lifelong senatorship and the introduction of the term «senator of the Russian Federation». The author's proposals have been made to improve the modern legislative framework related to the elimination of conflicts in the interpretation of the constitutional norms of Chapter 9 of Article 134 and Part 2 of Article 135 caused by the latest amendments.

Keywords: Federal Assembly, State Duma, Federation Council, parliamentarians, deputy, member of the Federation Council, senator of the Russian Federation, conflicts

For citation: Melentev A. V., Fedorov R. V. Federal Assembly: historical and legal development of the order of formation, analysis of modern issues. Bulletin of economic security. 2024;(1):136–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-136-141>. EDN: USLTJX.

© Мелентьев А. В., Федоров Р. В., 2024

При рассмотрении данной темы сразу же возникает вопрос: являются ли Государственная Дума (далее по тексту – Госдума) и Совет Федерации (далее по тексту – Совфед) самостоятельными государственными органами или таким органом является лишь Федеральное Собрание, а палаты Федерального Собрания – это его структурные элементы? В 1995 году перед Конституционным Судом Российской Федерации (далее по тексту – РФ) был поставлен этот вопрос [1]. В статье 94 Конституции РФ прописано, что органом государственной власти, представительным и законодательным, является Федеральное Собрание (Госдума и Совет Федерации), далее же, в статьях 95–109 Конституции прописывается отдельное регулирование статуса Госдумы и Совфеда; Федеральное Собрание же, как общая категория, законодателем упускается. То есть, проблема заключается в том, что у Федерального Собрания, как у коллегиального органа, нет ни своих полномочий, ни своего какого-то иного статуса, нежели, чем полномочия и статус отдельных палат Федерального Собрания. В этой связи можно предположить, что Федеральное Собрание – это некое собирательное понятие, а органами государственной власти являются Госдума и Совфед. Поскольку в реальных конституционно-правовых отношениях участвует непосредственно либо Госдума, либо Совфед, само Федеральное Собрание, также как и РФ реализует все свои полномочия через органы государственной власти Российской Федерации.

То есть, можно предположить, что Федеральное Собрание – это собирательный термин, идентичный термину «парламент», который используется в западных странах для обозначения высшего законодательного органа в стране. Подтверждение этому находится в ст. 94 Конституции РФ: «Федеральное собрание – парламент РФ ...».

Однако, если обратиться к истории, то прежний орган высшей государственной и в то же время законодательной власти – Верховный Совет РСФСР, не обозначался «парламентом» в законодательных актах, тем самым законодатель подчеркивал его существенное различие в сравнении с западными парламентами, поскольку Верховный Совет был не только законотворческим органом, но и занимал главенствующее место в государственном механизме управления страной. Федеральное Собрание такой функцией, как верховное управление государством, не обладает.

Поэтому для лучшего понимания разберем по отдельности каждую палату Федерального Собрания:

В Конституции РФ прописано, что Госдума формируется путем прямых выборов и выборщиками являются граждане, которые голосуют непосредственно за кандидатов; в самой же Конституции РФ определено количество депутатов – 450 человек [2]. Но в Конституции РФ не определяется избирательная система, по которой избираются депутаты. История регулирования этого вопроса, то есть принятия Федерального закона (далее по тексту – ФЗ) о выборах депутатов, имела разные модели.

Первая модель была самой простой. Когда был принят первый закон, он предусмотрел смешанную модель – 225 депутатов избирались по одномандатным округам, на которые была поделена вся территория страны. Вторая половина депутатов избиралась по единому федеральному избирательному округу, которым выступала РФ; голосование происходило за списки кандидатов, выдвинутых политическими партиями [3, с. 30]. Соответственно, каждый избиратель голосовал сразу по двум бюллетеням: в одном бюллетене он избирал депутата одномандатника, в другом – голосовал за список политической партии.

Во второй модели ФЗ законодатель установил полностью пропорциональную систему, когда 450 депутатов избирались по списку политической партии [4].

На данный момент по ФЗ «О выборах депутатов Госдумы Федерального Собрания РФ» вновь действует первая рассматриваемая модель избрания Государственной Думы, т. е. используют смешанную избирательную и пропорциональную.

Что касается Совфеда, законодатель также предусматривал несколько вариантов, но в отличие от Государственной Думы, где по закону использовались разные избирательные системы, в данном случае были кардинальные варианты и использовались совсем разные модели.

Первая модель была очень простой: избрание на выборах. Когда 12 декабря 1993 года проходило всенародное голосование за принятие Конституции Российской Федерации, тогда же и были проведены выборы депутатов Совета Федерации, которые на тот момент времени именовались именно депутатами, поскольку их избирало население. Но во втором разделе Конституции было прописано, что избрание происходит на два года, после чего произойдет формирование способом, который будет определен Федеральным законом. То есть, сама Конституция не определяет то, как формируется Совет Федерации, указывается лишь «...в порядке определенном законом».

Соответственно, формирование Совета Федерации первого созыва в декабре 1993 года, фактически, не было урегулировано ни конституционно, ни законодательно, а жители каждого субъекта федерации непосредственно избрали по два представителя от своего субъекта.

В первом же ФЗ о формировании Совфеда, действующем с 1995 по 2000 гг., было указано, что в Совет Федерации по должности входит губернатор и руководитель регионального парламента, следовательно, никаких выборов и назначений проводить в соответствии с этим законом не требуется [5].

Эта модель довольно долго просуществовала, и к ней были высказаны некоторые претензии, с точки зрения того, что этот орган не является постоянно действующим, поскольку как у губернаторов, так и у руководителей региональных парламентам достаточно своей работы в субъектах, вследствие чего им неудобно прилетать в Москву на заседание Совфеда и решать во-

просы там, что выступило первым замечанием. Второе замечание касалось того, что законодательный орган должен быть независим от исполнительной власти в соответствии с концепцией разделения властей, указанной в ст. 10 Конституции РФ, а в случае, когда половина Совета Федерации – это руководители исполнительной власти субъекта федерации, возникает некий дисбаланс.

Поэтому в 2000 году, в связи с указанными выше обстоятельствами, Совфед в очередной раз необходимо было реформировать. 5 августа 2000 года был принят новый ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания РФ» [6], в нем также было несколько разных моделей и версий, но рассматривать будем только финальную, поскольку принципиальных различий не было. Новый закон установил принципиально иную систему формирования, смысл закона заключался в следующем: в Совет Федерации входит по два представителя от законодательной и исполнительной ветви власти в субъекте, которых избирает региональный парламент, либо назначает губернатор.

В 2014 году была внесена четвертая поправка к Конституции, которая касалась порядка формирования Совфеда; в поправке было прописано, что в Совфед входят не только два представителя от каждого субъекта федерации, но и так называемые представители РФ, которых назначает Президент своим решением и число которых не может быть более 10 % от членов Совфеда, представителей от субъекта Федерации [7, с. 164].

В 2020 году всенародным голосованием принята пятая поправка к Конституции, вносящая изменения в данную модель. Два представителя от каждого субъекта остаются, но статья дополняется тем, что по закону появляется другой элемент – представители Российской Федерации в количестве до 30-ти человек, которых тоже назначает Президент. При этом в составе этих 30-ти человек по закону имеется градация, до 7-и человек из названных 30-ти могут назначаться пожизненно.

Безусловно в условиях демократического государства введение «пожизненного сенаторства» не может не вызывать опасений. Конечно, в тексте Конституции РФ сменяемость власти не упоминается как один из основополагающих принципов государства. Да и в целом, известны лишь две Конституции, авторы которых обеспокоились установлением сменяемости власти, как одним из основополагающих принципов конституционного построения государства, такие положения есть в Конституциях Португалии и Гондураса.

Тем не менее, Конституционный Суд в Постановлении от 9 июля 2002 года № 12-П [8] признал принцип сменяемости власти как производный от принципов демократического государства с республиканской формой правления (исходя из положений ст. 1 Конституции РФ).

Однако нужно отдать должное Президенту, поскольку в период с 2014 по 2022 год ни разу такое полномочие по назначению сенаторов, в том числе пожизненных, им не реализовывалось. И все же такая возмож-

ность присутствует, что, безусловно, не вяжется с сутью демократического государства исходя из Постановления Конституционного суда, упомянутого ранее.

В самой же поправке указывается, что эти 30-ть сенаторов назначаются из числа граждан, имеющих выдающиеся заслуги перед государством или перед обществом. Также в законе был прописан и еще один субъект, четвертый. Им стал Президент РФ, прекративший исполнение своих полномочий. В соответствии с последними поправками в Конституцию всем экс-президентам дали право стать членами Совета Федерации пожизненно, но в Конституции также прописали, что Президент, прекративший свои полномочия, может отказаться от этой роли и не входить в Совет Федерации [9]. Для всех остальных членов Совета Федерации, назначаемых Президентом РФ, Конституция продлила срок полномочий до 6-ти лет.

Помимо этого, затрагивая статус членов Совета Федерации, нельзя не обратиться к изменениям в ст. 95 Конституции. До вступления в силу поправок, статус Совета Федерации, который мы уже ранее рассмотрели, в соответствии с данной статьей Конституции РФ устанавливали именно статус «членов Совета Федерации».

Теперь же, беря во внимание Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [10], в ст. 95 определяется уже не правовой статус членов Совета Федерации, а правовой статус сенаторов.

Тем самым, ч. 2 ст. 59 Конституции РФ звучит следующим образом, с последними поправками: «Совет Федерации состоит из сенаторов Российской Федерации» [11, с. 4].

В Законе о поправках четко прописано, что предлагается внести изменение в названия «член Совета Федерации» и заменить его на «сенатор Российской Федерации», такие изменения затронули ч. 2 ст. 82, ч. 2 ст. 93, ч. 2, 3, 4, 5, 6 ст. 95, ч. 2 ст. 97, ч. 1 ст. 98, ч. 3 ст. 102, ч. 1 ст. 104, ч. 3 ст. 107, ч. 2 ст. 108, ч. 2 ст. 125 Конституции РФ, с последними поправками. Тем не менее, в ст. 134, в части 2 и ст. 135 Конституции РФ до сих пор используется категория «член Совета Федерации», что приводит к явному расхождению и коллизии.

Поэтому, если трактовать Конституцию РФ буквально, то мы можем прийти к противоречию в том, что «сенатор Российской Федерации» не имеет права поддерживать предложения о пересмотре положений глав 1, 2 и 9 Конституции, исходя из положений ч. 2 ст. 135 Конституции, также и с тем, что группа «сенаторов Российской Федерации» численностью не менее 1/5 от общей численности не имеет права вносить предложения о поправках и пересмотре положений Конституции РФ, в соответствии со ст. 134 Конституции РФ.

Очевидно, что на данный момент ситуация обстоит таким образом, поскольку данные статьи относятся к главе 9 Конституции РФ и вместе с главами 1-ой и

2-ой внесение изменений в них является крайне затруднительным. Однако, если исходить из этого, то сложно проследить логику законодателя, так как в ч. 4 ст. 105 сказано:

«ФЗ считается одобренным Советом Федерации, если за него проголосовало более половины от общего числа членов этой палаты либо если в течение четырнадцати дней он не был рассмотрен Советом Федерации».

Здесь мы видим, что фактически сохранено понятие «члена Совета Федерации», хотя эта статья и относится главе 5, изменения в которую все-таки были внесены.

Справедливости ради, стоит отметить, что в п. 2 ст. 44 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [12] указывается:

«2. Действие положений настоящего Федерального закона, устанавливающих гарантии социальной защиты сенатора Российской Федерации, распространяется также на ... членов Совета Федерации, осуществлявших или продолжающих осуществлять свои полномочия с января 1996 года ...».

То есть, исходя из положения этой статьи, фактически понятия «член Совета Федерации» и «сенатор Российской Федерации» тождественны. Однако это не решает вопрос, поскольку ни Госдума, ни Совет Федерации с 2020 года так и не позаботились о приведении всей терминологии в наименование «члена Совета Федерации» в соответствии с поправками Конституции.

Сегодняшнее состояние законодательства по данному вопросу не только не способствует соблюдению принципа единообразия в понимании содержания юридических норм, но может в дальнейшем значительно отразиться на соблюдении законности, а также устойчивости правопорядка во многих сферах общественной жизни.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам:

1. Федеральное Собрание – парламент РФ на протяжении многих лет носил разные названия, а в советский период, западного понятия «парламент» старались избегать в текстах законодательных актов, поскольку советский парламент принципиально отличался от западных, так как наряду с высшим законодательным органом являлся, в том числе, и высшим органом государственной власти.

Как уже было сказано в статье, Федеральное Собрание является собирательным понятием и, по сути, тождественно парламенту, исходя из ст. 94 Конституции РФ. Однако, поскольку парламент РФ формируется из представителей власти всех субъектов РФ и на основании всеобщего голосования всех граждан РФ, мы делаем вывод, что он именуется именно Федеральным Собранием, символизируя, что данный орган государственной власти представляет интересы всего народа и всех территорий России.

2. Введение института пожизненного сенаторства, безусловно, является довольно спорным вопросом в условиях демократического государства с республиканской формой правления (п. 1 ст. 1 Конституции РФ); хоть Президент РФ на момент написания данной научной статьи ни разу не реализовывал такого полномочия, все же возможность имеется. Поскольку Конституционный суд не давал комментариев и разъяснений по вопросу соотношения института пожизненного сенаторства с самим понятием демократического государства с республиканской формой правления, каковым является Россия, моим предложением будет поручить Конституционному суду дать разъяснение по поводу института пожизненных сенаторов.

3. В последнем, но не менее важном пункте, хотелось бы сделать вывод о замене понятия «член Совета Федерации» на «сенатор Российской Федерации». В связи с переименованием «членов Совета Федерации» в «сенаторов Российской Федерации» считаю целесообразным в ч. 2 ст. 135 главы 9 Конституции РФ указать то, что «понятия сенатор Российской Федерации и член Совета Федерации тождественны» во избежание коллизии при толковании данных норм. Однако, это лишь один из путей решения, устраняющий коллизии в толковании норм Конституции.

Список источников

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 апреля 1995 г. № 2-П «По делу о толковании статей 103 (часть 3), 105 (части 2 и 5), 107 (часть 3), 108 (часть 2), 117 (часть 3) и 135 (часть 2) Конституции Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1995. № 2-3.

2. Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 8. Ст. 740.

3. Грудинин Н. С. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации как орган народного представительства: вопросы теории и практики : специальность 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Грудинин Никита Сергеевич. М., 2016. 30 с.

4. Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 3-ФЗ «О выборах Депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. 09.02.2009 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26. Ст. 3178.

5. Федеральный закон от 5 декабря 1995 г. № 192-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 50. Ст. 4869.

6. Федеральный закон «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Россий-

ской Федерации» от 5 августа 2000 г. № 113-ФЗ (ред. от 25.07.2006) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32. Ст. 3336.

7. Безруков А. В. Парламентское право и парламентские процедуры в России. Москва : Юстицинформ, 2015. 164 с. ISBN 978-5-7205-1265. <https://znanium.com/catalog/product/600399> (дата обращения: 11.06.2023).

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2002 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 18 и статьи 30.1 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», статьи 108 Конституции Республики Татарстан, статьи 67 Конституции (Основного Закона) Республики Саха (Якутия) и части третьей статьи 3 Закона Республики Саха (Якутия) «О выборах Президента Республики Саха (Якутия)» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2002. № 6.

9. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (в ред. от 1 июля 2020 г.) // Рос. Газета. 2020. 14 марта.

10. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020 г. № 11. Ст. 1416.

11. Мадаев Е. О. Теоретико-правовые проблемы введения термина «Сенатор» в Конституцию Российской Федерации // Пролог : журнал о праве. 2020. № 3 (27). <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-pravovye-problemy-vvedeniya-termina-senator-v-konstitutsiyu-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 11.06.2023).

12. Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями от 14 июля 2022 г. № 339-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994 г. № 2. Ст. 74.

References

1. Constitutional Court of the Russian Federation Ruling dated April 12, 1995 № 2-П «On the Case of the Interpretation of Articles 103 (Part 3), 105 (Parts 2 and 5), 107 (Part 3), 108 (Part 2), 117 (Part 3), and 135 (Part 2) of the Constitution of the Russian Federation» // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 1995. № 2-3.

2. Federal Law dated February 22, 2014 № 20-FZ «On the Election of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. № 8. Art. 740.

3. Grudin N. S. The State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation as a Body of People's Representation : Issues of Theory and Practice: specialty

12.00.02 «Constitutional Law; Constitutional Judicial Process; Municipal Law» : dissertation abstract for the degree of Candidate of Legal Sciences / Grudin N. S. M., 2016. 30 p.

4. Federal Law dated February 9, 2009 № 3-FZ «On the Election of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation» (as amended on February 9, 2009) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1999. № 26. Art. 3178.

5. Federal Law dated December 5, 1995 № 192-ФЗ «On the Procedure for Forming the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation» (no longer in force) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. № 50. Art. 4869.

6. Federal Law «On the Procedure for Forming the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation» dated August 5, 2000 No. 113-ФЗ (as amended on July 25, 2006) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2000. № 32. Art. 3336.

7. Bezyukov A. V. Parliamentary Law and Parliamentary Procedures in Russia. M. : Yustitsinform, 2015. 164 p. ISBN 978-5-7205-1265. <https://znanium.com/catalog/product/600399> (accessed: 11.06.2023).

8. Constitutional Court of the Russian Federation Ruling dated July 9, 2002 № 12-П «On the Verification of the Constitutionality of the Provisions of Clause 5 of Article 18 and Article 30.1 of the Federal Law «On the General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation», Article 108 of the Constitution of the Republic of Tatarstan, Article 67 of the Constitution (Basic Law) of the Republic of Sakha (Yakutia), and Part Three of Article 3 of the Law of the Republic of Sakha (Yakutia) «On the Election of the President of the Republic of Sakha (Yakutia)» // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2002. № 6.

9. Constitution of the Russian Federation : adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended on July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. 2020. March 14.

10. Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 № 1-FKZ «On the Improvement of the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. № 11. Art. 1416.

11. Madaev E. O. Theoretical and Legal Problems of Introducing the Term «Senator» into the Constitution of the Russian Federation // Prolog : Journal of Law. 2020. № 3 (27). <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-pravovye-problemy-vvedeniya-termina-senator-v-konstitutsiyu-rossiyskoy-federatsii> (accessed: 11.06.2023).

12. Federal Law dated May 8, 1994 № 3-FZ «On the Status of Senator of the Russian Federation and the Status of Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation» (with amendments and additions as of July 14, 2022 № 339-ФЗ) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 2. Art. 74.

Библиографический список

1. Федоров, Р. В. Юридические гарантии в системе мер конституционно-правового обеспечения депутатской деятельности / Р. В. Федоров, А. Т. Карасев ; Р. В. Федоров, А. Т. Карасев ; Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Уральский юридический ин-т М-ва внутренних дел Российской Федерации». Екатеринбург : УрЮИ МВД России, 2008. 147 с. ISBN 978-5-88437-165-1. EDN: QRJCMN.
2. Мелентьев, А. В. Проблемные аспекты исполнения гражданами своих конституционных обязанностей / А. В. Мелентьев, А. М. Омарова, В. И. Елинский // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 138–141. DOI 10.24412/2073-0454-2023-2-138-141. EDN: LKLMMP.
3. Плоцкая, О. А. К вопросу о структуре семьи социалистического права / О. А. Плоцкая, А. В. Мелентьев // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 15–20. DOI 10.21779/2224-0241-2023-45-1-15-20. EDN: HOVQUP.

Bibliographic list

1. Fedorov, R. V., Karasev, A. T. Legal Guarantees in the System of Measures for Constitutional-Legal Support of Deputy Activities / R. V. Fedorov, A. T. Karasev; R. V. Fedorov, A. T. Karasev; State Educational Institution of Higher Professional Education «Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation». Yekaterinburg: UrYUI MVD Rossii, 2008. 147 p. ISBN 978-5-88437-165-1. EDN: QRJCMN.
2. Melentyev A. V., Omarova A. M., Elinskiy V. I. Problematic issues of citizens' fulfillment of their constitutional duties. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):138–141. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-138-141>.
3. Plotskaya O. A., Melentev A. V. On the Issue of the Structure of the Family in Socialist Law / O. A. Plotskaya, A. V. Melentev // Legal Bulletin of Dagestan State University. 2023. Vol. 45. № 1. P. 15–20. DOI 10.21779/2224-0241-2023-45-1-15-20. (In Russ.).

Информация об авторах

А. В. Мелентьев – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Российского технологического университета – МИРЭА;

Р. В. Федоров – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Российского технологического университета – МИРЭА, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. V. Melentev – Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the Russian Technological University – MIREA;

R. V. Fedorov – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines Department of the Russian Technological University – MIREA, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.10.2023; одобрена после рецензирования 19.12.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 23.10.2023; approved after reviewing 19.12.2023; accepted for publication 30.01.2024.

Научная статья

УДК 343.364

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-142-145>

EDN: <https://elibrary.ru/tvyiye>

ИПОН: 2015-0066-1/24-919

MOSURED: 77/27-011-2024-01-118

Уголовная ответственность за лжесвидетельство в конституционном, гражданском и административном судопроизводстве

Александра Сергеевна Паненко

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия,

perowa.alexandra@mail.ru

Аннотация. Исследуются виды и источники доказательств в рамках различных видов судопроизводства. На основании произведенного исследования делается вывод о том, что в ст. 307 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за лжесвидетельство лишь в рамках уголовного судопроизводства, в связи с чем обосновывается позиция о необходимости криминализации ст. 307.1 УК РФ, в которой должна быть предусмотрена уголовная ответственность за лжесвидетельство в рамках конституционного, гражданского, а также административного судопроизводства.

Ключевые слова: правосудие, доказательства, уголовная ответственность, лжесвидетельство

Для цитирования: Паненко А. С. Уголовная ответственность за лжесвидетельство в конституционном, гражданском и административном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 142–145. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-142-145>. EDN: TVYIYE.

Original article

Criminal liability for perjury in constitutional, civil and administrative proceedings

Alexandra S. Panenko

Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia,

perowa.alexandra@mail.ru

Abstract. The types and sources of evidence in various types of legal proceedings are investigated. Based on the conducted research, it is concluded that Article 307 of the Criminal Code of the Russian Federation provides for criminal liability for perjury only within the framework of criminal proceedings, in connection with which the position on the need to criminalize Article 307.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which should provide for criminal liability for perjury within the framework of constitutional, civil, and administrative proceedings, is justified.

Keywords: justice, evidence, criminal liability, perjury

For citation: Panenko A. S. Criminal liability for perjury in constitutional, civil and administrative proceedings. Bulletin of economic security. 2024;(1):142–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-142-145>. EDN: TVYIYE.

9 февраля 2022 года состоялось совещание президента Российской Федерации, В.В. Путина, с представителями судов общей юрисдикции и арбитражных судов. В ходе проведения совещания президент нашей страны обратил особое внимание на то, что российские граждане должны быть уверены в принятии судами честных и справедливых решений [8].

Принцип справедливости является основополагающим в осуществлении правосудия [5, с. 47]. В п. 2 определения Конституционного Суда РФ от 14 января

2016 г. № 96-О верно указано, что справедливое решение по уголовному делу может быть вынесено только в том случае, если в его мотивировочной части будут содержаться сведения, подтверждающие необходимость его принятия и нашедшие отражение в материалах дела. Данное положение является справедливым не только для разрешения уголовного дела, но и в рамках иных видов судопроизводства. Суд в принятии решения по существу дела опирается на представленные в нем доказательства, которые имеют определяющее значение.

© Паненко А. С., 2024

К таким видам доказательств, в частности, относятся показания свидетелей, консультации специалистов, экспертные заключения и иные.

В связи с тем, что данные виды доказательств играют решающую роль для принятия судом справедливого решения, правовыми нормами предусмотрена юридическая ответственность, в случае получения заведомо ложных доказательств.

В соответствии с ч. 3 ст. 1 федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» судебная власть на территории нашей страны осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

Все существующие виды отправления правосудия регламентированы нормами, содержащимися в соответствующих отраслевых нормативно-правовых актах, которыми, в частности предусмотрена уголовная ответственность за дачу заведомо ложных свидетельских показаний, заключения эксперта или специалиста, а также заведомо неправильный перевод (ст. 307 УК РФ).

Однако, отраслевыми нормативно – правовыми актами предусмотрены различные виды доказательств. Так, перечень доказательств в уголовном судопроизводстве нормативно определен в ст. 74 УПК РФ. На основании данной нормы права в качестве уголовно-процессуальных доказательств допускаются: «показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы».

Что же касается доказательств в иных видах судопроизводства, то они нормативно не закреплены, однако в отраслевом законодательстве указаны источники их получения, например, в соответствии с ч. 1 ст. 55 ГПК РФ доказательства могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов. В арбитражном процессе на основании ч. 2 ст. 64 АПК РФ в качестве доказательств могут быть использованы письменные и вещественные доказательства, объяснения лиц, участвующих в деле, заключения экспертов, консультации специалистов, показания свидетелей, аудио- и видеозаписи, иные документы и материалы.

Что же касается конституционного процесса, то в соответствии с нормами федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» в качестве доказательств также могут быть использованы показания свидетелей, объяснения сторон, заключение эксперта, документы.

На основании вышеуказанных доказательств, а также их источников, можно сделать вывод о том, что законодатель стремится к унификации видов доказательств для всех отраслей процессуального права, однако, все же

учитывает специфику доказывания в различных видах судопроизводства. Так, например, в уголовном процессе в качестве доказательств используются показания подозреваемых, обвиняемых [7, с. 86], потерпевших, а также протоколы следственных действий, в гражданском процессе доказательства могут исходить из объяснений сторон и третьих лиц, а в административном процессе из консультаций специалистов.

Важно отметить, что стороны, участвующие в гражданском, административном, а также конституционном процессе не предупреждаются, а, следовательно, и не несут уголовной ответственности за дачу заведомо ложных объяснений. Данный факт вызывает немало дискуссий в правовой доктрине. Многие цивилисты, например, такие как А. Г. Коваленко [3, с. 204], М. А. Магомедова [4, с. 80] придерживаются мнения о том, что стороны, а также третьи лица, участвующие в гражданском судопроизводстве, должны нести уголовную ответственность за дачу заведомо ложных объяснений. По их мнению, установление уголовной ответственности для сторон приведет к повышению эффективности работы всей системы правосудия в нашей стране. Другие цивилисты, в частности, А. Т. Боннер [1, с. 412], К. Б. Рыжков [10, с. 164], приводят различные доводы против установления для сторон уголовной ответственности за дачу заведомо ложных объяснений, аргументируя свою позицию тем, что лица, чьи права были нарушены, перестанут обращаться в суд под угрозой возможности их привлечения к уголовной ответственности, что приведет к ограничению их прав на защиту. В качестве другого аргумента приводится мнение о том, что ложность объяснений сторон в ходе гражданского процесса относится к нравственному аспекту [9, с. 322].

Полагаем, что последние доводы не являются в полной мере аргументированными. Но, тем не менее, в рамках нашего исследования придерживаемся позиции законодателя о том, что стороны, а также третьи лица не несут уголовной ответственности за заведомо ложные объяснения в суде.

В ходе изучения норм отраслевого законодательства, нами было отмечено, что эксперт подлежит уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения на основании ч. 5 ст. 57 УПК РФ, ч. 2 ст. 80 ГПК РФ, ч. 5 ст. 55 АПК РФ, ст. 63 федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Также все вышеуказанные источники права содержат нормы об уголовной ответственности свидетеля за дачу заведомо ложных показаний (ч. 8 ст. 56 УПК РФ, ч. 2 ст. 70 ГПК РФ, ч. 4 ст. 56 АПК РФ, ст. 64 федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), а также переводчика за заведомо ложный перевод (ч. 5 ст. 59 УПК РФ, ч. 4 ст. 162 ГПК РФ, ч. 4 ст. 57 АПК РФ). Уголовная ответственность за все вышеуказанные деяния наступает на основании ст. 307 УК РФ.

Особый интерес для изучения представляет такой субъект судопроизводства как специалист, так как в соответствии с отраслевым законодательством его консультации и объяснения являются источником доказательств по делу, однако уголовная ответственность за дачу им заведомо ложных сведений не предусмотрена [6, с. 63]. В. П. Цепелев полагает, что за заведомо ложные консультации и объяснения специалист может нести уголовную ответственность по ст. 307 УК РФ, так как понятие «показания специалиста» могут включать в себя его консультации и объяснения [11, с. 143]. Мы не согласны с данной точкой зрения, полагаем, что в настоящее время в уголовном законе не предусмотрена уголовная ответственность за заведомо ложные консультации специалиста, которые в рамках арбитражного судопроизводства, в соответствии со ст. 64 АПК РФ, нормативно определены как источник доказательства по делу.

В подтверждение указанной точки зрения можно привести пример ст. 17.9 КоАП РФ, согласно которой административная ответственность предусмотрена за заведомо ложное пояснение специалиста. Кроме того, определяя формы участия специалиста в судопроизводстве, авторы четко разграничивают показания специалиста и консультации специалиста, указывая, что первая форма предусмотрена только ч. 4 ст. 80 УПК РФ, т. е. только в рамках уголовного судопроизводства [2, с. 11; 12, с. 27].

Полагаем, что сосредоточение уголовной ответственности по всем видам судопроизводства в вышеуказанной норме права не соответствует принципам справедливости, обоснованности, а также дифференциации назначения наказания.

Несмотря на то, что лжесвидетельство в рамках осуществления судопроизводства посягает на нормальную деятельность органов, осуществляющих отправление правосудия, что и является объектом совершения данных преступлений, необходимо отметить, что ст. 307 УК РФ по своей конструкции построена таким образом, что предусматривает уголовную ответственность за дачу заведомо ложных показаний, заключений, а также заведомо неправильного перевода в рамках уголовного судопроизводства.

Так, в статье 307 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за лжесвидетельство на всех стадиях уголовного процесса, то есть на досудебной и судебной. Что же касается остальных видов судопроизводства, то ст. 307 УК РФ предусматривает уголовную ответственность лишь в суде, так как в соответствии со ст. 17.9 КоАП РФ за дачу заведомо ложных показаний свидетелей, пояснений специалистов, заключений эксперта, а также за осуществление заведомо неправильного перевода в ходе производства по делу об административном правонарушении, а также в исполнительном производстве предусмотрена административная ответственность.

Кроме того, важно отметить, что лжесвидетельство в рамках гражданского, административного, а также

конституционного судопроизводства обладает меньшей степенью общественной опасности, нежели совершение данных преступлений в ходе уголовного судопроизводства, что, на наш взгляд, связано с правовыми последствиями вынесения незаконного судебного решения в рамках данных видов судопроизводства. Например, вынесение незаконного обвинительного приговора суда в отношении невиновного лица будет, в первую очередь, нарушать его конституционное право на свободу и личную неприкосновенность, предусмотренное ч. 1 ст. 22 Конституции РФ, а также иные права, в то время как незаконное определение или решение суда в рамках иных видов судопроизводства будет нарушать права граждан на судебную защиту, предусмотренную ч. 1 ст. 46 Конституции РФ.

На основании вышеизложенного, полагаем, что ответственность за совершение рассматриваемых нами составов преступлений в рамках гражданского, административного, а также конституционного судопроизводства, должна быть выделена в отдельную правовую норму, а именно – ст. 307.1 УК РФ.

Предлагаем изложить основной состав данной статьи в следующей редакции:

1. Заведомо ложные показания свидетеля, заключение эксперта, консультация специалиста, а равно заведомо неправильный перевод в конституционном, гражданском, а также административном судопроизводстве.

Список источников

1. Боннер А. Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе : монография / А. Т. Боннер. М. : проспект, 2016. 616 с.

2. Исаева О. А. Процессуальный статус специалиста в условиях состязательности уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О. А. Исаева. М., 2008. 21 с.

3. Коваленко А. Г. Комплексное исследование института доказывания в гражданском и арбитражном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.15 / А. Г. Коваленко. СПб., 2003. 306 с.

4. Магомедова М. А. Ответственность сторон и третьих лиц за заведомо ложные объяснения в гражданском судопроизводстве / М. А. Магомедова, А. Д. Дзумаев // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2016. № 3. С. 78–81.

5. Мутасова М. А. Реализация принципа справедливости с учетом нормы об обратной силе уголовного закона / М. А. Мутасова, Р. Б. Осокин // Юридический мир. 2020. № 1. С. 46–49.

6. Осокин Р. Б. Значение процессуальной формы заключения и показания эксперта и специалиста при изучении доказательств в уголовном процессе с курсантами Тамбовского филиала МосУ МВД России / Р. Б. Осокин // Некоторые аспекты правоохранительной деятельности в современных условиях: Информационный бюллетень. Тамбов : Московский университет Ми-

нистерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2007. С. 59–68.

7. Осокин Р. Б. Соблюдение условий допустимости показаний подозреваемого и обвиняемого как гарант процессуальной формы уголовного процесса России / Р. Б. Осокин // Наука и практика. 2006. № 5 (31). С. 86–87.

8. Первый канал. Новости. URL: https://www.1tv.ru/news/2022-02-09/420830vladimir_putin_prinyal_uchastie_v_soveschani_sudey_sudov_obschey_yurisdiktii_i_arbitrazhnyh_sudov (дата обращения: 10.02.2022).

9. Решетникова И. В. Доказывание в гражданском процессе : учеб.-практ. пособие для бакалавриата и магистратуры / И. В. Решетникова. М. : Изд-во Юрайт, 2016. 378 с.

10. Рыжов К. Б. Принцип свободной оценки доказательств и его реализация в гражданском процессе / К. Б. Рыжов. М. : Инфотропик Медиа, 2012. 240 с.

11. Цепелев К. В. Заведомо ложный донос и заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / К. В. Цепелев. М., 2018. 253 с.

12. Шапиро Л. Г. Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Л. Г. Шапиро. Краснодар, 2008. 51 с.

References

1. Bonner A.T. Traditional and non-traditional means of proof in civil and arbitration proceedings : monograph / A.T. Bonner. M. : Prospect, 2016. 616 p.

2. Isaeva O. A. The procedural status of a specialist in the conditions of adversarial criminal proceedings: abstract. dis. ... cand. jurid. sciences': 12.00.09 / O. A. Isaeva. M., 2008. 21 p.

3. Kovalenko A. G. Comprehensive study of the Institute of Evidence in civil and arbitration proceedings: dis. ...Dr. jurid. sciences': 12.00.15 / A. G. Kovalenko. SPb., 2003. 306 p.

4. Magomedova M. A. Liability of parties and third parties for knowingly false explanations in civil proceedings / M. A. Magomedova, A. D. Dzumatov // Legal Bulletin of Dagestan State University. 2016. №. 3. P. 78–81.

5. Mutasova M. A. Realization of the principle of justice taking into account the rule on the retroactive force of the criminal law / M. A. Mutasova, R. B. Osokin // Legal world. 2020. № 1. P. 46–49.

6. Osokin R. B. The significance of the procedural form of the conclusion and testimony of an expert and specialist in the study of evidence in criminal proceedings with cadets of the Tambov branch of the Ministry of Internal Affairs of Russia / R. B. Osokin // Some aspects of law enforcement in modern conditions : Newsletter. Tambov : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, 2007. P. 59–68.

7. Osokin R. B. Compliance with the conditions of admissibility of the testimony of the suspect and the accused as a guarantor of the procedural form of the criminal process of Russia / R. B. Osokin // Science and Practice. 2006. №. 5 (31). P. 86–87.

8. The first channel. News. URL: https://www.1tv.ru/news/2022-02-09/420830vladimir_putin_prinyal_uchastie_v_soveschani_sudey_sudov_obschey_yurisdiktii_i_arbitrazhnyh_sudov (accessed: 10.02.2022).

9. Reshetnikova I. V. Proving in civil proceedings: textbook-practice. handbook for undergraduate and graduate studies / I. V. Reshetnikova. M. : Yurayt Publishing House, 2016. 378 p.

10. Ryzhov K. B. The principle of free evaluation of evidence and its implementation in civil proceedings / K. B. Ryzhov. M. : Infotropik Media, 2012. 240 p.

11. Tsepelev K. V. Knowingly false denunciation and knowingly false testimony, expert opinion, specialist or incorrect translation: criminal law characteristics and qualification problems : dis. ... cand. jurid. sciences': 12.00.08 / K. V. Tsepelev. M., 2018. 253 p.

12. Shapiro L. G. Special knowledge in criminal proceedings and their use in the investigation of crimes in the sphere of economic activity: abstract. dis. ... Dr. jurid. Sciences: 12.00.09 / L.G. Shapiro. Krasnodar, 2008. 51 p.

Информация об авторе

А. С. Паненко – аспирант кафедры уголовного права и процесса Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, следователь по расследованию преступлений на территории отдела полиции № 1 следственного управления УМВД России по городу Тамбову.

Information about the author

A. S. Panenko – Postgraduate Student of the Department of Criminal Law and Procedure of the Tambov State University named after G.R. Derzhavin, an investigator for the investigation of crimes on the territory of the police Department № 1 of the Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the city of Tambov.

Статья поступила в редакцию 27.09.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 16.01.2024.

The article was submitted 27.09.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 16.01.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-146-150>

EDN: <https://elibrary.ru/eqbivf>

ИПОН: 2015-0066-1/24-920

MOSURED: 77/27-011-2024-01-119

Специфика роста дистанционных преступлений в период пандемии: ретроспективный социальный анализ

Владимир Валерьевич Плотников¹, Сергей Олегович Харламов², Виталий Михайлович Палий³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Данная статья представляет ретроспективный социальный анализ специфики роста дистанционных преступлений в период пандемии. Авторы обращают внимание на изменения в общественной преступности в связи с карантинными ограничениями, отмечая снижение традиционных общеуголовных преступлений, таких как кражи и убийства. Однако также обращается внимание на увеличение числа преступлений, связанных с использованием интернета и информационно-телекоммуникационных технологий. Авторы подчеркивают низкий уровень грамотности в области информационных технологий у россиян и недостаточную подготовку правоохранительной системы и систем безопасности к защите прав и свобод граждан в онлайн-среде.

Ключевые слова: дистанционные преступления, пандемия, общественная преступность, карантин, информационно-телекоммуникационные технологии, интернет-безопасность, правоохранительная система, грамотность в сфере информационных технологий

Для цитирования: Плотников В. В., Харламов С. О., Палий В. М. Специфика роста дистанционных преступлений в период пандемии: ретроспективный социальный анализ // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 146–150. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-146-150>. EDN: EQBIVF.

Original article

The specificity of the growth of remote crimes during the pandemic: a retrospective social analysis

Vladimir V. Plotnikov¹, Sergey O. Kharlamov², Vitaly M. Paliy³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. This article presents a retrospective social analysis of the specifics of the growth of remote crimes during the pandemic. The authors draw attention to changes in social crime due to quarantine restrictions, noting a decrease in traditional ordinary crimes such as theft and murder. However, they also draw attention to the increase in the number of crimes related to the use of the Internet and information and telecommunication technologies. The authors emphasize the low level of information technology literacy among Russians and the insufficient preparation of the law enforcement and security systems to protect the rights and freedoms of citizens in the online environment.

Keywords: remote crimes, pandemic, social crime, quarantine, information and telecommunication technologies, Internet security, law enforcement system, information technology literacy

For citation: Plotnikov V. V., Kharlamov S. O., Paliy V. M. The specificity of the growth of remote crimes during the pandemic: a retrospective social analysis. Bulletin of economic security. 2024;(1):146–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-146-150>. EDN: EQBIVF.

Преступность представляет собой один из тех феноменов общественной жизни, который сопровождал развитие человеческого общества на всех этапах его формирования. В разные исторические периоды с усложнением структуры общества происходило и развитие преступлений. Причем данный процесс интересен не только тем, что с течением времени происходит «отмирание» отдельных видов преступлений и формирование новых –

исключение составляет группа, так называемых, общеуголовных преступлений – но и тем, что для отдельных народов понимание «преступности» может означать совершенно разные понятия. Более того, в одной и той же стране в различные периоды под понятие «преступление» будут попадать разные категории деяний.

Здесь мы можем провести параллель с понятием «социальной нормы», которая означает общепринятый

© Плотников В. В., Харламов С. О., Палий В. М., 2024

в конкретном обществе и в конкретный период стандарт поведения. Особенно интересно сравнивать социальные нормы народов, которые в заданный период времени находятся на разных стадиях развития. Соответственно, и нормы поведения у них будут отличаться. На данный процесс накладывает отпечаток и условия развития общества, природные факторы, условия жизни социума. Естественно, что и понимание преступных деяний будет иметь кардинальные отличия.

Известный социолог П. Сорокин в своей работе «Человек и общество в условиях бедствий» выделил четыре основных бедствия, с которыми сталкивается социум на всем протяжении своего развития: голод, войну, революцию и эпидемию. Ученый отмечал, что в данный период общество испытывает сильнейшие потрясения во всех своих сферах и изменяется под их давлением. С точки зрения криминологии – «уголовной социологии» – именно в периоды войн, революций, голода или эпидемий (или пандемий) наблюдается особенно высокий рост преступлений, в основном, общеуголовного характера. Однако нами уже было выдвинуто мнение, что преступление – феномен изменчивый и весьма непостоянный. Вернемся к этому позднее.

На сегодняшний день большинство стран мира находятся на примерно одинаковом уровне развития и, несмотря на существенные различия в условиях жизни и развития народов, придерживаются практически идентичных норм поведения в обществе. Отстающие в развитии страны берут развитые государства как эталон, к которому следует стремиться в своем прогрессе. Явным исключением здесь составляют страны «третьего мира», до сих пор находящиеся на стадии натурального хозяйства и традиционного общества. Лишенные элементарных информационных каналов общения мирового сообщества и не использующие блага цивилизации, данные общества, логично, не сталкиваются и с большинством проблем, развитых и развивающихся государств. Одной из таких острых и неожиданных для практически всего мира стала эпидемия COVID-19.

На протяжении всей истории существования человечеством в разных уголках земного шара и в различной степени поражали различные пандемии и эпидемии. Чума в Европе, натуральная оспа в России, свиной и птичий грипп в странах Америки и Азии, лихорадка Эбола в Африке и так далее. И всякий раз человек был уверен, что уровень развития науки, возможности медицины, его собственный интеллект позволяет ему победить очередное заболевание. И каждый раз прежде, чем был найден действенный способ борьбы с очередным заболеванием, болезни уносили тысячи жизней.

Так случилось и в конце 2019 года, когда мир на фоне других потрясений, столкнулся с неконтролируемо распространяющимся, уносящим сотни жизни вирусом, обладающим генетической структурой, не знакомой медиками и ученым-вирусологам. Помимо серьезных симптомов и побочных эффектов, новая коронавирусная инфекция распространялась непривычно быстрыми тем-

пами через обычные повседневные действия людей друг с другом и использование бытовых предметов. Действия правительств также не всегда были действенными в основном и потому, что в эпоху свободы слова, гласности и открытых информационных потоков все большее количество людей «заражалось» мнением о фиктивности новостей о заболевании и о заговоре «тайного мирового правительства». Таким образом, распространением коронавирусной инфекции вынудило власть многих государств, в том числе, и России, объявить режим самоизоляции.

Что же входит в данное понятие? В первую очередь, мы можем сравнить режим самоизоляции с масштабным, общегосударственным (если не сказать, мировым) карантинном. Запрещение массовых мероприятий и закрытие общественных мест, введение комендантского часа, ограничение передвижения, приостановление работы государственных, частных структур и организаций и еще множество ограничений, которые вызывают у обычного обывателя не только коренное изменение его обычного уровня жизни и повышению уровня стресса, но и может привести к серьезным нарушениям его психики.

Основным коренным изменением жизни человека в условиях пандемии стало даже не введение ограничений в его повседневную жизнь и ее изменение под действием принимаемых властью решений, а перевод совершения практически всех обычных ритуалов вроде покупки продуктов или похода в кинотеатр в формат информационно-телекоммуникационного технологий. Особенно сложно и технически проблематично оказался перевод школьников и студентов вузов на формат дистанционного обучения, который использовался в нашем государстве крайне ограниченно. То же самое касается и многих государственных организаций, частных предприятий, которые перевели своих работников на режим дистанционной работы.

В сравнительно короткие сроки из-за угрозы заражением новой болезнью, против которой еще не были разработаны действенные меры борьбы, практически все сферы человеческой жизни оказались переведены в формат информационной среды. Естественно, это оказало существенное влияние как на основные институты общественной жизни, так и на сознание и психику индивида. Но особое внимание как правительства, так и общества в связи с оценкой последствий пандемии обращено на две основные сферы, подвергшиеся наиболее заметным изменениям: область экономических взаимоотношений и связанные с ними процессы и формы взаимодействия и правоохранительная сфера общества.

Специфика нашего исследования требует не только вернуться к сформированному ранее тезису об изменчивости понятия «преступления» во времени и пространстве и о том, какие деяния следует относить к преступным, но и дать определение понятию «дистанционное преступление».

Проблема определения понятия «дистанционное преступление» требует проведения анализа той специфической среды, внутри которой она зародилась как феномен уголовно-правовой системы. Рассмотрим ее в контексте того, что дистанционное преступление по своей сущности может существовать только в Интернете. По данным статистики каждый 10 человек на планете активно используют глобальную информационную сеть. Подобная ситуация не могла не привести к образованию внутри единой информационной сети новой социальной системы, которая стала отражением реальной человеческой жизни [1]. В настоящее время в Интернете издаются виртуальные газеты и журналы, теле- и радиостанции переводят свои эфиры в электронный формат, люди объединяются в группу по интересам, и даже действует новый вид экономики, называемой «цифровой», позволяющей в некотором роде решить проблему безработицы через создание тысяч новых рабочих мест по всему миру.

На основе вышеперечисленного Интернет вполне можно рассматривать как совокупность сетей, имеющих частный характер; объединений, которые имеют внутри себя, в своей структуре, собственные нормы и установки правопорядка.

Как и в любом обществе людей, к сожалению, в Интернете действуют преступники и мошенники, вандалы и другие правонарушители. Относительно молодое пространство, позволяющее социуму взаимодействовать в информационном потоке, позволяет людям использовать неограниченное количество различных форм поведения, приводящих к разным последствиям. Однако мы не можем сказать, что компьютерные сети являются средоточием девиаций только с негативным характером, хотя именно это мнение чаще всего используются большинством ученых, пишущих научные публикации, используя в качестве основы данную тему. Однако в последние годы все чаще звучит мнение о том, что миф о потенциальной опасности Интернета (как наиболее распространенный в современном мире), как способ распространения антиобщественной и антигосударственной информации, постепенно теряет актуальность. Странники этого мифа в собственных целях используют опасения потенциальных пользователей, забывая о том, что подобную информацию с успехом распространяют с помощью печатных изданий, телевидения и других СМИ. В этом вопросе Интернет является быстрым и эффективным способом распространения информации, но повлияет ли она на людей – этот вопрос остается открытым. Мы придерживаемся мнения, что данный факт все же больше зависит от внутренних качеств самого индивида.

Таким образом, мы видим, что Интернет представляет собой информационно-телекоммуникационную сеть, следовательно, сущность дистанционного преступления заключается в совершении противоправного деяния посредством применения многочисленных возможностей как открытого информационного потока, так

и активного телекоммуникационного взаимодействия пользователей.

На сегодняшний день дистанционная преступность представляет собой особый предмет изучения как криминологии, так и социологии девиантного поведения. В настоящее время российское законодательство пока что не имеет четко сформулированной криминологической и криминалистической характеристики дистанционного преступления. Зачастую правоохранительные органы относят какой-либо случай данного правонарушения к одному из уже существующих видов преступности, а использование возможностей информационно-телекоммуникационных сетей относят либо к способу, либо к средству совершения преступления.

Итак, мы проанализировали феномен преступности в обществе и, в частности, дали краткую характеристику дистанционному преступлению, а также рассмотрели роль Интернета и в жизни человека на данном этапе его развития, создав тем самым контекст для выявления основных тенденций изменения уровня дистанционных преступлений в период пандемии.

Анализируя открытые статистические данные, представленные на портале правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации (<http://crimestat.ru/>) можно сделать следующие выводы:

1. За время пандемии произошел стремительный рост компьютерной преступности (она же дистанционная), а именно возросло число финансовых мошенничеств с использованием социальной инженерии;
2. Тема опасности/ложности COVID-19 активно использовалась преступниками как содержание вредоносных рассылок;
3. За время пандемии одной из основных поднимаемых тем был рекрутинг новых членов в преступные сообщества;
4. Возросла активность операторов вирусов-шифровальщиков;
5. Уровень дистанционных преступлений многократно превысил уровень «классических» видов преступности.

Наиболее точный и полный анализ изменения тенденций в области совершения преступлений мы можем найти на сайте РБК:

«...последствия пандемии COVID-19, перевод сотрудников на удаленный режим работы, сокращение персонала и финансовый кризис вызвали стремительный рост компьютерной преступности. По оценкам аналитиков Group-IB, в первую очередь, выросло число финансовых мошенничеств с использованием методов социальной инженерии. За январь–июнь, по данным МВД, рост киберпреступности составил 91,7 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. При этом число «классических преступлений» снижалось: уличных разбоев стало меньше на 23,6 %, грабежей – на 20,7 %, краж – на 19,6 %, угонов машин – на 28,7 %.

Одной из главных тенденций цифровой трансформации в Академии Управления МВД называют развитие

дистанционных способов совершения преступлений, при которых отсутствует физический контакт между злоумышленниками и их жертвами – преступления ушли из офлайна в онлайн. Например, если до 2014 года сбыт наркотиков происходил «из рук в руки», то с развитием цифровых технологий наркоторговцы стали использовать исключительно электронные торговые площадки в даркнете, принимающих оплату в криптовалюте. Практически 70 % зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, в 2020 году совершалось с использованием Интернета – дистанционно и анонимно. То же самое касается незаконного сбыта поддельных денег, ценных бумаг и документов.

В Академии Управления МВД отмечают, что наиболее распространенным механизмом дистанционного мошенничества с применением техники социальной инженерии является традиционный звонок от «службы безопасности банка» якобы по поводу несанкционированной транзакции или взлома личного кабинета. При этом телефонные мошенники активно использовали технологии, связанные с подменой номеров и SIP-телефонией, которая не требует ни телефона, ни сим-карты. При использовании анонимайзеров установить реальный IP-адрес злоумышленника довольно затруднительно. Появление в последнее время сервисов «по пробиву» клиентов банков, построенных на комбинировании методов OSINT и инсайдерского доступа к различным базам данных, увеличило объем информации о потенциальных жертвах, доступной для злоумышленников, и привело к увеличению количества атак [2].

Далее считаем уместным проанализировать основные причины, способствующие совершению дистанционных преступлений в период пандемии.

Режим самоизоляции и карантин создали в повседневной жизни людей новые поводы для активного использования безналичного расчета, онлайн-переводов, что в свою очередь породило основание для практически полного отказа от наличных денежных средств. Возросла популярность торговых онлайн-площадок, что не только перевернуло малый и средний бизнес и вызвало множество финансовых проблем для индивидуальных предпринимателей, но и способствовало закрытию некоторых предприятий и организаций, банкротству, манипуляциям с ценными бумагами и т. д. Перечисленные факторы не только активизировали мошенников, но и предоставили им возможности Интернет-сетей, которые в период пандемии получили колоссальный импульс к развитию.

Например, возникли сайты-клоны известных торговых площадок по продаже дорогой компьютерной техники. Неопределенность с выплатами, требования самоизоляции при не всегда полном и доступном информировании позволяли мошенникам по надуманным основаниям вступать в контакт с пенсионерами, получать доступ к их банковским реквизитам, а иногда и неправомерно проникать в их жилище.

Неудивительно, что во время карантина заметно снизились показатели совершения домашних краж, убийств, изнасилований и прочих общеуголовных преступлений. В тот период, когда большинство населения находится дома и вынуждены ограничивать свой быт и досуг домашними условиями, у злоумышленников просто отсутствуют условия, которые могли бы поспособствовать совершению преступлений. Также в это время значительно снижается виктимологическая составляющая преступления. Это значит, что предполагаемая жертва преступления не принимает на себя основные признаки данного статуса и не создает предикатов для совершения противоправного деяния.

Большая часть населения нашей страны на сегодняшний день хоть и является активными пользователями Интернет-сетей, но при этом мы, к сожалению, до сих пор отмечаем очень низкий уровень грамотности россиян как в сфере информационных технологий, так и в области соблюдения мер предосторожности при использовании инноваций в личных целях. Период карантина не только ввел ограничительные меры в повседневной жизни людей, но и активизировал массовое использование дистанционных способов покупок, оплаты счетов и кредитов, переводов денежных средств, заказов услуг и т. д. Как показали результаты анализа статистических данных, наша правоохранительная система и системы безопасности как Интернет-операторов, так и фирм, реализующих свою деятельность посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий, оказались не готовы обеспечить права и свободы граждан России, пользователей, клиентов.

Приведем еще один юридический факт. Сегодня ведомство проводит мероприятия по противодействию киберпреступности по нескольким направлениям. В том числе с помощью корректировки законодательства: юристы МВД принимали активное участие в разработке поправок в Уголовный кодекс Российской Федерации, которые приняты в 2018 году. Они закрепили ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежей. А вот кражи с банковских счетов перешли в категорию тяжких преступлений вне зависимости от суммы ущерба.

Также среди мер по противодействию дистанционным преступлениям можно назвать увеличение штата сотрудников, занимающихся профилактикой, предупреждением, пресечением, расследованием и раскрытием преступлений, совершенных или внутри сети-Интернет, или с использованием информационно-телекоммуникационных средств. Активная просветительская и предупредительная деятельность среди населения, повышение качества методических материалов и эффективности специальных средств также способствуют снижению высоких показателей виктимологичности данного вида преступлений.

Однако сейчас мы можем отметить достаточно быстрые темпы развития дистанционной преступности не только в силу того, что период пандемии вынудил нас

перенести свои повседневные дела в информационный формат и более активно использовать недостаточно безопасные средства осуществления деятельности в Интернете, но и постепенное преобразование современного общества из индустриального в постиндустриального. Таким образом, мы можем зафиксировать, что тенденции роста дистанционных преступлений на данном этапе существования социума не сбавляют своих темпов, а лишь наоборот наращивают их.

Список источников

1. Бондаренко С. В. Социальная система киберпространства как новая социальная общность // Научная мысль Кавказа. Приложение. 2002. № 12 (38).
2. <https://rg.ru/2020/10/23/eksperty-nazvalitendencii-kiberprestuplenij-v-period-pandemii.html> (дата просмотра: 20.05.2023).

References

1. Bondarenko S. V. The social system of cyberspace as a new social community // Scientific thought of the Caucasus. Application. 2002. No. 12 (38).
2. <https://rg.ru/2020/10/23/eksperty-nazvalitendencii-kiberprestuplenij-v-period-pandemii.html> (accessed: 20.05.2023).

Информация об авторах

В. В. Плотников – профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор социологических наук, доцент;

С. О. Харламов – начальник кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

В. М. Палий – доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

V. V. Plotnikov – Professor of the Department of Philosophy of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Social Sciences, Associate Professor;

S. O. Kharlamov – Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

V. M. Paliy – Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.10.2023; одобрена после рецензирования 19.12.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 24.10.2023; approved after reviewing 19.12.2023; accepted for publication 30.01.2024.

Библиографический список

1. Польшгалова Е. В., Шибеева М. К. Состояние преступности в период пандемии COVID-19 // E-Scio. 2021. № 3 (54). С. 401–405.
2. Батюкова В. Е. Предупреждение кибермошенничества в период COVID-19 // Образование и право. 2020. №11. С. 347–349.
3. Гуляев А. А. Общественные изменения при цифровизации экономики // Власть. 2021. № 6. С. 48–54.
4. Иванов О. Б. Глобальные риски и новые вызовы человеческой цивилизации // ЭТАП. 2020. № 2. С. 7–20.

Bibliographic list

1. Polygalova E. V., Sibaeva M. K. The state of preparedness during the COVID-19 pandemic // EScio. 2021. No. 3 (54). P. 401–405.
2. Batkova V. E. Prevention of cyberbullying during COVID-19 // Education and law. 2020. No.11. P. 347–349.
3. Gulyaev A. A. Social changes in the digitalization of the economy // Power. 2021. No. 6. P. 48–54.
4. Ivanov O. B. Global studies and new challenges of human civilization // STAGE. 2020. No. 2. C. 7_20.

Научная статья

УДК 34.3

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-151-157>

EDN: <https://elibrary.ru/esfpqi>

НИОН: 2015-0066-1/24-921

MOSURED: 77/27-011-2024-01-120

Классификация обстоятельств, способствовавших совершению преступления: криминологические, криминалистические и уголовно-правовые аспекты

Василий Джонович Потапов¹, Галина Александровна Волкова²

¹ Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия, potapov1961@yandex.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, nazarovgal@ya.ru

Аннотация. Авторами в настоящей статье с учетом криминологических, криминалистических и уголовно-правовых аспектов осуществлена классификация обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Авторы предлагают классифицировать вышеуказанные обстоятельства, учитывая следующие факторы: личность подозреваемого (обвиняемого); условия жизни и воспитания лица, совершившего преступление; круг общения лица, совершившего преступление; обстоятельства зарождения преступного умысла; обстоятельства объективного характера, совокупность которых позволяет совершить конкретный состав преступления; отсутствие профилактических начал и предупредительной работы при наличии надлежащих условиях.

Установлено, что рассмотренные авторами факторы, по которым проведена классификация изучаемых обстоятельств, условны и не являются исчерпывающими по своей сути. При этом, проведенная классификация рассматриваемых обстоятельств позволяет руководителю следственного органа и следователю правильно и грамотно спланировать свою ежедневную деятельность, направленную на их выявление, доказывание и устранение.

Доказано, классификация обстоятельств, способствовавших совершению преступления, необходима для выстраивания алгоритма действий по их выявлению, доказыванию и устранению на всех этапах досудебного производства по уголовным делам. Только при достижении всех трех доминант (выявление, доказывание, устранение) будут достигнуты и цели уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: руководитель следственного органа, следователь, досудебное производство по уголовным делам, обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, причины и условия совершения преступления

Для цитирования: Потапов В. Д., Волкова Г. А. Классификация обстоятельств, способствовавших совершению преступления: криминологические, криминалистические и уголовно-правовые аспекты // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 151–157. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-151-157>. EDN: ESFPGI.

Original article

Classification of circumstances that contributed to the commission of a crime: criminological, forensic and criminal legal aspects

Vasily J. Potapov¹, Galina A. Volkova²

¹ Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia, potapov1961@yandex.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, nazarovgal@ya.ru

Abstract. The authors of this article, taking into account criminological, criminological and criminal law aspects, classified the circumstances that contributed to the commission of the crime. The authors propose to classify the above circumstances, taking into account the following factors: the identity of the suspect (accused); living conditions and upbringing of the person who committed the crime; the social circle of the person who committed the crime; circumstances of origin of

© Потапов В. Д., Волкова Г. А., 2024

criminal intent; circumstances of an objective nature, the totality of which makes it possible to commit a specific crime; lack of preventive principles and preventive work in the presence of appropriate conditions.

It has been established that the factors considered by the authors, by which the classification of the circumstances under study were carried out, are conditional and are not exhaustive in nature. At the same time, the classification of the circumstances under consideration allows the head of the investigative body and the investigator to correctly and competently plan their daily activities aimed at identifying, proving and eliminating them.

It has been proven that the classification of circumstances that contributed to the commission of a crime is necessary to build an algorithm of actions to identify, prove and eliminate them at all stages of pre-trial proceedings in criminal cases. Only when all three dominants are achieved (detection, proof, elimination) will the goals of criminal proceedings be achieved.

Keywords: head of the investigative body, investigator, pre-trial proceedings in criminal cases, circumstances that contributed to the commission of the crime, reasons and conditions for the commission of the crime

For citation: Potapov V. J., Volkova G. A. Classification of circumstances that contributed to the commission of a crime: criminological, forensic and criminal legal aspects. Bulletin of economic security. 2024;(1):151–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-151-157>. EDN: ESFPGI.

Классификация обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, имеет наиважнейшее значение в ежедневной деятельности руководителей следственных органов и следователей, так как позволяет скорректировать им свою работу по профилактике и предупреждению преступлений, обратить внимание других подразделений и служб органов внутренних дел при решении им оперативно-служебных задач на актуальность профилактического аспекта их работы. Учитывая властный характер, выносимого руководителями следственных органов и следователями представлений, следует также особо отметить и возможность контроля исполнения указанных требований по устранению причин и условий совершения преступлений со стороны государственных органов, организаций, учреждений, предприятий, должностных лиц и граждан, которым они адресованы (ч. 2 ст. 158 УПК РФ).

Однозначно, что проведенная авторами классификация указанных обстоятельств, позволит совершенствовать деятельность руководителя следственного органа и следователя по их выявлению, доказывания и, как следствие, устранению, что позволит повысить эффективность профилактически в целом.

Тем более, что абсолютное большинство опрошенных нами респондентов из числа указанных участников уголовного процесса (97,3 %) ответили, что данные обстоятельства нуждаются в детальной классификации.

Говоря о классификации изучаемых нами обстоятельств, следует особо отметить, что она важна не только с точки зрения уголовно-процессуальных аспектов, но и уголовно-правовых, криминологических, а также криминалистических составляющих. Очевидно, что рассматривать вопросы классификации в данном аспекте видится исключительно в комплексном формате исследования, что позволит изучить их в полном объеме, а также сделать обоснованные выводы и предложения.

Ряд ученых-процессуалистов предлагают осуществлять классификацию данных обстоятельств по различным факторам. При этом каждый из факторов определяет содержание конкретного факта, который являлся

предшественником совершенного уголовно наказуемого деяния [5, с. 11; 6, с. 13–14; 8, с. 97–98]. Поддерживая данную позицию, перечислим такие факторы, как:

- личность подозреваемого (обвиняемого);
- условия жизни и воспитания лица, совершившего преступление;
- круг общения лица, совершившего преступление;
- обстоятельства зарождения преступного умысла;
- обстоятельства, которые сделали возможным достижение преступных целей;
- обстоятельства объективного характера, совокупность которых позволяет совершить конкретный состав преступления;
- отсутствие профилактических начал и предупредительной работы при наличии надлежащих условиях.

Проведенный опрос сотрудников следственных подразделений показал, что большинство их них (92,6 % опрошенных) поддерживают сгруппированные нами факторы, позволяющие полноценно классифицировать обстоятельства, способствующие совершению преступлению.

При этом, подчеркнем, что приведенный перечень не является исчерпывающим и при расследовании конкретного уголовно наказуемого деяния могут быть выявлены, доказаны и устранены также другие обстоятельства, которые привели к наступлению негативных последствий.

Далее, считаем необходимым и востребованным провести классификацию изучаемых нами обстоятельств в зависимости от вышеприведенных факторов.

Личность подозреваемого (обвиняемого). Говоря о личности преступника, следует указать, прежде всего, на криминологический и криминалистический аспекты.

Криминологический аспект заключается в том, что у каждого индивидуума на генном уровне существуют, а также зарождаются в жизненном пути искаженные потребности, интересы, цели, мотивы, непривитые нравственные ценности и правосознание, совокупность которых рано или поздно сподвигнет его к совершению

конкретного преступления в зависимости от уровня искаженности сознания (корыстно-насильственные, экономические, налоговые, в сфере оборота оружия, в сфере оборота наркотических веществ, в сфере информационно-телекоммуникационных технологий и др.).

Говоря о криминалистическом аспекте, мы разделяем мнение Р. Л. Ахмедшина о том, что «криминалистическое изучение личности преступника должно быть преимущественно ориентировано на личность как носителя социально-психологических характеристик, выраженных в ее криминалистически значимых поведенческих реакциях, отражающихся в конкретных условиях преступного события» [2, с. 4].

Дополним вышеприведенную точку зрения собственным мнением о том, что с криминалистического ракурса изучение личности преступника имеет важное профилактическое значение, так как установление всех связанных с личностью преступника связей и событий позволит оперативно принимать меры, направленные на предотвращение преступных действий в будущем.

Условия жизни и воспитания лица, совершившего преступление. Здесь логичным видится выделить условия нравственного формирования и социализации личности, среди которых обозначим следующие:

- отсутствие или недостаточное семейное воспитание детей, недосмотр и попустительство со стороны родителей, а также отсутствие у них общей и педагогической культуры;

- отрицательное влияние ближайшего бытового окружения (скандалы, ссоры, драки, сквернословие);

- недостатки воспитательной работы в учебных заведениях (школах, колледжах, высших учебных заведениях) и в коллективах по месту работы;

- неблагоприятные факторы материального порядка (недостаточная материальная обеспеченность семьи, низкий уровень ежемесячных доходов семьи, неудовлетворительные условия проживания);

- отрицательное влияние неформальных связей и групп с антиобщественной ориентацией, так как они являются полем культивирования негативных антиобщественных взглядов и норм в течение продолжительного периода времени.

Изученные нами уголовные дела позволили сделать вывод о том, что в абсолютном большинстве случаев следователи осознанно подходят к изучению рассматриваемых нами условий жизни и воспитания личности. В уголовных делах, свидетельствующих об изучении данного аспекта, имелись следующие документы: допросы родителей (родственников) подозреваемого (обвиняемого) – 92,6 %; допросы учителей, педагогов, сотрудников органов опеки и попечительства, комиссий по делам несовершеннолетних – 67,9 %; запросы и ответы на получение характеристик с места работы, учебы – 95,5 %; справки по учетам неврологических и психоневрологических диспансеров – 87,9 %; справки о фактах привлечении к административной или уголовной ответственности – 99,6 %; сведения о доходах подозреваемого

(обвиняемого) и членов его семьи – 56,3 %; заключения психиатрической, комплексной психолого-психиатрической или наркологической экспертиз – 47,8 %; иные документы (справки, листы временной нетрудоспособности, характеристики, копии приговоров судов, выписки и т.п.) – 87,5 %.

На вопрос о необходимости детальной классификации изучаемых нами обстоятельств, также положительно ответили абсолютное большинство опрошенных респондентов – 94,2 %.

Все вышесказанное имеет явно практический характер в деятельности руководителя следственного органа и следователя по выявлению, доказыванию и устранению изучаемых обстоятельств, что еще раз подчеркивает важность затронутого нами вопроса.

Круг общения лица, совершившего преступление.

Говоря о данном факторе, следует вспомнить крылатую фразу о том, что личность получает в этой жизни три вида воспитания: первое – это семья; второе – это школа и высшие учебные заведения, а третье – наиболее важное он получает сам. Так вот, именно поэтому необходимо подчеркнуть, что круг общения, который каждый индивидум формирует вокруг себя сам, в наибольшей степени влияет на становление его правильного правосознания и отсутствия даже мыслей о переходе к антиобщественному поведению. Круг общения лица, совершившего уголовно наказуемое деяние, казалось бы, должен всегда быть с криминальной окраской. Однако, проведенный автором опрос сотрудников следственных подразделений свидетельствуют, что зачастую, это бывает не так. В частности, на вопрос о том, всегда ли подозреваемый (обвиняемый) исходя из материалов расследованного уголовного дела, имел круг общения с яркой криминальной окраской, положительно ответили 72,3 % опрошенных. Указанные цифры говорят о том, что действительно в большинстве случаев круг общения имел криминальный характер, но не во всех случаях однозначно. Это свидетельствует о том, что лицо, склонное к совершению преступления, может иметь на это свои собственные мотивы и поводы, абсолютно никак не касающиеся круга его общения в социальной среде. К категориям таких преступлений чаще всего относятся уголовно наказуемые деяния против жизни и здоровья личности, половой неприкосновенности. При совершении указанных категорий преступлений, виновные лица, как правило, основываются на своих личных побуждениях и мотивах (корысть, ревность, зависть, вражда, давние обиды, отклонения в поведении на сексуальной почве). Таких лиц зачастую называют преступниками одиночками скрытого типа.

Следует отметить, что по справедливому мнению В. Е. Эминова и Ю. М. Антоняном «человек не рождается личностью, а становится ею только в ходе своей социальной жизни, поэтому вне общества формирование личности невозможно. Следовательно, человек не рождается преступником, а становится им в результате неблагоприятного нравственного формирования его лич-

ности» [9, с. 107]. Дополним данную позицию тезисом о том, что указываемое неблагоприятное нравственное формирование личности во многом зависит от круга его общения. При условии правильного восприятия личностью того факта, что он попал в окружение с криминальной окраской, сам индивидuum вовремя должен это понять, осознать возможные последствия и принять меры к кардинальному изменению ситуации. Хотя на практике зачастую личность не принимает никаких действий к изменению круга своего общения, так как у него уже как раз сформировалась устойчивая антиобщественная позиция и основы противоправного поведения.

Обстоятельства зарождения преступного умысла. К данным обстоятельствам относятся конкретные внешние факторы, побудившие лицо к совершению деяния и приведшие к формированию «конкретного преступного умысла» [6, с. 13–14]. Отметим тот факт, что большинство преступлений совершаются умышленно, то и в указанные обстоятельства вкладывается смысл «сознательности», т. е. проступок лицом осуществлен осознанно. Логично подчеркнуть, что указанные обстоятельства являются плодом волевого и осознанного поведения подозреваемого (обвиняемого). Следует говорить также и том, что цели, преследуемые преступником, носят ярко выраженный антиобщественный характер.

Одним из основных обстоятельств является повод, послуживший основой для совершения конкретного преступления. Как известно, уголовно-правовая наука выделяет различные поводы, наиболее часто встречающимися среди которых являются месть, зависть, корысть, ревность, личная неприязнь, стечение тяжелых жизненных обстоятельств и др. В то же время для преступлений в сфере страховой деятельности характерны такие поводы, связанные с финансовыми трудностями страхователя, как: необходимость срочной уплаты личного долга; материальные трудности в семье; истечение срока оплаты кредитов коммерческим предприятием, возглавляемым страхователем; необходимость возврата ссуды [1, с. 69].

Стоит не забывать и о целях уголовно наказуемого деяния. Так, чаще всего целями могут быть жажда легкой наживы, завладение чужим имуществом и денежными средствами, причинение вреда здоровью личности или смерти, причинение морального вреда или вреда деловой репутации, дезорганизация функционирования органов государственной власти, органов местного самоуправления, уклонение от уплаты налогов, уклонение от прохождения обязательной воинской службы и др. При этом важно также помнить, что цели конкретных преступлений неразрывно связаны с объектом посягательства. При совершении разбойного нападения цель может быть не одна, и выражается, как в жажде легкой наживы, так и в причинении вреда, опасного для жизни и здоровья потерпевшего. Лицо, осуществляющее уголовное преследование, должно уделять огромное значение в ходе предварительного расследования установлению истинных целей, совершенного деяния, так как это

напрямую влияет на квалификацию и вынесение судом итогового законного и справедливого наказания подсудимому.

Установление истинных целей преступления также имеет огромное значение с точки зрения эффективности работы, направленной на предупреждение совершения аналогичных преступлений в будущем.

Обстоятельства объективного характера, совокупность которых позволяет совершить конкретный состав преступления.

Данные обстоятельства ряд ученых (Е. А. Антонян, А. В. Боков, Н. А. Селиванов и др.) [4, с. 74; 7, с. 41] соотносят с конкретными видами уголовно наказуемых деяний.

Говоря о столь актуальных в настоящее время преступлениях, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ), то объективными причинами их совершения являются:

- недостаточно эффективное взаимодействие следователя с подразделениями, занимающимися оперативно-розыскной деятельностью в данном направлении на стадии проводимых ими доследственных проверок для своевременного изучения материалов и организации проведения мероприятий по установлению обстоятельств, совершенного деяния, для того, чтобы после возбуждения уголовного дела следствием не тратилось дополнительное время на сбор указанных данных, а имелась возможность принимать действенные меры к их устранению;

- недостаточно активизирована работа по раскрытию преступлений по «горячим следам» и задержанию лиц, совершивших преступление, на месте его совершения;

- в совместных планах реализации оперативных материалов и расследования уголовных дел не указываются конкретные мероприятия, направленные на выявление и доказывание обстоятельств, послуживших причинами совершения данных преступлений;

- своевременно не направляются запросы в Росреестр, Росфинмониторинг, ГИБДД МВД России, Пенсионный фонд России, ФНС России, банковские учреждения, операторам сотовой связи и др.;

- не организуется незамедлительное проведение на первоначальном этапе расследования следственных действий, направленных на выявление имущества и денежных средств, подлежащих аресту, в целях последующего удовлетворения требований гражданских истцов по уголовным делам;

- не должным образом обеспечивается движение похищенных денежных средств по расчетным счетам фиктивных организаций, определение конечных получателей похищенного, а также конкретных лиц, являющихся выгодоприобретателями по сделкам совершенным с денежными средствами;

- повсеместно не используются современные информационные базы данных (страховых компаний, бюро кредитных историй и т. п.);

– недостаточно эффективно собирается и анализируется информация, содержащаяся в аккаунтах (подозреваемых, обвиняемых) социальных сетей («Одноклассники», «ВКонтакте», «Драйв2», «Фейсбук» и др.);

– низкая цифровая грамотность и информационной гигиены населения, которые связаны в первую очередь с недостаточным уровнем пропагандистских и профилактических мероприятий проводимых уполномоченными органами и должностными лицами ответственными за противодействие совершения преступлений в сфере ИТТ. Примером может являться предоставление персональных данных пользователями широкому кругу лиц, которое стало возможным посредством размещения указанных данных в социальных сетях, мессенджерах, различных электронных площадок и других сервисов. Вышеуказанные действия приводят к тому, что злоумышленники впоследствии связываются с потенциальным потерпевшим и, применяя методы «социальной инженерии», совершают в отношении него противоправные действия. Стоит отметить, что указанные действия стали возможны ввиду того, что законный владелец персональных данных самонадеянно пренебрегал тем, что предоставляет свои персональные данные (фамилию, имя, отчество, дату рождения, паспортные данные, номер мобильного телефона, данные банковских карт и другую информацию в открытом доступе), которая стала доступна широкому кругу лиц из-за его собственной невнимательности и небрежности;

– слабая защита от киберугроз электронных ресурсов, технических устройств, на которых хранятся персональные данные владельцев. Указанная ситуация стала возможной ввиду несовершенства современных средств защиты, которые связаны в том числе с уходом большинства крупных антивирусных компаний с территории Российской Федерации, а также недостаточным уровнем ответственности организаций и уполномоченных должностных лиц, на которых возложено обеспечение надежного хранения указанной информации. Стоит отметить несоизмеримость наказания в виде денежного штрафа, который назначается судебными органами и уполномоченными должностными лицами правонарушителю за совершение деяний связанных с утечкой, незаконным сбором, копированием, передачей и распространением данных, в связи с чем возникает объективная необходимость в ужесточении наказания за данные преступления;

– активизация преступных киберсообществ на фоне международных конфликтов, экономических противостояний связанных с увеличением количества операций связанных с безналичным расчетом, в том числе с применением криптовалют и цифровых средств платежа. Необходимо отметить, тот факт, что количество противоправных деяний направленных и совершенных в отношении субъектов находящихся на территории Российской Федерации увеличилось в связи с проведением специальной военной операции на территории

Украины. Именно поэтому в поле зрения злоумышленников попадают электронные ресурсы органов государственной власти, трансграничные торговые площадки, мобильные приложения банковских и иных кредитных организаций, осуществляющих свою деятельность на территории Российской Федерации;

Стоит особо отметить, что в настоящее время увеличивается количество противоправных деяний совершенных с использованием ИТТ, которые посягают на все сферы деятельности современного общества. Так основными методами совершения противоправных деяний в сфере ИТТ остаются «социальная инженерия» и «фишинг», которым в первую очередь способствует, как нами уже было отмечено ранее, недостаточный уровень цифровой гигиены и цифровой грамотности населения. Уточним, что география противоправных действий, например, с использованием вышеуказанных техник меняется на протяжении последних нескольких лет, так же, как и способы реализации информации полученной противоправным путем. Указанная информация реализуется в настоящее время на площадках так называемых «информационных аукционов» в «Теневом Интернете» («DarkWeb»), которая позволяет заинтересованным лицам анонимно приобретать данную информацию за электронные средства платежа и криптовалюту.

Говоря о преступлениях, совершенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС), наиболее распространенными объективными причинами их совершения являются: поддержание авторитета в криминальной среде; личная неприязнь, месть за нарушение норм тюремного быта; хулиганские побуждения. Причем, говоря о специфике совершения преступлений в учреждениях УИС, отмечается, что органами предварительного следствия в системе МВД России профилактика правонарушений в учреждениях УИС осуществляется с учетом особенностей структуры пенитенциарной преступности, в которой преобладают преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, кражи и мошенничества, вымогательства, преступления против жизни и здоровья осужденных.

Отметим, что нами определен далеко не исчерпывающий перечень объективных причин, которые способствовали совершению различных категорий преступлений, так как объективность обстоятельств, приведших к совершению конкретного уголовно наказуемого деяния в конкретном случае индивидуальна, и подлежит детальному изучению должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование.

Следует также отметить, что не установление следователями изучаемых нами обстоятельств, нередко приводит к возвращению прокурорами уголовных дел для дополнительного расследования. При этом, как отмечается в аналитических материалах Следственного департамента МВД России, особой сложности в расследовании данные дела не представляли, а нарушения по ним допущены на завершающей стадии расследования, и в том числе неудовлетворительной работе по установ-

лению, доказывания и устранению рассматриваемых нами обстоятельств.

В частности, 62 % возвращенных для дополнительного расследования прокурорами уголовных дел – это преступления против собственности (кражи, грабежи, разбои, вымогательства, мошенничества); 13,2 % – преступления в сфере незаконного оборота наркотиков и оружия; 7,8 % – преступления против личности (ст. ст. 111, 112, 115, 118, 119 УК РФ); 11,1 % – хищения, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий; 4,5 % – в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Отсутствие профилактических начал и предупредительной работы при наличии надлежащих условий.

К таковым можно отнести следующие:

– неудовлетворительная работа руководителей предприятий и учреждений в деятельности по профилактике преступлений среди подчиненных им трудовых коллективов;

– низкий уровень профилактики в общеобразовательных учреждениях и работы с проблемными семьями;

– неудовлетворительная работа по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних со стороны комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в органах местного самоуправления, а также подразделений по делам несовершеннолетних (ПДН) системы МВД России [7, с. 44]. Здесь следует особо отметить, что в ходе расследования уголовных дел следователям надлежит своевременно направлять информацию в ПДН об избранной мере пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, о привлечении его в качестве обвиняемого, запросы по предоставлению характеризующего материала на несовершеннолетнего подозреваемого и его родителей для того, чтобы сотрудники ПДН своевременно поставили на учет несовершеннолетнего, а также организовали контроль за его поведением вне дома. При вынесении следователем постановления о прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, который не достиг возраста привлечения к уголовной ответственности, направляются соответствующие материалы в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав для рассмотрения возможности применения к указанному несовершеннолетнему мер воспитательного воздействия или помещения их в специальные учебно-воспитательные учреждения;

– неудовлетворительная работа по профилактике правонарушений на территории вверенного участка оперативного обслуживания со стороны участковых уполномоченных сотрудников полиции;

– низкий уровень жизни отдельных категорий граждан и отсутствие у них постоянного источника доходов, в том числе освободившихся из мест лишения свободы и не принятые администрациями муниципальных образований должных мер для обеспечения занятости населения;

– отсутствие надлежащей охраны и видеонаблюдения в торговых центрах, местах отдыха, предприятиях, оказывающих услуги населению;

– недостаточно активная и малоэффективная деятельность сотрудников ГИБДД МВД России по пропаганде соблюдения правил дорожного движения и дорожно-транспортной дисциплины среди населения;

– по преступлениям экономической направленности имеет место ненадлежащее ведение бухгалтерской и иной документации на предприятиях разных форм собственности, что способствует совершению преступлений лицами, связанными с ними по роду деятельности, в том числе бывшими и действующими сотрудниками;

– дефекты в деятельности по исправлению и перевоспитанию лиц, отбывающих наказания, со стороны администрации мест содержания осужденных ФСИН России;

– неоказание должной социальной помощи лицам, отбывшим наказание (трудоустройство, обеспечение жильем) со стороны органов местного самоуправления;

– недостаточный контроль за лицами, отбывшими наказание и вернувшимися из мест лишения свободы, со стороны уголовно-исправительных инспекций Федеральной службы исполнения наказания, которые, в частности, обязаны выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению осужденными повторных преступлений, нарушений общественного порядка, трудовой дисциплины, и принимать меры по их устранению [3];

– недостаточный контроль за лицами, отбывшими наказание и вернувшимися из мест лишения свободы, со стороны оперативных сотрудников полиции, которые должны иметь среди них доверенных лиц и агентов с целью предотвращения возможно совершения новых эпизодов преступной деятельности.

Однозначно, рассмотренные нами факторы, по которым мы провели классификацию изучаемых обстоятельств, условны и не являются исчерпывающими по своей сути. При этом, проведенная нами классификация рассматриваемых нами обстоятельств позволяет руководителю следственного органа и следователю правильно и грамотно спланировать свою ежедневную деятельность, направленную на их выявление, доказывание и устранение.

По итогам рассмотрения вопроса, связанного с классификацией обстоятельств, способствовавших совершению преступления, авторы пришли к следующим обоснованным выводам.

Классификация обстоятельств, способствовавших совершению преступления, по однозначному убеждению авторов необходима для выстраивания алгоритма действий по их выявлению, доказыванию и устранению на всех этапах досудебного производства по уголовным делам. Только при достижении всех трех доминант (выявление, доказывание, устранение) будут достигнуты и цели уголовного судопроизводства.

Проведенная классификация обстоятельств, способствовавших совершению различных категорий пре-

ступлений, позволила сделать вывод о том, что объективность причин, приведших к совершению конкретного уголовно наказуемого деяния в каждом случае индивидуальна, и подлежит детальному изучению должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, с целью последующего недопущения проявления фактов преступного поведения как отдельной личностью, так в обществе в целом.

Список источников

1. Алгазин А. И. Методика расследования преступлений, совершаемых с целью получения страховой выплаты: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2000.
2. Ахмедшин Р. Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: дис. ... докт. юрид. наук. Томск, 2006.
3. Козлов С. С. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.08.2024).
4. Криминология : учебное пособие для студентов вузов / А. В. Боков, С. А. Солодовников, Е. А. Антонян и др.; под ред. проф. С. М. Иншакова. М. : ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2005.
5. Кудрявцев В. Н. К вопросу об изучении причин преступности // Советское государство и право. 1964. № 5.
6. Миньковский Г. М., Арзуманян Т. М., Звирбуль В. К. и др. Деятельность органов расследования, прокурора и суда по предупреждению преступлений. М. : Госюриздат, 1962.
7. Селиванов Н. А. Профилактическая работа следователя // Справочник следователя. Выпуск второй (Практическая криминалистика: расследование отдельных видов преступлений). М. : Юрид. лит., 1990.

8. Шляпочников А. С. О классификации обстоятельств, способствующих совершению преступления // Советское государство и право. М., 1964. № 10.

9. Эминов В. Е., Антонян Ю. М. Уголовное право и криминология // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1 (50).

References

1. Algazin A. I. Methods for investigating crimes committed for the purpose of obtaining insurance payments: dis. ...cand. legal Sci. Omsk, 2000.
2. Akhmedshin R. L. Forensic characteristics of the personality of a criminal: dis. ... doc. legal Sci. Tomsk, 2006.
3. Kozlov S. S. Scientific and practical commentary on the Federal Law of June 24, 1999 No. 120-FZ «On the fundamentals of the system for preventing neglect and juvenile delinquency» // [Electronic resource] SPS ConsultantPlus (accessed: 18.08.2024).
4. Criminology : Textbook for university students / A. V. Bokov, S. A. Solodovnikov, E. A. Antonyan et al.; edited by prof. C. M. Inshakova. M. : UNITY-DANA; Law and Law, 2005.
5. Kudryavtsev V. N. On the issue of studying the causes of crime // Soviet State and Law. 1964. No. 5.
6. Minkovsky G. M., Arzumanyan T. M., Zvirbul V. K. and others. Activities of investigative bodies, prosecutors and courts to prevent crimes. M. : Gosyurizdat, 1962.
7. Selivanov N. A. Preventive work of the investigator // Investigator's Handbook. Issue two (Practical criminology: investigation of certain types of crimes). M. : Legal. lit., 1990.
8. Shlyapochnikov A. S. On the classification of circumstances conducive to the commission of a crime // Soviet State and Law. M., 1964. No. 10.
9. Eminov V. E., Antonyan Yu. M. Criminal law and criminology // Current problems of Russian law. 2015. No. 1 (50).

Информация об авторах

В. Д. Потапов – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, доктор юридических наук, профессор;

Г. А. Волкова – адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

V. J. Potapov – Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Doctor of Legal Sciences, Professor;

G. A. Volkova – Adjunct of the Faculty of Training Scientific and Scientific-pedagogical Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.12.2023; одобрена после рецензирования 15.01.2024; принята к публикации 09.02.2024.

The article was submitted 06.12.2023; approved after reviewing 15.01.2024; accepted for publication 09.02.2024.

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-158-161>

EDN: <https://elibrary.ru/fbvhw>

ИПОН: 2015-0066-1/24-922

MOSURED: 77/27-011-2024-01-121

О некоторых аспектах противодействия незаконной миграции: вопросы теории и практики

Анатолий Семенович Прудников¹, Дмитрий Александрович Новожилов²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² Академия управления МВД России, Москва, Россия

Аннотация. Анализируется судебная практика по делам о незаконном пересечении Государственной границы и преступлениях, связанных с незаконной миграцией.

Ключевые слова: миграция, пересечение, правонарушение, преступление, иностранный гражданин, законодательство, политика, меры, рассмотрение, привлечение

Для цитирования: Прудников А. С., Новожилов Д. А. О некоторых аспектах противодействия незаконной миграции: вопросы теории и практики // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 158–161. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-158-161>. EDN: FBVHZW.

Original article

On some aspects of countering illegal migration: questions of theory and practice

Anatoly S. Prudnikov¹, Dmitry A. Novozhilov²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

² Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

Abstract. The judicial practice in cases of illegal crossing of the State border and crimes related to illegal migration is being analyzed.

Keywords: migration, crossing, offense, crime, foreign citizen, legislation, politics, measures, consideration, attraction

For citation: Prudnikov A. S., Novozhilov D. A. On some aspects of countering illegal migration: questions of theory and practice. Bulletin of economic security. 2024;(1):158–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-158-161>. EDN: FBVHZW.

Начиная с 2021 года [7], как показывает изучение практики, произошел существенный рост (более 60 %) зарегистрированных административных правонарушений и преступлений, связанных с организацией незаконной миграции, фиктивной регистрацией иностранного гражданина в жилом помещении или фиктивной постановкой на учет по месту пребывания в жилом помещении.

Неоднократные злоупотребления собственниками жилья своими правами, зачастую имеющими корыстный характер, затрудняют прогнозирование миграционной ситуации, нивелируют саму идею миграционного учета, что в конечном итоге приводит к росту числа правонарушений и преступлений в рассматриваемой сфере.

Здесь следует отметить, что в целях совершенствования государственной миграционной политики на за-

конодательном уровне прорабатывается вопрос о принятии Миграционного кодекса Российской Федерации, ужесточении санкций по ст.ст. 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ [3] и принятии федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства», кроме того, планируется создание координационного центра правоохранительных органов по борьбе с миграционной преступностью и т. д. [7].

Кроме того, необходимость принятия мер к своевременному выполнению всех процессуальных действий и соблюдение сроков разумного судопроизводства по категориям дел административного и уголовного судопроизводства будет способствовать эффективности борьбы с незаконной миграцией на территории Российской Федерации.

© Прудников А. С., Новожилов Д. А., 2024

Изучение практики показало, что если на постоянной основе будут приниматься дополнительные меры, направленные на повышение эффективности работы при выявлении, пресечении, расследовании и предупреждении преступлений, связанных с незаконной миграцией, то уровень правонарушений в рассматриваемой сфере, будет снижаться.

При наличии данных, указывающих на нарушение законодательства в сфере миграции, в том числе совершение правонарушений должностными лицами, ответственными за осуществление контроля в сфере миграции, необходимо принимать меры, направленные на устранение выявленных нарушений, а при наличии достаточных данных о совершенном преступлении безотлагательно принимать решение о возбуждении уголовных дел, а также проводить совместные мероприятия по проверке мест нахождения (проживания) мигрантов с целью установления лиц, находящихся на территории субъекта Российской Федерации с нарушением миграционного законодательства и организовать обмен информацией с территориальными подразделениями МВД России [7] и иными уполномоченными органами в сфере миграции о фактах массовой постановки на миграционный учет граждан с целью выявления нарушений налогового законодательства и принятия мер к лицам, осуществляющим сдачу в наем жилых помещений.

Анализ принятых решений об отказах в возбуждении уголовных дел по данной категории показал, что:

– сотрудниками осуществляющими сбор первоначального материала проводится недостаточно полная работа, отсутствуют опросы соседей по адресам постановки на миграционный учет иностранных граждан, не совсем достаточно проводится работа по проверки алиби фигурантов, не устанавливается фактическое нахождение иностранных граждан в целях привлечения владельцев жилых помещений предоставивших место пребывания и не осуществивших в нарушении требований ст. 18.9 ч. 4 КоАП РФ [4] постановку на миграционный учет, в некоторых случаях проводимые осмотры мест происхождения не отражают самой сути фактического не пребывания иностранных граждан в адресах постановки на миграционные учеты;

– территориальными органами МВД России, не должным образом проводится работа по проверке иностранных граждан, поставленных на учет на обслуживаемой территории, а также при осуществлении проверок мест регистрации иностранных граждан и отсутствии собственников, самих иностранных граждан. В ряде случаев фактически работа по материалам дел прекращается и выносится постановление об отказе в возбуждении дела, несмотря на то, что требуется дополнительная проверка о прибытии в место нахождения иностранного гражданина.

Следует отметить, что форма уведомлений о прибытии иностранного гражданина в место пребывания содержится в Административном регламенте Мини-

стерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, утвержденным приказом МВД России от 10 декабря 2020 г. № 856 [6], согласно которому в уведомлении о прибытии иностранного гражданина в место пребывания, принимающая сторона должна указать место пребывания иностранного гражданина, подлежащего постановке на учет и сведения о физическом лице, выступающим в качестве принимающей стороны.

Данное уведомление является официальным документом, удостоверяющим юридический факт постановки иностранного гражданина на миграционный учет. Наличие у иностранного гражданина отрывной части уведомления о прибытии в место пребывания с отметкой, проставляемой территориальным органом МВД России, МФЦ или организацией федеральной почтовой связи, что свидетельствует о его законном нахождении на территории Российской Федерации и позволяет в дальнейшем оформлять другие разрешительные документы – патент, разрешение на работу и разрешение на временное проживание, что является в соответствии со ст. 5 Федерального закона № 115-ФЗ от 25 июля 2002 г. (ред. от 10.07.2023 г.) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [1] основанием для продления срока пребывания иностранного гражданина в Российской Федерации на срок свыше 90 суток.

Очень важно отметить, что на квалификацию рассматриваемых дел влияет определение общественной опасности. При определении ее оценку следует давать не действию или бездействию как признаку объективной стороны, а деянию как элементу состава преступления с учетом способа и возможных последствий его совершения.

Общественная опасность как признак преступления не является обязательным элементом, входящим исключительно в объект, объективную сторону, субъективную сторону или субъект преступления. Общественная опасность устанавливается при оценке всех элементов, признаков состава преступления в совокупности. Первое и основное требование, которому должны отвечать признаки, возводимые в элементы состава правонарушения, заключается в том, что в своей совокупности они должны непременно представлять общественно опасное для государства деяние. Не общественно опасное деяние не может образовать состав преступления.

Деяние, содержащее все признаки состава преступления, не может быть не общественно опасным. Доказательство наличия в действиях виновного всех элементов предусмотренного законом состава по общему правилу и есть доказательство общественной опасности, противоправности этого действия и его наказуемости.

Следует подчеркнуть, что законодатель, используя термины «фиктивность», «заведомо ложные сведения»,

«без намерения пребывать (проживать)», «без намерения принимающей стороны предоставить помещения для пребывания (проживания)», фактически говорит о незаконной постановке на миграционный учет путем обмана. Описывая объективную сторону данного преступления, законодатели используют сложный психологический термин «намерение», под которым понимается мотивационная основа деятельности с сознательным выбором определенной цели. Это вызывает трудности у сотрудников территориальных органов МВД России в применении уголовного законодательства, возникают сложности в процессе доказывания отсутствия намерения иностранного гражданина проживать в помещении либо принимающей стороны предоставить помещение для пребывания. Последнюю форму деяния сотрудники территориальных органов МВД России могут объективно проверить, когда на учет поставлено одновременно большое количество иностранных граждан на малой площади при отсутствии фактической возможности их размещения.

В заключении можно сделать вывод, что фиктивные постановки иностранных граждан на миграционные учеты могут нести разнообразные последствия и повлиять на защиту основ конституционного строя, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, способствуют легализации иностранных граждан как в пределах одного субъекта так на всей территории РФ. Кроме того, существует необходимость в разъяснении законодателем применения термина «намерения» при определении наличия состава уголовного преступления.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. (ред. от 10.07.2023 г.) № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».
2. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. (ред. от 31.07.2023 г.) № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 (ред. от 12.10.2023) № 63-ФЗ.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. (ред. от 12.10.2023 г.) № 195-ФЗ.
5. Приказ МВД России от 1 августа 2020 № 541 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче разрешений на привлечение и использование иностранных работников, а также разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства».
6. Приказ МВД России от 10 декабря 2020 г. (ред. от 16.11.2022) № 856 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной

услуги по осуществлению миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, форм заявления иностранного гражданина или лица без гражданства о регистрации по месту жительства, заявления о снятии иностранного гражданина или лица без гражданства с регистрации по месту жительства, уведомления о прибытии иностранного гражданина или лица без гражданства в место пребывания, отметок о регистрации (снятии с регистрации) иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства, отметок о подтверждении выполнения принимающей стороной и иностранным гражданином или лицом без гражданства действий, необходимых для его постановки на учет по месту пребывания, предоставляемых, в том числе, многофункциональным центром предоставления государственных и муниципальных услуг».

7. Официальный сайт МВД России // www.mvd.ru.

8. Прудников А. С. Государственно-правовые основы миграции населения в Российской Федерации : учебное пособие / Прудников А. С., Харламов С. О., Прудникова Т. А. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 535 с.

9. Правовое регулирование отбора иностранных специалистов высокой квалификации. Российской и зарубежный опыт : учебное пособие / под ред. А. С. Прудникова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2022.

Bibliographic list

1. Federal Law No. 115-FZ of July 25, 2002 (as amended on 10.07.2023) «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation».
2. Federal Law No. 109-FZ of July 18, 2006 (as amended on 31.07.2023) «On Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation».
3. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 (as amended by 12.10.2023) No. 63-FZ.
4. Code of Administrative Offenses of the Russian Federation No. 30.12.2001 of 12.10.2023 (as amended in 195-FZ).
5. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of August 1, 2020 No. 541 «On Approval of the Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Provision of State Services for the Issuance of Permits for the Recruitment and Use of Foreign Workers, as well as Work Permits for Foreign Citizens and Stateless Persons».
6. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 10.12.2020 (as amended by 16.11.2022) No. 856 «On Approval of the Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Provision of State Services for the Implementation of Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation, forms of application of a foreign citizen or stateless person for registration at the place of residence, applications for

the removal of a foreign citizen or stateless person from registration at the place of residence, notifications of the arrival of a foreign citizen or stateless person at the place of stay, registration marks (deregistration) of a foreign citizen or stateless person at the place of residence, notes on confirmation of the performance by the receiving party and a foreign citizen or stateless person of the actions necessary for his registration at the place of stay, including the multifunctional center for the provision of state and municipal services».

7. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia//www.mvd.ru.

8. Prudnikov A. S. State-legal bases of population migration in the Russian Federation : textbook / Prudnikov A. S., Kharlamov S. O., Prudnikova T. A. M. : UNITY-DANA, 2021. 535 p.

9. Legal regulation of selection of highly qualified foreign specialists. Russian and foreign experience: study manual edited by A. S. Prudnikov. M. : UNITY-DANA, 2022.

Информация об авторах

А. С. Прудников – профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России;

Д. А. Новожилов – заместитель начальника отдела по вопросам миграции УВМ УВД МВД России по Брянской области, слушатель Академии управления МВД России.

Information about the authors

A. S. Prudnikov – Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia;

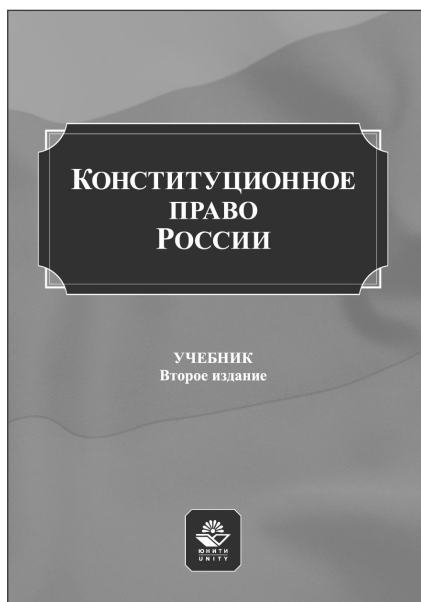
D. A. Novozhilov – Deputy Head of the Migration Department of the Internal Affairs Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Bryansk Region, Student of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.10.2023; одобрена после рецензирования 19.12.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 15.10.2023; approved after reviewing 19.12.2023; accepted for publication 30.01.2024.

Конституционное право России. Под ред. Г. А. Гаджиева, Б. С. Эбзеева ; под общ. ред. П. А. Кучеренко, Н. М. Чепурновой, Л. Т. Чихладзе. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. 479 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Учебник подготовлен с учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., а также изменений, внесенных в законодательство Российской Федерации в связи с конституционной реформой.

Дан комплексный анализ основных конституционно-правовых институтов, раскрыта их правовая природа. Рассматриваются наиболее актуальные современные теоретические разработки конституционно-правовой науки и правоприменительной практики.

Исследованы новые для конституционных норм понятия, проанализировано изменение правового статуса органов публичной власти.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-162-165>

EDN: <https://elibrary.ru/fmpwzo>

ИПОН: 2015-0066-1/24-923

MOSURED: 77/27-011-2024-01-122

Особенности научного обеспечения деятельности правоохранительных органов: правовые принципы, проблемы и способы их реализации

Николай Викторович Румянцев^{1,2}

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
rumyantsevn.v@yandex.ru

² Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации,
Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена вопросам научного обеспечения деятельности правоохранительных органов. Рассмотрены и проанализированы научно-правовые документы, предусматривающие общие положения, характеристики, цели, задачи и принципы научного обеспечения деятельности органов, механизм и ожидаемые результаты, а также мероприятия по реализации конкретных целей и сроков их исполнения. Изучены многочисленные документы и материалы по научному обеспечению деятельности силовых и правоохранительных ведомств, а также других научных и образовательных учреждений. В ходе анализа документов по научному обеспечению деятельности органов и подразделений учитывались предложения и рекомендации научного сообщества учреждений (научных и образовательных) других ведомств.

Ключевые слова: научное обеспечение, уголовно-исполнительная система, учреждения и органы, правовая основа, субъекты научной деятельности, научная школа, научное сотрудничество, научно-технический потенциал

Для цитирования: Румянцев Н. В. Особенности научного обеспечения деятельности правоохранительных органов: правовые принципы, проблемы и способы их реализации // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 162–165. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-162-165>. EDN: FMPWZO.

Original article

Features of scientific support for the activities of law enforcement agencies: legal principles, problems and ways of their implementation

Nikolai V. Rumyantsev^{1,2}

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
rumyantsevn.v@yandex.ru

² Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the issues of scientific support for the activities of law enforcement agencies. Scientific and legal documents providing general provisions, characteristics, goals, tasks and principles of scientific support for the activities of bodies, mechanism and expected results, as well as measures to implement specific goals and deadlines for their execution are considered and analyzed. Numerous documents and materials on scientific support for the activities of law enforcement and law enforcement agencies, as well as other scientific and educational institutions have been studied. During the analysis of documents on scientific support of the activities of bodies and departments, proposals and recommendations of the scientific community of institutions (scientific and educational) of other departments were taken into account.

Keywords: scientific support, penal enforcement system, institutions and bodies, legal basis, subjects of scientific activity, scientific school, scientific cooperation, scientific and technical potential

For citation: Rumyantsev N. V. Features of scientific support for the activities of law enforcement agencies: legal principles, problems and ways of their implementation. Bulletin of economic security. 2024;(1):162–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-162-165>. EDN: FMPWZO.

© Румянцев Н. В., 2024

В общем положении об организации научной работы по совершенствованию и реализации стоящих перед научным сообществом задач основными целями являются оказание помощи практическим органам и подразделениям правоохранительных органов в повышении эффективности их деятельности. Научное обеспечение деятельности любого ведомства представляет собой многоуровневый комплекс правовых, организационных, материально-технических и иных мер, зафиксированных в ведомственных нормативных актах и планах мероприятий [1].

Используя некоторые примеры и практику различных структур и ведомств, рассмотрим некоторые аспекты подготовки и реализации мероприятий по научному обеспечению деятельности силовых и правоохранительных органов.

Так в процессе реализации поручения руководства ФСИН России научно-исследовательским институтом (далее – НИИ) была проведена большая работа по разработке проектов Концепции научного обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы и плана мероприятий по их реализации, в ходе которой была создана рабочая группа, в состав которой вошли ученые и специалисты различных направлений деятельности. В целях изучения опыта различных структур и ведомств при подготовке документов, членами рабочей группы были внимательно изучены многочисленные материалы по научному обеспечению деятельности силовых и правоохранительных ведомств, а также других научных и образовательных учреждений. Особого внимания, как схожих по своей практической деятельности с УИС, заслужили научные документы следующих правоохранительных ведомств.

а) Следственный комитет Российской Федерации:

На базе Следственного комитета учрежден «Научно-консультативный совет» (далее – НКС) [2], который является совещательным органом и создан с целью решения основных вопросов научно-практического обеспечения. НКС организует и рассматривает исполнение основных задач по выполнению научно-обоснованных предложений и совершенствованию мер по реализации государственной политики в сфере исполнения Российского законодательства.

б) Федеральная пограничная служба Российской Федерации:

В погранслужбе создано «Научное обеспечение реализации государственной пограничной политики» [3, п. 33]. Структура науки о пограничной деятельности подразумевает систему знаний об ее всестороннем научном обеспечении пограничной безопасности и деятельности. Теория управления пограничной безопасностью, как формы достоверного научного знания является составной частью науки [4].

в) Министерство внутренних дел Российской Федерации:

В данном ведомстве руководством МВД России утверждена «Концепция научного обеспечения деятель-

ности органов внутренних дел Российской Федерации на период до 2030 года» [5], которая представляет собой ведомственный документ стратегического планирования, устанавливающий цели и задачи, принципы и направления, а также меры, этапы и ожидаемые результаты совершенствования научного обеспечения деятельности ОВД.

Внимательно изучив и рассмотрев вышеуказанные и некоторые научные документы других различных ведомств, рабочая группа НИИ сочла наиболее содержательным документ о научном обеспечении деятельности органов и подразделений МВД России, который и был принят за основу проекта Концепции по научному обеспечению деятельности УИС. И это не случайно. Ведь, хотя в сегодняшних реалиях, они решают разные задачи и научно обеспечивают деятельность ведомств и носят несколько иной характер, в документе МВД очень многое созвучно с деятельностью УИС.

В проекте Концепции на период до 2030 года и реализации научного и методического обеспечения деятельности служб и подразделений УИС, было определено пять основных разделов.

1. Общее положение.

В данном разделе отмечается, что Концепция является ведомственным документом планирования и определяет цели, задачи, принципы, приоритетные направления и ожидаемые результаты научного обеспечения деятельности УИС на указанный период. Ее положения учитываются при разработке нормативных правовых актов и планов в сфере научного обеспечения. Также в нем раскрывается сущность основных понятий: субъекты научной деятельности УИС; научный потенциал; научная школа в УИС и др.

2. Характеристика научного обеспечения деятельности УИС.

В нем представлена характеристика научного потенциала УИС, обеспечивающая ее текущие потребности в научных исследованиях. Анализируется кадровый научный потенциал УИС как в научных и образовательных организациях, так и в практических подразделениях УИС. В сфере научного обеспечения деятельности УИС подробно описывается ряд проблем, требующих своего разрешения и свидетельствующих о переходе на новый уровень научного обеспечения деятельности УИС.

3. Цели, задачи и принципы совершенствования научного обеспечения деятельности органов уголовно-исполнительной системы.

В данном разделе уточняются цели Концепции, которые заключаются в повышении эффективности организации научных исследований по совершенствованию деятельности УИС, развитию фундаментальных и общетеоретических исследований как основы для формирования новых знаний, рационального использования научного и научно-технического потенциала, применении современных методов научных исследований и разработок, повышении уровня координации научной деятельности и внедрения их результатов в практику. Для достижения этих целей в проекте Концепции особое вни-

мание обращено на необходимость решения конкретно обозначенных задач, реализация которых возможна лишь на основе соблюдения принципов: системности в организации научной и научно-технической деятельности; концентрации научных ресурсов на получении научных и научно-технических результатов; опоры на положительный опыт, в том числе зарубежный; исключения дублирования тем научных, научно-технических исследований; свободы научного творчества; предоставления научным коллективам и организациям возможности избирать формы и методы решения исследовательских задач; самостоятельно вступать во взаимодействие с другими субъектами научной и научно-технической деятельности установленным порядком.

4. Приоритетные направления по совершенствованию научного обеспечения деятельности УИС и меры по их реализации.

В проекте Концепции, в целях совершенствования научного обеспечения деятельности УИС, предлагается: разработка и внедрение системы правовых, кадровых и организационных мер, направленных на: повышение роли координационно-методического совета ФСИН России в установлении проблем и их научном разрешении; совершенствование механизмов координации научной и научно-технической деятельности; внедрение в практику работы ведомственных образовательных и научных организаций комплекса научно-методических рекомендаций; поддержку развития научных школ и осуществление учета научных и научно-технических работ; создание обновляющейся базы данных результатов научной и научно-технической деятельности образовательной и научной организации; совершенствование организации работы по выявлению, сбору научно-практической оценке и распространению положительного отечественного и зарубежного пенитенциарного опыта с учетом состояния развития науки и техники; совершенствование системы взаимодействия между заказчиком и исполнителем на этапе планирования и приема результата научной и научно-технической работы; совершенствование системы взаимодействия образовательных и научных организаций, что не менее важно по проблемам, вызывающим большой общественный интерес; сбор, обобщение и анализ проблемных вопросов в деятельности УИС; усовершенствование механизма внедрения результатов научных исследований в практическую или образовательную деятельность учреждений и органов УИС; актуализация форм сопровождения и внедрения предложений, подготовленных по результатам научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. В данном разделе подробно приводятся обстоятельства, необходимые для дальнейшего укрепления и совершенствования межведомственного и международного сотрудничества.

5. Механизм и ожидаемые результаты реализации Концепции.

Указанный раздел проекта Концепции подразумевает: ее реализацию, в ходе которой планируется раз-

работать план по реализации Концепции, а также осуществлять мониторинг хода и результатов их выполнения; создать необходимые правовые, организационные, информационные и материально-технические условия для формирования и функционирования эффективной системы научного обеспечения деятельности УИС; осуществить мероприятия по качественному улучшению и сохранению кадрового научного потенциала; обеспечить системную поддержку молодых ученых; обеспечить последовательное внедрение в научную и научно-техническую деятельность современных информационных и телекоммуникационных технологий.

Проект Концепции научного обеспечения уголовно-исполнительной системы и план по ее реализации, в ходе их разработки были руководством НИИ ФСИН России доведены до всех научных и образовательных учреждений, структурных и территориальных подразделений, а также видных ученых уголовно-исполнительной системы и иных ведомств с просьбой дать свои предложения в подготавливаемые документы. Следует отметить, что, в целом, как представители научного сообщества, так и практических органов, служб и подразделений приняли активное участие, сообщив в рабочую группу свои содержательные предложения, направленные на совершенствование этого важного направления в деятельности УИС. Кроме того проект Концепции был рассмотрен на различных научных форумах (в рамках круглого стола, на учебно-методических сборах, научно-практических конференциях и др.).

Приняв во внимание и объединив все поступившие предложения, указанные проекты, после их утверждения на заседании ученого совета НИИ были направлены для согласования с соответствующими службами УИС и утверждения их руководством ведомства. И 30 августа 2023 года распоряжением руководства ФСИН России Концепция научного обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года и План мероприятий по ее реализации были утверждены.

Результатом реализации мероприятий Концепции безусловно должна стать: эффективность системы научного обеспечения деятельности УИС, обеспечивающая обновление нормативной правовой базы; улучшение информационных, материально-технических и кадровых ресурсов; дальнейшее развитие системы аттестации научных кадров; обеспечение отбора и продвижение по службе сотрудников, склонных к научной и (или) научно-технической деятельности и показывающих в ней высокие результаты.

Мероприятия, включенные в проект плана по реализации Концепции, призваны обеспечить в полном объеме решение вопросов совершенствования научного обеспечения деятельности УИС.

Несомненно, организуемая работа по научному обеспечению деятельности служб и подразделений силовых и правоохранительных органов придаст импульс к дальнейшему совершенствованию качества рассма-

триваемых вопросов и будет способствовать своевременно и на должном уровне выполнять стоящие перед ними задачи по обеспечению правопорядка и безопасности.

Список источников

1. Мацкевич Р. С., Степаненко Ю. В. О правовых проблемах научного обеспечения деятельности органов внутренних дел и способах их решения. Москва : изд. Юрист, 2008.
2. Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 30 марта 2011 г. № 44 «Об образовании Научно-консультационного совета Следственного комитета Российской Федерации».
3. Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2018 г. № 174 «Об утверждении Основ государственной пограничной политики Российской Федерации».
4. Шумов В. В., Гирник Е. С., Сениченков П. Д. Научное обеспечение пограничной деятельности // Вопросы безопасности. 2021. № 1. С. 1–16.
5. Приложение к Приказу МВД России «Об утверждении Концепции научного обеспечения деятель-

ности органов внутренних дел Российской Федерации на период до 2030 года».

References

1. Matskevich R. S., Stepanenko Yu. V. «On legal problems of scientific support for the activities of internal affairs bodies and ways to solve them». M. : ed. Lawyer, 2008.
2. Order of the Investigative Committee of the Russian Federation № 44 dated 30.03.2011 «On the formation of the Scientific Advisory Council of the Investigative Committee of the Russian Federation».
3. Decree of the President of the Russian Federation № 174 dated 25.04.2018 «On Approval of the Fundamentals of the State Border Policy of the Russian Federation».
4. Shumov V. V., Girmik E. S., Senichenkov P. D. Scientific support of border activity // Security issues. 2021. № 1. P. 1–16.
5. Appendix to the Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia «On approval of the Concept of scientific support for the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation for the period up to 2030».

Информация об авторе

Н. В. Румянцев – профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

N. V. Rumyantsev – Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Chief Researcher of the Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.11.2023; одобрена после рецензирования 29.12.2023; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted 27.11.2023; approved after reviewing 29.12.2023; accepted for publication 05.02.2024.

Научная статья

УДК 342.72/.73

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-166-169>

EDN: <https://elibrary.ru/eamyqk>

ИПОН: 2015-0066-1/24-924

MOSURED: 77/27-011-2024-01-123

Гарантии прав и свобод человека в аспекте их охраны и защиты в процессе правоприменения

Марат Вильданович Саудаханов

МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия,

viento_del_norte@bk.ru

Аннотация. Продемонстрирована значимость прав и свобод человека и гражданина в правовой системе государства. Предпринята попытка показать текущее состояние прав и свобод личности, через осмысление юридического инструментария, отвечающего за их защиту и охрану в правоприменительной сфере. Автором проанализированы некоторые особенности охраны и защиты гарантий прав и свобод индивида в плоскости правоприменения в современный период. Особое внимание уделено анализу процессуального опосредования правоприменительной деятельности с акцентом на значимости процессуальной составляющей в рамках реализации норм материального права.

Ключевые слова: Конституция, права и свободы личности, обязанности индивида, гарантии прав и свобод человека, правоприменение, государственная защита

Для цитирования: Саудаханов М. В. Гарантии прав и свобод человека в аспекте их охраны и защиты в процессе правоприменения // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 166–169. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-166-169>. EDN: EAMYQK.

Original article

Guarantees of human rights and freedoms in the aspect of their protection and protection in the process of law enforcement

Marat V. Saudakhanov

MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia,

viento_del_norte@bk.ru

Abstract. The importance of human and civil rights and freedoms in the legal system of the state is demonstrated. An attempt has been made to show the current state of individual rights and freedoms through an understanding of the legal tools responsible for their protection and protection in the law enforcement sphere. The author analyzes some features of the protection and protection of guarantees of individual rights and freedoms in the field of law enforcement in the modern period. Special attention is paid to the analysis of the procedural mediation of law enforcement activities with an emphasis on the importance of the procedural component in the framework of the implementation of substantive law.

Keywords: Constitution, the rights and freedoms of the individual, the duties of the individual, guarantees of human rights and freedoms, law enforcement, state protection

For citation: Saudakhanov M. V. Guarantees of human rights and freedoms in the aspect of their protection and protection in the process of law enforcement. Bulletin of economic security. 2024;(1):166–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-166-169>. EDN: EAMYQK.

Осмысляя юридическую природу прав, свобод и обязанностей человека, а также механизм их гарантированности, нельзя обойти вниманием проблематику понятийного аппарата в этой важной сфере научных знаний. При этом защита и охрана прав и свобод личности через их га-

рантированность в правоприменительной деятельности затрагивает следующие важные кластеры: государственное управление, принцип разделения властей, механизм государственных гарантий, правовой статус человека и гражданина, конституционно-правовую регуляцию и пр.

© Саудаханов М. В., 2024

Стоит отметить, что правовое государство создает предпосылки формирования особой субъектности индивида, где он выступает не просто объектом публично-властного регулирования, а непосредственным субъектом права. Органы государства здесь выступают акторами, призванными гарантировать беспрепятственную реализацию всех элементов правового положения человека, в том числе и обязанностей, параллельно обеспечивая охрану прав и свобод личности. В этой связи думается, есть необходимость рассмотреть указанную проблематику через призму государственных гарантий прав, свобод и обязанностей человека и гражданина в русле их защиты от неправомерных посягательств со стороны других субъектов, в том числе наделенных властными полномочиями.

Важно подчеркнуть, что юридический инструментарий охраны и защиты гарантий прав и свобод индивида тесно связан не только с публичной властью, но и с обязанностями самого гражданина, при том что они во все времена играли важную роль в правовом регулировании, нередко находя закрепление в основных законах государств в образе важнейших юридических конструкций [9, с. 286]. Так, в Конституции России 1993 года нашел отражение целый спектр долженствований индивида. В их номенклатуре имеются следующие позиции:

- соблюдать законодательство страны (ч. 2 ст. 15);
- заботиться о детях (ч. 2 ст. 38);
- обязанность трудоспособных детей, достигших 18 лет, заботиться о нетрудоспособных родителях (ч. 3 ст. 38);
- получить основное общее образование (ч. 4 ст. 43);
- сохранять историческое и культурное наследие, беречь памятники истории и культуры (ч. 3 ст. 44);
- платить законно установленные налоги и сборы (ст. 57);
- сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам (ст. 58);
- защищать Отечество и нести военную службу (ч. ч. 1, 2 ст. 59) [7, с. 348].

Необходимо подчеркнуть, что принятие Конституции РФ, которое произошло уже 30 лет назад, стало событием крайне значимым не только в сфере политики, но и в области правового регулирования. Во-первых, права и свободы личности были признаны императивной категорией в аспекте государственной охраны, а также важнейшей политико-правовой ценностью [6, с. 268]. Во-вторых, нормы Конституции РФ, так или иначе затрагивающие обще регулятивный срез прав и свобод личности, не пересматривались на протяжении трех десятилетий. В-третьих, охрана и защита прав и свобод индивида телеологически отсылает нас к правоприменению, которое формирует систему норм права, призванных инициировать правовой инструментарий, в частности, равенство перед законом и судом, право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность

и пр. В-четвертых, была сформирована сложная система ограничения прав и свобод, обеспечивающая беспрепятственную реализацию обязанностей личности. При этом, известный ученый-конституционалист Б. С. Эбзев сформулировал их как «изъятия из круга правомочий, составляющих нормативное содержание основных прав и свобод» [10, с. 256].

Подобные концептуальные позиции отечественного конституционно-правового регулирования прошли апробацию в рамках наиболее значимых правоотношений, правовая природа которых институционально склонна к риску нарушений прав и свобод личности. Речь здесь идет о сфере правоприменения, где значимым фактором выступает не только деятельность органов государства, но и поведение самого индивида. Например, гражданин, при наличии факта вторжения в сферу его прав и свобод в рамках неправомерного привлечения его к административной ответственности, вправе обратиться в судебные органы в целях последующего разрешения споров о праве [2, с. 142].

Учитывая вышесказанное, представляется, что будет вполне обоснованным вести речь о государственных гарантиях в области охраны и защиты прав и свобод личности в сфере правоприменения. В этой связи именно органы государства выступают ведущим субъектом в создании благоприятных условий и юридических гарантий фактической имплементации прав граждан. При этом указанная точка зрения отсылает к тому факту, что каждый индивид может и должен реализовывать механизм самозащиты диспозитивной составляющей своего правового статуса. Важно то, что субъективные права и законные интересы субъекта с одной стороны тесно между собой связаны, но с другой – выступают в качестве самостоятельных правовых конструкций [1, с. 57].

Так, в качестве субъективных прав необходимо рассматривать всю номенклатуру неоктроированных прав и свобод. Именно они нашли свое отражение в конституциях многих государств и выступили ключевой категорией в международно-правовой регуляции.

Примечательно, что весь спектр национальных правопорядков, аккумулируемых в правовые семьи, необходимо оценивать по их эффективности, которая детерминируется следующими глобальными позициями:

- устойчивостью основ конституционного строя;
- механизмом защиты человеческого достоинства;
- гарантированностью прав и свобод человека и гражданина;
- реализацией принципа социальной солидарности;
- стремлением к социальной справедливости;
- правовым закреплением обязанностей индивида.

В сущности, указанные выше позиции – это ни что иное как те задачи, которые обязаны быть реализованы государством, гражданским обществом и личностью в рамках достижения общей цели, которая воплощает в себе консенсус в чистом виде, т. е. такую урегулирован-

ность социальных связей, которая устраивает всех субъектов правоотношений [3, с. 27].

Необходимо подчеркнуть, что политико-правовые функции государства имплементируются через взаимодействие субъектов, выступающих элементами политической системы общества. Важно то, что указанное политико-правовое воздействие обеспечивается посредством реализации различных целевых государственных программ, широкого спектра нормативных источников, а также международно-правового инструментария. Подобную функциональную номенклатуру можно обозначить в виде «формы политико-правовой реализации». В свою очередь форма реализации в образе правовой категории конструкция более чем неоднозначная.

Так, обычно ученые определяют термин «формы реализации» в качестве функциональных направлений, в рамках которых претворяется в жизнь правовая политика государства. Важно то, что формы реализации правовой политики могут быть достаточно разнообразны, выступая в виде правотворчества, правоприменительной деятельности, толкования права, правовой доктрины и пр.

Стоит отметить, что наиболее «чувствительной» сферой обеспечения прав и свобод человека выступает правоприменение, посредством которого реализуются важнейшие аспекты правовой политики государства. Указанная форма обладает своей особой спецификой, которая отображается в следующем:

- правоприменение является прерогативой специально уполномоченных субъектов;
- субъекты правоприменения выступают ключевыми элементами системы правоотношений и реализуют свой регулятивный потенциал находясь в рамках механизма правового регулирования;
- правоприменение остро нуждается в наличии соответствующего нормативно-правового массива, лояльности населения, определенной совокупности сил и средств, идеологическом и информационном обеспечении [4, с. 97];
- правоприменение опосредовано особыми процессуальными формами;
- через правоприменительную деятельность реализуются юридические предписания.

Если вспомнить советскую доктрину прав человека, то в качестве второго поколения прав всегда выступали социально-экономические права, которые воплощали в себе консолидацию социальных и экономических элементов всей номенклатуры прав второго поколения. При этом социалистический строй не предполагал нормативной сепарации отдельных прав, которые зиждились бы на экономической самостоятельности индивида, не связанной ни с публичной властью, ни с частной собственностью. Более того, если социалистический строй и предусматривал некоторое разграничение прав человека на социальные, экономические и культурные, то указанная градация доктринально не подкреплялась. Подобная трактовка экономического аспекта прав и сво-

бод привела к тому, что социально-экономические права приобретали свойство безэквивалентности. В этой связи советская конституционная доктрина относила их к источнику односторонних правоотношений, где отсутствовало право требования, но имелась лишь фиксация государственной обязанности. Сама конструкция приоритета социально-экономических прав и свобод личности в советском государстве проявлялась в государственном монополизме на предоставление социально-экономических благ, что, безусловно, усугубляло негативные стороны концепции государственного патернализма [5, с. 354].

Думается, что идея приоритета социально-экономических прав трансформирует правовую природу субъективного права, как ключевую категорию концепции прав человека. Тем не менее, при всей схожести категорий «права человека» и «субъективное право» именно последняя обладает ярко выраженной связью с государственным воздействием, так как связана с опредмечиванием объективного права. Само существование широкого каталога прав (социально-экономических, политических, личных) трактовалось как градация различных по своей правовой сущности областей социальной жизни [8, с. 54]. Можно добавить, что социально-экономические права имманентно связаны с правоприменительной деятельностью государства, так как только через нее они могут получить фактическую имплементацию.

В заключение статьи необходимо отметить, что гарантии прав и свобод человека в аспекте их охраны и защиты в процессе правоприменения обладают концептуальным дуализмом. С одной стороны, механизм гарантий обеспечивается государственным воздействием, выраженным в правоохране, с другой же – поведением заинтересованного в защите своих прав лица. Кроме того, правоприменение выступает крайне значимой формой правореализации, в том числе норм, закрепленных в Основном Законе государства. При этом правоприменение способствует оптимальной реализации не только субъективной обязанности, но и всего спектра юридических обязанностей. Для правоприменения в аспекте данного исследования характерна определенная специфика, отображающаяся в закономерностях функционирования и значимости правоприменительной деятельности в обеспечении всего спектра прав и свобод человека и гражданина.

Список источников

1. Бартов А. А. Соотношение субъективных прав и законных интересов / А. А. Бартов // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 3. С. 56–58.
2. Бондарь Н. Ю. Проблема соотношения охраны и защиты прав человека в действующем законодательстве / Н. Ю. Бондарь // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 4 (14). С. 142–143.
3. Грошев С. Н. Концептуальное значение текстов основного закона / С. Н. Грошев, М. В. Саудаханов //

Конституция: воплощение ценностей верховенства права, гражданского общества и современного государства : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 17 декабря 2021 года. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2021. С. 26–28.

4. Дюрягин И. Я. Право и управление: монография / Дюрягин И. Я. М. : Юридическая литература, 1981. 168 с.

5. Елинский В. И. Социально-экономические и культурные права в СССР через призму государственного патернализма / В. И. Елинский, М. В. Саудаханов // Вестник экономической безопасности. 2021. № 3. С. 352–356.

6. Фокина Л. Ю. Конституционное закрепление прав и свобод человека как способ их защиты / Л. Ю. Фокина // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2011. № 7. С. 267–270.

7. Цалиев А. М. О конституционных обязанностях человека и гражданина / А. М. Цалиев // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* 2020. № 2. С. 345–351.

8. Шайо А. Как верховенство права погубило реформу социальной защиты в Венгрии / А. Шайо // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1998. № 2 (23). С. 54–63.

9. Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования : монография / Б. С. Эбзеев. М. : Проспект, 2014. 336 с.

10. Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности : монография / Б. С. Эбзеев. М. Норма, 2011. 384 с.

References

1. Bartov A. A. Correlation of subjective rights and legitimate interests / A. A. Bartov // *Gaps in Russian legislation.* 2010. No. 3. P. 56–58.

2. Bondar N. Yu. The problem of the correlation between the protection and protection of human rights in the current legislation / N. Yu. Bondar // *Leningrad Law Journal.* 2008. № 4 (14). P. 142–143.

3. Groshev S. N. Conceptual meaning of the texts of the basic law / S. N. Groshev, M. V. Saudakhanov // *Constitution: the embodiment of the values of the rule of law, civil society and the modern state: Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Irkutsk, December 17, 2021.* Irkutsk : East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. P. 26–28.

4. Dyuryagin I. Ya. Law and management: monograph / Dyuryagin I. Ya. M. : Legal literature, 1981. 168 p.

5. Yelinsky V. I. Socio-economic and cultural rights in the USSR through the prism of state paternalism / V. I. Yelinsky, M. V. Saudakhanov // *Bulletin of Economic Security.* 2021. No. 3. P. 352–356.

6. Fokina L. Yu. Constitutional consolidation of human rights and freedoms as a way to protect them / L. Yu. Fokina // *Intellectual potential of the XXI century : stages of cognition.* 2011. No. 7. P. 267–270.

7. Tsaliev A. M. On the constitutional duties of man and citizen / A. M. Tsaliev // *НОМОТНЕТИКА: Philosophy. Sociology. Right.* 2020. No. 2. P. 345–351.

8. Chaillot A. How the rule of law ruined the reform of social protection in Hungary / A. Chaillot // *Constitutional Law: Eastern European Review.* 1998. № 2 (23). P. 54–63.

9. Ebzeev B. S. Constitution, power and freedom in Russia: the experience of synthetic research : monograph / B. S. Ebzeev. M. : Prospect, 2014. 336 p.

10. Ebzeev B. S. Personality and the state in Russia: mutual responsibility and constitutional duties : monograph / B. S. Ebzeev. M., Norm, 2011. 384 p.

Информация об авторе

М. В. Саудаханов – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин МИРЭА – Российского технологического университета, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

M. V. Saudakhanov – Associate Professor of the Department of State and Law Disciplines of the MIREA – Russian Technological University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.09.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 16.01.2024.

The article was submitted 20.09.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 16.01.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-170-172>

EDN: <https://elibrary.ru/ebpsfz>

НИОН: 2015-0066-1/24-925

MOSURED: 77/27-011-2024-01-124

Перевод в уголовном процессе

Михаил Александрович Саломатин

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются проблемные вопросы перевода в уголовном судопроизводстве, неоднозначность требований к образованию и навыкам переводчика, сложность проверки его компетенции. Анализируются практические аспекты перевода как формы защиты и реализации базовых основ правосудия, таких как презумпция невиновности и принцип состязательности и равноправия сторон.

Ключевые слова: перевод процессуальных документов, требования к компетенции переводчика, доказательная сила перевода процессуальных документов

Для цитирования: Саломатин М. А. Перевод в уголовном процессе // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 170–172. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-170-172>. EDN: EBPSFZ.

Original article

Translation in criminal proceedings

Mikhail A. Salomatin

Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Moscow, Russia

Abstract. The problematic issues of translation in criminal proceedings, the ambiguity of the requirements for the education and skills of the translator, the complexity of checking his competence are considered. The practical aspects of translation as a form of protection and implementation of the basic foundations of justice, such as the presumption of innocence and the principle of competition and equality of the parties, are analyzed.

Keywords: translation of procedural documents, requirements for the translator's competence, probative value of translation of procedural documents

For citation: Salomatin M. A. Translation in criminal proceedings. Bulletin of economic security. 2024;(1):170–2. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-170-172>. EDN: EBPSFZ.

Рассматривая особенности юридического перевода с теоретической точки зрения, в первую очередь следует отметить, что в свете различий систем прецедентного и континентального права, положение юридического перевода не является однозначным, спорными также являются принципы изложения правовых текстов и эквивалентность терминологии [1, с. 260].

Правовая система любой страны является прямым результатом исторического, политического и культурного развития ее народа. Тексты правовых документов непосредственно взаимосвязаны с этим развитием и, как следствие, полностью отражают всю сложную взаимосвязь юридической, политической и административной составляющей представляемых ими социальных систем [2, с. 143].

Зачастую, тексты правовых документов являются непостижимыми даже для носителей языка, на котором они составлены [3; 4]. Это связано с большим объ-

емом терминологии, а также с практикой применения устоявшихся и архаичных выражений. Несмотря на значительное количество научных работ, посвященных тематике юридического перевода, актуальность и практический аспект данной статьи обуславливаются постоянной динамикой развития правовых взаимоотношений, законотворческой деятельности, формированием вследствие миграции многонациональных сообществ, в связи с чем, в одной политической системе могут сосуществовать люди с различным правовым мировоззрением, в результате чего, различные толкования юридических понятий могут вступать в конфликт друг с другом.

Актуальность вопросов, касающихся анализа практики перевода в уголовном процессе, а также техники и методов перевода текстов юридических документов, непосредственно обусловлена постоянными изменениями в законодательстве и правоприменительной практике,

© Саломатин М. А., 2024

возникновением новой терминологии, наделением новыми смыслами отдельных старых терминов, и без того имеющих разительное несовпадение объема смысловых значений при их употреблении в разных языках.

Оказываясь перед лицом сложнейшей задачи адекватной передачи смыслового значения при переводе с одного языка на другой, переводчик, учитывая специфическую лексику юридического языка, вынужден прибегать к различным переводческим приемам, таким как заимствования, трансформации, транслитерации, семантическое калькирование, пословный и дескриптивный переводы и пр.

Таким образом, находясь на стыке двух важнейших областей знаний, область судебного перевода остается недостаточно изученной, выпадая из поля зрения большинства узких специалистов.

В широком смысле понятие юридического перевода можно определить как перевод регулирующих правоотношения документов с одного языка на другой, используемый в правоприменительной среде для нужд всех участников правовых взаимоотношений. Этот вид перевода является одним из самых сложных, так как переводчик должен не только владеть иностранным языком, но и великолепно ориентироваться как в законодательстве страны языка реципиента, так и страны исходного языка, а также в международном праве [2, с. 143]. Любая ошибка, отклонение, несоответствие или даже туманная формулировка могут иметь серьезные правовые последствия.

К языку и стилю юридического перевода предъявляются особые требования, предполагается точность формулировок, логическая структура и полная достоверность содержания.

Принимая во внимание разнообразие правовых систем, немалую сложность при переводе процессуальных документов вносит терминология, а также юридические клише, что просто обязывает переводчика обладать навыком виртуозного подбора речевых конструкции. Кроме того, основополагающим критерием качества перевода является строгое обеспечение однозначности, отсутствие двусмысленности используемых терминов и туманных формулировок.

Строго говоря, функции юридического перевода можно определить как посредничество для полноценного взаимодействия разноязычных сторон правовой сферы; функциональная особенность юридического перевода в уголовном процессе заключается в том, что обязанностью любого переводчика, допущенного к участию в уголовном процессе является не только непосредственный устный перевод всех этапов следственных действий участнику процесса не владеющему языком ведения производства по уголовному делу, но также и письменный перевод всех процессуальных документов, обязательных для ознакомления данного участника уголовного производства [6, ст. 18, ч. 3].

Фактически, перевод процессуальных документов на всех стадиях уголовного судопроизводства, по сво-

ей сути является одной из форм защиты, обеспечения и реализации прав каждого человека на национальную и языковую самоидентификацию, является инструментом обеспечения участника уголовного процесса, рядом фундаментальных прав, закрепленных внутренним и международным законодательством, а именно: правом свободно, незамедлительно и беспрепятственно получать исчерпывающую и подробную информацию о причинах задержания, выдвигаемых обвинениях, об избрании меры пресечения, а также беспрепятственный доступ к информации о своих правах и способах их реализации [5, пп. 10–16].

Таким образом, есть все основания утверждать, что выполнение перевода процессуальных документов является обязательной, составной частью уголовного процесса как на стадии проведения следственных действий, так и на стадии судебного разбирательства, в отсутствие которой, невозможно было бы представить соблюдение принципа состязательности и равноправия сторон в частности, и законности в целом.

Однако, несмотря на то, что вышеперечисленные права являются основополагающими, фундаментальными и обязательными к применению во всех без исключения случаях, когда какой-либо участник не владеет языком ведения судопроизводства, сама возможность их реализации является неоднозначной, в некоторых случаях крайне затруднительной.

Так, например, перед началом следственного действия, в котором участвует переводчик, следователь обязан удостовериться в его компетентности [6, ст. 169 ч. 2], однако, порядок проверки компетентности переводчика не регламентирован, более того, законом к переводчику выдвигается лишь одно требование: свободное владение языком, знание которого необходимо для перевода [6, ст. 59 ч. 1]. То есть, переводчик не обязательно должен быть выпускником какого-либо профильного учебного заведения, он лишь должен свободно владеть нужным языком.

В этой связи необходимо было бы уточнить, что именно следует понимать под «свободным» владением языком. Ни отечественные, ни зарубежные нормативные правовые акты не дают однозначного ответа на этот вопрос.

Федеральные государственные образовательные стандарты по направлению «перевод и переводоведение» ограничиваются лишь формулировкой: «Способен применять знания иностранных языков и знания о закономерностях функционирования языков перевода, а также использовать систему лингвистических знаний при осуществлении профессиональной деятельности» [7, п. 3.3].

Разработанная Советом Европы система «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком» (Common European Framework of References, CERF) подразделяет компетентность изучающих язык на три базовых уровня, каждый из которых, в свою очередь, делится еще на два, однако, данная систе-

ма понятием «свободное владение языком» также не оперирует.

Тем не менее, анализируя научно-лингвистические статьи, можно с уверенностью сказать, что под «свободным владением» в профессиональном сообществе обычно понимается уровень владения иностранным языком соответствующий уровню C1 (advanced) и выше.

Таким образом, суть проверки компетенции переводчика можно свести к проверке наличия у переводчика сертификата на владение необходимым языком уровня C1 либо C2. При этом, отечественное законодательство не содержит каких бы то ни было норм, позволяющих выявить соответствие «свободного владения языком» с каким бы то ни было уровнем системы CERF, оставляя данный вопрос исключительно на совести следователя. Вопрос компетентности переводчиков, окончивших профильные высшие и средние учебные заведения, языковые курсы, а также носителей нужного языка, остается открытым.

Изучение практики показывает, что в реальности проверка компетенции переводчика сводится к удостоверению его личности, то есть проверяется личность переводчика, но не его компетентность. Кроме того, если переводчик участвовал в следственных действиях, то, как правило, он же вызывается и в суд, где его компетентность уже не проверяется, так как предполагается, что ранее она проверялась следователем.

Соответственно, поскольку реальная проверка компетентности переводчика следователем или судом в настоящее время является практически невыполнимой, учитывая, что право пользоваться услугами переводчика, является базовым принципом правосудия, нарушение которого, по своей сути является нарушением принципа презумпции невиновности, а также принципа состязательности и равноправия сторон, представляется целесообразным конкретизировать требования, выдвигаемые к компетентности переводчика. В этой связи следует обратить внимание на зарубежную практику сертификации судебных переводчиков. При таких обстоятельствах, вопрос проверки компетентности переводчика должен быть решен

путем принятия нормативного акта на федеральном уровне.

Список источников

1. Гринев С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев // М., 1990.
2. Шугрина Е. С. Техника юридического письма. М., 2000.
3. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М. : Филология три, 2002.
4. Алексеева Л. М. Терминоведение и философия // Стереотипность и творчество в тексте : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 6 / Отв. ред. М. П. Котюрова. Пермь, 2003.
5. Резолюция Генеральной ассамблеи ООН от 09.12.1988 43/173(XLIV).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 05.12.2022).
7. ФГОС 45.05.01 Перевод и переводоведение. Приказ Минобрнауки России от 12 февраля 2020 г. № 989.

References

1. Grinev S. V. Introduction to terminology / S. V. Grinev // M., 1990.
2. Shugrina E. S. Technique of legal writing. M., 2000.
3. Fedorov A. V. Fundamentals of the general theory of translation. M. : Philology Three, 2002.
4. Alekseeva L. M. Terminology and philosophy // Stereotyping and creativity in the text: An interuniversity collection of scientific papers. Issue 6 / Ed. by M. P. Kotyurov. Perm, 2003.
5. UN General Assembly Resolution of 12/9/1988 43/173 (XLIV).
6. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ dated December 18, 2001 (as amended on 12/05/2022).
7. FGOS 45.05.01 Translation and Translation studies. The order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated February 12, 2020. № 989.

Информация об авторе

М. А. Саломатин – бакалавр Московского финансово-промышленного университета «Синергия».

Information about the author

M. A. Salomatina – Bachelor of the Moscow Financial and Industrial University «Synergy».

Статья поступила в редакцию 27.11.2023; одобрена после рецензирования 29.12.2023; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted 27.11.2023; approved after reviewing 29.12.2023; accepted for publication 05.02.2024.

Научная статья

УДК 342.2

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-173-178>

EDN: <https://elibrary.ru/awslyx>

НИОН: 2015-0066-1/24-926

MOSURED: 77/27-011-2024-01-125

Правовое регулирование вовлечения национально-культурных автономий в реализацию задач государственной национальной политики

Светлана Евгеньевна Титор¹, Кристина Константиновна Лактюшина²

^{1,2} Государственный университет управления, Москва, Россия

¹ setitor@mail.ru

² kris-22.09@mail.ru

Аннотация. Одним из приоритетных направлений национальной политики является развитие национально-культурных автономий и других общественных объединений этнокультурной направленности, их вовлечение в реализацию задач государственной национальной политики Российской Федерации. Национально-культурные автономии имеют свой правовой статус, определенный действующим законодательством. Их развитие и эффективное функционирование требуют правового регулирования. В настоящем исследовании выявлены пробелы в законодательном регулировании деятельности национально-культурных автономий и сформулированы предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: национальная политика, законодательство, образование, общественные объединения, национально-культурные автономия, этнические объединения

Для цитирования: Титор С. Е., Лактюшина К. К. Правовое регулирование вовлечения национально-культурных автономий в реализацию задач государственной национальной политики // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 173–178. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-173-178>. EDN: AWSLYX.

Original article

Legal regulation of the involvement of national cultural autonomies in the implementation of the tasks of the state national policy

Svetlana E. Titor¹, Kristina K. Laktyushina²

^{1,2} State University of Management, Moscow, Russia

¹ setitor@mail.ru

² kris-22.09@mail.ru

Abstract. One of the priorities of the national policy is the development of national cultural autonomies and other public associations of ethno-cultural orientation, their involvement in the implementation of the tasks of the state national policy of the Russian Federation. National-cultural autonomies have their own legal status determined by the current legislation. Their development and effective functioning require legal regulation. The present study identifies gaps in the legislative regulation of the activities of national cultural autonomies and formulates proposals for its improvement.

Keywords: national policy, legislation, education, public associations, national-cultural autonomy, ethnic associations

For citation: Titor S. E., Laktyushina K. K. Legal regulation of the involvement of national cultural autonomies in the implementation of the tasks of the state national policy. Bulletin of economic security. 2024;(1):173–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-173-178>. EDN: AWSLYX.

За последние годы в Российской Федерации сформировались тысячи общественных объединений, созданных по этнокультурному признаку. По состоянию на 14 июля 2023 г. в реестре Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН России) значатся 1 268 национально-культурные автономии, в том числе

22 – федеральные, 289 – региональные, 957 – местные [1]. Всего в этнокультурном секторе гражданского общества действуют более 10 тыс. некоммерческих организаций, зарегистрированных Минюстом России, около 32 тыс. религиозных организаций 60 деноминаций. Следует отметить, что согласно статье 1 Федерального

© Титор С. Е., Лактюшина К. К., 2024

закона «О национально-культурной автономии» [2] национально-культурная автономия является видом общественного объединения и действует в организационно-правовой форме общественной организации. Поэтому проблемы нормативно-правового обеспечения деятельности национально-культурных автономий тождественны во многом проблемам нормативно-правового обеспечения деятельности общественных объединений и общественных организаций.

Одним из таких направлений может стать участие национальных автономий в реализации мероприятий в части социальной и культурной сплоченности и интеграции мигрантов, сейчас это рассматривается как одна из ведущих целей их создания, что отражено в определении национально-культурной автономии, данном в Федеральном законе «О национально-культурной автономии».

Следует указать, что национально-культурные автономии и другие общественные объединения граждан могут осуществлять свою деятельность во взаимодействии с государственными структурами только на добровольной основе. Данный тезис вытекает из статей 15 и 17 Федерального закона «Об общественных объединениях» [3]. На основе принципов автономии и самоуправления общественные объединения свободны в определении своей внутренней структуры, целей, форм и методов деятельности. Органы государственной власти и должностные лица не вправе вмешиваться в деятельность общественных объединений, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом. Органы государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации оказывают организационную и иную поддержку национально-культурным автономиям (далее также НКА) в разработке и реализации государственных программ в области сохранения и развития национальных (родных) языков, а органы исполнительной власти всех уровней могут содействовать НКА в издании книг, выпуске периодической печати, организации телерадиовещания, создании средств массовой информации на национальных (родных) языках. В части сохранения и развития национальной культуры органы исполнительной власти направляют деятельность государственных и муниципальных учреждений культуры на удовлетворение национально-культурных потребностей; обеспечивают сохранность памятников истории и культуры, представляющих ценность для граждан Российской Федерации, относящихся к определенным этническим общностям, и являющихся частью культурного наследия Российской Федерации.

Что же касается специального законодательства, регулирующего вопросы деятельности и поддержки национально-культурных автономий, то самого пристального внимания заслуживает Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии». Основной акцент в законе сделан на функциях НКА по сохранению самобытной культуры этно-

сов (в первую очередь – национальных языков). Особо подчеркивается экстерриториальный характер НКА: «право на национально-культурную автономию не является правом на национально-территориальное самоопределение» [2].

Изменения, внесенные в Федеральный закон «О национально-культурной автономии» в апреле 2022 г. [4], предусматривают полномочия ФАДН России по ведению реестра национально-культурных автономий [1]. Кроме того, данные изменения актуализируют полномочия Консультативного совета по делам национально-культурных автономий: уточняется его состав (из представителей федеральных национально-культурных автономий), полномочия (в том числе право на участие в разработке проектов нормативных правовых актов в области сохранения самобытности народов России, согласование деятельности национально-культурных автономий и др.).

Таким образом, в Российской Федерации есть достаточно стройная система законодательных актов, регламентирующая деятельность национально-культурных автономий и иных общественных объединений этнокультурной направленности и, что важнее, государственную поддержку их деятельности.

По мнению ряда ученых [5], в настоящее время роль национально-культурных автономий нуждается в переосмыслении. Она должна стать более активной с учетом присоединения новых территорий. Национально-культурные автономии не должны концентрироваться исключительно на собственных целях и задачах, функционировать изолированно от других институтов гражданского общества. В нынешних условиях требуется более широкое взаимодействие всех организаций, реализующих задачи в сфере межнациональных отношений.

В подавляющем большинстве случаев общественные объединения, зарегистрированные в качестве НКА, являются примером эффективных институтов гражданского общества. Объединяя и представляя интересы своих членов, НКА имеют возможность быстро доводить те или иные проблемы, возникающие в сфере межнациональных отношений, до руководителей органов местного самоуправления, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Представители многих НКА являются членами общественных и консультативных советов, создаваемых при органах местного самоуправления, при органах законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также при профильных комитетах обеих палат Федерального Собрания Российской Федерации, федеральных министерствах, агентствах и службах. В формате деятельности указанных советов представители НКА имеют широкие возможности взаимовыгодной политической коммуникации. Практически все НКА имеют контакты с депутатским корпусом, представители которого имеют серьезную заинтересованность в таких контактах. Получая от представителей НКА актуальную и

чувствительную информацию в указанной сфере, представители депутатского корпуса имеют возможности гораздо более эффективно, по сравнению с кандидатами в депутаты, опубличивать пользующиеся поддержкой населения идеи для укрепления собственного политического авторитета и последующего переизбрания. С другой стороны, контакты общественного объединения с органами государственной власти и местного самоуправления дают первому возможность укрепить свой авторитет, увеличить количество членов, получить поддержку инициатив и т. д.

В то же время необходимо понимать, что между любыми общественными объединениями и их лидерами, в том числе и НКА, существует высочайшая степень конкуренции. Как показывает практика, наиболее остро конкурируют между собой общественные объединения именно с тождественными уставными целями. Конкуренция между НКА за финансирование и иные меры государственной поддержки, а также за социальную базу и влияние в обществе в такой сфере, как национальная политика, крайне негативно сказывается на деятельности органов государственной власти в указанной области. При большом количестве общественных объединений представителям исполнительной власти и депутатам зачастую сложно понять, представляют ли кого-нибудь реально те или иные общественные объединения? Каково истинное количество их членов и (или) сторонников? Наконец, ведет ли реально та или иная НКА какую-либо общественную, политическую и экономическую деятельность. Государственные органы, взаимодействуя с общественными объединениями, которые реально не ведут общественную деятельность и не представляют актуальные интересы большого количества членов (либо не имеют таковых), дискредитируют себя. В особенности это касается тех ситуаций, когда фиктивно существующие общественные объединения получают существенную государственную финансовую, организационную, информационную и иную поддержку. Подобное часто происходит, когда общественное объединение возглавляет председатель с большим количеством связей во властных структурах, но не пользующейся реальной поддержкой со стороны представляемой группы. Такой руководитель не заинтересован в увеличении количества членов общественного объединения, поскольку с ростом количества последних снижается его возможность быть переизбранным. Это вынуждает представляемую группу создавать другие организации, которые не имеют государственной поддержки, но реально представляют интересы своих членов. Подобная ситуация создает высокую степень напряжения в представляемой группе, поэтому большое количество существующих общественных объединений НКА может свидетельствовать об имеющемся негативе.

Анализируя полноту и достаточность нормативного правового обеспечения государственной национальной политики Российской Федерации в части поддержки и развития национально-культурных автономий и иных

аналогичных общественных объединений, следует отметить, с одной стороны, наличие развитого базового законодательства, регулирующего деятельность некоммерческого сектора вообще, с другой стороны, ряд принципиальных пробелов в регулировании деятельности НКА.

Федеральное законодательство достаточно полно регулирует общественные отношения, возникающие в связи с реализацией гражданами права на объединение, в том числе вопросы создания, деятельности, реорганизации и ликвидации общественных объединений [3], а также особенности правового положения некоммерческих организаций (НКО) и формы государственной поддержки НКО [6]. Особенно это касается социально ориентированных НКО – исполнителей общественно полезных услуг.

Примером такой поддержки могут служить субсидии из федерального бюджета, предоставляемые социально ориентированным НКО (в том числе этнокультурной направленности) в сфере духовно-просветительской деятельности [7]. Данные субсидии предоставляются некоммерческим организациям в целях государственной поддержки мероприятий в сфере духовно-просветительской деятельности, направленных на снижение межэтнической межконфессиональной напряженности на территории РФ.

Однако, согласно Реестру социально ориентированных некоммерческих организаций [8], получающих государственные субсидии на основные виды деятельности, из 324 организаций на реализацию вопросов защиты национальных интересов получает субсидии только одна организация – Всероссийская общественная организация ветеранов «Боевое братство». Реестр НКО, получающих субсидии на реализацию деятельности в области национальной политики, ведет ФАДН. Согласно реестру финансовую поддержку в 2023 году получают 21 НКО. Помощь оказывается в среднем от 700,0 тыс. руб. до 10,0 млн руб. [1]. Эта цифра значительно ниже, чем была в прошлом, 2022 году. Согласно отчету ФАДН в 2022 году финансовую поддержку получали 60 НКО.

Следует также обратить особое внимание на то, что механизм государственного контроля за общественными объединениями вообще и НКА в частности представляется несовершенным и требующим более четкого законодательного урегулирования. Так, согласно положениям Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» [3], последние могут создаваться гражданами как общественное объединение с правами юридического лица, так и общественное объединение без таковых. Разница между ними заключается только в одном: общественное объединение, созданное без прав юридического лица, не может вступать в имущественные отношения с другими юридическими лицами, гражданами, государством. Но, с другой стороны, оно не подлежит и государственной регистрации в органах Министерства юстиции Российской Федерации. Сведений о нем не содержится в едином государствен-

ном реестре юридических лиц, оператором которого является Федеральная налоговая служба РФ. В этой связи существует большое количество «неучтенных» общественных объединений НКА (например, студенческие межнациональные клубы и др.).

Однако, даже если говорить о тех общественных объединениях национально-культурных автономий, которые созданы с правами юридического лица, полного представления об их существовании и деятельности у уполномоченного на контроль их деятельности федерального государственного органа (Минюста России) нет. В частности, учет членов любого общественного объединения – это внутреннее дело самого общественного объединения и Министерством юстиции Российской Федерации не контролируется. Так, любая общественная организация (национально-культурные автономии) создаются с правами юридических лиц именно в организационно-правовой форме общественной организации) может указать абсолютно любое количество членов. И такую информацию объективно не сможет проверить ни один государственный орган.

Более того, внесению в ЕГРЮЛ подлежит имя руководителя единоличного исполнительного органа общественной организации. В то же время высшим органом любой общественной организации является коллегиальный орган (конференция членов). Она избирает коллегиальный исполнительный орган (правление). Действующее законодательство не предусматривает внесение в ЕГРЮЛ сведения о членах коллегиального органа общественной организации. В этой связи фактически Минюст России не имеет сведений о том, кто персонально входит в правление той или иной общественной организации (среди таковых, как и среди членов НКА, могут быть, например, иностранные агенты, лица, находящиеся под иностранным влиянием, имеющие судимость за преступления экстремисткой направленности и др.) Нередки случаи, когда в состав правления общественной организации могут избираться лица, не имеющие права входить туда в силу требований антикоррупционного законодательства (чиновники разного уровня, депутаты). Действующим законодательством предусмотрена обязанность предоставлять отчетность в Министерство Юстиции Российской Федерации в части персонального состава руководящих органов только для части общественных организаций [9]. В соответствии с пп. «д» п. 2 вышеуказанного приказа освобождены от сдачи отчетности в Министерство Юстиции Российской Федерации организации, удовлетворяющей трем условиям:

- 1) в числе учредителей, которых нет иностранных граждан или юридических лиц;
- 2) в течение года организация не получала каких-либо средств от иностранных источников;
- 3) сумма всех средств, полученных организацией в течение года, не превышает 3 млн руб. Такие организации вместо отчета подают уведомление о продолжении деятельности.

Однако, даже если общественная организация имеет обязанность предоставлять отчет, санкция за непредоставление отчета является незначительной (предусмотрена ст. 19.7 КоАП) [10] – на должностных лиц от 300 до 500 руб., от 3 000 до 5 000 руб. на юридическое лицо.

Фактически, однажды зарегистрировав ту или иную общественную организацию, национально-культурную автономию, Минюст может много лет не иметь никаких реальных сведений о деятельности такой организации до того момента, пока общественная организация не будет включена в план проверки Минюста. Но такой проверочный механизм эффективен на уровне общероссийских общественных объединений, которые регистрируются центральным аппаратом Минюста России и их число невелико. Во всех сферах их несколько сотен, а именно национально-культурных автономий – 22. Региональные управления Минюста России, где зарегистрированы многие сотни национально-культурных автономий, организовывать и проводить их периодические проверки возможности не имеют.

Таким образом, нормативно-правовое обеспечение государственной национальной политики Российской Федерации в части поддержки и развития национально-культурных автономий и других общественных объединений этнокультурной направленности нуждается в ряде дополнений:

- 1) расширение числа критериев предоставления государственной поддержки социально ориентированным НКО на проведение культурно-просветительских мероприятий, направленных на снижение межэтнической межконфессиональной напряженности;
- 2) изложение статьи 4 Федерального закона «О национально-культурной автономии» в редакции: «Федеральными законами, конституциями (уставами), законами субъектов Российской Федерации национально-культурной автономии могут быть предоставлены и иные права» (без указания сферы образования и культуры);
- 3) установление в статье 6 Федерального закона «О национально-культурной автономии» обязанности руководства НКА ежегодно сообщать в Федеральное агентство по делам национальностей о наличии либо отсутствии в своем составе лиц, признанных иностранными агентами, находящихся под иностранным влиянием и (или) имеющих судимость за преступления экстремисткой направленности.

При рассмотрении данного вопроса следует обратить внимание на некоторые недоработки законодателя в понятийном аппарате. Стратегия национальной политики требует учитывать этнокультурный фактор при обеспечении сбалансированного, комплексного и системного развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. При этом законодательного или нормативного определения «этнокультурный фактор» в действующем законодательстве не содержится. Более того, нет и доктринального единства в понимании указанного термина. Размытость и невозможность

единообразного понимания указанного термина исключает возможность адекватной правовой реализации содержащего его правового требования.

Например, п. 1 ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса РФ предусматривает такой квалифицирующий признак убийства, как убийство, совершенное по мотиву кровной мести, влекущее более строгое наказание, чем убийство без отягчающих обстоятельств. При этом общепризнано, что обычай кровной мести существует только у народов Северного Кавказа. Вменить указанный квалифицирующий признак представителю иной национальности нельзя. Закономерно, что представители народов Северного Кавказа считают указанную норму Уголовного кодекса РФ дискриминационной, ухудшающей именно их положение по сравнению с другими народами России. Несомненно, указанная норма противоречит положениям Конституции Российской Федерации, части 1 и 2 статьи 19 которой устанавливают равенство граждан перед законом и судом, а также равенство прав и свобод человека независимо от национальности и происхождения. Очевидно, что авторы Уголовного Кодекса Российской Федерации, считают кровную месть как квалифицирующий признак убийства, как этнокультурный фактор, всецело обусловленный сознанием этноса. Полагая, что закрепление такого признака в УК РФ достаточно для того, чтобы народы Северного Кавказа отказались от следования такому обычаю. Однако, если полагать, что этнокультура обусловлена всецело материальными условиями жизни этноса, необходимо исключить указанную норму из УК РФ, поскольку для ее реализации требовалось бы сначала изменить материальные условия жизни народов Северного Кавказа.

Анализ показал, что наибольшую степень нормативно-правового обеспечения имеет государственная национальная политика в части отношений с участием коренных малочисленных народов Российской Федерации.

Государственная политика в отношении коренных малочисленных народов в Российской Федерации является наиболее полной в нормативно-правовом отношении. Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» устанавливает правовые основы обеспечения гарантий особого социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Российской Федерации, защиты их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов. В соответствии с этим законом федеральные органы исполнительной власти наделяются полномочиями по разработке и реализации единой политики в области разработки и реализации федеральных и региональных программ использования и охраны территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов, оценки природных ресурсов, землеустройства и мониторинга земель, защиты среды их исконного обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов. Правительство Российской Федерации [11]

утверждает порядок возмещения убытков, причиненных малочисленным народам, объединениям малочисленных народов, лицам, относящимся к малочисленным народам, в результате нанесения ущерба исконной среде обитания малочисленных народов хозяйственной деятельностью организаций всех форм собственности, а также физическими лицами. Законом установлен порядок учета лиц, относящихся к малочисленным народам.

Список источников

1. ФАДН России : реестр НКА // <https://fadn.gov.ru/otkritoe-agenstvo/reestr-nka/> (дата обращения: 01.10.2023).
2. Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» // <https://base.garant.ru/135765/> (дата обращения: 01.10.2023).
3. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // СЗ РФ. 22.05.1995. № 21. Ст. 1930.
4. Федеральный закон от 1 апреля 2022 г. № 89-ФЗ «О внесении изменений в статьи 6 и 7 Федерального закона «О национально-культурной автономии» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403707982/> (дата обращения: 01.10.2023).
5. Андриченко Л. В. Правовые механизмы сохранения этнокультурной самобытности народов Российской Федерации и формирования общероссийской гражданской идентичности // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 38–51.
6. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 01.10.2023).
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 января 2021 г. № 49 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета на поддержку некоммерческих организаций в сфере духовно-просветительской деятельности и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400149905/?ysclid=ll53fle3qt843495140> (дата обращения: 01.10.2023).
8. <https://mintrud.gov.ru/nko/default/index> (дата обращения: 14.08.2023).
9. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 30 сентября 2021 г. № 185 «О формах и сроках представления в Министерство юстиции Российской Федерации отчетности некоммерческих организаций» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396649/?ysclid=llshwgfx6424087149 (дата обращения: 01.10.2023).
10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (посл. ред.) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/7b011357d4e047a506940779e198e462946c9456/ (дата обращения: 01.10.2023).

11. Постановление Правительства РФ от 27 января 2022 № 59 «Об утверждении Положения о возмещении убытков при ухудшении качества земель, ограничении прав собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков, а также правообладателей расположенных на земельных участках объектов недвижимости и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_408140/ (дата обращения: 01.10.2023).

References

1. The Federal Tax Service of Russia : Register of NGOs // <https://fadn.gov.ru/otkrito-agenstvo/reestr-nka/> (accessed: 01.10.2023).
2. Federal Law № 74-FZ of 17.06.1996 «On National-cultural autonomy» // <https://base.garant.ru/135765/> (accessed: 01.10.2023).
3. Federal Law № 82-FZ of 19.05.1995 «On Public Associations» // NW RF. 22.05.1995. № 21. Art. 1930.
4. Federal Law № 89-FZ of 01.04.2022 «On Amendments to Articles 6 and 7 of the Federal Law «On National-Cultural Autonomy»» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403707982/> (accessed: 01.10.2023).
5. Andrichenko L. V. Legal mechanisms for preserving the ethno-cultural identity of the peoples of the Russian Federation and the formation of the All-Russian civil identity // Journal of Russian Law. 2020. № 6. P. 38–51.
6. Federal Law «On Non-profit Organizations» dated 12.01.1996 № 7-FZ // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (accessed: 01.10.2023).

7. Resolution of the Government of the Russian Federation № 49 of January 26, 2021 «On Approval of the Rules for Granting Subsidies from the Federal Budget to Support Non-Profit Organizations in the Field of spiritual and Educational activities and on Invalidation of Certain Acts of the Government of the Russian Federation» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400149905/?ysclid=ll53fle3qt843495140> (accessed: 01.10.2023).

8. <https://mintrud.gov.ru/nko/default/index> (accessed: 01.10.2023).

9. Order of the Ministry of Justice dated 30.09.2021 № 185 «On forms and deadlines for submitting reports of non-profit organizations to the Ministry of Justice of the Russian Federation» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396649/?ysclid=llshwgfx6424087149 (accessed: 01.10.2023).

10. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 № 195-FZ (post.ed.) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/7b011357d4e047a506940779e198e462946c9456/ (accessed: 01.10.2023).

11. Resolution of the Government of the Russian Federation of 27.01.2022 № 59 «On approval of the Regulations on compensation for losses in case of deterioration of the quality of land, restriction of the rights of owners of land plots, Land Users, Landowners and Tenants of land plots, as well as Rightholders of Real estate Objects located on land plots and on Invalidation of Certain acts of the Government of the Russian Federation» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_408140/ (accessed: 01.10.2023).

Информация об авторах

С. Е. Титор – Государственный университет управления, кандидат юридических наук, доцент;
К. К. Лактюшина – Государственный университет управления.

Information about the authors

S. E. Titor – State University of Management, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;
K. K. Laktyushina – State University of Management.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.11.2023; одобрена после рецензирования 29.12.2023; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted 27.11.2023; approved after reviewing 29.12.2023; accepted for publication 05.02.2024.

Научная статья

УДК 343.3/7

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-179-183>

EDN: <https://elibrary.ru/aiupmh>

НИОН: 2015-0066-1/24-927

MOSURED: 77/27-011-2024-01-126

Особенности квалификации отдельных преступных деяний, совершаемых в период проведения специальной военной операции

Александр Юрьевич Цыганков¹, Александр Сергеевич Александров²

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, tsygan.alexandr2017@yandex.ru

² Московский университет им. С.Ю. Витте, Москва, Россия, alexsandrowalexsandrow@gmail.com

Аннотация. Исследуется проблема квалификации отдельных преступных деяний, совершаемых в период проведения специальной военной операции Вооруженными силами Российской Федерации. В рамках рассматриваемого вопроса авторы определяют сущность и содержание публичного распространения под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил Российской Федерации. Делается вывод о том, что для поддержания стабильной общественной ситуации назрела необходимость ужесточения мер по противодействию распространению заведомо ложной информации о происходящих событиях и действиях Вооруженных сил, а также принятия мер по ужесточению уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных статьей 207.1 Уголовного Кодекса РФ и статьями 31 и 151 Уголовно-процессуального Кодекса РФ.

Ключевые слова: специальная военная операция, демилитаризация, денацификация, заведомо ложная информация, «фейки», акции антивоенного протеста, информационное партнерство, специализированные подразделения и органы

Для цитирования: Цыганков А. Ю., Александров А. С. Особенности квалификации отдельных преступных деяний, совершаемых в период проведения специальной военной операции // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 179–183. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-179-183>. EDN: AIUPMH.

Original article

Features of qualification of individual criminal acts committed during a special military operation

Alexander Yu. Tsygankov¹, Alexander S. Alexandrov²

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, tsygan.alexandr2017@yandex.ru

² S.Yu. Witte Moscow University, Moscow, Russia, alexsandrowalexsandrow@gmail.com

Abstract. The problem of qualifying individual criminal acts committed during the period of a special military operation of the Armed Forces of the Russian Federation is being examined. Within the framework of the issue under consideration, the authors determine the essence and content of public dissemination under the guise of reliable messages of deliberately false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation in order to protect the interests of the Russian Federation and its citizens. It is concluded that in order to stabilize the social situation, it is necessary to tighten measures to counteract the spread of knowingly false information about ongoing events and the actions of the armed forces, as well as to take measures to prevent disinformation in the information space.

Keywords: special military operation, demilitarization, denazification, deliberately false information, «fakes», anti-war protests, information partnership, specialized units and bodies

For citation: Tsygankov A. Yu., Alexandrov A. S. Features of qualification of individual criminal acts committed during a special military operation. Bulletin of economic security. 2024;(1):179–83. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-179-183>. EDN: AIUPMH.

© Цыганков А. Ю., Александров А. С., 2024

Актуальность темы данного вопроса заключается в том, что специальная военная операция стала наиболее крупным актом использования российских Вооруженных Сил и других воинских формирований, где законом предусмотрена военная служба [1]. Масштабы этого события требуют более глубокого и детального рассмотрения с правовой точки зрения, поскольку любой период ведения боевых действий не может обойтись без совершения отдельных преступных деяний, возникающих в силу различных факторов и обстоятельств, неизменно сопровождающих процессы вооруженного и политического противостояния. В случае со специальной военной операцией возникают и вовсе новые проблемы, такие как дезинформация и организация общественных беспорядков на территории государства, осуществляющего специальную военную операцию.

Указом Президента Российской Федерации от 21 февраля 2022 года № 71 «О признании Донецкой Народной Республики» в пункте 4 было заявлено следующее: «В связи с обращением Главы Донецкой Народной Республики к Министерству обороны Российской Федерации обеспечить до заключения договора, названного в пункте 3 настоящего Указа, осуществление Вооруженными Силами Российской Федерации на территории Донецкой Народной Республики функций по поддержанию мира. В связи с обращением Главы Донецкой Народной Республики Министерству обороны Российской Федерации обеспечить до заключения договора, названного в пункте 3 настоящего Указа, осуществление Вооруженными Силами Российской Федерации на территории Донецкой Народной Республики функций по поддержанию мира» [2].

Чтобы понять, что собой представляет специальная военная операция, стоит взять во внимание определение данного типа военных операций. Специальные военные операции – это военные мероприятия, проводимые специально организованными и подготовленными силами, имеющими специальное оснащение, применяющими методы и способы боевых действий, не характерные для обычных сил. Такие мероприятия проводятся с применением всех видов военных действий и на всех уровнях, самостоятельно или в координации с действиями обычных сил, для достижения политических, военных, идеологических, психологических и экономических целей. Военно-политические соображения могут требовать использования скрытых, тайных или негласных методов и принятия некоторой степени физического или политического риска, не связанного с обычными операциями [3].

Задачами специальной военной операции являются денацификация и демилитаризация, при этом, Президент Российской Федерации В. В. Путин заявил в своем обращении 24 февраля 2022 года, что эти понятия не связаны с полномасштабным военным вторжением и оккупацией территории суверенного государства. В таком случае, необходимо понять, что же означают такие понятия как денацификация и демилитаризация.

Денацификация – изначально мероприятия по очищению государственной, общественно-политической,

экономической и культурной жизни Германии и Австрии от наследия нацистского режима, выявлению и наказанию нацистских преступников и активных национал-социалистов. Решение о проведении денацификации главы правительств СССР, США и Великобритании приняли на Крымской (Ялтинской) конференции 1945 года. Цели политики денацификации были изложены в документе «Политические и экономические принципы, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период», одобренном руководителями этих держав на Берлинской (Потсдамской) конференции 1945 года; правовая основа денацификации заложена постановлениями № 1 от 20 сентября 1945 г. и № 2 от 10 октября 1945 г. Союзнического Контрольного совета в Германии (СКС) [4].

Второй задачей специальной военной операции является демилитаризация, которую определяют, как разрушение, запрещение какому-либо государству возводить укрепления, иметь военную промышленность и содержать вооруженные силы, вывод войск и боевой техники, конверсию военных отраслей промышленности.

Здесь возникает только один вывод: операция имеет задачей сократить уровень военной угрозы, которая была охарактеризована как «реальная угроза не просто нашим интересам, а самому существованию нашего государства, его суверенитету», сформулированный, в свою очередь, в вышеупомянутом обращении Президента Российской Федерации В. В. Путина.

Очевидна связь термина денацификации с российским уголовным правом. Понимая значение данного термина и его применение, причины, повлекшие его употребление в наши дни, мы можем сослаться на статью 354.1 главы XII УК РФ «Реабилитация нацизма». В рамках этой статьи можно увидеть правонарушения, которые регулярно совершаются в период проведения специальной военной операции:

1. Распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества;
2. Осквернение символов воинской славы России, оскорбление памяти защитников Отечества;
3. Унижение чести и достоинства ветеранов Великой Отечественной Войны, совершаемое зачастую публично;
4. Рассматриваются эти же деяния, совершенные группой лиц или с использованием средств массовой информации или информационной сети Интернет [5].

В пространстве сети Интернет регулярно происходят столкновения между пользователями. Распространение информации, имеющей дискриминационный характер, призывы против государства Российской Федерации и разжигающие национальную рознь в наши дни стали обыкновенным явлением, но, однако, это также является нарушением.

Уголовное право должно рассматривать проблему комплексно. Помимо исследования причин и истоков, повлекших за собой начало специальной военной опе-

рации, стоит учитывать иные правонарушения, возникающие в результате операции. Таковыми, например, могут считаться антивоенные протесты, начавшиеся 24 февраля 2022 года.

Российская правозащитница Марина Литвинович разместила обращение к россиянам в своем инстаграмм-аккаунте, в котором объявила о запланированных антивоенных протестных акциях и призвала несогласных с военной политикой Президента РФ россиян выходить на улицы.

Стоит учитывать, что это не было санкционированными митингами, что является нарушением статьи 20.2 КоАП РФ «Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования». И эта проблема могла бы оставаться проблемой административного права, если бы эти митинги не приобрели систематический характер. Начавшись 24 февраля 2022 года, закончились они только через полторы недели – 6 марта, причем последний митинг отличился рекордным показателем численности участников, достигнув отметки в пять тысяч человек. Поскольку незаконных митингов, против которых правоохранительными органами принимались меры, было восемь в период с 24 февраля по 6 марта, то они попадают под рассмотрение статьей 212.1 УК РФ «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования». Причины, послужившие основанием для митингов, напрямую связаны с проведением специальной военной операции, при этом сами митинги попадают в поле уголовного права.

В пространстве сети Интернет участились случаи распространения непроверенной или заведомо ложной информации касательно ведения боевых действий, которые могли бы дискредитировать действия Вооруженных сил Российской Федерации. Именно эта особенность отражает ситуацию с возникновением преступных деяний, связанных с проведением специальной военной операции. Со времен последних крупных конфликтов, проходивших в период Советского Союза, наше государство еще не сталкивалось с таким организованным и систематическим информационным противостоянием, с которым столкнулось с началом специальной военной операции. Распространение заведомо ложной информации, а также информации экстремистского содержания или разжигающей этноконфессиональную вражду, с чем сейчас регулярно сталкиваются пользователи сети Интернет, определенно является преступным деянием, исходя из самого данного определения преступного деяния как общественно опасного, противоправного, сознательно-волевого деяния (действия или бездействия), наносящего вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом.

В связи с этим Государственная Дума и Совет Федерации 4 марта 2022 года приняли проект поправок в Уголовный кодекс РФ, которыми вводятся штрафы и

уголовная ответственность для россиян за распространение «заведомо ложной информации» («фейков») о российской армии, за антивоенные действия и призывы, а также призывы к введению санкций против России. Одним из факторов, детерминирующим развитие преступности, является активность лиц, уполномоченных в предусмотренных законом случаях на причинение вреда охраняемым общественным отношениям.

УК РФ дополнен новой статьей – 207.3 «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил РФ», следует из текста законопроекта. Закон принят «в целях защиты интересов РФ и ее граждан». Если «заведомо ложная информация» («фейки») распространялась с использованием служебного положения, – а одним из факторов, детерминирующим развитие преступности, является активность лиц, уполномоченных в предусмотренных законом случаях, к примеру, на причинение вреда охраняемым общественным отношениям [6], а также организованной группой лиц, «с искусственным созданием доказательств обвинения», из корыстных побуждений, по мотивам ненависти и вражды, наказание за его нарушение – штраф в размере от 700 тысяч до 1,5 млн рублей и лишение свободы на срок до 3 лет.

Данные деяния, если они повлекли тяжкие последствия, наказываются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с лишением права занимать определенные должности или занимать определенной деятельностью на срок до пяти лет [7].

События февраля–марта 2022 года показывают, что противодействие специальной военной операции осуществляется не только военным, но и информационным способом, позволяющим осуществлять дезинформацию общества и способствовать организации общественных беспорядков. В период проведения специальной военной операции выделилось такое явление как «фейки», являющиеся ничем иным, как оружием информационной войны. В такое время на российское уголовное право ложится важная задача противодействовать подобного рода преступным деяниям, которые способны привести как к заблуждению людей, так и вовсе стать почвой для опасных провокаций, вызванных вредоносным психологическим воздействием на граждан, успех которого не менее зависит от успехов в информационной войне, приводящих к неправильному формированию представлений о происходящих событиях и не позволяющих сформировать объективного мнения. Принцип «кто владеет информацией, тот владеет миром» никогда не теряет своей актуальности, особенно в случае, когда развернута самая настоящая информационная война, и уголовное право при таком положении дел должно выступать надежным щитом, защищающим общество от воздействия лиц и организаций, пытающихся дестабилизировать общественную ситуацию в своих интересах, что может привести к беспорядку и противоправности, всегда сопровождающим подобные процессы.

Важным является вопрос разработки мер противодействия распространению заведомо ложной информации. Стоит отметить сразу, что сейчас принимаются достаточно фундаментальные меры по противодействию «фейкам» на законодательном уровне, однако, решить проблему лишь посредством закона и твердого проявления власти – невозможно, особенно в современном обществе. Самым простым из возможных способов минимизации «фейков» является наполнение информационной среды официальными данными. Возможность сделать это проявляет себя как в традиционных СМИ, так и в сети Интернет. Инструментами могут служить рассылки официальных пресс-релизов, организации пресс-конференций со спикерами, а также интервью с участием лидеров мнений и иных пресс-мероприятий, осуществлять работу через крупные официальные аккаунты и популярные среди пользователей неофициальные группы, с которыми возможно установить информационное партнерство. При этом работу можно осуществлять посредством таргетированной (целевой) рекламы. Главное, чтобы работа велась на постоянной основе, и ее задачей являлось регулярное наполнение информационного пространства корректной информацией относительно происходящих событий.

Следует отвечать на распространение ложной информации путем опровержения, осуществляемого посредством предоставления развернутой достоверной информации. Необходимо начать делать это с тех же площадок, с которых и началось распространение «фейков». Маловероятно, что информацию, появившуюся на площадке, к примеру, молодежного сообщества в социальной сети «ВКонтакте» и набравшую популярность, удастся эффективно опровергнуть лишь через официальные СМИ. Однако, выявляется и такая проблема, что не каждый гражданин, являющийся, к примеру, руководителем определенной информационной площадки, на которой происходит дезинформация, осознает степень важности происходящего и необходимость сотрудничества с органами власти. Так, зачастую сами введенные в заблуждение или проявляющие равнодушие к происходящему, они допускают попадание через свои площадки в сеть Интернет недостоверной и вредоносной информации в силу недостаточно сформированного гражданского сознания, чьим важным качеством является ответственность как за свои действия, так и за происходящее вокруг.

Здесь находит свое место такой важный аспект, как правовая идеология, которая должна учитываться как необходимый фактор согласия между государством и обществом, ведь правовая идеология в социальном смысле – договорной (консенсуальный) феномен (это также важное свойство связано с его дискурсивным качеством). Степень совпадения правовой идеологии гражданского общества и юридической идеологии государства обуславливает степень легитимности власти в обществе, степень эффективности функционирования правовой системы в целом (здесь еще можно говорить о

дополнении юридической идеологии правовой идеологией общества) [8].

Таким образом, для эффективного пресечения преступных деяний, связанных с проведением специальной военной операции, важным инструментом для предотвращения их совершения является формирование взаимосвязанных интересов государства и общества, активное донесение до граждан объективной информации о сложившейся ситуации и работа по укреплению гражданского самосознания, в частности, предполагающего формирование должного понимания гражданами необходимости консолидироваться в столь неординарных обстоятельствах и готовности к сотрудничеству с органами государственной власти и правопорядка. Единение юридической идеологии государства и правовой идеологии гражданского общества так же расширит возможности государства по формированию нормативно-правовой базы, регулирующей подобного рода нетривиальные ситуации, в которых оказывается государство, как, например, проведение специальной военной операции, но не сопровождающейся, при этом, введением военного положения, а также других ситуаций, в которых государство и общество сталкиваются с очевидными угрозами национальной безопасности.

Исходя из сложившейся ситуации сегодняшнего дня, назрела необходимость на период проведения специальной военной операции создания специализированного подразделения или органа, осуществляющего выявление и пресечение преступных деяний, предусмотренных ст. 207.3 «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации» и ст. 280.3 «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности». Предлагается отнести эти преступные деяния на период ведения специальной военной операции к преступлениям средней тяжести или как отягчающие вину обстоятельства, которые увеличивают степень общественной опасности, включив данные положения в вышеперечисленные статьи Уголовного кодекса Российской Федерации.

Список источников

1. Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ с изм. и доп. на 2021 г. Москва : Эксмо, 2021.
2. Указ Президента Российской Федерации от 21 февраля 2022 г. № 71 «О признании Донецкой Народной Республики» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202>.
3. Юридическая энциклопедия // https://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/10720/%D0%A1%D0%9F%D0%95%D0%A6%D0%98%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%AB%D0%95_%D0%9E

D0%9F%D0%95%D0%A0%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%98.

4. Библиография : словарь исторических терминов / Сост. В. С. Симаков ; под общ. ред. А. П. Крюковских. СПб. Лита, 1998.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации : текст с изменениями и дополнениями на 1 октября 2021 года + таблица изменений + путеводитель по судебной практике. М. : Эксмо, 2021.

6. Цыганков А. Ю. Уголовно-правовая характеристика деяний, причиняющих вред при исполнении закона : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Цыганков Александр Юрьевич. М., 2011. 18 с.

7. Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202>.

8. Клименко А. И. Правовая идеология как особая форма идеологии современного политически организованного общества: сущность и функциональные характеристики // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 10. С. 14–23.

References

1. Federal Law «On military duty and military service» dated March 28, 1998 № 53-FZ, as amended and additional for 2021. Moscow : Eksmo, 2021.

2. Decree of the President of the Russian Federation of February 21, 2022 № 71 «On the recognition of the Donetsk People's Republic» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202>.

3. Legal Encyclopedia // https://yuridicheskaya-encyclopediya.academic.ru/10720/%D0%A1%D0%9F%D0%95%D0%A6%D0%98%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%AB%D0%95_%D0%9E%D0%9F%D0%95%D0%A0%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%98.

4. Bibliography : dictionary of historical terms / Comp. V. S. Simakov ; Under total ed. A. P. Kryukovskikh. SPb., Lita, 1998.

5. Criminal Code of the Russian Federation : text with amendments and additions as of October 1, 2021 + table of amendments + guide to judicial practice. M. : Eksmo, 2021.

6. Tsygankov A. Yu. Criminal-legal characteristics of acts that cause harm in the execution of the law : specialty 12.00.08 «Criminal law and criminology; penal law» : abstract of the dissertation for the degree of candidate of legal sciences / Tsygankov Alexander Yuryevich. M., 2011. 18 p.

7. Federal Law № 32-FZ of 04.03.2022 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202>.

8. Klimenko A. I. Legal ideology as a special form of the ideology of a modern politically organized society : essence and functional characteristics // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 10. P. 14–23.

Информация об авторах

А. Ю. Цыганков – доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук;

А. С. Александров – студент 2 курса юридического факультета Московского Университета им. С. Ю. Витте.

Information about the authors

A. Yu. Tsygankov – Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences;

A. S. Alexandrov – 2nd year Student of the Faculty of Law of the S.Yu. Witte Moscow University.

Вклад авторов

А. Ю. Цыганков – научное руководство; постановка проблемы; формулирование гипотезы и концепции исследования; развитие методологии; анализ результатов исследования; описание результатов и формирование выводов;

А. С. Александров – критический анализ литературы; сбор эмпирических данных, их анализ и интерпретация; написание исходного текста; доказательство гипотезы исследования; итоговые выводы.

Contribution of the authors

A. Yu. Tsygankov – scientific management; formulation of the problem; formulation of the hypothesis and concept of the study; development of methodology; analysis of research results; description of the results and formation of conclusions;

A. S. Alexandrov – critical analysis of literature; collection of empirical data, their analysis and interpretation; writing the original text; proof of the research hypothesis; final conclusions.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 12.02.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 12.02.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-184-186>

EDN: <https://elibrary.ru/ajsdsx>

НИОН: 2015-0066-1/24-928

MOSURED: 77/27-011-2024-01-127

О допустимости распространения информации человеком и гражданином в Российской Федерации

Владимир Владимирович Шепель

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия

Аннотация. На основе анализа юридической литературы и законодательства о допустимости распространения информации человеком и гражданином в Российской Федерации обосновано несколько суждений: Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. является нормативным правовым актом с наивысшей юридической силой, в которой провозглашены основные права и свободы человека и гражданина, правда, декларативно; право на распространение информации человеком и гражданином в Российской Федерации провозглашено в статье 29 Конституции РФ; конституционное право на распространение информации человеком и гражданином в Российской Федерации урегулировано в многочисленных нормативных правовых актах с разной юридической силой; нормативным правовым актом, специально предназначенным для распространения информации, является Федеральный закон РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 8 июля 2006 г.

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, нормативный правовой акт, Конституция РФ от 12 декабря 1993 г., федеральный закон РФ, Федеральный закон РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 8 июля 2006 г., конституционные права, право на распространение информации, комплексное правоприменение

Для цитирования: Шепель В. В. О допустимости распространения информации человеком и гражданином в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 184–186. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-184-186>. EDN: AJSDSX.

Original article

On the permissibility of the dissemination of information by a person and a citizen in the Russian Federation

Vladimir V. Shepel

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia

Abstract. Based on the analysis of legal literature and legislation on the permissibility of the dissemination of information by a person and a citizen in the Russian Federation, several judgments are substantiated: the Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 is a normative legal act with the highest legal force, in which the basic rights and freedoms of man and citizen are proclaimed, however, declaratively; the right to disseminate information by man and citizen in the Russian Federation is proclaimed in Article 29 of the Constitution of the Russian Federation; the constitutional right to disseminate information by man and citizen in the Russian Federation is regulated The Federal Law of the Russian Federation «On Information, Information Technologies and Information Protection» of July 8, 2006 is a normative legal act with different legal force; a normative legal act specifically designed for the dissemination of information is the Federal Law of the Russian Federation «On Information, Information Technologies and Information Protection».

Keywords: Russian Federation, legislation, regulatory legal act, Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993, Federal Law of the Russian Federation, Federal Law of the Russian Federation «On Information, Information Technologies and Information Protection» of July 8, 2006, constitutional rights, the right to disseminate information, comprehensive law enforcement

For citation: Shepel V. V. On the permissibility of the dissemination of information by a person and a citizen in the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2024;(1):184–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-184-186>. EDN: AJSDSX.

© Шепель В. В., 2024

Предметом данной статьи является допустимость распространения информации человеком и гражданином в Российской Федерации.

Первоначально о состоянии теории.

Так, Е. В. Дженакова на основе «анализа теоретико-правовых концепций понимания категории «объект правоотношения» определила «объекты информационных правоотношений» («Рассмотрение правоотношения по распространению информации как структурно сложного информационного блага позволяет точнее определять пределы распространения информации, особенно в части его ограничения (ограничения могут быть направлены на содержание, информационно-телекоммуникационный ресурс или действия субъекта распространения); формировать систему норм, гарантирующих комплексную защиту прав и интересов получателей информации, механизм обеспечения информационной неприкосновенности; детализировать круг субъектов распространения, устанавливать их правосубъектность, права, обязанности, ответственность, функциональную роль») [1].

Авторы – единомышленники (И. А. Белецкий и Н. В. Вишнякова) сформулировали «вывод о том, что распространение, одобрение, отрицание как признаки объективной стороны преступлений, совершаемых в сети Интернет, позволяют оценивать такие деяния и как единичные простые, и как единичные сложные» («Подытоживая вышесказанное, отметим:

– использование законодателем при описании признаков объективной стороны состава преступления отглагольных существительных заставляет правоприменителя устанавливать в конкретной ситуации, означает ли совершенное деяние «действие» или же «результат действия»;

– в пользу того или другого решения свидетельствует обстановка совершения преступления: если распространение, отрицание или одобрение свидетельствуют о том, что лицо выражает свою позицию способом, растянутым во времени, например, используя в аватаре «запрещенные» надписи, прикрепляя их на «стене» своей страницы, в результате чего любой пользователь сети Интернет видит позицию автора, виновный рассчитывает на длительное воздействие на сознание людей. Тем самым имеет место действие как процесс, действие, вызывающее преступное состояние, обладающее общественной опасностью, – налицо одноактное деяние; если лицо распространяет, одобряет или отрицает определенные факты и эти действия совершены в форме комментария или сообщения в мессенджерах, сообществах социальных сетей, то есть представляют из себя реплику, – совершено единичное простое преступление; многоактное распространение запрещенной информации может образовывать признаки продолжаемого преступления») [2].

Е. А. Ильяшенко ограничилась проблемами «уголовно-правовой характеристики состава публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшего тяжкие последствия»

(«Таким образом, публичность распространения общественно значимой информации может быть установлена только в случаях передачи информации неопределенному кругу лиц либо определенной группе, но состоящей из множества лиц, не находящихся в родственно-семейных связях или в иных близких отношениях») [3].

Исследование Л. Ю. Зуевой посвящено «рассмотрению некоторых спорных вопросов, касающихся процедуры рассмотрения административных дел о признании информации, размещенной в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено, и необходимости уточнения и разъяснения некоторых положений гл. 27.1 КАС РФ» («В результате проведенного исследования, представленного в настоящей статье, можно сделать вывод о том, что гл. 27.1 КАС РФ «Производство по административным делам о признании информации, размещенной в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено» в целях повышения качества судебных постановлений и исключения ошибок при рассмотрении административных дел данной категории требует существенных уточнений со стороны законодателя, разъяснений на уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также глубокого научного осмысления») [4].

Разнообразие суждений о предупреждении преступности во многом предопределяет и несовершенство законодательства Российской Федерации.

Первоначально обращаемся к Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. [6] как к нормативному правовому акту с наивысшей юридической силой на территории Российской Федерации, в которой обнаруживаем несколько принципиально важных положений: «1. Каждому гарантируется свобода мысли и слова. 2. Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. 3. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них. 4. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом. 5. Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается» – ст. 29.

Положения статьи 29 Конституции РФ детализированы в Федеральном законе РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 8 июля 2006 г. [7] («1. Настоящий Федеральный закон регулирует отношения, возникающие при: 1) осуществлении права на поиск, получение, передачу, производ-

¹ Об оценке неоднократности внесения изменений и дополнений в Конституцию РФ [6, с. 67–74].

ство и распространение информации; 2) применении информационных технологий; 3) обеспечении защиты информации. 2. Положения настоящего Федерального закона не распространяются на отношения, возникающие при правовой охране результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом» – ст. 1).

Таким образом, исследования относительно допустимости распространения информации человеком и гражданином в Российской Федерации необходимо продолжать.

Во-первых, Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. является нормативным правовым актом с наивысшей юридической силой, в которой провозглашены основные права и свободы человека и гражданина, правда, декларативно.

Во-вторых, право на распространение информации человеком и гражданином в Российской Федерации провозглашено в статье 29 Конституции РФ.

В-третьих, конституционное право на распространение информации человеком и гражданином в Российской Федерации урегулировано в многочисленных нормативных правовых актах с разной юридической силой.

В-четвертых, нормативным правовым актом, специально предназначенным для распространения информации, является Федеральный закон РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 8 июля 2006 г.

Список источников

1. Дженакова Е. В. Распространение информации как объект права // Российский юридический журнал. 2018. № 6.
2. Белецкий И. А., Вишнякова Н. В. Распространение, одобрение или отрицание информации в сети Интернет : единичное простое или сложное преступление? // Уголовное право. 2023. № 7.
3. Ильяшенко Е. А. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной обще-

ственно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия // Российский следователь. 2023. № 5.

4. Зуева Л. Ю. Рассмотрение судами административных дел о признании информации, размещенной в сети Интернет, информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено // Административное право и процесс. 2022. № 2.

5. Галузо В. Н. Власть прокурора в Российской Федерации : Монография. Часть IV. Возрождение права. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2021.

6. Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // РГ. 1993. 25 декабря; 2020. 4 июля.

7. Федеральный закон РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 8 июля 2006 г. // СЗ РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448; 2023. № 32 (часть I). Ст. 6138.

References

1. Jenakova E. V. Dissemination of information as an object of law // Russian Law Journal. 2018. № 6.
2. Beletsky I. A., Vishnyakova N. V. Dissemination, approval or denial of information on the Internet : a single simple or complex crime? // Criminal law. 2023. № 7.
3. Pyashenko E. A. Criminal liability for the public dissemination of deliberately false socially significant information, which entailed grave consequences // A Russian investigator. 2023. № 5.
4. Zueva L. Yu. Consideration by the courts of administrative cases on the recognition of information posted on the Internet as information whose dissemination is prohibited in the Russian Federation // Administrative law and Process. 2022. № 2.
5. Galuzo V. N. The power of the prosecutor in the Russian Federation : Monograph. Part IV. Revival of Law. M. : UNITY-DANA, 2021.
6. Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 // WG. 1993. December 25; 2020. July 4th.
7. Federal Law of the Russian Federation «On Information, Information Technologies and Information Protection» dated July 8, 2006 // SZ RF. 2006. № 31 (part I). Art. 3448; 2023. № 32 (Part I). Art. 6138.

Информация об авторе

В. В. Шепель – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Information about the author

V. V. Shepel – Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 12.02.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 12.02.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-187-190>

EDN: <https://elibrary.ru/aktdyp>

НИОН: 2015-0066-1/24-929

MOSURED: 77/27-011-2024-01-128

Современные проблемы криминалистического исследования новых видов почерковых объектов

Елена Антоновна Шкоропат¹, Роза Ватановна Бондаренко², Елена Евгеньевна Колбасина³

¹ Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия, shkoropat@mail.ru

^{2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² bon_roz@mail.ru

³ elena-kolbasina@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы назначения и производства почерковедческой экспертизы, возникающие в связи с интенсивным развитием цифровых технологий и предоставлением на исследование новых видов почерковых объектов. Поэтому возникает необходимость актуализации теоретических и методических аспектов судебного почерковедения, в зависимости от особенностей новых видов почерковых реализаций.

Ключевые слова: почерковые объекты, судебно-почерковедческая экспертиза, условия выполнения рукописи, интерактивные поверхности

Для цитирования: Шкоропат Е. А., Бондаренко Р. В., Колбасина Е. Е. Современные проблемы криминалистического исследования новых видов почерковых объектов // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 187–190. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-187-190>. EDN: AKTDYP.

Original article

Modern problems of forensic research new types of handwriting objects

Elena A. Shkoropat¹, Roza V. Bondarenko², Elena E. Kolbasina³

¹ Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia, shkoropat@mail.ru

^{2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

² bon_roz@mail.ru

³ elena-kolbasina@mail.ru

Abstract. The article deals with the problematic issues of handwriting examination arising in connection with the intensive development of digital technologies and the provision of new types of handwriting objects for research. Therefore, there is a need to update the theoretical and methodological aspects of judicial handwriting, depending on the characteristics of new types of handwriting implementations.

Keywords: handwriting objects, forensic handwriting examination, conditions for the execution of the manuscript, interactive surfaces

For citation: Shkoropat E. A., Bondarenko R. V., Kolbasina E. E. Modern problems of forensic research new types of handwriting objects. Bulletin of economic security. 2024;(1):187–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-187-190>. EDN: AKTDYP.

Цифровые технологии в последние несколько десятков лет оказывают существенное влияние на все сферы деятельности человека, приводят к преобразованиям различных областей знаний и вызывают необходимость их модернизации. Данные процессы также вызывают качественные изменения в экспертной деятельности и требуют внесения соответствующих корректив и проведения новых научных разработок.

В настоящее время помимо традиционных рукописных материалов на судебно-почерковедческое исследо-

вание поступают объекты, выполненные на различных интерактивных поверхностях (стилусом на планшете, смартфоне и т. п.). В современных условиях почерковые реализации выполняются различными пишущими приборами на разных материалах письма, поэтому судебно-почерковедческая экспертиза нуждается в существенных коррективах как теоретического, так и методического обеспечения с учетом новых видов объектов.

Прежде всего, необходимо определить место новых видов объектов в сложившейся системе. Классификация

© Шкоропат Е. А., Бондаренко Р. В., Колбасина Е. Е., 2024

объектов судебно-почерковедческой экспертизы, как известно, осуществляется по различным основаниям:

- по виду (рукописные тексты, подписи); по составу (буквы, цифры, смешанные);
- по объему (большого, среднего, малого объема, краткие записи);
- по материалам письма (выполненные с применением традиционных или нетрадиционных материалов письма);
- по информативности (информативные, малоинформативные, неинформативные);
- по условиям выполнения (в обычных или необычных условиях письма).

На наш взгляд, почерковые реализации, выполненные на интерактивных поверхностях, по виду, составу и объему систематизируются аналогично традиционным рукописям, поэтому представляется целесообразным рассмотреть их по последним трем из указанных оснований.

Изучая новые виды объектов, необходимо учесть, что не всегда эксперту удастся сразу установить материал письма, которым выполнена почерковая реализация, для отнесения его к группе традиционных либо нетрадиционных. Зачастую это зависит от того, на каком носителе, электронном или бумажном в виде копии, представлен рукописный объект на исследование. На стадии предварительного исследования определение материалов письма, с применением которых выполнен почерковый объект, может вызвать затруднение, и только в результате детального изучения становится возможным достоверно решить этот вопрос. Поэтому предпочтительнее в распоряжение эксперта предоставлять рукопись на носителе-оригинале.

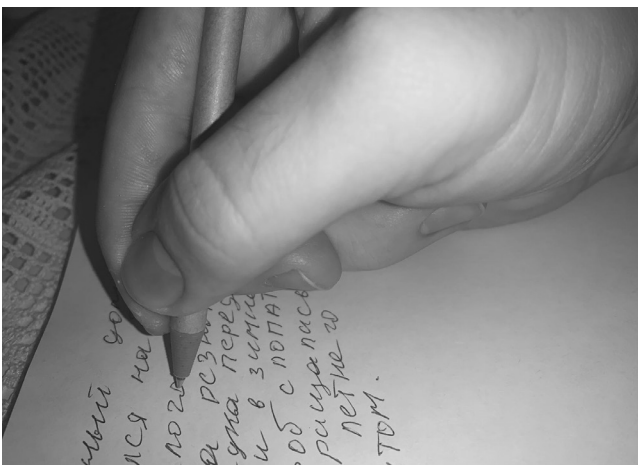
Установление информативности новых видов объектов зависит от нескольких условий, к числу которых относится качество исследуемого объекта. Данное условие имеет решающее значение для выявления и оценки достаточного количества информативных признаков. Почерковая реализация, выполненная на интерактивной поверхности и представленная на бумажном носителе, оценивается с точки зрения информативности исходя из качества электронной версии, с которой распечатан объ-

ект, типа печатающего устройства (принтера), качества самой копии. Информативность рукописи, представленной в электронном формате, зависит от качества цифровых файлов, содержащих изображение почеркового объекта, формата сохранения изображения и других параметров. Поэтому определение информативности такого вида почерковой реализации устанавливается исходя из критериев оценки для соответствующей формы (бумажной или цифровой).

Рассматривая условия выполнения рукописи стилусом на интерактивных поверхностях, исходя из того, что данные материалы письма относятся к нетрадиционным, то условия являются необычными, а сбивающие факторы, влияющие на процесс письма, входят в группу естественных (объективных) внешних. Однако нужно учесть, что некоторые исполнители уже довольно длительное время выполняют рукописные записи (конспекты, заметки и пр.) на интерактивных поверхностях, отказавшись от традиционных материалов письма нескольких лет назад. Для таких исполнителей осуществление письменного акта на указанных материалах письма уже стали привычными, соответственно условия выполнения рукописи – обычными.

Помимо определения материалов письма, в группе естественных (объективных) внешних сбивающих факторов также устанавливается способ (привычный, непривычный) удержания пишущего прибора. Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что исполнители с выработанным письменно-двигательным навыком удерживают пишущий прибор привычным для них способом, не зависимо от того, относится он к традиционным материалам письма или нет.

Анализ проявления признаков почерка исполнителя, который долгое время пользуется интерактивными материалами письма, проведен в рукописи, выполненной шариковой ручкой на листе бумаги и в рукописи, выполненной стилусом на экране планшета. Данный анализ показал, что не все общие признаки почерка проявляются одинаково. Так в рукописи, выполненной шариковой ручкой на листе бумаги, размер интервалов между строками и между словами оказался неустой-

Илл. № 1. Способ удержания шариковой ручки

Илл. № 2. Способ удержания стилуса

чивым, направление линий письма – поднимающееся, наблюдается наличие ретуши и исправлений, размер почерка средний. При этом в рукописи, выполненной стилусом на экране планшета размер интервалов между строками и между словами – средний, направление линий письма – горизонтальное, ретушь и исправления отсутствуют, размер почерка большой. Остальные общие признаки почерка совпали в своем проявлении.

Частные признаки почерка проявились в пределах вариационности, существенных трансформаций не выявлено.

Необходимо заметить, что данный анализ не носит характер всестороннего и полномасштабного экспериментального исследования, однако позволяет утверждать, что при соблюдении ряда условий предоставления материалов на судебно-почерковедческую экспертизу, решение идентификационного вопроса возможно в категорической форме.

Представляется важным сформулировать некоторые рекомендации подготовки и назначения данного вида экспертизы. Прежде всего, хотелось бы отметить, что при необходимости, следователь (дознатель), осуществляющий предварительное расследование по конкретному уголовному делу, по которому должна быть назначена судебно-почерковедческая экспертиза может, а в отдельных случаях, должен, проконсультироваться со специалистом в данной экспертной области знаний. Это необходимо для того, чтобы в дальнейшем после назначения почерковедческой экспертизы, уже в процессе исследования, у эксперта, по возможности, не возникало вопросов по существу исследования и поставленным перед ним задачам.

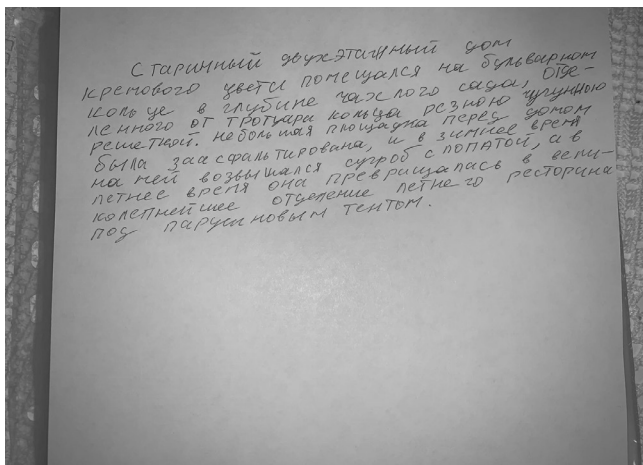
Формулирование вопросов эксперту позволяет точно определить круг задач предстоящего исследования. От полноты, детализации и конкретики вопросов, которые ставит субъект предварительного расследования перед экспертом, в значительной степени зависит их успешное решение в ходе производства экспертизы.

Излагая обстоятельства дела в постановлении или определении о назначении судебно-почерковедческой экспертизы, эксперту должны быть представлены сведе-

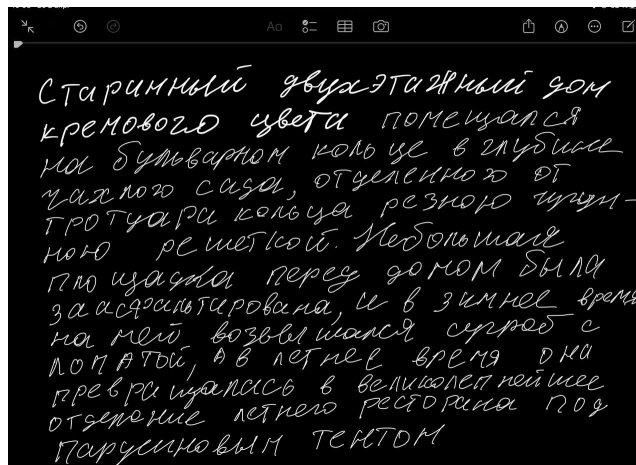
ния, касающиеся объекта исследования. Проведенный анализ судебной, следственной и экспертной практики показывает, что зачастую инициаторы назначения экспертизы ограничиваются простым переносом кратких обстоятельств дела из других документов в постановление или определение, и не отражают значимой для проведения почерковедческого исследования информации. Причинами подобных действий может стать банальная некомпетентность следователя (дознателя) в области почерковедческой экспертизы или, что хуже, дефицит времени для подробного описания информации, нужной эксперту. Вследствие чего, например, отсутствие сведений об исполнителе и возможных условиях выполнения спорной рукописи лишает эксперта значимой информации, которая способствует выдвиганию наиболее обоснованных экспертных версий и объективной оценке выявленных признаков. Если на исследование направляется новый вид почеркового объекта, то эксперту необходимо предоставить информацию о предполагаемом исполнителе и объеме его письменной практики с применением интерактивных материалов письма. Такие данные могут способствовать выдвиганию наиболее обоснованных экспертных версий, повышению достоверности исследования и научной обоснованности выводов.

При подготовке и назначении судебно-почерковедческой экспертизы нужно, по возможности, предоставлять почерковый объект в электронном формате, наилучший вариант для исследования – предоставление на объекте-носителе. Если такое невозможно, направлять эксперту качественную копию (как в электронном, так и в бумажном виде) с обязательным указанием материалов письма, которые применялись при выполнении спорной почерковой реализации. Также при назначении судебно-почерковедческой экспертизы по новым видам объектов предоставлять в распоряжение эксперта сопоставимые образцы почерка, т. е. выполненные с помощью аналогичных исследуемому объекту материалов письма.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что цифровая эпоха способствует модернизации всех областей знаний и вносит существенные коррективы в экспертную деятельность. Активное внедрение цифровых

Илл. № 3. Рукопись, выполненная шариковой ручкой на листе бумаги

Илл. № 4. Рукопись, выполненная стилусом на экране планшета

технологий привело к появлению новых видов объектов экспертного исследования, выявило актуальные вопросы и приоритетные направления деятельности для их решения. Совместное решение общих задач субъектами экспертно-криминалистической деятельности и органами предварительного расследования в рамках производства по уголовным делам, создают и новые перспективы как научного, так и практического применения полученных знаний.

Библиографический список

1. Жижина М. В. Судебно-почерковедческая экспертиза документов / Под ред. проф. Е. П. Ищенко. М. : Издательство «Юрлитинформ». 2006.
2. Россинская Е. Р., Бодров Н. Ф. Современное состояние и перспективы исследования образцов цифровых следов в судебной почерковедческой экспертизе // научный журнал: Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 1 (21) С. 121–135.
3. Почерковедение и почерковедческая экспертиза : учебник / под ред. В. В. Серегина. Волгоград : ВА МВД России, 2007.

4. Яскина В. Э. Почерковые объекты, выполненные с применением нетрадиционных материалов письма, как новый элемент системы объектов судебно-почерковедческой экспертизы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России № 4 (76). СПб., 2017. С. 141–143.

Bibliographic list

1. Zhizina M. V. Forensic handwriting examination of documents / Ed. prof. E. P. Ishchenko. M. : Publishing house «Yurlitinform». 2006.
2. Rossinskaya E. R., Bodrov N. F. The current state and prospects for the study of digital trace samples in forensic handwriting expertise // scientific journal: Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2022. No. 1 (21). P. 121–135.
3. Handwriting and handwriting expertise : textbook / ed. V. V. Seregina. Volgograd : VA Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007.
4. Yaskina V. E. Handwriting objects made using non-traditional writing materials as a new element of the system of objects of forensic handwriting expertise // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 4 (76). SPb., 2017. P. 141–143.

Информация об авторах

Е. А. Шкоропат – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и правоохранительной деятельности Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), кандидат юридических наук, доцент;

Р. В. Бондаренко – доцент кафедры исследования документов Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Е. Е. Колбасина – доцент кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

E. A. Shkoropat – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Law Enforcement of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

R. V. Bondarenko – Associate Professor of the Department of Document Research of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

E. E. Kolbasina – Associate Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов

Е. А. Шкоропат – научное руководство; концепция исследования; разработка методики; написание исходного текста; итоговые выводы;

Р. В. Бондаренко – участие в разработке методики; доработка текста; итоговые выводы;

Е. Е. Колбасина – участие в разработке методики; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors

E. A. Shkoropat – scientific management, research concept, methodology development, writing the draft; final conclusions;

R. V. Bondarenko – participation in the development of the methodology, follow-on revision of the text, final conclusions;

E. E. Kolbasina – participation in the development of the methodology, follow-on revision of the text, final conclusions.

Статья поступила в редакцию 27.09.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 16.01.2024.

The article was submitted 27.09.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 16.01.2024.

Научная статья

УДК 338.45:622.276

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-191-197>

EDN: <https://elibrary.ru/ckymyl>

НИОН: 2015-0066-1/24-930

MOSURED: 77/27-011-2024-01-129

Экономическая безопасность в нефтяной промышленности: политические риски

Валентин Яковлевич Афанасьев¹, Дмитрий Анатольевич Суслов²

^{1,2} Государственный университет управления, Москва, Россия

¹ vy_afanasyev@guu.ru

Аннотация. Актуальность учета политических рисков в системе обеспечения экономической безопасности возрастает на фоне развития кризиса. В условиях резкого обострения политической ситуации, практическая деятельность аналитиков в части исследования политических рисков приобретает более значимый, чем это было ранее, характер. Поиск решений важнейших социально-экономических проблем требует глубокого исторического анализа, который затрагивает широкий спектр вопросов методологии оценки политических рисков. Реализация конкретных мер по предотвращению политических рисков в нефтяной промышленности во многом определяется уровнем технологического развития отрасли, состоянием рынков сбыта, характером межотраслевого сотрудничества, а также спецификой территориального размещения производства. В нефтяном секторе экономики особое значение приобретает необходимость интеграции политического риска в систему управления рисками предприятий. Уделено внимание качеству исследования политических рисков, уровню проработки наиболее вероятных сценариев, оценке характера и масштабов последствий принятых и принимаемых решений. Продемонстрирована актуальность разработки особых требований, предъявляемых как к подготовке специалистов данного профиля, так и к их подбору для проведения глубоких аналитических исследований.

Ключевые слова: политические риски, оценка рисков, нефтяная промышленность, добыча нефти, конкурентная борьба

Для цитирования: Афанасьев В. Я., Суслов Д. А. Экономическая безопасность в нефтяной промышленности: политические риски // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 191–197. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-191-197>. EDN: SKYMYL.

Original article

Economic security in the oil industry: political risks

Valentin Ya. Afanasyev¹, Dmitry A. Suslov²

^{1,2} State University of Management, Moscow, Russia

¹ vy_afanasyev@guu.ru

Abstract. The relevance of taking into account political risks in the system of ensuring economic security is increasing against the background of the development of the crisis. In the context of a sharp aggravation of the political situation, the practical activity of analysts in terms of studying political risks is becoming more significant than it was before. The search for solutions to the most important socio-economic problems requires in-depth historical analysis, which affects a wide range of issues of methodology for assessing political risks. The implementation of specific measures to prevent political risks in the oil industry is largely determined by the level of technological development of the industry, the state of sales markets, the nature of intersectoral cooperation, as well as the specifics of the territorial location of production. In the oil sector of the economy, the need to integrate political risk into the enterprise risk management system is of particular importance. Attention is paid to the quality of the study of political risks, the level of elaboration of the most likely scenarios, and the assessment of the nature and scale of the consequences of decisions taken and being made. The relevance of developing special requirements for both the training of specialists in this field and their selection for conducting in-depth analytical research is demonstrated.

Keywords: political risks, risk assessment, oil industry, oil production, competition

For citation: Afanasyev V. Ya., Suslov D. A. Economic security in the oil industry: political risks. Bulletin of economic security. 2024;(1):191–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-191-197>. EDN: SKYMYL.

© Афанасьев В. Я., Суслов Д. А., 2024

Необходимость учета политических рисков в системе обеспечения экономической безопасности (или шире – национальной безопасности) никогда не вызвала сомнений у ученых и представителей экспертного сообщества. Однако с учетом резкого обострения политической ситуации (санкции, поляризация глобальных целей, гибридный характер борьбы за глобальное лидерство) в практической деятельности аналитиков исследование рассматриваемого вида рисков приобретает более значимый, чем это было ранее, характер.

Безусловно, проведение оценки политических рисков основано на комплексном исследовании разнонаправленной, а иногда и противоречивой информации. Не затрагивая широкий спектр вопросов методологии оценки политических рисков, целесообразно воспользоваться примером, приведенным авторами Н. Е. Григорьевой и О. А. Колобовым, который ярко иллюстрирует применение сценарного метода. «Одной из возможностей, которую футурологи Shell решили предусмотреть, было резкое увеличение экспорта нефти и газа из СССР и следующее за ним падение цен. Дальнейшее развитие сценарной логики привело их к мысли, что это могло произойти только в случае краха или радикальной трансформации советской системы. Таким образом, еще лет за десять до соответствующих событий распад СССР был заложен футурологами Shell в базу сценариев» [1, с. 216]. Этот пример, очевидно, является наглядной иллюстрацией как не только глубинной взаимосвязи экономических прогнозов и политических процессов, так и важности купирования причин возникновения соответствующих рисков.

Во многом качество исследования политических рисков, уровень проработки наиболее вероятных сценариев, оценка характера и масштабов последствий принимаемых решений определяется человеческим фактором. Так, метод исторических аналогий, в отличие от экономико-статистических методов, будучи достаточно трудно формализуемым, нередко рассматривается как особого рода искусство. Это, в свою очередь, предъявляет особые требования как к подготовке специалистов данного профиля, так и к их подбору для проведения аналитических исследований. В некоторых случаях при выборе специалиста могут использоваться формулировки, такие как, например, «инстинкты эксперта».

На наш взгляд, эти «инстинкты» способны проявиться благодаря эрудиции, глубокому изучению первоисточников, идей, сформулированных свидетелями и участниками исторических событий. Нередко труды классиков, наряду с рекомендованными учебниками или справочными материалами приводятся в списке литературы в рамках отчета эксперта, экспертно-аналитического исследования, однако и нередко случаи, когда это делается в формальных декоративных целях, а бесценный накопленный опыт прошлого не учитывается.

На данный момент можно выделить ряд причин того, что именно топливно-энергетический комплекс (ТЭК) требует по отношению к себе в гораздо большей

степени исследования политических рисков. По степени влияния этих рисков ТЭК существенным образом выделяется среди прочих отраслей. Как правило, исторически национализация затрагивала интересы инвесторов в сфере нефтяной промышленности.

Кроме того, в равной степени необходимость учета фактора политических рисков очевидна также и при формировании современной международной транспортной инфраструктуры. То, что исследования в этой области не нашли должного отражения «связано с особым закрытым характером данной отрасли мировой экономики. Зачастую транспортные проекты задумывались и осуществлялись исходя из политических интересов руководства соответствующих стран или международных организаций, однако не учитывались как региональные, так и национальные экономические и коммерческие интересы» [2, с. 32].

«За рубежом проблематика, связанная с развитием нефтегазовой отрасли и эффективностью инвестиционных проектов, получила самое широкое освещение и рассмотрение после двух крупнейших мировых энергетических кризисов – 1973 г. и 1979–1982 гг., которые явились непосредственными катализаторами научных разработок в области экономики нефтегазового сектора и привлекли внимание научного сообщества к проблемам инвестиционной деятельности нефтегазовых компаний» [3].

Однако, при всем этом, одним из ярких и при этом недооцененным источником, отражающим исторические коллизии своего времени, причины и характер политических рисков, является книга американского журналиста Ладвея Денни «Борьба за нефтяную монополию», которая вышла в свет в 1928 г. Это издание посвящено вопросам борьбы между двумя крупнейшими государствами за мировую гегемонию, а борьба за нефтяные ресурсы рассматривается автором как важнейшая составная часть состязания за мировое господство. Т. е. работа Л. Денни в принципе отодвигает начало рассмотрения политических рисков в нефтяной промышленности более чем на полвека.

Несмотря на всю специфику отношения к рассматриваемой нефтяной проблеме с точки зрения защиты американских интересов, Денни в целом откровенно преподносит нефтяную проблему с позиции борьбы за передел источников сырья как часть борьбы за нефтяную гегемонию. Не случайно автор заканчивает свой труд следующими словами: «Война возможна. Война вероятна, если только обе империи путем взаимных уступок не постараются примирить свои многочисленные противоречивые интересы. Это потребует соответствующего дележа сырья и рынков, разделов морского господства без нарушения прав слабых наций. Если подобное дипломатическое чудо совершится, нефть потеряет свойство взрывчатого вещества в области международных отношений» [4, с. 180].

Таким образом, была обозначена группа политических рисков, связанных с борьбой за усиление кон-

курентных позиций, с обострением борьбы за доступ к энергетическим ресурсам, транспортной инфраструктуре, рынкам сбыта, а также в связи с процессами слияния и поглощения.

При анализе сегодняшних потенциальных рисков и угроз в настоящем, безусловно, жизненно важно глубочайшее знание истории вопроса, точная и объективная оценка краугольных событий, тонкое понимание динамики всех процессов без исключения. Если конкуренция (а, следовательно, и риски) в области международной торговли, колониальной политики, судостроения, металлургии, военного дела и т. д. имеет корни как минимум из эпохи средних веков, а к середине 19-го века уже в целом сложилось определенное понимание трендов экономических и политических процессов, то будущая роль «черного золота» современниками зарождения нефтяной промышленности была явно недооценена.

К истории вопроса стоит заметить, что впервые нефть в сколько-нибудь заметном объеме была добыта в 1857 г., а ее количество составило 1977 баррелей. «Началом промышленного освоения добычи нефти принято считать время появления механического бурения скважин в 1859 г. в США» [5, с. 13].

Таблица 1, составленная по данным К. Вейдемюллера, показывает беспрецедентную динамику роста мировой добычи нефти. Для наглядности, данные по приросту округлены до целых значений.

Таким образом, характерными для нефтяной промышленности того периода являются ее необычайно высокие темпы развития, что нашло отражение как в значительных инвестициях, так и необычайных размерах роста добычи и переработки.

Описывая ситуацию, связанную с контролем большей части мировых запасов со стороны Великобритании и САСШ, Л. Денни пишет: «САСШ проигрывают, ибо Великобритания захватила три четверти всех известных мировых запасов», и чтобы охарактеризовать создавшееся положение, Л. Денни цитирует английского нефтяного банкира сэра Эдварда Макея Эдгара: «Америка беспечно растрачивала в течение 60 лет то наследство, которого хватило бы ей при умелом использовании, по крайней мере, на полтора столетия. Как раз к тому моменту, когда американцы усвоили привычку расходовать в 20 раз больше нефти на душу населения, чем расходует в Великобритании, когда изобретения в области техники расширили границы применения нефти в промышленности до бесконечности, когда выражение «королева – нефть» стало таким же распространенным и правдивым, как это было 20 лет тому назад с выражением «король – сталь», когда наступила стадия контроля нефти над деньгами, сменившая стадию контроля денег над нефтью, САСШ вдруг узнают, что их главный источник снабжения, находящийся внутри страны, начинает иссякать и что господство над мировым нефтяным рынком должно вскоре уступить место соперничеству с другими странами из-за соответствующей доли в общей массе мирового нефтяного сырья...» [4, с. 37].

Таблица 1

Мировая добыча нефти, баррели

Год	Объем добычи	Прирост, разы
1857	1977	-
1860	509 000	250
1861	2 100 000	4
1873	10 800 000	5
1880	30 000 000	3
1895	103 700 000	3
1904	218 200 000	3
1914	403 700 000	2

Таблица 2

Мировая добыча нефти, тыс. тонн

Год	Объем добычи	Год	Объем добычи
1913	54 790	1926	156 917
1922	122 111	1928	189 248
1923	145 548	1929	212 014
1925	52 587	1931	186 609

В данном высказывании упомянуты, в том или ином виде основные риски, связанные с неэффективностью использования природных ресурсов, сменой экономического уклада, изменением роли мировой торговли и финансов, протекционизмом и т. д. Несмотря на публицистический, присущий своему времени стиль изложения, в тексте усматривается отсылка к тем факторам, учет которых необходим в рамках современных методологических подходов исследования феномена политического риска, а также практически указывается на универсальный характер риска данного вида.

При этом показателем не только объем инвестиций в американскую нефтяную промышленность, составивший в 1927 г. 11 млрд долларов. Но и инвестиции других участников рынка. Так, например, вложения румынской нефтяной промышленности, составлявшие в 1921 г. 2 238 млн лей в 1931 г., составили уже 13 236 млн лей, показав при этом практически шестикратный рост. Средняя стоимость добываемой ежегодно сырой нефти в САСШ составляла в пятилетие 1919–1923 гг. в круглых цифрах 962 млн долларов; в пятилетие 1924–1928 гг. – 1 197 млн долларов; в 1929 г. 1 280 млн долларов.

Мировая добыча по сравнению с 1913 г. почти учетверилась, по сравнению с 1921 г. она почти удвоилась. Анализ показывает, что в среднем каждый год давал примерно 11 % прироста к предыдущему году. Если в 1929 г. рост составил 12 %, то уже в 1930 г. картина меняется. То есть 1930 г. дает снижение на 5 %, 1931 г. – на 3 %, в 1932 г. – на 5 %.

«Без нефтепродуктов уже нельзя было ступить ни шагу, начиная с самых элементарных предметов повседневного обихода. Потребности в нефти росли стремительно. К 1928 г. ее производство в мире достигло 183 млн т, увеличившись более чем в 3 раза по сравнению с довоенным 1913 г. Основное количество нефти производилось в США – 125 млн т. На США в основном работала нефтедобыча Венесуэлы (15 млн т), и Мексики (7 млн т). Американские компании владели 80 % основ-

ных капиталов нефтяной промышленности. На нужды и потребности Европы «работали», в первую очередь, Персия (5,8 млн т), Румыния (4,3 млн т)» [6, с. 101].

Для более цельного понимания вопроса борьбы нефтяных концернов важным представляется следующее замечание К. Л. Вейдемюллера [7, с. 211], «по подсчетам немецкого специалиста, Альфреда Фабера, американцы «контролируют» до 79 % всего производства нефти. Конкретный результат нефтяного хищничества Англии пока выражается в том, что под ее «контролем» находится (по тем же подсчетам) около 15 % производства. Таким образом, если бы Англия и Соединенные Штаты заключили между собой союз, «англо-саксонская раса» контролировала бы в настоящее время не меньше 94 % производства! Только 6 % остается на долю остальных стран!

Этим современный момент в развитии нефтяного вопроса характеризуется достаточно точно и определенно. Тресты и концерны, овладевшие производством нефти, на 94 % являются американскими или английскими».

«Когда хотят объяснить человеческие отношения, говорят: «Ищите женщину». Когда приходится объяснять трагедии и комедии международных отношений, следует сказать: «Ищите нефть». Мировая война 1914 года была порождена интересами угольной и железной промышленности, теперь же первенство переходит к нефти. Мы живем в нефтяном веке, и на первом плане стоит нефтяной империализм. История ближайших двух поколений пройдет под знаком борьбы за нефть» [8, с. 174–175].

На страницах своей книги Л. Денни задается вопросом: «Каким образом и почему британское правительство уже в ту пору осознало международное могущество нефти, между тем как весь остальной мир уразумел эту истину только во время европейской войны?» И он же дает достаточно парадоксальный ответ: «Лондонское правительство осознало эту истину через одного гениального человека весьма редкой разновидности, а именно – профессионального военного, обладавшего воображением и не страшившегося своих бюрократических начальников. – Употребление нефтяного топлива повышает ценность любого флота, применяющего его, на 50 %. – В настоящее время это уже стало правоверной доктриной. Однако, когда адмирал лорд Фишер начал проповедовать ее британскому правительству в 1882 г., она казалась революционной ересью. Тем не менее, лондонские политики переполошились, узнав тогда, что СтандартОйл контролирует из общей мировой добычи в 35 млн баррелей 30 млн баррелей этого вещества, из-за которого какой-то «глупец», морской офицер, приходил в такое волнение» [4, с. 42]. Этот пример от Ладвея Денни слишком наглядно демонстрирует, что значит «уметь заглянуть за горизонт».

Из представленного материала следует, что монопольное положение прямого конкурента на рынке нефти прямого конкурента не сразу стало восприниматься как угроза национальным интересам. Аргументами для Бри-

тании послужило следующее: «Применение нефтяного топлива увеличит мощность британского флота на 33 % благодаря тому, что он получит возможность пополнять свои запасы топлива в море, на виду у неприятельских портов. Уголь вызывает необходимость отлучки около одной трети состава флота для пополнения топлива на какой-нибудь базе. Нефтьтопливо, расходуемое для парообразования, сокращает численный состав команды, обслуживающей машинное отделение и кочегарку, более чем на 60 %. Нефть не ухудшается во время хранения, уголь ухудшается. Преступно и безумно допускать хотя бы еще один фунт угля на борт военного судна» [4, с. 42].

Описывая ситуацию с переходом британского флота с традиционного угля на жидкое топливо, выдающийся исследователь нефтяного вопроса Дэниел Ергин пишет: «Многие считали такой переход нецелесообразным, поскольку вместо гарантированных поставок уэльского угля флот должен был зависеть от ненадежных поставок нефти из Персии, как тогда называли Иран. Показательно приведенное им высказывание Черчилля: «Чтобы полностью перевести флот на нефть, следовало быть во всеоружии против массы беспорядков» [9, с. 3].

К слову будет сказать, что и саму политическую фигуру Уинстона Черчилля не обошла и книга Л. Денни, в которой цитируется выступление первого лорда адмиралтейства перед палатой общин за год до начала Первой мировой войны, в котором он огласил политику, во многом определившую ход исторических событий. «Наша конечная цель заключается в том, чтобы адмиралтейство стало независимым собственником и производителем поставок нефтяного топлива. Во-первых, путем создания в нашей стране нефтяного резерва, достаточного для нашей безопасности во время войны и для страховки от колебаний цен в мирное время; во-вторых, путем получения возможности оперировать сырой нефтью по мере появления ее на рынке по дешевым ценам...<...> Третья задача нашей конечной цели заключается в том, что мы должны стать у самого источника владельцами, или по крайней мере, контролерами хотя бы части той природной нефти, которая нам нужна» [4, с. 43]. По сути, это был грандиозный, выверенный план минимизации политических рисков.

В целях управления складывающейся ситуацией «при кабинете министров Великобритании была основана комиссия по имперской нефтяной политике. Во время войны правительство временно приобрело у британских граждан акции Дэтш-Шелл. Затем новая нефтяная комиссия пришла к соглашению с сэром Генри Детердингом относительно установления частного британского контроля над Дэтш-Шеллом в мирное время и о быстрейшем переходе этой группы непосредственно под правительственный контроль в случае возникновения угрозы войны» [4, с. 45].

Л. Денни также пишет, что в 1921 г. британское правительство имело возможность объявить, что «свыше 90 % британского военного флота применяет нефтяное

топливо (по сравнению с 45 % до войны)». Также, кроме того, Британией был накоплен постоянный нефтяной резерв, достаточный для ведения военных действий в течение одного года.

В 1919 г. в Англии начал функционировать Департамент страхования экспортных кредитов (ExportCreditsGuaranteeDepartment, ECDG) как важнейший инструмент государственной политики стимулирования экспорта, рассчитанный на использование механизмов страхования, выдачи гарантий, а также непосредственное кредитование экспортеров. То есть разработка мер в части возможного государственного контроля над нефтяными ресурсами шла параллельно с разработкой инструментов экспортного стимулирования, что в значительной степени свидетельствует о комплексном и взвешенном характере отличающихся новизной принимаемых решений в экономической сфере. Цель же при этом ясно прослеживается одна – предусмотреть и максимально минимизировать все возможные политические риски.

24 февраля 1920 г. лондонская газета «Финеншел Ньюс» опубликовала под видом скромного подсчета, что принадлежащий Великобритании в настоящее время контроль над мировыми запасами нефти составляет не менее 75 % совокупности таковых по сравнению с 9 % к моменту вступления ее в войну [4, с. 47].

Л. Денни приводит высказывание сэра Генри Детердинга в отношении конкурентной борьбы, датированное 1920-м годом. «Было ясно доказано преимущество такого положения, при котором производство не концентрируется в одной какой-нибудь стране, а разбросано по всему свету, и, следовательно, продукция может сбываться при выгодных географических условиях.... Что касается нашей группы, то ее предприятие было с самого начала построено на том принципе, что каждый рынок должен снабжаться продуктами, поступающими из нефтедобывающих районов, географически наиболее благоприятно расположенных к этому рынку» [4, с. 48].

Это демонстрирует с одной стороны рациональный экономико-географический подход построения бизнеса, а с другой – пример минимизации рисков, связанных с такими возможными событиями как религиозные войны, беспорядки, проявления национализма и экстремизма, военные перевороты и т. д. Более того, в речи обозначено то, под чем в настоящее время понимается диверсификация логистики, которая при всех экономических преимуществах может быть эффективным инструментом противодействия политическим вызовам, обеспечивать военный и финансовый контроль над стратегическими торговыми маршрутами.

Таким образом, понимание характера политического риска для нефтяной промышленности основано на том, что политический риск в данной отрасли в гораздо большей степени соответствует представлениям о стратегических потерях.

Успехи же Великобритании вызвали последующие ответные действия Соединенных Штатов. Так, в

марте 1920 г. сенат запросил у государственного департамента информацию о том, какие ограничения введены иностранными правительствами для американцев, желающих приобрести нефтяные земли за границей, т. е. по сути, речь шла о констатации политики Британской империи по устранению иностранцев от владения «имперскими нефтяными землями».

Л. Денни перечисляет меры, устанавливающие «непосредственно или косвенно» ограничения для американских граждан.

1. Устранение иностранцев и иностранных подданных от владения нефтедобывающими предприятиями и их разработки на Великобританских островах, а также в колониях и протекторатах.

2. Непосредственное участие во владении нефтяными обществами и контроль над ними.

3. Мероприятия, направленные против продажи британскими нефтяными обществами их земель обществам, принадлежащим иностранцам или контролируемые иностранцами.

4. Издание распоряжений, запрещающих переуступку акций британских нефтяных обществ кому-либо кроме британских подданных [4, с. 49].

Наиболее ярким примером проявления дискриминации иностранными правительствами по отношению к гражданам нашей страны является политика устранения, проводимая правительствами Великобритании и Голландии в отношении нефтеносных районов Индии и Голландской Ост-Индии, а также и Соглашение 1920 г. в Сан-Ремо между Великобританией и Францией, распространяющееся на неразрабатываемые нефтеносные районы в Месопотамии и британских и французских колониях.

Уклонение от предоставления гражданам нашей страны прав, вытекающих из принципа взаимности в отношении нефтяной промышленности в Австралии, Британском Борнео, некоторых африканских колониях, Британском Гондурасе, Британской Гвинее и Тринидаде, во Франции и во французских владениях, в Италии и Голландии и в подчиненных им странах.

В документе констатировалось, что Конгресс, вынужденный вследствие этого изменить свою историческую сложившуюся политику, издал в 1920 г. закон об аренде общественных земель под минеральные разработки, запрещающий приобретение таковых гражданами всех стран, которые отказывают американцам в правах взаимности.

Характер противостояния в погоне за нефтяными ресурсами Л. Денни называет нефтяной войной, характер, специфику, способы и значение которой «американская публика, по-видимому, не оценила». В связи с этим он приводит выдержки (явившиеся в то время сенсацией) из доклада федеральной Торговой комиссии (1923 г.).

Резюме комиссии отражало следующее.

Группа Роял-Дэтш-Шелл, представляющая собой объединение общества Роял-Дэтш-Шелл, Транспорт и Трединг Компани в Лондоне, владеет по всему миру не-

фтяными инвестициями, включая многочисленные нефтеперегонные заводы, огромный флот наливных судов и нефтяную добычу во многих странах, которая составляла в 1921 г. не менее 11 % мировой добычи.

Группа Роял-Дэтш-Шелл провела в феврале 1922 г. слияние главного имущества и основных инвестиций общества ЮнионОйль Компани (в Делаворе) с его главнейшими филиалами, образовав новое общество под названием общества Шелл ЮнионОйльКорпорейшн.

Под контролем общества Шелл ЮнионОйльКорпорейшн в настоящее время находится свыше 240 тыс. акров нефтеносных земель в САСШ. Ему принадлежит около 5,5 % всей добычи сырой нефти. Оно владеет обширным имуществом в виде нефтеперегонных заводов, нефтепроводов, вагонов-цистерн и торгово-сбытовой организации. Общество это принадлежит к числу наиболее крупных организаций отечественной нефтяной промышленности.

Все это ясно доказывает, что реализация конкретных мер по предотвращению политических рисков в нефтяной промышленности во многом определяется как волей государства, так и уровнем технологического развития отрасли, состоянием рынков сбыта, характером межотраслевого сотрудничества, а также спецификой территориального размещения производства. В нефтяном секторе экономики особое значение приобретает необходимость интеграции политического риска в систему управления рисками предприятий.

Наиболее ярким примером проявления дискриминации иностранными правительствами по отношению к гражданам нашей страны является политика устранения, проводимая правительствами Великобритании и Голландии в отношении нефтеносных районов Индии и Голландской Ост-Индии, а также и соглашение 1920 г. в Сан-Ремо между Великобританией и Францией, распространяющееся на неразрабатываемые нефтеносные районы в Месопотамии и британских и французских колониях.

Уклонение от предоставления гражданам нашей страны прав, вытекающих из принципа взаимности в отношении нефтяной промышленности в Австралии, Британском Борнео, некоторых африканских колониях, Британском Гондурасе, Британской Гвинее и Тринидаде, во Франции и во французских владениях, в Италии и Голландии и в подчиненных им странах.

В документе констатировалось, что Конгресс, вынужденный вследствие этого изменить свою исторически сложившуюся политику, издал в 1920 г. закон об аренде общественных земель под минеральные разработки, запрещающий приобретение таковых гражданами всех стран, которые отказывают американцам в правах взаимности.

Реализация конкретных мер по предотвращению политических рисков в нефтяной промышленности во многом определяется уровнем технологического развития отрасли, состоянием рынков сбыта, характером межотраслевого сотрудничества, а также спецификой территориального размещения производства. В нефтяном

секторе экономики особое значение приобретает необходимость интеграции политического риска в систему управления рисками предприятий. А насколько ситуация в отрасли может быть запутана и противоречива, видно, по крайней мере, из того как Г. Пьер л'Эспаньол де ла Трамери назвал главу в своей книге «Мировая борьба за нефть». Глава называлась об «американском балканизме».

Список источников

1. Григорьева Н. Е., Колобов О. А. Методы и опыт оценки политического риска // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 6.
2. Ефимова Е. Г., Пинониemi К. Политические факторы формирования современной международной транспортной инфраструктуры // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 5. Вып. 2.
3. Васильева Е. Ю. Анализ и оценка политических рисков в инвестиционных проектах (на примере нефтегазовых компаний в начале XXI века) : автореф. ... дис. канд. полит. наук. М., 2015. 27 с.
4. Денни Л. Борьба за нефтяную монополию. Соцэкгиз, М., 1934.
5. Нефтегазовый комплекс : производство, экономика, управление : учебник для вузов / В. Я. Афанасьев, О. В. Байкова, О. И. Большакова и др. ; под ред. Ю. Н. Линника, В. Я. Афанасьева. 2-е изд. доп. и перераб. М. : Экономика, 2017.
6. Соколов А. К. Советский «Нефтесиндикат» на внутреннем и международных рынках в 1920-е гг. // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л. И. Бородинкина. Вып. 10. М., 2005.
7. Вейдемюллер К. Л. Война за нефть // Плановое хозяйство. 1928. № 6.
8. Фишер Луи. Империализм нефти. Международная борьба за нефть. М. : Госиздат, 1927.
9. Дэниел Ергин. Добыча : всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М. : «Альпина Паблишер», 2011.

References

1. Grigorieva N. E., Kolobov O. A. Methods and experience of political risk assessment // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2007. № 6.
2. Efimova E. G., Pinoniemi K. Political factors in the formation of modern international transport infrastructure // Bulletin of St. Petersburg University. 2014. Ser. 5. Issue 2.
3. Vasilyeva E. Y. Analysis and assessment of political risks in investment projects (on the example of oil and gas companies at the beginning of the XXI century) : abstract... М., 2015. 27 p.
4. Danny L. The struggle for the oil monopoly. Sotsekgiz, Moscow, 1934.
5. The oil and gas complex : production, economics, management : a textbook for universities / V. Ya. Afanasyev, O. V. Baykova, O. I. Bolshakova, etc.; edited by

Yu. N. Linnik, V. Ya. Afanasyev. 2nd ed. additional and revised. M. : Ekonomika, 2017.

6. Sokolov A. K. The Soviet «Oil industry» on the domestic and international markets in the 1920s. // Economic History. Review / Edited by L. I. Borodkin. Issue 10. M., 2005.

7. Weidemuller K. L. The war for oil // Planned economy. 1928. № 6.

8. Fischer Louis. The imperialism of oil. The international struggle for oil. M. : Gosizdat; 1927.

9. Daniel Yergin. Mining : the world history of the struggle for oil, money and power. M. : Alpina Publisher, 2011.

Библиографический список

1. Афанасьев В. Я., Суслов Д. А., Чуев С. В. Советский опыт развития экономического и промышленного потенциала в условиях санкций // Нефтяное хозяйство. 2022. № 12. С. 156–160.

2. Касьяненко В. И. Как была завоевана технико-экономическая самостоятельность СССР. М. : Мысль, 1964.

3. Мишустин Д. Д. Внешняя торговля и индустриализация СССР. М. : Изд-во «Международная книга», 1938.

4. Международная статистика / Б. И. Башкатов [и др.] / под ред. Б. И. Башкатова, А. Е. Суринова. М. : Юрайт, 2013.

5. Дианов Д. В. Прикладные статистические исследования экономической безопасности. М. : «Русайнс», 2022.

6. Поиск новых управленческих решений развития современной экономики на основе исторического анализа Советского опыта в условиях международных санкций / В. Б. Зотов, К. О. Терехова // Научные труды Вольного экономического общества России. 2022. Т. 238. № 6. С. 318–329.

Bibliographic list

1. Afanasyev V. Ya., Suslov D. A., Chuev S. V. Soviet experience in the development of economic and industrial potential under sanctions // Oil industry. 2022. № 12. P. 156–160.

2. Kasyanenko V. I. How the technical and economic independence of the USSR was won. M. : Mysl, 1964.

3. Mishustin D. D. Foreign trade and industrialization of the USSR. M. : Publishing house «International Book», 1938.

4. International statistics / B. I. Bashkatov [et al.] / edited by B. I. Bashkatov, A. E. Surinov. M. : Yurait, 2013.

5. Dianov D. V. Applied statistical studies of economic security. M. : Rusains, 2022.

6. Search for new management solutions for the development of the modern economy based on the historical analysis of the Soviet experience under international sanctions / V. B. Zotov, K. O. Terekhova // Scientific works of the Free Economic Society of Russia. 2022. Vol. 238. № 6. P. 318–329.

Информация об авторах

В. Я. Афанасьев – заведующий кафедрой экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе Государственного университета управления, доктор экономических наук, профессор;

Д. А. Суслов – доцент кафедры экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе Государственного университета управления, кандидат политических наук, доцент.

Information about the authors

V. Ya. Afanasyev – Head of the Department of Economics and Management in the Fuel and Energy Complex of the State University of Management, Doctor of Economic Sciences, Professor;

D. A. Suslov – Associate Professor of the Department of Economics and Management in the Fuel and Energy Complex of the State University of Management, Candidate of Political Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.07.2023; одобрена после рецензирования 19.09.2023; принята к публикации 21.11.2023.

The article was submitted 22.07.2023; approved after reviewing 19.09.2023; accepted for publication 21.11.2023.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-198-202>

EDN: <https://elibrary.ru/bynvpg>

НИОН: 2015-0066-1/24-931

MOSURED: 77/27-011-2024-01-130

Влияние международных санкций на финансовую устойчивость АО «Тинькофф Банк»

Михаил Евгеньевич Косов^{1,2,3}

¹ Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия,

kosovme@mail.ru

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

³ Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Аннотация. Санкционное давление США и Европейского союза на нашу страну ставит целью ослабить экономику России. Иными словами, исключить операции банков на международном финансовом рынке и по возможности заморозить их активы. В феврале 2022 года были введены санкции против российских кредитных организаций, такие как: отключение от SWIFT, запрет на международные транзакции, блокировка активов. А также возможность проводить платежи в долларах и евро с американскими и европейскими контрагентами, прекращение работы за рубежом пластиковых карт эмитированных российскими банками, ограничение на кредитование в США и в странах Европейского союза. Однако это не первые санкции для банков в России. Некоторые банки продолжают свою работу под санкциями на протяжении восьми лет. В этой связи важно оценить влияние международных санкций, введенных в отношении Российской Федерации, на финансовую устойчивость банковской системы на примере АО «Тинькофф Банк».

Ключевые слова: финансовая устойчивость, международные санкции, финансовые рынки, банковская система, АО «Тинькофф Банк»

Для цитирования: Косов М. Е. Влияние международных санкций на финансовую устойчивость АО «Тинькофф Банк» // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 198–202. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-198-202>. EDN: BYNVPG.

Original article

The impact of international sanctions on the financial stability of Tinkoff Bank JSC

Mikhail E. Kosov^{1,2,3}

¹ Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia,

kosovme@mail.ru

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

³ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The sanctions pressure of the United States and the European Union on our country aims to weaken the Russian economy. In other words, to exclude banks' operations on the international financial market and, if possible, freeze their assets. In February 2022, sanctions were imposed against Russian credit institutions, such as: disconnection from SWIFT, a ban on international transactions, and asset blocking. As well as the ability to make payments in dollars and euros with American and European counterparties, the termination of work abroad of plastic cards issued by Russian banks, restrictions on lending in the United States and in the countries of the European Union. However, these are not the first sanctions for banks in Russia. Some banks have been operating under sanctions for eight years. In this regard, it is important to assess the impact of international sanctions imposed on the Russian Federation on the financial stability of the banking system on the example of JSC Tinkoff Bank.

Keywords: financial stability, international sanctions, financial markets, banking system, JSC «Tinkoff Bank»

For citation: Kosov M. E. The impact of international sanctions on the financial stability of Tinkoff Bank JSC. Bulletin of economic security. 2024;(1):198–202. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-198-202>. EDN: BYNVPG.

© Косов М. Е., 2024

Введение. Санкционное давление США и Европейского союза на нашу страну ставит целью ослабить экономику России. Иными словами, исключить операции банков на международном финансовом рынке и по возможности заморозить их активы. В феврале 2022 года были введены санкции против российских кредитных организаций, такие как: отключение от SWIFT, запрет на международные транзакции, блокировка активов. А также возможность проводить платежи в долларах и евро с американскими и европейскими контрагентами, прекращение работы за рубежом пластиковых карт эмитированных российскими банками, ограничение на кредитование в США и в странах Европейского союза. Однако это не первые санкции для банков в России. Некоторые банки продолжают свою работу под санкциями на протяжении восьми лет. В этой связи важно оценить влияние не только международных санкций, введенных в отношении Российской Федерации в 2022 году, но и более ранних санкций 2014 года.

Вхождение Республики Крым в состав Российской Федерации в 2014 году повлекло за собой усиление санкционного давления на Россию со стороны международного сообщества. В 2023 году под санкциями находился уже 31 российский банк. Самые крупные из них это: Сбербанк, ВТБ, Промсвязьбанк, Альфа-Банк и ВТБ [1].

Против «Тинькофф Банка» Евросоюз привел в действие десятый пакет антироссийских санкций, основные положения которого будут оценены ниже.

1. Отключение от SWIFT.

SWIFT (Сообщество Международных Межбанковских Переводов) – это международная система передачи финансовых сообщений, которая унифицирует денежные переводы и делает их безопасными. Отключение от SWIFT приводит к резкому снижению количеству международных операций, как между юридическими, так и между физическими лицами. Это в свою очередь приводит к значительному снижению комиссионного дохода банка и к снижению финансовой устойчивости.

2. Заморозка активов в странах Европейского союза.

Данная санкция ведет к тому, что «Тинькофф Банк» не сможет использовать свои средства, которые хранятся на зарубежных счетах. Это в свою очередь приводит к снижению финансовой устойчивости кредитной организации.

3. Закрытие доступа к европейскому долговому рынку.

Данная санкция забирает возможность у «Тинькофф Банка» использовать дешевые зарубежные кредиты, что также отрицательно сказывается на финансовой устойчивости кредитной организации.

Важно отметить, что Банк России в марте 2022 года принял решение сократить объем раскрытия отчетности российскими банками на своих сайтах, а также на сайте Центрального Банка Российской Федерации. Это было сделано для ограничения рисков российских бан-

ков, которые связаны с введенными западными странами санкциями. В связи с этим «Тинькофф Банк» принял решение не раскрывать ряд финансовых показателей, чтобы минимизировать возможность введения дополнительных санкций. Из-за этого проанализировать получение объемов международных кредитов, международных транзакций, и снижения комиссионного дохода от международных операций проблематично.

Таким образом, новые санкции снижают финансовую устойчивость «Тинькофф Банка», но не являются критическими для стабильного осуществления банковской деятельности.

Прогнозная оценка. По прогнозной оценке «Тинькофф Банк» продолжит свою работу стабильно без каких-либо серьезных угроз, с сохранением положительной динамики. Данный сценарий возможен, так как показатели нормативов Центрального Банка Российской Федерации значительно перевыполнены. Даже при плавном снижении нормативов они будут соответствовать требованиям Банка России.

«Тинькофф Банк» в 2022 году был более успешным по финансовым показателям, относительно других банков, так как не находился под санкциями. Важно отметить, более здоровый капитал, несмотря на высокую долю просроченных доходов. И более высокую процентную маржу, что связано с уникальной моделью цифрового бизнеса кредитной организации.

Стоит отметить, что банку в 2023–2025 годы будет сложно расти такими же темпами, как в предыдущие годы. Понятно, что динамика роста комиссионных доходов и клиентской базы в 2021–2022 годы была обусловлена тем, что банк оставался одной из немногих крупных кредитных организаций, которая имела возможность осуществлять переводы с помощью SWIFT. Но в первом квартале 2023 года банк лишился этой привилегии [2].

Сравнивая результаты деятельности анализируемого банка за 3 квартала 2023 и 2022 годов, можно отметить следующие важные изменения его ключевых показателей:

- 1) чистая ссудная задолженность банка увеличилась на 12 %;
- 2) чистые вложения в ценные бумаги увеличились на 15,7 %;
- 3) основные средства, активы в форме права пользования и другие нематериальные активы выросли на 10 %;
- 4) средства клиентов увеличились на 7 %;
- 5) средства клиентов, не являющихся средствами организации, увеличились на 7 %;
- 6) вклады физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, выросли на 2 %;
- 7) рентабельность собственного капитала составляет почти 30 %, что является одним из лучших результатов среди крупных банков.

Учитывая динамику развития банковского сектора в 2023 году, стоит прогнозировать рост кредитного

портфеля на уровне 20 % год к году. В 2023 году можно рассчитывать на сохранение динамики процентных доходов на уровне 7–9 %, комиссионные доходы могут вырасти примерно на 15–20 %. Ожидать темпов роста комиссионных доходов предыдущих лет на уровне 70–80 % уже не приходится. В 2023 году банк может получить рекордную прибыль.

Банк не планирует выплату дивидендов в 2023 году, но связано это не с санкциями, а с дивидендной политикой последних лет. Банк сохраняет свою бизнес-модель, в которой основное место всегда уделялось повышению лояльности клиентов и финансированию инноваций.

Самые важные показатели АО «Тинькофф Банк», которые необходимо спрогнозировать на 2023 год для оценки уровня его финансовой устойчивости, – это нормативы Центрального Банка Российской Федерации. Для прогноза этих показателей использовалась модель тренда, т. е. модель зависимости показателя от времени $F(n)$, где n – номер года. Изначально для сравнения были выбраны две модели. Модель простого линейного тренда (формула 1):

$$a + b*(n - n_0), \text{ где} \quad (1)$$

a, b – коэффициенты модели, показывающие зависимость нормативов от времени;

n_0 – начальный (первый) временной период оценки (год);

n – последний временной период оценки (год).

Также для прогноза была выбрана модель квадратичного тренда (формула 2):

$$a + b*(n - n_0) + c*(n - n_0)^2, \text{ где} \quad (2)$$

a, b и c – коэффициенты модели, показывающие зависимость нормативов от времени;

n_0 – начальный (первый) временной период оценки (год);

n – последний временной период оценки (год).

Коэффициенты этих моделей оценивались на основе данных АО «Тинькофф Банк» с 2018 года по 2022 год

методом регрессии (методом наименьших квадратов) с помощью Excel, после чего для каждого норматива выбиралась лучшая модель по наибольшей величине скорректированного коэффициента детерминации. Этот коэффициент показывает долю вариации норматива, объясненной рассматриваемой моделью [3, с. 105].

В ходе исследования выяснилось, что для нормативов банка Н2 и Н12 эти модели дают неудовлетворительный результат. На основе визуальной оценки графиков изменения этих показателей была предложена модель колебаний (формула 3):

$$a \cos b*(n - n_0), \text{ где} \quad (3)$$

n_0 – начальный (первый) временной период оценки (год);

n – последний временной период оценки (год);

$b = 1,5$.

Модель колебаний показала существенно лучшие результаты по нормативам Н2 и Н12. Далее для прогнозирования по каждому нормативу оценивались параметры всех трех моделей, после чего выбиралась лучшая модель по скорректированному коэффициенту детерминации (табл. 1).

Для каждого норматива банка в таблице выделен наибольший коэффициент, определяющий наилучшую модель для этого показателя. Таким образом, для показателей Н1 и Н7 была выбрана модель квадратичного тренда, для Н3 и Н4 линейного тренда, и для Н2 и Н12 модель колебаний. Выбранные модели обеспечивают удовлетворительное прогнозирование всех показателей, коэффициент детерминации превосходит 80 % для всех нормативов, кроме Н3. В результате регрессия значима по критерию Фишера на уровне значимости 5 % для всех нормативов, кроме Н3. По существу это означает, что вероятность случайного совпадения меньше 5 %, и с вероятностью выше 95 % построенные модели отражают реальную зависимость. Для Н3 уровень значимости составляет 6,5 %, что также является весьма неплохим результатом.

Численная оценка параметров регрессии привела к следующим уравнениям трендов:

Таблица 1

Коэффициенты детерминации по обязательным нормативам Банка России АО «Тинькофф Банк»

Показатель	Коэффициент детерминации для линейного тренда	Коэффициент детерминации для квадратичного тренда	Коэффициент детерминации для модели колебаний
Н1	-24 %	96 %	54 %
Н2	-33 %	17 %	81 %
Н3	64 %	55 %	-33 %
Н4	84 %	81 %	-18 %
Н7	84 %	92 %	19 %
Н12	-33 %	-15 %	82 %

Прогнозные значения на 2023 год обязательных нормативов Банка России АО «Тинькофф Банк»

Норматив	Прогноз на 2023 год	Допустимое значение
H1	19,2	min 8
H2	38,695	min 15
H3	94,032	min 50
H4	31,62	max 120
H7	44,62	max 800
H12	0,064	max 25

$$H1 = 20,91 - 5,36 (n - 2017) + 0,85 (n - 2017)^2;$$

$$H2 = 58,07 - 21,7 \cos 1,5 (n - 2017);$$

$$H3 = 169,87 - 12,64 (n - 2017);$$

$$H4 = 2,90 + 4,79 (n - 2017);$$

$$H7 = 105,85 - 26,06 (n - 2017) + 2,64 (n - 2017)^2;$$

$$H12 = 0,52 - 0,51 \cos 1,5 (n - 2017).$$

Важно отметить, что в качестве начального (базового) периода n_0 выступает 2017 год, поскольку исходные данные были предоставлены для 2018–2022 годов.

В результате построенного прогноза все полученные значения обязательных нормативов Центрального Банка Российской Федерации для АО «Тинькофф Банк» в 2023 году соответствуют допустимым значениям ($H1 = 19,2\%$, $H2 = 38,695\%$, $H3 = 94,032\%$, $H4 = 31,62\%$, $H7 = 44,62\%$, $H12 = 0,064\%$) (табл. 2). По прогнозу по всем показателям будет рост кроме норматива $H3$, который снизится на 3,208%. Но даже с учетом указанного понижения норматив $H3$ будет перевыполняться его почти в 2 раза.

Построенный прогноз отражает достаточную степень финансовой устойчивости АО «Тинькофф Банк» в 2023 году: он будет продолжать наращивать объемы кредитования и увеличивать свою чистую прибыль, а также продолжит выполнять все нормативы Центрального Банка Российской Федерации.

Таким образом, можно констатировать, что ключевые показатели банка имеют положительную динамику. А это в свою очередь, позволяет прогнозировать дальнейшее развитие банка в 2023 году, хотя возможно и более медленными темпами.

Заключение. Финансовая устойчивость коммерческого банка является важнейшим условием стабильного существования кредитной организации. Факторы, которые воздействуют на финансовую устойчивость кредитной организации, дают возможность для регулирования деятельности банка.

Финансовая устойчивость является фундаментальной характеристикой оценки финансового состояния кредитной организации. Сам банк можно назвать устойчивым, когда его работа удовлетворяет системе управления финансовой устойчивостью, к которой относят: ликвидность, высокое качество активов, достаточность капитала, прибыльность и оптимальную структуру пас-

сивов. Значение каждого из них огромно и потеря одного может привести к самым серьезным последствиям. В связи с этим, следует уделять повышенное внимание к каждому из перечисленных критериев, что означает их качественную оценку и объективное экономическое обоснование.

Санкции, которые были введены против «Тинькофф Банка» в 2023 году, снизили его финансовую устойчивость, но не стали критическими. С учетом высокой финансовой устойчивости, банк сможет осуществлять стабильную банковскую деятельность.

Согласно проведенной прогнозной оценке показателей финансовой устойчивости «Тинькофф Банка» можно сделать вывод, что ключевые показатели банка имеют положительную динамику. А это в свою очередь позволяет прогнозировать дальнейшее стабильное развитие банка в 2023 году.

В настоящее время «Тинькофф Банк» продолжает показывать стабильное выполнение нормативов Центрального Банка Российской Федерации, подтверждая высокий уровень финансовой устойчивости. По некоторым финансовым показателям банк показывает лучшие результаты на рынке среди крупнейших банков.

Список источников

1. Санкционная политика в отношении России» [Электронный ресурс] // Cyberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskaya-sanktsionnaya-politika-v-otnoshenii-rossii/viewer>.
2. АО «Тинькофф Банк»: публикуемая отчетность за 1 квартал 2023 года – Электронные данные. URL: <https://acdn.tinkoff.ru/static/documents/770eab09-2d42-4a95-a8f0-c82f2c5ccc6f.pdf>.
3. Кремер Н. Ш. Эконометрика: учебник и практикум для вузов / Н. Ш. Кремер, Б. А. Путко; под редакцией Н. Ш. Кремера. 4-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2023. 308 с.

References

1. Sanctions policy against Russia [Electronic resource] // Cyberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskaya-sanktsionnaya-politika-v-otnoshenii-rossii/viewer>.

2. JSC «Tinkoff Bank»: published statements for the 1st quarter of 2023 – Electronic data. URL: <https://acdn.tinkoff.ru/static/documents/770eab09-2d42-4a95-a8f0-c82f2c5ccc6f.pdf>.

3. Kremer N. S. Econometrics: textbook and workshop for universities / N. S. Kremer, B. A. Putko; edited by N. S. Kremer. 4th ed., ispr. and add. M. : Yurayt Publishing House, 2023. 308 p.

Информация об авторе

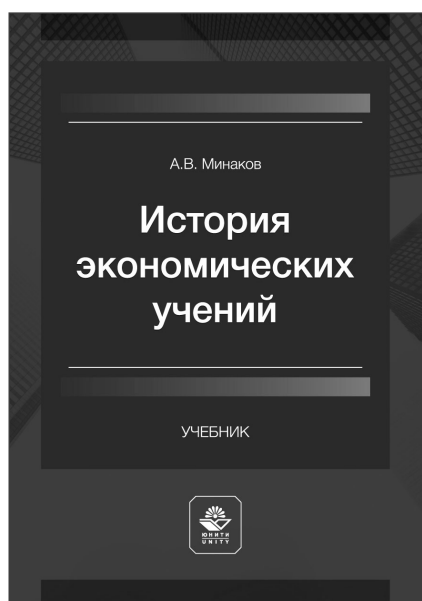
М. Е. Косов – заведующий кафедрой государственных и муниципальных финансов Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доцент департамента общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор, директор института Юридического менеджмента Высшей школы юриспруденции и администрирования Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

M. E. Kosov – Head of the Department of State and Municipal Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Associate Professor of the Department of Public Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor, Director of the Institute of Legal Management of the Higher School of Jurisprudence and Administration of the National Research University Higher School of Economics, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 18.12.2023; одобрена после рецензирования 16.01.2024; принята к публикации 09.02.2024.

The article was submitted 18.12.2023; approved after reviewing 16.01.2024; accepted for publication 09.02.2024.

История экономических учений. Минаков А. В. Учебник. 351 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Обобщен теоретический и методологический материал для всестороннего системного представления об истории экономических учений. Учебник состоит из десяти глав, каждая из которых посвящена определенному направлению экономического знания, приобретаемого научным миром на конкретный момент времени, в рамках конкретной исторической эпохи (эпох).

Раскрыты предпосылки, основные концептуальные положения, а также причины потери лидерства среди представителей экономического сообщества каждой конкретной экономической школы, ученого или мыслителя. Рассмотрены ключевые особенности развития российской экономической мысли. Теоретические вопросы иллюстрируются историческим фактологическим материалом, а также примерами из реальной практики экономического развития.

Для студентов, обучающихся по направлениям подготовки «Экономика и управление», «Экономика», «Экономическая безопасность», а также слушателей курсов повышения квалификации и программ профессиональной подготовки, аспирантов и преподавателей, специалистов в области экономики и околоэкономической деятельности.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-203-209>

EDN: <https://elibrary.ru/cgtgim>

НИОН: 2015-0066-1/24-932

MOSURED: 77/27-011-2024-01-131

Роль институциональной инфраструктуры в обеспечении региональной экономической безопасности

Елена Ивановна Кузнецова¹, Алевтина Викторовна Русавская², Ольга Владимировна Сараджева³

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
elenkuz90@mail.ru

² Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва, Россия,
rusavskaya.alewtina@yandex.ru

³ Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина, Москва, Россия,
saradzheva-ov@rguk.ru

Аннотация. Разрабатываются рекомендации по развитию институциональной инфраструктуры в целях усиления ее роли в обеспечении экономической безопасности регионов (субъектов Российской Федерации). Материалы исследования включают результаты экспертного опроса и глубинного интервью 32 экспертов – руководящих и ведущих аналитических работников Минэкономразвития РФ, органов государственной власти субъектов РФ, а также авторитетных отечественных информационно-аналитических и консалтинговых агентств. Выделяются институциональные факторы, влияющие на региональную экономическую безопасность, раскрывается механизм функционирования институтов для обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: экономическая безопасность, обеспечение экономической безопасности региона, институциональная инфраструктура, институциональная экономика, институциональный механизм, обеспечение экономической безопасности регионов

Для цитирования: Кузнецова Е. И., Русавская А. В., Сараджева О. В. Роль институциональной инфраструктуры в обеспечении региональной экономической безопасности // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 203–209. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-203-209>. EDN: CGTGIM.

Original article

The role of institutional infrastructure in ensuring regional economic security

Elena I. Kuznetsova¹, Alevtina V. Rusavskaya², Olga V. Saradzheva³

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
elenkuz90@mail.ru

² V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow, Russia,
rusavskaya.alewtina@yandex.ru

³ A.N. Kosygin Russian State University, Moscow, Russia, saradzheva-ov@rguk.ru

Abstract. Recommendations are being developed for the development of institutional infrastructure in order to strengthen its role in ensuring the economic security of regions (subjects of the Russian Federation). The research materials include the results of an expert survey and in-depth interviews with 32 experts – senior and leading analytical workers of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, public authorities of the subjects of the Russian Federation, as well as reputable domestic information and analytical and consulting agencies. The institutional factors influencing regional economic security are highlighted, and the mechanism of functioning of institutions to ensure the economic security of the subjects of the Russian Federation is revealed.

Keywords: economic security, ensuring the economic security of the region, institutional infrastructure, institutional economy, institutional mechanism, ensuring the economic security of the regions

For citation: Kuznetsova E. I., Rusavskaya A. V., Saradzheva O. V. The role of institutional infrastructure in ensuring regional economic security. Bulletin of economic security. 2024;(1):203–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-203-209>. EDN: CGTGIM.

© Кузнецова Е. И., Русавская А. В., Сараджева О. В., 2024

Обеспечение экономической безопасности региона включает в себя комплекс мер по защите региональных экономических интересов, установлению эффективных механизмов регулирования рынков, поддержанию стабильности финансовой системы, развитию инфраструктуры и повышению конкурентоспособности экономики региона.

Для обеспечения региональной экономической безопасности необходимо осуществлять мониторинг и оценку вызовов и угроз в сфере экономической деятельности в регионе, а также принимать меры по предотвращению возможных рисков и минимизации ассоциируемых потерь. Важным элементом обеспечения экономической безопасности является разработка и реализация программ развития экономики региона, которые должны быть ориентированы на повышение эффективности производства, улучшение качества жизни населения и укрепление финансовой устойчивости. Представляется достаточно важным в этой связи рассмотреть существующий механизм функционирования институтов обеспечения региональной экономической безопасности, который, безусловно, активизирует факторы устойчивости региональных экономических систем.

Для цели исследования под институтами будем понимать правила, нормы и процедуры, а также органы и инструменты, которые регулируют отношения в экономической сфере, включая законы, регулирующие органы и их деятельность, корпоративные правила и другие элементы. Институты экономической безопасности нацелены первоочередным образом на формирование надлежащих условий, способствующих достижению целевых показателей (индикаторов) экономической безопасности регионов (пороговых значений).

Проблема недостатка исследований институциональных аспектов в сфере обеспечения экономической безопасности регионов требует усиленного внимания со стороны государственных органов, бизнеса и общественности. Необходимо развивать эффективную институциональную среду, повышать доверие к институтам и обеспечивать прозрачность и открытость в работе институтов.

Несмотря на то, что отдельные аспекты регулирования данной деятельности реализуются на федеральном уровне, необходимо исследовать возможности региональной институциональной инфраструктуры, которые определяют возможности укрепления региональной экономической безопасности. Ключевым методом исследования здесь может стать системно-структурный анализ закономерностей и феноменов в сфере обеспечения экономической безопасности регионов и положения теории институциональной экономики.

Для восполнения пробелов в оценке состояния институционального обеспечения региональной экономической безопасности и развитости институциональной инфраструктуры в условиях неопределенности использованы методы экспертного опроса и глубинного интервью. Опрос проведен в дистанционном формате

в октябре–ноябре 2023 года с участием 32 экспертов – руководящих и ведущих аналитических работников Минэкономразвития РФ, органов государственной власти субъектов РФ, а также авторитетных отечественных информационно-аналитических и консалтинговых агентств, оценивающих состояние региональной экономики и безопасности в субъектах Российской Федерации.

Общие аспекты и проблемы применения институционального подхода в обеспечении региональной экономической безопасности оценивались в целом по России, в то время как частные оценки состояния институциональной инфраструктуры в обеспечении региональной экономической безопасности – применительно к девяти субъектам РФ (Краснодарский край, Московская, Ярославская, Тюменская, Магаданская и Смоленская области, город Москва, Республики Бурятия и Калмыкия), отобранным по критерию дифференциации институтов, факторов и условий обеспечения экономической безопасности. Оценка проведена посредством выражения согласия с утверждениями, приведенными в анкете, либо несогласия с ними, либо отсутствия единого мнения по вопросу.

Анализ состояния институциональной инфраструктуры в обеспечении экономической безопасности выбранных субъектов РФ проводился по шкале от 0 до 10 баллов, где наибольшему баллу соответствовало наиболее возможное развитие инфраструктурного элемента (аспекта), в то время как значение в 0 баллов проставлялось при отсутствии элемента соответствующей инфраструктуры как таковой. В качестве итоговой оценки состояния институциональной инфраструктуры в обеспечении экономической безопасности выбранных субъектов РФ принималось среднее значение экспертных оценок, за исключением экстремальных значений, если таковые приводили к несоответствию требованиям по нормальности распределения и согласованности мнений.

Дополнительно были получены интегральные оценки институциональной инфраструктуры обеспечения экономической безопасности регионов, для чего по каждому выделенному элементу экспертам предложено указать веса в интегральном показателе, в совокупности, образующие 100 % от его значения. В качестве итоговых весов принимались средние значения экспертных оценок в соответствии с правилами отсека экстремальных значений, описанными выше. Интегральные оценки получены автоматизированным путем посредством суммирования произведения частных оценок состояния институциональной инфраструктуры на весовые показатели, установленные экспертами.

Результаты экспертного опроса проверены статистически на наличие согласованности мнений (посредством расчета показателя конкордации и проверки экспертных оценок на соответствие закону нормального распределения). Материалы опроса дополнены положениями, полученными в ходе проведения глубинного

интервью, в котором на добровольной основе приняли участие 7 представителей пула экспертов, из числа ранее опрошенных.

Опрошенные эксперты в сфере обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации подтвердили, что в число ключевых проблем дефицита внимания к институциональным аспектам в сфере обеспечения экономической безопасности в современной России могут быть отнесены: недостаточно эффективная институциональная среда, которая бы содействовала координации действий между разными секторами экономики и уровнями обеспечения экономической безопасности (на наличие и выраженность данной проблемы указали 90,6 % от общего числа участников экспертного опроса); низкая степень доверия к институтам, как среди населения, так и у предпринимателей (84,4 %); недостаточное вовлечение граждан и бизнеса в процессе формирования институциональной среды (84,4 %); дефицит прозрачности и открытости в функционировании институтов (81,3 %); нехватка компетенций и закрытость субъектов обеспечения региональной экономической безопасности к инновациям (по 78,1 % соответственно).

Одной из причин недостаточного внимания к институциональному аспекту обеспечения экономической безопасности выступает непонимание субъектами профессиональной деятельности самой сути институционального подхода (с данным утверждением согласились 71,9 % участников экспертного опроса). Участники ин-

тервью дали пояснения о том, что институты традиционно воспринимаются в российской практике государственно-властной деятельности как система конкретных органов и их должностных лиц, обеспечивающих в данном конкретном случае экономическую безопасность регионов. Причем само наличие специализированного управления региональной экономической безопасностью может рассматриваться как определенный прорыв в институциональной области, поскольку до сих пор в ряде субъектов РФ специализированные подразделения органов региональной власти в сфере экономической безопасности, другие подобные организационные структуры, не созданы, и полномочия в области обеспечения экономической безопасности распределены между рядом разноуровневых структур, в том числе с возникающими конфликтами в сфере подчинения и без прозрачности в сфере целеполагания и долгосрочных перспектив соответствующей деятельности [3]. С учетом приведенных выше положений институциональные аспекты обеспечения экономической безопасности регионов намного шире, их можно условно представить в виде единой и взаимосвязанной системы, состоящей из трех макроэлементов, в графическом виде представленных на рис. 1:

- 1) собственно институтов экономической безопасности;
- 2) институциональной инфраструктуры, дополняющей эти институты, развивающей их активности и передающей результативные воздействия в систему

Источник: Разработано авторами

Рис. 1. Макроэлементы системы институционального обеспечения экономической безопасности регионов

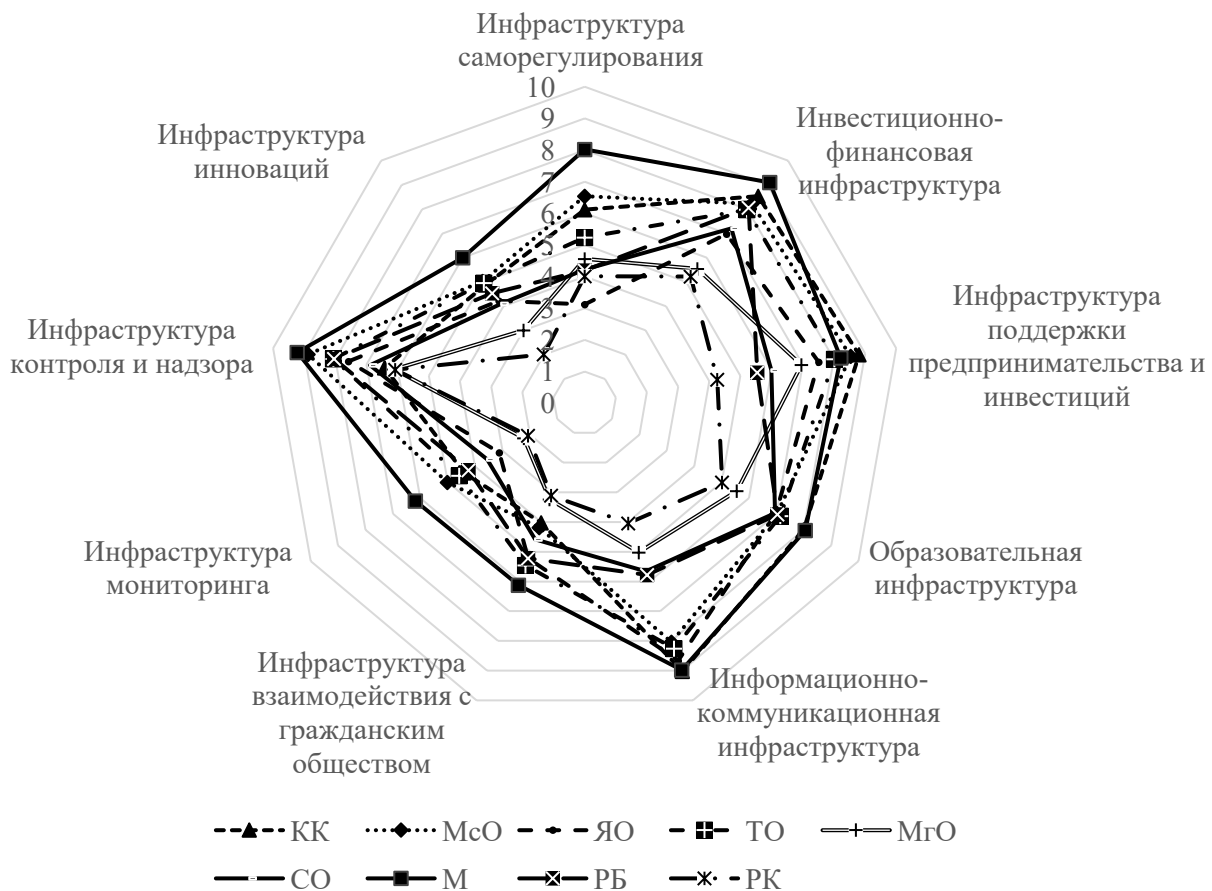
экономической безопасности для достижения целевых значений ее состояния (индикаторов экономической безопасности). С учетом положений релевантных научных исследований [2; 1; 6], может быть предложено следующее определение институциональной инфраструктуры экономической безопасности регионов: это совокупность организаций, механизмов и инструментов, которые обеспечивают функционирование институтов, регулирующих социально-экономические отношения в регионе и способствующих достижению целевых значений ключевых индикаторов в сфере экономической безопасности.

Таковыми выступают, применительно к организациям, например, субъекты правоприменительной деятельности; органы и организации, предоставляющие информационно-аналитическую поддержку мониторинга экономической безопасности (как подразделения статистического ведомства либо аналитические агентства); базы знаний; инструменты сбора информации, включая обратную связь из внешней среды; инструменты и средства автоматизации мониторинга и принятия ключевых решений в сфере региональной экономической безопасности; органы и механизмы пропаганды экономических знаний и безопасного поведения экономических субъек-

тов; структуры координации публичной власти и гражданского общества в интересах обеспечения экономической безопасности и другие.

Без инфраструктурного обеспечения функционирование соответствующих институтов экономической безопасности будет неполноценным и либо не достигнет необходимого результата, либо потребует для этого значительного перерасхода в выделяемых ресурсах (что имеет место, в частности, в ситуациях сращивания институтов обеспечения безопасности и институциональной инфраструктуры, характерных для государств и экономик формирующегося типа [7]);

3) институциональной средой обеспечения экономической безопасности, которую можно представить в виде условий достижения целевых значений показателей экономической безопасности, формируемых в процессе функционирования институтов и институциональной инфраструктуры. Продуктивная институциональная среда экономической безопасности способствует воспроизводству условий достижения соответствующих целей и задач, в том числе через развитие действующих механизмов (прежде всего в направлении их инновационной модернизации), внедрение перспективных инструментов профессиональной деятельности,

Источник: Составлено по результатам экспертного оценивания

Рис. 2. Оценки состояния институциональной инфраструктуры

в обеспечении экономической безопасности отдельных субъектов РФ по ключевым элементам, баллов

Примечание: КК – Краснодарский край; McO – Московская область; ЯО – Ярославская обл.; ТО – Тюменская область; МгО – Магаданская область; СО – Смоленская область; М – Москва; РБ – Республика Бурятия; РК – Республика Калмыкия

а также масштабирование и тиражирование институтов и институциональной инфраструктуры, доказавших свою результативность на практике.

С учетом определенной изученности самих институтов экономической безопасности фокус внимания в системе институциональных аспектов обеспечения региональной экономической безопасности представляется целесообразным обратить на институциональную инфраструктуру, которая, при условии наличия, продуктивного функционирования и результативного приложения к институтам экономической безопасности формирует необходимую институциональную среду, способствующую расширенному воспроизводству условий для целевого достижения необходимого уровня региональной экономической безопасности, в том числе продуктивной и в необходимой мере инновационной государственно-властной деятельности.

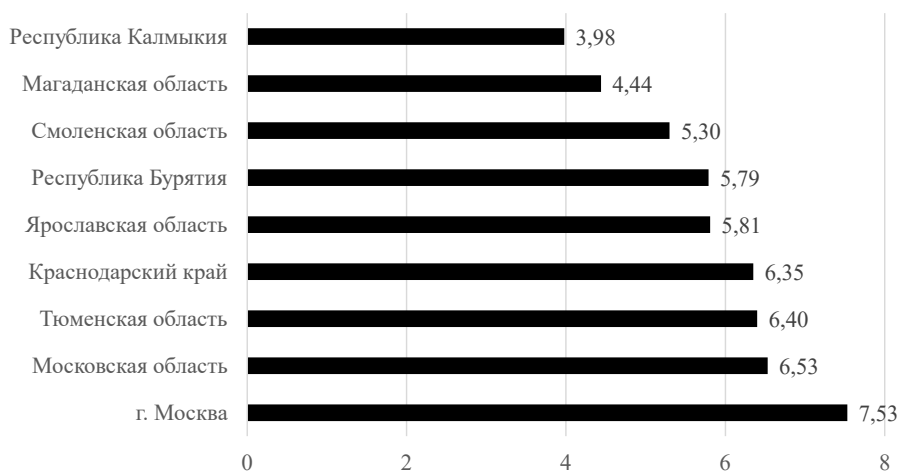
В инфраструктуру обеспечения экономической безопасности регионов могут быть также включены следующие средства практической деятельности: анализ, оценка (аудит) и мониторинг экономической безопасности; сбор и обработка социально-экономической информации; инструменты контроля и надзора; инструменты поощрения и привлечения к юридической ответственности; комплексы автоматизации и цифровизации обработки данных и принятия публичных решений; инструменты оценки и периодического пересмотра законодательства, программных и инструктивных документов, а также индикаторов экономической безопасности и пороговых значений и др. Постепенно становится общепризнанным, что в комплексе средств обеспечения региональной экономической безопасности ключевую роль играет ее аудит и мониторинг [4, с. 60], формирующие, помимо прочего, надежную институциональную основу обеспечения экономической безопасности каждого конкретного региона с учетом как индивидуальных, так и типологических особенностей.

В этой связи могут быть выделены следующие ключевые элементы институциональной инфраструкту-

ры обеспечения региональной экономической безопасности (на примере субъектов Российской Федерации), и проведена их экспертная оценка: инфраструктура правоприменения в экономических отношениях, инфраструктура саморегулирования отраслей и сфер экономической деятельности, инвестиционно-финансовая инфраструктура; инфраструктура поддержки предпринимательства и инвестиций; образовательная инфраструктура; информационная инфраструктура и инфраструктура коммуникаций; инфраструктура координации и взаимодействия органов обеспечения экономической безопасности и гражданского общества; инфраструктура мониторинга; инфраструктура контроля и надзора в сфере экономической безопасности; инфраструктура инноваций (рис. 2).

На рис. 2 приведены экспертные оценки состояния институциональной инфраструктуры в обеспечении экономической безопасности субъектов РФ, выбранных для анализа.

Несмотря на то, что некоторые отдельные аспекты регулирования предметной деятельности реализуются на федеральном уровне, речь, во-первых, идет о региональной инфраструктуре, на формирование которой влияют политики в сфере экономической безопасности конкретных регионов; факторы, влияющие на состояние экономической безопасности и ресурсы, определяющие возможности укрепления региональной экономической безопасности, включая компетенции и профессионализм, а также производительность государственно-властной, организационно-распорядительной деятельности. Во-вторых, что также немаловажно, регулирование и обеспечение многих аспектов региональной инфраструктуры экономической безопасности, основы реализации которых закладываются на федеральном уровне, развиваются на уровне субъектов РФ, начиная от законодательства (в качестве примера может быть приведено региональное законодательство об экономической безопасности, которое вносит существенный вклад в предпринимательский климат и состояние законности в экономических отношениях, дифференци-

Источник: Составлено по результатам экспертного оценивания

Рис. 3. Интегральные оценки развития институциональной инфраструктуры в обеспечении экономической безопасности отдельных субъектов РФ, баллов

рух возможности управления экономической безопасностью в конкретных регионах), и заканчивая различной бюджетно-финансовой обеспеченностью.

В межрегиональном сопоставлении перечень оценок и проблем представляется весьма дифференцированным, однако слабыми местами в большинстве проанализированных случаев выступают инфраструктура саморегулирования, инфраструктура коммуникаций, инфраструктура координации и взаимодействия органов обеспечения экономической безопасности и гражданского общества, инфраструктура мониторинга, а также инфраструктура инноваций. Кроме того, в логику проблем социально-экономического развития российских регионов вписывается наличие у отстающих субъектов РФ соответствующих проблем также в сфере развития инвестиционно-финансовой инфраструктуры обеспечения региональной экономической безопасности.

На рисунке 3 приведены результаты экспертного оценивания интегрального показателя развития институциональной инфраструктуры в обеспечении ЭБ выбранных для анализа регионов.

Можно констатировать, что лидеры по выборке соответствуют лидерам по ресурсной обеспеченности и позитивному воздействию факторов региональной экономической безопасности, и, напротив, аутсайдеры по ресурсам и факторам находятся в числе аутсайдеров по значениям интегрального показателя оценки развития институциональной инфраструктуры в обеспечении экономической безопасности региона. Проблема же заключается в том, что именно те наименее благополучные в части устойчивого экономического развития, его факторов и ресурсного обеспечения, нуждаются в наиболее продвинутой инфраструктуре экономической безопасности.

Материалы проведенного исследования позволяют выделить перспективы повышения экономической безопасности субъектов Российской Федерации

Федерации через комплексную активацию институциональных аспектов, включая формирование и развитие, в том числе модернизацию, институциональной инфраструктуры:

- активизация системной деятельности по постановке профессионального управления экономической безопасностью в системе органов публичной власти всех субъектов РФ, их надлежащего организационного обеспечения, контроля функционирования на основе сочетания мер стимулирования и ответственности с периодической независимой внешней оценкой;

- разработка и утверждение модельной нормативно-инструктивной базы обеспечения экономической безопасности регионов, включая номенклатуру индикаторов, типовых методик расчета и оценки, организации и обеспечения мониторинга;

- стимулирование, организационная, финансовая и информационная поддержка из федерального центра инициатив по взаимодействию региональных властей и

субъектов гражданского общества в обеспечении экономической безопасности субъектов Российской Федерации;

- содействие внедрению аудита и мониторинга экономической безопасности в регионах. Разработка единых программных продуктов и иных решений по автоматизации и цифровизации аудита и мониторинга региональной экономической безопасности, в том числе на основе отбора лучших существующих решений, их доработки и масштабирования;

- ориентирование регионов на систематическое проведение аудита и совершенствование регионального законодательства в области экономической безопасности;

- активное содействие внедрению саморегулирования в региональных экономиках, распространение лучших практик;

- формирование единых сетевых структур поддержки в области подготовки кадров в сфере обеспечения экономической безопасности и развития компетенций;

- распространение, в том числе посредством тиражирования и масштабирования, передового опыта и инноваций в сфере институционального обеспечения региональной экономической безопасности;

- формирование баз знаний и распространение информации, консультационных и коммуникационных услуг в сфере обеспечения экономической безопасности регионов;

- централизованная организационная и финансовая поддержка инноваций в сфере обеспечения экономической безопасности в регионах, оказание шефской помощи от субъектов с устойчивыми показателями социально-экономического развития.

Одним из приоритетных направлений активизации работы в дальнейшем должно выступить формирование и развитие институциональной инфраструктуры региональной экономической безопасности. Чтобы в полной мере задействовать потенциал инфраструктурной поддержки формирования продуктивной институциональной среды региональной экономической безопасности, необходимо развивать инфраструктуру аудита и мониторинга экономической безопасности, укреплять взаимодействие уполномоченных органов публичной власти и гражданского общества, развивать инновации, инфраструктуру коммуникаций, саморегулирования в экономической сфере вместе с другими совершенствованиями по результатам комплексного и научно-обоснованного анализа состояния дел и перспектив развития в предметной области с учетом конкретных региональных особенностей. Синергетический эффект от средового воздействия институтов и институциональной инфраструктуры сформирует необходимые условия для непрерывной и результативной деятельности по обеспечению экономической безопасности каждого региона, вне зависимости от предпосылок, формируемых ресурсами и факторами.

Список источников

1. Каранина Е. В., Грабар А. А. Институциональные аспекты обеспечения социально-экономической безопасности региона // Инновационное развитие экономики. 2017. № 6. С. 384–392.
2. Кельбах С. В. Развитие региональной институциональной инфраструктуры // Проблемы современной экономики. 2011. № 4. С. 252–255.
3. Курбанова У. А., Байдаров М. С., Загирбеков М. Г. Анализ особенностей экономической безопасности России на уровне региона // Журнал прикладных исследований. 2022. Т. 2. № 6. С. 149–154.
4. Митяков Е. С. Анализ подходов к мониторингу экономической безопасности регионов России // Развитие и безопасность. 2020. № 1. С. 60–71.
5. Руденко М. Н. Региональные различия как угроза экономической безопасности Российской Федерации // Экономическая безопасность. 2022. Т. 5. № 2. С. 491–510.
6. Сумарокова К. А., Эскерова Т. А., Яковлева К. О., Гусева Ю. В. Институциональное обеспечение экономической безопасности Уральского федерального округа // Экономика и бизнес: теория и практика. 2018. № 9. С. 182–185.
7. Marquis C., Raynard M. Institutional strategies in emerging markets // The Academy of Management Annals. 2015. Vol. 9. № 1. P. 291–335.

References

1. Karanina E. V., Grabar A. A. Institutional aspects of ensuring socio-economic security of the region // Innovative development of the economy. 2017. № 6. P. 384–392.
2. Kelbach S. V. Development of regional institutional infrastructure // Problems of modern economics. 2011. № 4. P. 252–255.
3. Kurbanova U. A., Baydarov M. S., Zagirbekov M. G. Analysis of the features of Russia's economic security at the regional level // Journal of Applied Research. 2022. Vol. 2. № 6. P. 149–154.
4. Mityakov E. S. Analysis of approaches to monitoring the economic security of Russian regions // Development and security. 2020. № 1. P. 60–71.
5. Rudenko M. N. Regional differences as a threat to the economic security of the Russian Federation // Economic security. 2022. Vol. 5. № 2. P. 491–510.
6. Sumarokova K. A., Eskerova T. A., Yakovleva K. O., Guseva Yu. V. Institutional provision of economic security of the Ural Federal District // Economics and Business: theory and practice. 2018. № 9. P. 182–185.
7. Marquis C., Raynard M. Institutional strategies in emerging markets // The Academy of Management Annals. 2015. Vol. 9. № 1. P. 291–335.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 12.02.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 12.02.2024.

Научная статья

УДК 33.336

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-210-217>

EDN: <https://elibrary.ru/hokfka>

ИПОН: 2015-0066-1/24-933

MOSURED: 77/27-011-2024-01-132

Особенности формирования региональной инвестиционной безопасности в современных условиях

Андрей Владимирович Минаков¹, Татьяна Николаевна Агапова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ minakov-info@yandex.ru

² tnagapova@gmail.com

Аннотация. Региональная инвестиционная безопасность является важным компонентом экономической безопасности регионов России, однако ее формирование в условиях санкционного давления требует поиска новых решений и инструментов. Цель исследования: выявить особенности формирования региональной инвестиционной безопасности на примере Амурской области и Красноярского края, выявить проблемы инвестиционной безопасности в рассматриваемых регионах и предложить пути их решения. В ходе исследования выявлено, что Красноярский край, несмотря на существенно более значимые позиции в национальной экономике, отстает от Амурской области по динамике инвестиций в основной капитал, величине инвестиций в расчете на душу населения. Инвестиционная деятельность в Амурской области существенно более зависима от государственной поддержки, однако при этом доля инвестиций в совместной собственности в Красноярском крае превышает 31 %. Амурская область и Красноярский край не используют должным образом возможности привлечения иностранных инвестиций и улучшения инвестиционного климата, в результате чего их позиции в Национальном рейтинге состояния инвестиционного климата в регионах остаются скромными. Разработаны рекомендации по укреплению региональной инвестиционной безопасности в Амурской области и Красноярском крае, которые также позволят улучшить инвестиционный климат в анализируемых регионах России.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, инвестиционная безопасность, региональное развитие, Амурская область, Красноярский край

Для цитирования: Минаков А. В., Агапова Т. Н. Особенности формирования региональной инвестиционной безопасности в современных условиях // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 210–217. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-210-217>. EDN: HOKFKA.

Original article

Features of the formation of regional investment security in modern conditions

Andrey V. Minakov¹, Tatyana N. Agapova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ minakov-info@yandex.ru

² tnagapova@gmail.com

Abstract. Regional investment security is an important component of the economic security of Russian regions, but its formation because of sanctions pressure requires the search for new solutions. The purpose of the study: to identify the features of the formation of regional investment security using the examples of the Amur region and the Krasnoyarsk region, to identify problems of investment security in these regions and also to develop necessary solutions. Krasnoyarsk region, despite its significantly more significant position in the Russian economy, lags behind the Amur region in terms of the dynamics of investment in fixed capital and the amount of investment per capita. Investment activity in the Amur region is significantly more dependent on state support, however, the share of investments in joint ownership in the Krasnoyarsk region exceeds 31 %. The Amur region and Krasnoyarsk region do not properly use the opportunity to attract foreign investment and improve the investment climate, so their positions in the National Rating of the Investment

© Минаков А. В., Агапова Т. Н., 2024

Climate in the Regions are not adequate. Also are proposed recommendations to strengthen regional investment security in the Amur region and Krasnoyarsk region, which will also improve the investment climate in the analyzed regions of Russia.

Keywords: investment activity, investment security, regional development, Amur region, Krasnoyarsk region

For citation: Minakov A. V., Agapova T. N. Features of the formation of regional investment security in modern conditions. Bulletin of economic security. 2024;(1):210–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-210-217>. EDN: HOKFKA.

Региональная инвестиционная безопасность в современных условиях развития национальной экономики Российской Федерации приобретает все большее значение как для достижения стратегических целей, стоящих перед субъектами федерации, так и для укрепления экономической безопасности государства, повышения его устойчивости к санкционному давлению и другим негативным воздействиям. Однако до настоящего времени в научных публикациях нет единства в понимании сущности региональной инвестиционной безопасности, также отсутствует общепринятая методика оценки уровня региональной инвестиционной безопасности.

Так, региональная инвестиционная безопасность большинством авторов рассматривается как важный компонент экономической безопасности региона. И. С. Царегородцев предлагает рассматривать региональную инвестиционную безопасность как обеспечение инвестиционной привлекательности региона для формирования устойчивого потока инвестиций и диверсификации источников финансирования [10, с. 27], А. Е. Аникеенко – как «поддержание оптимального объема инвестиций» [1, с. 12], Е. В. Ерохина – как «способность органов власти в рамках существующего правового поля оказывать непосредственное влияние на процессы инвестирования, протекающие в регионе, которые определяют конкурентоспособность и устойчивый рост региональной экономической системы» [3, с. 117]. Также инвестиционная безопасность на региональном уровне может трактоваться как «обеспечение необходимого уровня инвестиционных ресурсов региона; как состояние, при котором создаются условия защиты инвестиционных ресурсов, направляемых в экономику ре-

гиона; как способность регионов генерировать инвестиционный процесс, поддерживающий устойчивый рост и стратегическую конкурентоспособность региональной экономики» [2, с. 5]. Однако ни одно из определений региональной инвестиционной безопасности не может быть признано единственно верным. Обеспечение инвестиционной привлекательности региона является только одной из составляющих инвестиционной безопасности в условиях жесткой конкуренции за инвестиционные ресурсы, в обеспечении инвестиционной безопасности участвуют не только органы власти (как региональные, так и федеральные), но и различные специализированные институты, ассоциации, агентства.

Наиболее полным видится следующее определение региональной инвестиционной безопасности: такое состояние инвестиционной деятельности в регионе, которое позволяет обеспечивать достаточную инвестиционную привлекательность, конкурентоспособность региональной экономики, ее устойчивое социально-экономическое развитие, а также вносить вклад в укрепление региональной и национальной экономической безопасности.

Соответственно, обеспечение региональной инвестиционной безопасности требует скоординированных действий как органов публичной власти (федерального и регионального уровня), так и представителей бизнеса, специализированных институтов, участвующих в инвестиционном процессе. Формирование региональной инвестиционной безопасности осуществляется в разрезе следующих важнейших составляющих (табл. 1).

Определенную сложность представляет оценка региональной инвестиционной безопасности. В научной

Таблица 1

Составляющие региональной инвестиционной безопасности

Составляющая	Особенности формирования
Инвестиционная активность	Выражается в динамике долгосрочных и краткосрочных инвестиций в региональную экономику, количестве инвестиционных проектов (в том числе проектов государственно-частного партнерства)
Инвестиционный климат	Выражается в создании благоприятных условий для обеспечения притока инвестиций в региональную экономику, в том числе за счет внутренних источников. Совершенствуется правовое регулирование инвестиционной деятельности, предусматриваются инструменты стимулирования инвестиций, создаются специализированные агентства, сопровождающие деятельность инвесторов
Инвестиционные риски	Выражается в принятии региональными и федеральными властями совместно с другими участниками инвестиционного процесса мер, направленных на ослабление, нивелирование общих и специфических инвестиционных рисков, сопровождающих инвестиционную деятельность в регионе
Инвестиционный потенциал	Выражается в развитии трудового, финансового, природно-ресурсного, инновационного и других потенциалов региона, значимых для ведения инвестиционной деятельности и обеспечения экономической безопасности

Источник: собственная разработка

литературе предлагается использовать как отдельные показатели (например, показатели эффективности производства, динамики и структуры инвестиций в основной капитал, состояния и движения основных фондов, так и интегральные показатели, позволяющие ранжировать регионы в зависимости от уровня достигнутой инвестиционной безопасности. Так, для оценки инвестиционной активности могут быть использованы следующие важнейшие показатели:

- а) объем инвестиций в основной капитал, индекс физического объема инвестиций в основной капитал;
- б) отношение инвестиций в основной капитал к ВРП, что особенно важно для проведения межрегиональных сопоставлений;
- в) объем прямых иностранных инвестиций в региональную экономику;
- г) количество и общая стоимость проектов в сфере государственно-частного партнерства (муниципально-частного партнерства).

Для оценки инвестиционного климата, инвестиционного потенциала и инвестиционных рисков как составляющих региональной инвестиционной безопасности целесообразно использовать различные рейтинги (например, рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России, составляемый «Эксперт РА»). В результате появляется возможность достоверно оценивать достигнутые результаты обеспечения региональной инвестиционной безопасности в сравнении с другими регионами России, выявлять актуальные проблемы ведения инвестиционной деятельности в регионе.

В качестве объектов исследования выступают Амурская область и Красноярский край. Инвестиционная деятельность в Амурской области ведется в соответствии с Инвестиционной стратегией на период до 2025 г., которая предусматривает повышение инвестиционной привлекательности региона за счет использования его сильных сторон. Сильные и слабые стороны экономики Амурской области, непосредственно влияющие на инвестиционную безопасность региона, сведены в табл. 2.

Согласно Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона, на период до 2025 г. в Амурской области предусматривается формирование трех зон опережающего экономического развития: природно-ресурсная зона Байкало-Амурской магистрали, Приамурская аграрно-индустриальная зона и Свободненская экономическая зона [6], что позволит региону более полно использовать свои конкурентные преимущества и преодолеть существующие ограничения социально-экономического развития. Однако достижение стратегических целей развития, стоящих перед Амурской областью, требует в том числе обеспечения региональной инвестиционной безопасности, стабильного притока внутренних и внешних инвестиционных ресурсов.

В свою очередь, в Красноярском крае инвестиционная деятельность направлена на сохранение и укрепление позиций региона в национальной экономике. Согласно Стратегии социально-экономического развития Красноярского края до 2030 г. Красноярский край – «один из лидеров среди субъектов Федерации по важнейшим макроэкономическим показателям – численности населения, валовому региональному продукту, промышленному производству» [7], однако поддержание устойчивого лидерства региона в федеральном округе, достижение стратегических целей также требует принятия системных мер, направленных на формирование и укрепление региональной инвестиционной безопасности. Рассматриваемые регионы имеют различный вклад в общероссийские основные социально-экономические показатели, о чем свидетельствуют данные табл. 3.

Из данных табл. 3 видно, что территория Красноярского края более чем в семь раз превышает территорию Амурской области, однако при этом разница в численности населения и занятых между регионами существенно ниже: если доля Красноярского края в общей численности занятых в регионах России в 2022 г. составила 1,9 %, то доля Амурской области – соответственно 0,5 %. Однако в Красноярском крае достигнут существенно более высокий уровень валового регионального продукта на душу населения, о чем свидетельствует

Таблица 2

Сильные и слабые стороны экономики Амурской области, влияющие на инвестиционную безопасность региона

Составляющая	Сильные стороны	Слабые стороны
Природные ресурсы	Большие запасы полезных ископаемых, лесные и гидроэнергетические ресурсы, благоприятные условия для сельскохозяйственного производства	Сложности в освоении многих месторождений природных ресурсов, низкое качество пашни и сельскохозяйственных земель, что ограничивает урожайность
Инфраструктура	Развитая транспортная инфраструктура, избыточные генерирующие мощности	Низкая плотность автомобильных трасс и железнодорожной сети
Рынок	Наличие общей границы с КНР, что облегчает экспорт	Малый внутрирегиональный рынок
Экология и рекреация	Низкий уровень нагрузки на региональную экосистему	Высокие риски затопления и лесных пожаров
Человеческий капитал	Развитая система обучения и подготовки кадров для региональной экономики	Неблагоприятная демографическая ситуация в регионе

Источник: [5]

Таблица 3

**Вклад Амурской области и Красноярского края в общероссийские
основные социально-экономические показатели за 2022 г., %**

Показатель	Амурская область	Красноярский край
Площадь территории	2,1	13,8
Население	0,5	1,9
Среднегодовая численность занятых	0,5	1,9
ВРП в 2021 г.	0,4	2,5
Основные фонды в экономике по полной учетной стоимости	0,6	2,7
Инвестиции в основной капитал	1,7	2,5
Объем производства в добывающей промышленности	0,4	3,7
Объем производства в обрабатывающей промышленности	0,1	2,6

Источник: [9]

вклад региона в формирование общего объема ВРП в размере 2,5 % (Амурская область сформировала только 0,4 % ВРП регионов России).

Также для Красноярского края характерны развитая обрабатывающая промышленность (вклад региона в общий объем производства продукции обрабатывающей промышленности в России составляет 2,6 %), высокоэффективный топливно-энергетический комплекс, однако сохраняется доминирование добывающего сектора региональной экономики, что затрудняет ее успешную трансформацию, создает дополнительные риски для устойчивого социально-экономического развития Красноярского края в условиях высокой волатильности цен на мировом рынке углеводородов и цветных металлов. Для Амурской области также характерен развитый добывающий сектор, однако объемы добычи многократно ниже показателей, достигнутых в Красноярском крае (вклад Амурской области в общий объем производства в добывающей промышленности в 2022 г. оценивается только в 2022 г.).

Динамика инвестиций в основной капитал в рассматриваемых регионах за 2015–2022 гг. приведена в табл. 4.

Как видно из данных, приведенных в табл. 4, Амурская область благодаря значительной поддержке феде-

ральных властей и реализации ряда крупных проектов смогла значительно нарастить объемы привлекаемых инвестиций в основной капитал (более чем в 4,5 раза в течение анализируемого периода), при этом объем инвестиций в основной капитал в Красноярском крае вырос только на 88 %. Вклад Амурской области в общий объем инвестиций в основной капитал Дальневосточного федерального округа возрос с 10 % до 18,5 %, в свою очередь, Красноярский край отстает по динамике инвестиций в основной капитал от других регионов Сибирского федерального округа. Если в 2015 г. Красноярский край привлек более 31 % общего объема инвестиций в основной капитал по Сибирскому федеральному округу, то в 2022 г. – только 26,5 %. Следует отметить также увеличение вклада Амурской области в общероссийский объем инвестиций в основной капитал при ослаблении позиций Красноярского края. Инвестиции в основной капитал на душу населения в Красноярском крае более чем в два раза ниже, чем в Амурской области, что свидетельствует о недоиспользовании региональными властями возможностей укрепления инвестиционной безопасности. В итоге Амурская область заняла седьмое место по объему привлечения инвестиций в основной капитал в расчете на душу населения, а Красноярский край – только 14-е место.

Таблица 4

Динамика инвестиций в основной капитал в Амурской области и Красноярском крае за 2015–2022 гг.

Показатель	2015 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2022 г. к 2015 г., %
Инвестиции в основной капитал в Амурской области, млн руб.	102 214	360 434	412 201	464 064	454,0
Доля в показателях федерального округа, %	10,0	21,6	20,4	18,5	-
Доля в общероссийских показателях, %	0,7	1,8	1,8	1,7	-
Инвестиции в основной капитал на душу населения Амурской области, тыс. руб.	126,5	458,6	530,4	610,7	482,8
Инвестиции в основной капитал в Красноярском крае, млн руб.	396 865	480 203	592 071	747 818	188,4
Доля в показателях федерального округа, %	31,2	25,2	25,9	26,5	-
Доля в общероссийских показателях, %	2,9	2,4	2,5	2,5	-
Инвестиции в основной капитал на душу населения Красноярского края, тыс. руб.	138,6	167,8	207,6	262,3	189,2

Источник: собственная разработка на основе [9]

В то же время руководство Амурской области недооценивает важность опережающего роста инвестиций в объекты интеллектуальной собственности, остро необходимые для укрепления региональной инвестиционной безопасности. Трансформация региональной экономики на основе инновационных идей и разработок в условиях санкционного давления объективно необходима для возвращения на траекторию устойчивого социально-экономического развития, однако в Амурской области более 77 % инвестиций в основной капитал направляется в здания и сооружения (в Красноярском крае – 43,8 %, а в среднем по Российской Федерации – 40,7 %). Показатели удельного веса инвестиций в объекты интеллектуальной собственности в общем объеме инвестиций в основной капитал приведены на рис. 1.

Как видно из рис. 1, в Амурской области только 0,3 % инвестиций в основной капитал направляется на приобретение объектов интеллектуальной собственности,

в то время как в Красноярском крае – 5,9 %. Отставание Амурской области в инвестировании в объекты интеллектуальной собственности препятствует ускорению инновационного развития региона. Также значительный интерес представляет изучение структуры инвестиций в основной капитал рассматриваемых регионов по формам собственности. Данные приведены на рис. 2.

Как видно из рис. 2, для Амурской области характерен высокий уровень зависимости инвестиционной деятельности от поддержки со стороны федеральных властей. Доля инвестиций государственной формы собственности в регионе составляет 22,7 %, в то время как в Красноярском крае – только 8,8 %. Недостаточно используются возможности привлечения муниципальных инвестиционных ресурсов: доля инвестиций муниципальной формы собственности в Красноярском крае составляет 2,4 %, а в Амурской области – менее 1 %. В рассматриваемых регионах преобладают инвестиции

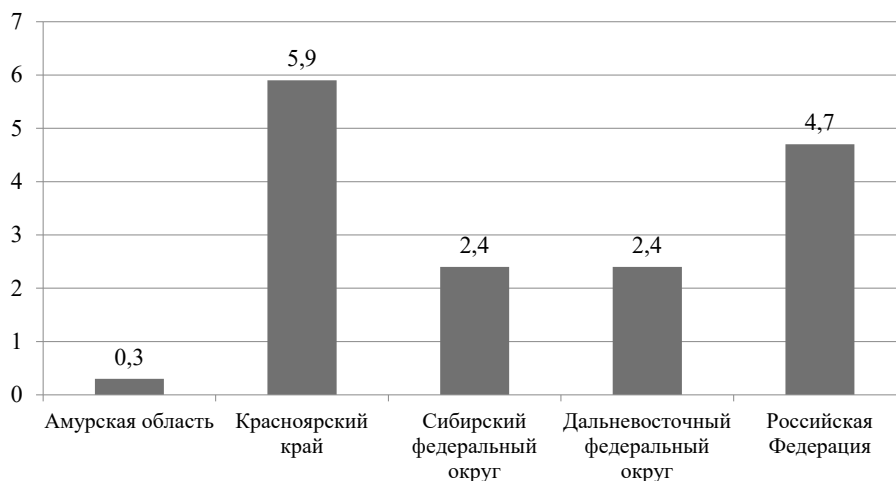

Рис. 1. Удельный вес инвестиций в объекты интеллектуальной собственности в общем объеме инвестиций в основной капитал за 2022 г., % [9]

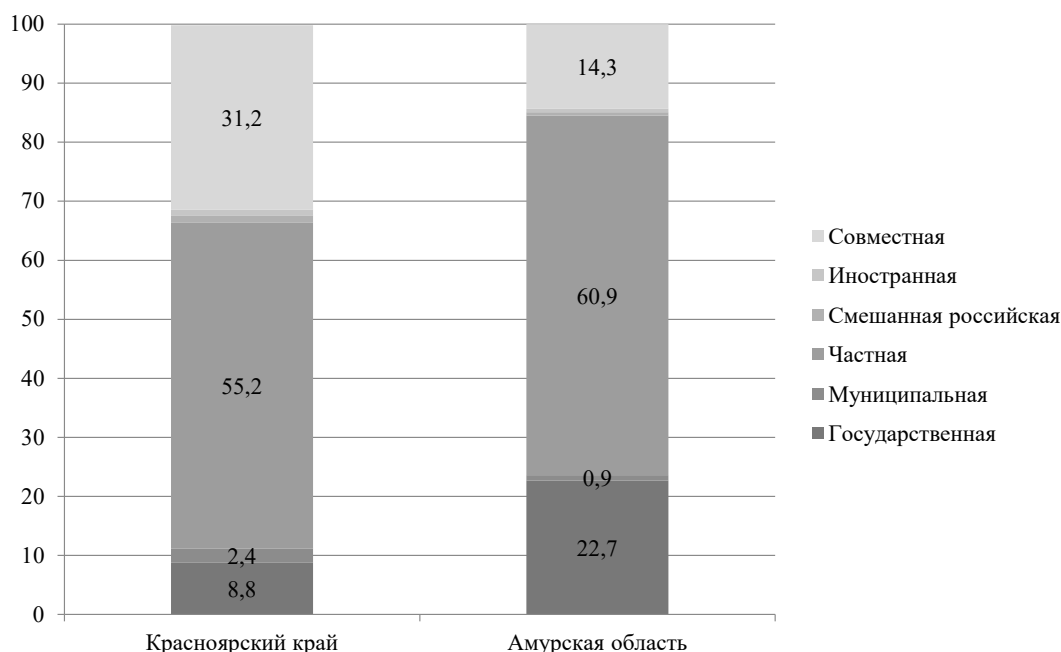

Рис. 2. Структура инвестиций в основной капитал Амурской области и Красноярского края по формам собственности в 2022 г., % [9]

частной формы собственности: 55,2 % в Красноярском крае и 60,9 % в Амурской области, однако, несмотря на сохраняющуюся потребность в инвестициях, доля инвестиций иностранной формы собственности остается незначительной: менее 1 %.

Вместо иностранных инвестиций широко практикуются совместные проекты с привлечением российских и зарубежных партнеров: инвестиции в совместной собственности в Красноярском крае составили свыше 31 % общей величины инвестиций в основной капитал, в Амурской области – 14,3 % соответственно.

Также несомненный интерес представляет динамика состояния и обновления основных фондов в рассматриваемых регионах. Данные за 2018–2022 гг. приведены в табл. 5.

Как видно из табл. 5, уровень износа основных фондов в Красноярском крае остается стабильным, в то время как в Амурской области обеспечено его незначительное снижение: до 42,3 % в 2022 г. Однако следует отметить существенно более высокую активность субъектов хозяйствования Красноярского края в обновлении используемых основных фондов: значения коэффициента обновления основных фондов в рассматриваемом

регионе существенно выше, чем в Амурской области. Обновление материально-технической базы позволит предприятиям Красноярского края более успешно конкурировать как на региональном, так и на общероссийском рынках, снижать издержки на производство и реализацию продукции, более полно использовать инновации в своей деятельности, в то время как отставание в обновлении основных фондов, применяемых предприятиями Амурской области, негативно влияет на конкурентоспособность региона в целом.

Согласно Национальному рейтингу состояния инвестиционного климата в субъектах РФ ни один из рассматриваемых регионов не находится среди лидеров, что свидетельствует о недостаточных успехах в формировании и укреплении региональной инвестиционной безопасности. Однако Амурская область находится среди лидеров по скорости постановки земельных участков на кадастровый учет (16 дней, при этом наилучший результат достигнут в Москве – 13 дней), выстроены каналы прямой связи инвесторов с руководством региона, что является важным организационным механизмом поддержки бизнеса. В Красноярском крае, в свою очередь, возможно достаточно быстро получить в аренду необхо-

Таблица 5

Динамика состояния и обновления основных фондов в Амурской области и Красноярском крае за 2015–2022 гг., %

Показатель	2015 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Степень износа основных фондов в Амурской области	43,9	39,2	41,9	42,3
Степень износа основных фондов в Красноярском крае	46,1	46,2	46,5	46,4
Коэффициент обновления основных фондов в Амурской области	5,2	6,1	9,3	6,3
Коэффициент обновления основных фондов в Красноярском крае	13,3	8,5	11,0	9,3

Источник: собственная разработка на основе [8]

Таблица 6

Предлагаемые меры по укреплению региональной инвестиционной безопасности в Амурской области и Красноярском крае

Составляющая	Амурская область	Красноярский край
Регуляторная среда	Сокращение продолжительности цикла строительства, в т.ч. за счет оперативного получения разрешений	Ускорение выдачи разрешений на ввод объектов в эксплуатацию. Быстрая постановка земельных участков на кадастровый учет. Ускорение регистрации прав собственности за счет широкого применения цифровых технологий
Институты для бизнеса	Недопущение давления со стороны региональных властей. Развитие регионального законодательства в области инвестиций, совершенствование работы институтов поддержки экспорта в КНР	Недопущение давления со стороны естественных монополий. Улучшение работы регионального совета по улучшению инвестиционного климата, развитие регионального законодательства в области инвестиций
Инфраструктура и ресурсы	Развитие дорожной сети и железнодорожной инфраструктуры	Развитие телекоммуникационной инфраструктуры
Поддержка малого и среднего бизнеса	Улучшение организационной поддержки малого и среднего предпринимательства. Активизация финансовой поддержки малого и среднего бизнеса. Привлечение китайского капитала для развития предпринимательства в Амурской области	Развитие нефинансовой поддержки малого и среднего предпринимательства на основе передового опыта других регионов России

Источник: собственная разработка

димый для ведения бизнеса участок земли без проведения торгов, составители рейтинга отметили эффективную работу региональной организации, ответственной за привлечение инвестиций [4]. Однако скромные общие результаты, достигнутые рассматриваемыми регионами в Национальном рейтинге состояния инвестиционного климата в регионах России, свидетельствуют о необходимости принятия дополнительных мер по укреплению региональной инвестиционной безопасности и улучшению инвестиционного климата (табл. 6).

В результате реализации мер, представленных в таблице 6, Амурская область и Красноярский край смогут укрепить региональную инвестиционную безопасность, привлекая как внутренние, так и внешние инвестиции с тем, чтобы обеспечить достижение стратегических целей, стоящих перед регионами. Также появится возможность укрепить и экономическую безопасность рассматриваемых регионов, что даст возможность вернуться к устойчивому социально-экономическому развитию и успешно преодолеть негативное влияние внешних вызовов, усилить вклад Амурской области и Красноярского края в общероссийский объем инвестиций в основной капитал, ВРП, промышленного производства. Непрерывная деятельность, направленная на укрепление региональной инвестиционной безопасности, будет способствовать также улучшению инвестиционного климата в регионах.

Список источников

1. Аникеенко А. Е. Определение и место инвестиционной безопасности в системе обеспечения национальной безопасности России / А. Е. Аникеенко // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 8. С. 12–15.
2. Бушуева М. А. Понятие инвестиционной безопасности региона / М. А. Бушуева // Генезис экономических и социальных проблем субъектов рыночного хозяйства в России. 2019. № 13. С. 4–8.
3. Ерохина Е. В. Влияние инвестиционной привлекательности регионов на обеспечение экономической безопасности (на материалах Калужской области) / Е. В. Ерохина // Экономическая безопасность. 2019. Т. 2. № 2. С. 115–129.
4. Национальный инвестиционный рейтинг // Агентство стратегических инициатив [Электронный ресурс]. URL: asi.ru/government_officials/rating (дата обращения: 12.01.2024).
5. Об утверждении Инвестиционной стратегии Амурской области на период до 2025 года: постановление Правительства Амурской области от 25 февраля 2019 г. № 62 (в ред. постановления Правительства Амурской области от 27 августа 2020 г. № 572) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: docs.cntd.ru/document/553160690 (дата обращения: 12.01.2024).
6. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 2094-р (в ред. распоряжения Правительства Российской Федерации от 10 июня 2023 г. № 1521-р) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: docs.cntd.ru/document/902195483 (дата обращения: 13.01.2024).
7. Об утверждении стратегии социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года: постановление Правительства Красноярского края от 30 октября 2018 г. № 647 // Правительство Красноярского края [Электронный ресурс]. URL: econ.krskstate.ru/dat/bin/art_attach/11637_647_p.pdf (дата обращения: 13.01.2024).
8. Основные фонды и другие нефинансовые активы // Росстат [Электронный ресурс]. URL: rosstat.gov.ru/folder/14304 (дата обращения: 12.01.2024).
9. Регионы России. Социально-экономические показатели 2023 // Росстат [Электронный ресурс]. URL: rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 13.01.2024).
10. Царегородцев И. С. Региональная поддержка инвестиционной привлекательности в системе экономической безопасности региона / И. С. Царегородцев // Вестник ПВГУС. Серия Экономика. 2020. № 4. С. 27–35.

References

1. Anikeenko A. E. Definition and place of investment security in the system of ensuring the national security of Russia / A. E. Anikeenko // Economics and business: theory and practice. 2022. № 8. P. 12–15.
2. Bushueva M. A. The concept of investment security and its role in the economic security system of the region / M. A. Bushueva // Genesis of economic and social problems of market economy entities in Russia. 2019. № 13. P. 4–8.
3. Erokhina E. V. The influence of the investment attractiveness of the regions on ensuring economic security (on the materials of the Kaluga region) / E. V. Erokhina // Economic security. 2019. T. 2. № 2. P. 115–129.
4. National Investment Rating // Agency for Strategic Initiatives [Electronic Resource]. URL: asi.ru/government_officials/rating (accessed: 12.01.2024).
5. On approval of the Investment Strategy of the Amur Region for the period until 2025: Decree of the Government of the Amur Region dated February 25, 2019 No. 62 (as amended by Resolution of the Government of the Amur Region dated August 27, 2020 No. 572) // Electronic Fund of Legal and Regulatory Technical Documents [Electronic Resource]. URL: docs.cntd.ru/document/553160690 (accessed: 12.01.2024).
6. On the approval of the Strategy for the Socio-Economic Development of the Far East and the Baikal Region for the Period until 2025: Order of the Government of the Russian Federation of December 28, 2009 No. 2094-r (as amended by Order of the Government of the Russian

Federation of June 10, 2023 No. 1521-р) // Electronic Fund of Legal and Regulatory Technical Documents [Electronic Resource]. URL: docs.cntd.ru/document/902195483 (accessed: 13.01.2024).

7. On approval of the strategy for socio-economic development of the Krasnoyarsk Territory until 2030: Decree of the Government of the Krasnoyarsk Territory of October 30, 2018 No. 647 // Government of the Krasnoyarsk Territory [Electronic Resource]. URL: econ.krskstate.ru/dat/bin/art_attach/11637_647_p.pdf (accessed: 13.01.2024).

8. Fixed assets and other non-financial assets//Rosstat [Electronic resource]. URL: rosstat.gov.ru/folder/14304 (accessed: 12.01.2024).

9. Regions of Russia. Social and economic indicators 2023//Rosstat [Electronic resource]. URL: rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (accessed: 13.01.2024).

10. Tsaregorodtsev I. S. Regional support for investment attractiveness in the economic security system of the region / I. S. Tsaregorodtsev // Vestnik PVGUS. Series Economics. 2020. № 4. P. 27–35.

Информация об авторах

А. В. Минаков – профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор;

Т. Н. Агапова – профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор.

Information about the authors

A. V. Minakov – Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor;

T. N. Agapova – Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 12.02.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 12.02.2024.

Угрозы экономической безопасности и их предупреждение. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под. ред. В. В. Криворотова, Н. Д. Эриашвили. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Рассмотрены теоретические и методологические подходы к формированию понятия и основ исследования региональной экономической безопасности.

Определены и проанализированы основные угрозы региональной экономической безопасности России; обоснованы проявления угроз экономике регионов на различных этапах реформирования российской экономики, а также в современный период ее развития. Рассмотрены научные подходы к формированию индикаторов региональной экономической безопасности и их интерпретации; представлена комплексная методика оценки состояния угроз региональной экономической безопасности и приведены результаты диагностики экономической безопасности регионов Российской Федерации.

Для студентов, обучающихся по специальности «Экономическая безопасность» (специализация «Экономико-правовое обеспечение экономической безопасности»), а также другим специальностям экономики и управления. Может быть рекомендовано специалистам органов государственной власти, регионального и местного управления, решающим вопросы управления экономикой и проблемы экономического развития территорий.

Научная статья

УДК 336

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-218-221>

EDN: <https://elibrary.ru/hrsras>

НИОН: 2015-0066-1/24-934

MOSURED: 77/27-011-2024-01-133

Роль цифровизации в налоговом администрировании

Ольга Валентиновна Староверова

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия,
staroverova05@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена роли цифровизации в налоговом администрировании; рассматривается внедрение современных инструментов налогового администрирования.

Ключевые слова: налоговое администрирование, цифровизация, налоговая система, цифровые инструменты

Для цитирования: Староверова О. В. Роль цифровизации в налоговом администрировании // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 218–221. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-218-221>. EDN: HRSRAS.

Original article

The role of digitalization in tax administration

Olga V. Staroverova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia,
staroverova05@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the role of digitalization in tax administration; the introduction of modern tax administration tools is considered.

Keywords: tax administration, digitalization, tax system, digital tools

For citation: Staroverova O. V. The role of digitalization in tax administration. Bulletin of economic security. 2024;(1):218–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-218-221>. EDN: HRSRAS.

В историю нашей страны и мира 2020, 2021, 2022 годы войдут как годы борьбы с новой коронавирусной инфекцией, годы существования страны в условиях жесточайшего санкционного давления и политической нестабильности. Каждый, от физического лица, работающего удаленно, до органов власти и управления, должен был пройти проверку на устойчивость к катаклизмам глобального масштаба. Пандемия и появившиеся ограничения выступили дополнительным стимулом для цифровой трансформации во всех сферах экономики, государственных органов, в том числе налоговых служб.

В Федеральной налоговой службе России уже более 10 лет происходит масштабная цифровизация. Федеральная налоговая служба ориентирована на клиента и признана лидером в области цифровой трансформации на международных площадках, таких как ОЭСР, БРИКС, ЮТА. Благодаря этому компетенции и технологии, созданные первоначально для налогового администрирования, поддержки граждан и бизнеса, были использованы

в 2020 году в условиях противоковидных ограничений, а в 2022 году – в целях оперативной поддержки семей мобилизованных граждан и семей добровольцев в виде изменения сроков уплаты имущественных налогов мобилизованных граждан, освобождения от уплаты региональных и местных налогов.

Общеизвестно, что официальный сайт Федеральной налоговой службы России nalog.gov.ru стабильно занимает лидирующее место по посещаемости среди сайтов всех органов исполнительной власти и государственных организаций. На сайте представлены различные сервисы и услуги:

- личные кабинеты физических лиц, юридических лиц, индивидуального предпринимателя и др.;
- данные о мерах поддержки с возможностью проверить наличие права на получение субсидий и др.;
- возможности онлайн регистрации бизнеса;
- возможности постановки на учет физического лица;
- возможность уплаты налогов и пошлин;

© Староверова О. В., 2024

- возможность оценить риски бизнеса;
- сведения из реестров;
- налоговые калькуляторы;
- возможности электронного документооборота;
- справочная и статистическая информация и многое другое.

По контрольно-аналитической работе (контрольно-аналитическая работа – это работа, направленная на побуждение налогоплательщиков на представление уточненных налоговых деклараций «К уплате» без проведения выездных налоговых проверок) в бюджет дополнительно поступило 334 млрд. рублей (прирост по сравнению с 2020 годом составил 41 млрд рублей, +14 %)¹. При этом процесс внедрения цифровых технологий в контрольной работе налоговых органов сопряжен с развитием цифровой грамотности сотрудников налоговых инспекций, находящемся в прямой зависимости от осознания значимости цифровизации своей контрольно-надзорной деятельности [2].

На фоне общего тренда по сокращению количества выездных налоговых проверок их эффективность увеличивается за счет выбора (с использованием аналитических инструментов) объектов контроля с максимальными рисками, (проводится так называемый предпроверочный анализ). Эффективность выездных налоговых проверок по итогам 2021 года (доначисления на одну выездную налоговую проверку) составила 49,8 млн рублей (что на 6,1 млн рублей или 48,1 %, больше аналогичного показателя 2020 года [1]).

По досудебной работе (это обжалование решений налоговых органов, вынесенных по результатам налоговых проверок в вышестоящем налоговом органе, обжалование действий (бездействий) налоговых органов) число рассмотренных жалоб составило 44,2 тыс. единиц. Происходит постепенное внедрение автоматизированных способов работы с причинами возникновения споров в досудебное урегулирование. В будущем это поспособствует минимизации возникающих претензий к налоговым органам и ускорению их разрешения.

Международный показатель соотношения налогового долга к поступлениям ДТН составил 5,5 % – лучший за всю историю измерений. Если считать в суммовом выражении – снижение ДТН на 1,1 процентный пункт (6,6 % – на 01.01.2021) позволил не допустить образование долга в объеме 402,8 млрд рублей². Систему комплексного управления и администрирования долга (СКУАД), автоматически собирающую и анализирующую данные об активах и пассивах на-

логоплательщиков, вместе со скрытыми активами должников, постепенно внедряют в промышленную эксплуатацию.

Благодаря организационно-технической возможности Финансовой налоговой службы в 2020 году была оперативно реализована возможность автоматической помощи бизнесу. Так, за 3 недели стала возможна система проверки налогоплательщиков на соответствие критериям субсидий и механизм их выплат через личный кабинет. Налогоплательщикам было необходимо лишь указать счет, на который им перечислялись денежные средства. Организациям было доступно оперативное получение льготных кредитов на поддержку занятости с использованием технологии блокчейн, осуществленной ФНС России.

Автоматизированные инструменты контроля (основной АСК НДС-2) предоставляют возможность анализа всех операций налогоплательщика при помощи автоматического сопоставления данных даже без истребования документов [2]. Результат данной деятельности: чистая бизнес-среда и сокращение числа выездных налоговых проверок за 10 лет более чем в 11 раз; сокращение сроков камеральных проверок налоговых деклараций по налогу на добавленную стоимость до 1 месяца и ускоренное возмещение НДС, не отвлекая из оборота компаний миллиарды рублей. Благодаря онлайн проекту ККТ, были отменены 9 форм кассовой отчетности для бизнеса позволил отменить, а также значительно снизилось число проверок.

Начатая в ФНС России еще в 2015 году реформа по переходу на онлайн-кассы завершилась в июле 2021 года. В результате использования получаемых данных ККТ значительная часть розничной торговли стала прозрачной, благодаря этому у граждан появилась возможность контроля за добросовестностью продавцов, а органам власти стало возможным наблюдать за динамикой цен на товары, анализируя фактические данные в реальном времени.

Внедрение современных инструментов налогового администрирования Федеральной налоговой службой России проявляет и «другую сторону медали» – сокращение непроизводственных издержек бизнеса и создание комфортных условий для налогоплательщиков для уплаты налогов; максимально сокращаются сроки предоставления вычетов физическим лицам без необходимости предоставления дополнительных документов; разработана технология по упрощенному получению имущественных вычетов.

Начиная с 2021 года отменено представление деклараций по земельному и транспортному налогам для юридических лиц: налоговые органы на основании данных, получаемых от регистрирующих органов, самостоятельно рассчитывают подлежащие уплате суммы налогов и сообщают о них налогоплательщикам, что позволяет бизнесу сократить затраты и время на подготовку деклараций. Для компаний на упрощенной системе налогообложения, применяющих ККТ с режимом «до-

¹ Проект доклада руководителя ФНС России Д. В. Егорова на расширенном заседании коллегии ФНС России «Об итогах работы ФНС России за 2021 год и основных задачах на 2022 год, ценностях ФНС России как основы человеко-центричных изменений и новой служебной культуры» // Федеральная налоговая служба nalog.ru.

² Федеральная налоговая служба // https://data.nalog.ru/rn77/about_fts/.

ходы» с 2022 года отменена отчетность. Проект получил название УСН – онлайн.

Таким образом, глобальная цифровизация экономики ведет к глубинной трансформации принципов взаимодействия государства и налогоплательщиков. В результате это влияет на такие функции государства, как:

1. Установление и защита прав собственности. До перехода к цифровой экономике передвижение капитала и рабочей силы между регионами и между государствами напрямую зависело от того, где развивается производство и человек найдет работу и соответствующую заработную плату, то в современном мире цифровое присутствие позволяет извлекать доход, находясь в любой точке планеты.

2. Изменение роли отдельно взятого государства в регулировании торговли вследствие возникновения электронной коммерции, не привязанной к границам конкретного государства. Это возникновение проблемы поиска и нахождения вариантов получения доступа к данным о доходах, об объектах налогообложения. Все больше организаций инвестируют в цифровую обработку данных, например, переходя на облачное хранение данных, что намного упрощает взаимодействие с потребителями. Благодаря использованию технологиям дистанционной работы большое число компаний, которые осуществляют Интернет-торговлю, имеют возможность результативно участвовать в экономике разных стран без прямого физического нахождения в них.

3. Трансформация налоговой системы в условиях цифровой реальности требует от государства перехода налогового администрирования на качественно новый уровень, который позволит создать систему добровольного соблюдения законодательства о налогах и сборах, повысит уровень доверия между государством и налогоплательщиками [4].

Налоговая система должна адаптироваться к таким проявлениям цифровизации экономики, как появление новых бизнес-моделей, в том числе базирующихся на нематериальных активах, росту электронной коммерции, применению технологии Big Data, в том числе в процессе налогового администрирования. Как мы уже отмечали ранее, цифровые технологии дают существенные преимущества в налоговом администрировании. При этом особое внимание нужно акцентировать на развитии доступа к технологиям и Интернет, так как именно на этих аспектах держатся все цифровые технологии [3]. Все это является источником рисков государственного регулирования экономики. Как известно, в основе системы налогообложения дохода (прибыли) лежит принцип: прибыль организации должна облагаться в стране, где она создает стоимость. Поэтому цифровизация экономики бросает вызов этому базовому принципу, так как, благодаря развитию технологий [5], получает распространение бизнес, характеризующийся следующими признаками:

– деятельность выходит на международный уровень при минимальном физическом присутствии на территории страны или вовсе без него;

– потребность нематериальных активов, особенно интеллектуальной собственности (ИС);

– использование данных пользователей, полученных с помощью анализа, в коммерческой деятельности.

Важно сформулировать правила налогообложения доходов от цифровых бизнес-моделей, нацеленные на удержание налога у источника при выплате доходов за пользование интеллектуальной собственностью.

Организации, внедряющие в свою деятельность цифровые технологии, характеризуются растущим значением инвестиций в нематериальные активы, что предполагает положительное влияние на стоимость фирмы и рост производства. Это приведет к увеличению аккумулирования имущественных налогов, и, следовательно, росту налоговых доходов бюджета государства.

Таким образом, налоговая система государства должна адаптироваться к происходящим изменениям, и центральная проблема в условиях современной экономики состоит в несоответствии места налогообложения бизнеса и места создания стоимости. Другая проблема заключается в том, что прибыль цифровых компаний включает в себя, в том числе, и таких видов деятельности, как реализация контента, которые были сгенерированы пользователями, однако при этом в действующей системе налогообложения вклад пользователей никак не учитывается. Проникновение информационно-коммуникационных технологий в экономику высвечивает пробелы в налоговом законодательстве, для решения которых нужны современные подходы с учетом требования цифровой трансформации экономики и реализацией налоговой политики государства.

Список источников

1. Мороз В. В., Бурдакова А. Ю. Налоговые проверки: их эффективность и результативность // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. XVI. № 1. С. 44–48.

2. Староверова О. В. Применение цифровых технологий в контрольно-надзорной деятельности налоговых органов // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 315–319.

3. Староверова О. В. Цифровые технологии налогового администрирования // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 266–269.

4. Староверова О. В. Цифровые технологии в налогообложении // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 339–342.

5. Уринцов А. И., Староверова О. В., Галахов Д. В. Некоторые вопросы формирования условий развития современной цифровой экономики // Образование. Наука. Научные кадры. 2017. № 2. С. 108–111.

References

1. Moroz V. V., Burlakova A. Yu. Tax audits : their effectiveness and efficiency // Problems of economics and legal practice. 2020. Vol. XVI. № 1. P. 44–48.
2. Staroverova O. V. The use of digital technologies in the control and supervisory activities of tax authorities // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 1. P. 315–319.
3. Staroverova O. V. Digital technologies of tax administration // Bulletin of Economic Security. 2023. № 1. P. 266–269.
4. Staroverova O. V. Digital technologies in taxation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 5. P. 339–342.
5. Urintsov A. I., Staroverova O. V., Galakhov D. V. Some issues of formation of conditions for the development of modern digital economy // Education. Science. Scientific staff. 2017. № 2. P. 108–111.

Библиографический список

1. Анализ проблем и последствий цифрового налогового администрирования // Международный центр образования и педагогики (МЦОиП) // <https://mcoip.ru/blog/2022/05/19/analiz-problem-i-posledstvij-czifrovogo-nalogovogo-administrirvaniya/>.
2. Канкулов А. М., Ягумова З. Н., Губачикова Д. М. Налоговое администрирование в условиях цифровизации экономического пространства // Электронный научный журнал «Вектор экономики». 2021. № 7.
3. Налоги и налогообложение : учебное пособие / ред. И. А. Майбууров. 8-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА. 2021. 497 с.
4. Налоги и налогообложение / Агапова Т. Н., Бобшко Н. М., Долбилов А. В., Косов М. Е., Кузнецова Е. И., Макаров В. А., Павенко Д. Е., Поляк Г. Б., Ремикханова Д. А., Родионов А. В., Сараджева О. В., Староверова О. В., Суглобов А. Е., Эриашвили Н. Д. 5-ое изд., перераб. и доп. М., 2023.
5. Налоги в цифровой экономике. Теория и методология: монография для магистрантов / [И. А. Майбу-

ров и др.] ; под ред. И. А. Майбуурова, Ю. Б. Иванова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2019. 279 с.

6. Отчет Форума ОЭСР о цифровой трансформации налогового администрирования // https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/international_activities/10297602/.
7. Смирнова Е. Е. Налоговый контроль в цифровой экономике // Финансы. 2017. № 11.
8. Трунцевский Ю. В., Курмаев И. Т. Совершенствование налоговой системы России с использованием информационных технологий // Налоги. 2015. № 3.

Bibliographic list

1. Analysis of the problems and consequences of digital tax administration // International Center for Education and Pedagogy (ICEP) // <https://mcoip.ru/blog/2022/05/19/analiz-problem-i-posledstvij-czifrovogo-nalogovogo-administrirvaniya/>.
2. Kankulov A. M., Yagumova Z. N., Gubachikova D. M. Tax administration in the conditions of digitalization of the economic space // Electronic scientific journal «Economy Vector». 2021. № 7.
3. Taxes and taxation : textbook / ed. I. A. Maiburov. 8th ed., rev. and add. M. : UNITY-DANA. 2021. 497 p.
4. Taxes and taxation / Agapova T. N., Boboshko N. M., Dolbilov A. V., Kosov M. E., Kuznetsova E. I., Makarov V. A., Pavenko D. E., Polyak G. B., Remikhanova D. A., Rodionov A. V., Saradzheva O. V., Staroverova O. V., Suglobov A. E., Eriashvili N. D. 5-th ed., rev. and enlarg. M., 2023.
5. Taxes in the digital economy. Theory and methodology : monograph for undergraduates / [I. A. Maiburov and others] ; ed. I. A. Maiburova, Yu. B. Ivanova. M. : UNITY-DANA, 2019. 279 p.
6. Report of the OECD Forum on the digital transformation of tax administration // https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/international_activities/10297602/.
7. Smirnova E. E. Tax control in the digital economy // Finance. 2017. № 11.
8. Truntsevsky Yu. V., Kurmaev I. T. Improving the tax system in Russia using information technology // Taxes. 2015. № 3.

Информация об авторе

О. В. Староверова – профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

O. V. Staroverova – Professor of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Legal Sciences, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 22.09.2023; одобрена после рецензирования 17.11.2023; принята к публикации 16.01.2024.

The article was submitted 22.09.2023; approved after reviewing 17.11.2023; accepted for publication 16.01.2024.

Научная статья

УДК 339

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-222-226>

EDN: <https://elibrary.ru/huhbns>

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 2015-0066-1/24-935

МОСКОВСКИЙ КОД: 77/27-011-2024-01-134

Экономико-правовая оценка перспектив взаимодействия России и Евросоюза в сфере борьбы с климатическими изменениями

Нодари Дарчоевич Эриашвили¹, Андрей Алексеевич Яковлев²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, professor60@mail.ru

² Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия, andrew0880@rambler.ru

Аннотация. В настоящей статье позиционирован тезис о том, что Россия и ЕС в целом поддерживают необходимость борьбы с климатическими изменениями и охраны окружающей природной среды. При этом кратко характеризуются особенности сотрудничества России и Европейского Союза в рамках международного климатического режима. Особое внимание уделено «Зеленой сделке» Европейского Союза, как документу, содержащему планы ЕС по достижению климатической нейтральности, в случае имплементации которого со стороны ЕС при введении трансграничного углеродного налога России грозят большие экономические потери. В связи с этим рассмотрены условия переориентации российских экономико-политических связей на азиатский рынок.

Ключевые слова: международный климатический режим, декарбонизация экономики, углеродоемкая продукция, «зеленые» инвестиции, возобновляемые источники энергии, Климатическая доктрина Российской Федерации, климатическая политика Европейского Союза, экспорт товаров и ресурсов

Для цитирования: Эриашвили Н. Д., Яковлев А. А. Экономико-правовая оценка перспектив взаимодействия России и Евросоюза в сфере борьбы с климатическими изменениями // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 222–226. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-222-226>. EDN: HUHBNBNS.

Original article

Economic and legal assessment of the prospects for cooperation between Russia and the European Union in the field of combating climate changes

Nodari D. Eriashvili¹, Andrey A. Yakovlev²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, professor60@mail.ru

² Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia, andrew0880@rambler.ru

Abstract. This article positions the thesis that Russia and the EU as a whole support the need to combat climate change and protect the environment. At the same time, the peculiarities of cooperation between Russia and the European Union within the framework of the international climate regime are briefly characterized. Special attention is paid to the «Green Deal» of the European Union, as a document containing the EU's plans to achieve climate neutrality, in case of implementation of which by the EU with the introduction of a cross-border carbon tax, Russia faces large economic losses. In this regard, the conditions for the reorientation of Russian economic and political relations to the Asian market are considered.

Keywords: international climate regime, decarbonization of the economy, carbon-intensive products, «green» investments, renewable energy sources, Climate doctrine of the Russian Federation, climate policy of the European Union, export of goods and resources

For citation: Eriashvili N. D., Yakovlev A. A. Economic and legal assessment of the prospects for cooperation between Russia and the European Union in the field of combating climate changes. Bulletin of economic security. 2024;(1):222–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-222-226>. EDN: HUHBNBNS.

Вначале необходимо обратить внимание на тот факт, что как Россия, так и Европейский Союз являются довольно активными участниками международного климатического режима, а также теми (или одними из

© Эриашвили Н. Д., Яковлев А. А., 2024

тех), благодаря кому он фактически и был создан. Наша страна и государства – члены Евросоюза стали практически первыми, кто принял на себя обязательства по минимизации выбросов парниковых газов (в атмосферу Земли) в аспекте действия норм Киотского протокола (1997 г.). Сегодня Россия и Европейский Союз осознают очевидную необходимость борьбы с климатическими изменениями и обязательность защиты окружающей природной среды. Более того, они не возражают против глобального так называемого «зеленого поворота» в экономике и обязанности стран по ее декарбонизации, что является неотъемлемой частью условий выполнения основной цели Парижского соглашения по климату (2015 г.) – к 2100 г. не превысить средний прирост температуры на планете более чем на 2 градуса по Цельсию (по отношению к доиндустриальному уровню развития).

Следует сказать, что взаимодействие Европейского Союза и России, конечно же, не ограничивается жесткими рамками международного климатического режима, ведь у сторон есть фактически 30-летний опыт двусторонних контактов по вопросам экологии и предотвращения климатических изменений. Безусловно, отправной точкой во взаимодействии Евросоюза и России в данном направлении можно считать рамочное Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (1994 г.), так как помимо прочих вопросов в нем закреплялись и конкретные методы и способы сотрудничества в экологической сфере; после определения в 2003 г. так называемых «четырёх пространств» партнерства России и ЕС с 2005 г. взаимодействие в этой плоскости отношений было включено в блок общего экономического пространства (этому будет уделено внимание позднее).

Далее, до 2014 г. (когда очень многие способы и приемы контактирования ввиду известных обстоятельств прекратили работать), Россия и ЕС активно взаимодействовали в рамках программ, посвященных экологическим вопросам. В настоящее время продолжают функционировать отдельные двусторонние проекты приграничного сотрудничества. Начиная с 2019 г., в связи с обнародованием так называемой «Зеленой сделки» ЕС появилось весьма ощутимое напряжение между сторонами и на климатическом векторе двусторонних отношений (в дополнение к остальным сферам). Данная сделка вызвала довольно негативную реакцию Кремля, поскольку (будучи внутренним договором ЕС) она оказывает влияние и на партнеров Евросоюза, преимущественно в экономической области. Дополнительную «нервозность» в отношении ЕС и Российской Федерации добавляет и практически уже реализованное намерение Еврокомиссии ввести трансграничное углеродное регулирование для целого ряда углеродоемкой продукции, закупаемой странами – членами ЕС. Ввиду того, что наша страна экспортирует в ЕС сталь, нефтепродукты, продукцию газовой отрасли, нововведения со стороны Евросоюза могут довольно болезненным образом сказаться на доходах федерального бюджета. Основной негатив в восприятии Россией упомянутых

«Зеленой сделки» и трансграничного углеродного регулирования связан с тем, что ЕС de facto не намерен вести вообще какой бы то ни было диалог с третьими сторонами для согласования общих (взаимовыгодных) параметров (индикаторов) системы трансграничного углеродного регулирования. Но помимо явных рисков «Зеленая сделка» ЕС говорит все же и о возможностях эволюции отношений между Кремлем и Еврокомиссией, ведь обе стороны тем не менее заинтересованы в относительной стабилизации двусторонних отношений, равно как и в так называемых «зеленых» инвестициях, исследовании и имплементации передовых технологий возобновляемых энергетических источников (включая направление водородной энергетики).

Также необходимо отметить, что базой в системе нормативного регулирования защиты окружающей природной среды является упомянутый ранее международный климатический режим, сформированный Рамочной конвенцией ООН об изменении климата (РКИК), подписанной на Совещании по вопросам устойчивого развития в Рио-де-Жанейро (1992 г.). Первоочередной задачей Конвенция поставила сокращение концентрации парниковых газов (антропогенного происхождения) в атмосфере Земли до показателей, которые будут свидетельствовать о сокращении негативного влияния на климат. Указанная конвенция, будучи рамочной, а priori предусмотрела выработку дополнительных, конкретных обязательств государств-участников. Именно в этих целях и было принято решение о ежегодном проведении соответствующих конференций. Следует сказать, что наиболее всеобъемлющим (комплексным) из документов конференций по своим тактико-правовым характеристикам явилось Парижское соглашение по климату. В нем содержатся ключевые юридические критерии относительно минимизации последствий климатических изменений (и адаптации к ним), порядок взаимодействия и отчетности сторон Соглашения, а также вопросы климатических финансов. Здесь самое главное – то, что Соглашение упразднило существовавшее ранее разделение государств на развитые и развивающиеся (в связи с подобной градацией Киотский протокол далеко не раз критиковался).

В Парижском соглашении отмечена так называемая «двухградусная цель», которая была обозначена еще ранее – в Копенгагенском соглашении (2009 г.). Государства-участники Парижского соглашения условились стремиться к более масштабной цели – ограничению роста мировой температуры 1,5 градусами по Цельсию. Более того, в Соглашение был включен и императивный механизм национально-определяемых вкладов в борьбу с климатическими изменениями (конечно же, данные вклады подлежат периодической актуализации). Важно то, что абсолютно все участники Парижского соглашения обязались предоставлять национальные отчеты относительно степени выбросов парниковых газов, равно как и по выполнению резолюций, направленных на их минимизацию, на территории своих государств.

Также существенным аспектом Парижского соглашения можно считать и своего рода компромисс относительно «механизмов гибкости», что в течение определенного периода времени считалось неким «камнем преткновения». Так, в Соглашении указаны три базовых элемента этих механизмов. Первый элемент – использование исключительно добровольных совместных подходов, которые включают огромный блок торговли эмиссионными квотами (и их использование). Второй элемент раскрывает «механизм поддержки устойчивого развития». И, наконец, третий из элементов формирует определенную структуру нерыночных (административных) подходов в целях содействия реализации национальных вкладов в борьбу с климатическими изменениями. Конечно же, Парижское соглашение в дальнейшем неоднократно уточнялось и конкретизировалось.

В продолжение вышесказанного, целесообразно отметить, что наше государство является одним из стратегических участников международного климатического режима и более чем активно поддерживало сам процесс его формирования как таковой. Российская Федерация как до, так и после ратификации Киотского протокола всегда ратовала за сотрудничество в пределах «механизмов гибкости». Более того, Правительством РФ в 2009 г. было принято решение об участии отечественных высокотехнологичных предприятий и организаций в совместной реализации инициатив в соответствии с положениями Киотского протокола, во время первого периода которого (2008–2012 гг.) Президентом РФ были утверждены Климатическая доктрина Российской Федерации (2009 г.) и Комплексный план ее реализации. Целью указанных актов следует считать определение четких границ для дальнейшей эволюции общенациональной климатической политики. При этом Доктрина *de facto* стала незыблемой основой для комплекса согласованных действий, нацеленных на стабилизацию устойчивого развития страны в условиях климатических изменений.

Говоря о Европейском Союзе, можно обратить внимание на то, что он также играет одну из знаковых ролей в создании международного климатического режима. В качестве некой платформы по отношению к климатической политике ЕС выделяют принципы международного права, мультивекторности, ориентации на концепцию устойчивого развития. Еврокомиссия в рамках собственной климатической политики стремится заключать выгодные ей международные договоры, способные повысить эффективность решения глобальных (наднациональных) проблем и вопросов с привлечением к этому как можно большего числа стран.

Развитие климатической политики Европейского Союза получило импульс после принятия Киотского протокола. Директива ЕС о торговле выбросами (ЕТС) 2003 г. является одним из основных элементов климатической политики ЕС, основанной на Программе по изменению климата (ЕССР), принятой Европейской комиссией в 2000 г. После 2001 г. Еврокомиссией были

приняты Директива о связи ЕТС ЕС с механизмами гибкости Киотского протокола; Директива о продвижении электроэнергии, произведенной из возобновляемых источников энергии; Директива по энергетическим характеристикам зданий и др. В ходе переговорного процесса на конференции стран – участниц РКИК в Копенгагене (СОР-15) в 2009 г. Европейский Союз был фактически исключен из финальной стадии переговоров, в которой доминировали США, КНР, Бразилия, Индия и ЮАР. Итоговый документ не содержал в себе обязательных целей для стран по сокращению парниковых газов к 2020 г., но была упомянута «двухградусная цель», о включении которой настаивал Союз... Европейский Союз принимает участие и в иных форматах многостороннего и двустороннего сотрудничества по вопросам изменения климата: в «Группе восьми», в «Группе двадцати», в Форуме ведущих экономик мира по энергетике и климату (Major Economies Forum), в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в Международном энергетическом агентстве (МЭА, IEA), в Межправительственной группе экспертов по изменению климата (МГЭИК). В двустороннем сотрудничестве Европейский Союз подписал несколько соглашений о сотрудничестве в сфере климата с Австралией, Бразилией, Индией, Канадой, Мексикой, Россией, США, ЮАР и Японией. Эти соглашения призваны стимулировать внутреннюю климатическую политику в этих странах и оказывать давление на их переговорные позиции [5, с. 13–14].

Российская Федерация и Европейский Союз, пусть и не так активно, как хотелось бы нам, но все же сотрудничают в вопросах борьбы с климатическими изменениями в рамках объединенной работы над РКИК ООН, в органах ООН (в рамках иных конвенций) и других различных наднациональных механизмах. Следует сказать, что базовые направления (пространства) стратегического взаимодействия были сформулированы на саммите Россия-ЕС (в мае 2003 г.). Подобных направлений (векторов) было определено четыре: общее (единое) экономическое пространство; пространство в части свободы, безопасности и правосудия для граждан; пространство сферы внешней безопасности; пространство по вопросам науки, образования и культуры. Как было отмечено ранее, взаимодействие в области охраны окружающей природной среды входит в Дорожную карту «Общее экономическое пространство» (по результатам саммита 2005 г., где и были подготовлены соответствующие «Дорожные карты Россия-ЕС»).

Не секрет, что события на Украине 2014 г. сыграли более чем серьезную роль в системе двусторонних отношений России и ЕС. С 2014 г. очень многие (если не сказать, что практически все) механизмы сотрудничества между сторонами оказались «заморожены». Но, несмотря на это, продолжают функционировать программы в сфере экологии и борьбы с климатическими изменениями, главным образом, в рамках проектов приграничного партнерства. Конечно же, сейчас трудно

сказать, что станет с регулированием и данного блока отношений в дальнейшем в связи с проведением Россией специальной операции в ДНР и ЛНР (с февраля 2022 г.), но нынешние «пакеты» санкций со стороны ЕС (включая вопросы относительно российских энергоносителей) говорят о довольно резкой блокировке и без того очень слабого сигнала в диалоге между нашей страной и ЕС. Тем не менее, климатические направления до сегодняшнего дня не сняты с повестки дня. Ранее, в 2021 г. были условно приняты новые проекты программ на период до 2027 г., учитывающие положения указанной выше «Зеленой сделки» ЕС, особенности которой следует рассмотреть более детально.

«Зеленая сделка» Европейского Союза – это документ, в котором изложен план ЕС по достижению климатической нейтральности и радикальному снижению выбросов парниковых газов в атмосферу к 2050 г. Сделка подразумевает изменения в разных сферах человеческой жизни – энергетике, сельском хозяйстве, строительстве, транспорте, биоразнообразии и др. Для воплощения «Зеленой сделки» в жизнь Европейский Союз принял План действий по увеличению органических продуктов питания, План действий по циркулярной экономике и План действий по нулевым выбросам. Более того, приняты стратегии по реновации, выбросам метана и развитию химической промышленности для устойчивого развития. В данный момент разрабатываются планы по возобновляемым источникам энергии и по водородной энергетике. В скором времени «Зеленая сделка» Европейского Союза станет Климатическим законом ЕС. Его планировалось принять в 2020 г., однако пандемия COVID-19 и необходимость реагировать на проблемы, связанные с ней, отсрочили обсуждение Климатического закона... Он будет учитывать все то, что указано в Сделке, а также добавит определенные европейскими законодателями положения, нормы и цифры для достижения климатических целей к 2050 г... Имплементация «Зеленой сделки» со стороны ЕС несет большие экономические риски. Это касается России, США, КНР, стран Ближнего Востока и Северной Африки. Однако в Европейском Союзе имеется понимание того, что Сделка несет большие геополитические риски, как для самого ЕС, так и для партнеров... «Зеленая сделка» – это в основе своей попытка трансформировать европейскую экономику и европейские модели потребления. Но поскольку она влечет за собой фундаментальную перестройку европейской энергетической системы и занимает одно из первых мест в политической повестке дня ЕС, она также изменит отношения между ЕС и его соседями и перераспределит глобальные политические приоритеты Европы [5, с. 19–20].

Анализируя, таким образом, ситуацию в целом, можно констатировать, что основным препятствием на пути диалога между Еврокомиссией и Кремлем по направлению так называемой «климатической повестки» будет, скорее всего, трансграничный углеродный налог, предполагающий, что производители, поставляю-

щие готовую продукцию в страны-члены ЕС, обязаны будут уплатить налог на выбросы парниковых газов, имевшие место при организации производственного процесса. Позицию Москвы отражает тезис о том, что «Зеленая сделка», равно как и элементы европейской экологической политики, имеют целью опережающий захват выгодных конкурентных позиций на мировых товарных рынках, аргументируемый довольно рьяным стремлением разрешения глобальной проблемы климатических изменений и определенными политическими соображениями в аспекте снижения импортозависимости ЕС от сырья. За этой «ширмой» фактически скрыт протекционизм, отождествляемый с дополнительным источником доходов в бюджет Евросоюза в условиях преодоления последствий кризиса, связанного с пандемией COVID-19. Это, конечно же, еще и компенсация расходов, требуемых для проведения так называемого «зеленого курса» ЕС (хочется отметить, что Евросоюз при этом в настоящее время настаивает на том, что все действия будут предприняты исключительно в рамках правил и норм ВТО). Следовательно, основным риском для России является потенциальная потеря европейского рынка сбыта энергоресурсов (и соответственно нефтегазовых доходов), ведь, начиная с 2023 г., предполагается существенное сокращение спроса со стороны ЕС на российскую готовую продукцию, в первую очередь, на железо, алюминий, сталь, производство которых является довольно углеродоемким. При этом потенциальные финансовые потери России, по оценкам целого ряда специалистов, могут составить до 50 млрд евро. Указанное, без сомнения, создает условия и предлагает конкретный повод для разумной переориентации российских экономических связей на азиатский рынок, прежде всего, на Китай (нельзя забывать, что этому уже поспособствовала общая санкционная политика ЕС по отношению к России, не затрагивающая вопросов климатического характера).

В итоге получается, что Россия и ЕС ставят перед собой (хотя и с принципиально разных позиций) задачи по достижению климатической нейтральности национальных экономик. При этом «Зеленая сделка» ЕС дает дополнительные бонусы Еврокомиссии для существенного укрепления собственного положения на наднациональной арене в области, главным образом, международной экономики. В то же время в самом ЕС понимают, что для достижения целей Парижского соглашения необходимы какие-либо действия и со стороны партнеров Евросоюза, в том числе и России. Таким образом, Россия, не будучи участником «Зеленой сделки» ЕС, de facto становится одновременно и субъектом, и объектом международных климатических отношений. Понятно, что подобное не может быть выгодно нашей стране, так как несмотря на то, что ее интересы затрагиваются напрямую, диалог с ней отсутствует.

Исходя из этого, следует сделать вывод, что будущее отношений России и ЕС будет определяться, скорее всего, позицией именно Кремля относительно вопросов

экологии и климата ввиду того, что Еврокомиссия выбор уже обозначила. Нельзя забывать, что «Зеленая сделка» ЕС может серьезно подорвать и без того слабые экономические связи сторон из-за потенциального существенного сокращения экспорта товаров и энергоресурсов из России. Но диалог хотя бы в этом направлении может стать некой платформой, отправной точкой для выравнивания двусторонних отношений, которые сегодня находятся на предельно низком уровне. Это, конечно же, выполнимо, если хотя бы будет начато сотрудничество по вопросам трансграничного углеродного механизма, а также, если будет внесена ясность относительно углеродных сертификатов для товаров, производимых в нашей стране. И в таком случае наиболее ощутимые риски финансовых потерь со стороны РФ в ходе реализации «Зеленой сделки» ЕС (и ее отдельных частей), скорее всего, будут минимизироваться путем инвестирования со стороны Евросоюза в российскую экономику.

Список источников

1. Отношения России и Европейского союза в области окружающей среды и борьбы с изменением климата : доклад № 75 / [К. К. Суховерхов] ; Российский совет по международным делам (РСМД). М. : НП РСМД, 2021.

References

1. Relations between Russia and the European Union in the field of the environment and combating climate change : report № 75 / [K. K. Sukhoverkhov] ; Russian International Affairs Council (INF). M. : NP INF, 2021.

Информация об авторах

Н. Д. Эриашвили – профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ в области образования;

А. А. Яковлев – доцент кафедры «Управление высокотехнологичными предприятиями» Московского авиационного института (национального исследовательского университета), кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

N. D. Eriashvili – Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, Doctor of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Educator of the Russian Federation, Laureate of the Award of the Government of the Russian Federation in Science and Technology, Laureate of the Russian Government Award for Education;

A. A. Yakovlev – Associate Professor of the Department «Management of the hi-tech enterprises» of the Moscow Aviation Institute (National Research University), Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 12.02.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 12.02.2024.

Научная статья

УДК 796.8

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-227-231>

EDN: <https://elibrary.ru/fugxpb>

НИОН: 2015-0066-1/24-936

MOSURED: 77/27-011-2024-01-135

О целесообразности дифференциации педагогического процесса в формировании образовательной среды вузов системы МВД России

Александр Анатольевич Зайцев¹, Вадим Анатольевич Хромов²

¹ Академия управления МВД России, Москва, Россия,

zalex.65@inbox.ru

¹ Московская государственная академия физической культуры, Москва, Россия

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

hromov1967@mail.ru

Аннотация. В представленной публикации дифференциация педагогического процесса рассматривается как его неотъемлемая часть, связанная с формированием образовательной среды в вузах системы МВД России. Учебная деятельность курсантов специализированных высших учебных заведений на практических занятиях по физической подготовке позволяет осуществлять их обучение и подготовку в пределах единого педагогического процесса, успешная реализация которого повышает качество обучения (при освоении раздела «Боевые приемы борьбы») и эффективность подготовки (при развитии двигательных способностей) обучающихся. Учет индивидуальных особенностей развития курсантов делает возможным дифференцировать величину и направленность педагогических воздействий, принимая во внимание результаты контрольных упражнений и, на их основе, организовывать сходные типологические группы, в которых предложенные обучающимся двигательные задания будут адекватны их (обучающихся) возможностям и, как следствие, возможна максимальная реализация потенциала (двигательного, функционального), без ущерба для состояния здоровья занимающихся.

Ключевые слова: дифференциация, педагогический процесс, образовательная среда, физическая подготовка, курсанты, образовательные организации МВД России, статистические показатели

Для цитирования: Зайцев А. А., Хромов В. А. О целесообразности дифференциации педагогического процесса в формировании образовательной среды вузов системы МВД России // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 227–231. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-227-231>. EDN: FUGXPB.

Original article

On the feedability of differentiation of the pedagogical process in the formation of the educational environment of universities of the system of the MIA of Russia

Alexander A. Zaitsev¹, Vadim A. Khromov²

¹ Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,

zalex.65@inbox.ru

¹ Moscow State Academy of Physical Culture, Moscow, Russia

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

hromov1967@mail.ru

Abstract. In the presented publication, the differentiation of the pedagogical process is considered as an integral part of it, associated with the formation of the educational environment in universities of the Russian Ministry of Internal Affairs. The educational activity of cadets, specialized higher educational institutions in practical classes in physical training allows them to carry out their training and preparation within a single pedagogical process, the successful implementation of which improves the quality of training (when mastering the section «Combat techniques of wrestling») and the effectiveness of training (when developing motor abilities) students. Taking into account the individual developmental characteristics of cadets makes it possible to differentiate the magnitude and direction of

© Зайцев А. А., Хромов В. А., 2024

pedagogical influences, taking into account the results of control exercises and, on their basis, to organize similar typological groups in which the motor tasks offered to students will be adequate to their (the students') capabilities and, as a result, to the maximum possible realization of potential (motor, functional), without compromising the health of those involved.

Keywords: differentiation, pedagogical process, educational environment, physical training, cadets, educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, statistical indicators

For citation: Zaitsev A. A., Khromov V. A. On the feasibility of differentiation of the pedagogical process in the formation of the educational environment of universities of the system of the MIA of Russia. Bulletin of economic security. 2024;(1):227–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-227-231>. EDN: FUGXPB.

В настоящее время дифференциация педагогического процесса применяется повсеместно, не зависимо от возраста и половой принадлежности обучающихся и рассматривается как «... разделение обучающихся на группы на основании каких-либо индивидуальных особенностей для отдельного обучения» [7]. Под дифференциацией обучения понимается «... разделение, разведение процессов на составляющие части» [3]. В обучении, дифференциация «... может пониматься как создание разнообразных условий обучения для различных школ, классов, групп с целью учета особенностей их контингента» [7]. Дифференциация может рассматриваться как «... принцип совершенствования (реформирования) системы образования, который реализует индивидуальный подход в обучении и воспитании» [3]. Дифференциация «... производится на базе знаний о том, с какие критерии могут быть использованы для оценки функционального состояния развивающегося организма» [2].

Сложно, а, порой, невозможно «... переоценить применение дифференцированного подхода, как в процессе физического воспитания на уроках в школе, так и в рамках спортивных занятий, поскольку он выступает одним из ключевых факторов роста двигательной подготовленности» [1]. Применение в практической деятельности «... знаний об особенностях физического развития организма воспитанников и их функционального состояния обеспечивает его сбалансированное развитие» [6]. Введение в педагогический процесс «... несоответствующих уровню физического развития детей средств и методов физического воспитания, не только приводит к тому, что дети теряют интерес и желание тренироваться, но и может иметь гораздо более негативные последствия, связанные с нарушением здоровья» [8]. Если «... применять упражнения, не делая поправок на уровень физического развития, то для одних детей – они могут оказаться слишком простыми, а для других – непосильными» [9].

В представленной работе предпринята попытка определить уровень развития силовой выносливости мышц пояса верхних конечностей у обучающихся в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя из числа курсантов мужского пола различных годов обучения. Проведение исследовательских мероприятий предполагало применение следующих методов исследования: педагогические наблюдения, педагогическое тестирование, математико-статистическая обработка полученных результатов. Педагогические наблюдения

осуществлялись за учебным процессом курсантов различных годов обучения на практических занятиях по дисциплине «Служебно-прикладная физическая подготовка». Педагогическое тестирование проводилось с использованием контрольного упражнения «Сгибание и разгибание рук, в упоре на брусьях», которое входит в число тестовых заданий для определения уровня развития силы (силовой выносливости) у сотрудников, как системы МВД, так и других силовых ведомств. Математико-статистическая обработка результатов исследования выполнялась с целью последующего проведения их (результатов) глубокого анализа и, как следствие, оценке влияния систематических практических занятий на изменение показателей исследуемой двигательной способности (силовой выносливости мышц пояса верхних конечностей). Определялись среднее арифметическое значение признака (M), стандартное отклонение от среднего арифметического значения признака (σ), коэффициент вариации (V), достоверность различий на 5-% уровне значимости ($p0.05$).

В исследовании участвовало 324 курсанта мужского пола различных годов обучения (первый курс – 83 человека, второй курс – 78 человек, третий курс – 81 человек, четвертый курс – 82 человека). Педагогическое тестирование проводилось однократно, в начале учебного года (вторая половина сентября).

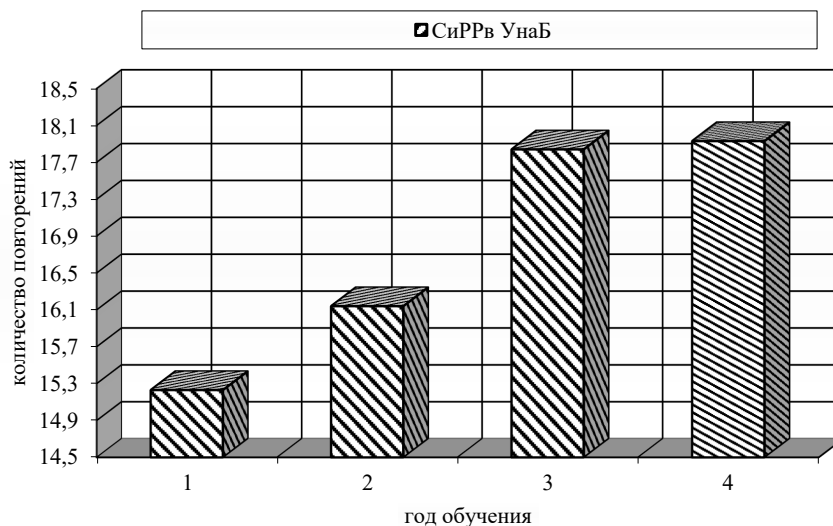
Значение выносливости (как физического качества) в подготовке спортсменов различного возраста и квалификации трудно переоценить. Многообразна и ее (выносливости) роль в физическом воспитании, профессиональной деятельности прикладной направленности, бытовых условиях повседневной жизни. В литературных источниках по теории и методике физической культуры и спортивной тренировки специалисты приводят определение понятия «выносливость», которая рассматривается как «... способность человека продолжать более, или менее эффективно совершать деятельность вопреки наступающему утомлению» [4]. В самом обобщенном смысле «... под «выносливостью» подразумевают комплекс свойств индивида, в решающей мере, определяющих его способность противостоять утомлению в процессе деятельности» [4]. Специалисты в области спортивных игр определяют выносливость как «... способность выполнять игровую деятельность без снижения ее эффективности на протяжении всего матча» [10]. Выносливость может проявляться в разнообразных формах. В настоящем исследовании внима-

ние акцентировано на силовой выносливости, которая представляет собой «... способность длительное время проявлять оптимальные мышечные усилия. От уровня ее развития, во многом, зависит успешность профессиональной, бытовой, военной и спортивной двигательной деятельности» [5]. Применительно к профессиональной деятельности сотрудников полиции, должное развитие силовой выносливости позволяет им (сотрудникам) не только вступать в противоборство с правонарушителями (при их силовом задержании), но и выходить из него (противоборства) победителями.

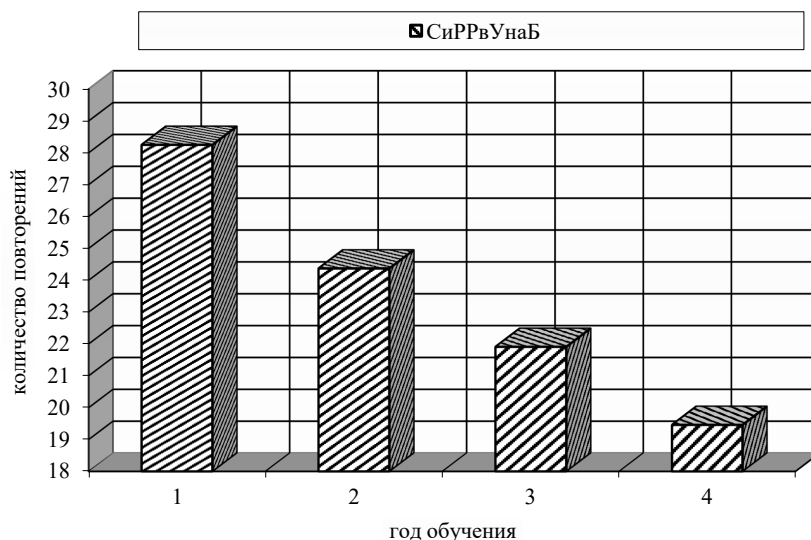
Полученные в ходе исследования результаты выполнения контрольного упражнения (рис. 1) и их последующий анализ позволили выявить положительную динамику средних величин тестового задания (в соответствии с годами обучения). У обучающихся первого курса количество повторений в сгибании и разгибании рук, в упоре на брусьях составило, в среднем, 15,23 раза.

У курсантов второго года обучения результаты были выше (по сравнению с первокурсниками), в среднем, на 5,97 % (16,14 повторения). У представителей третьего курса также отмечен более высокий средний результат (если сравнивать со вторым годом обучения) выполнения тестового задания, хотя и существенно, выше (почти в два раза) в процентном отношении – 10,53 (17,84 повторения). Курсанты четвертого года обучения, показали результат в выполнении контрольного задания, составивший, в среднем, 17,93 раза, т. е. улучшение имело место, в среднем, на 0,50 %, если проводить сравнительную аналогию с результатами обучающихся на третьем курсе. Стандартное отклонение от среднего арифметического значения результатов выполнения контрольного упражнения варьировало в пределах 3,49–4,30 раза. С годом обучения (до четвертого курса включительно), показатели σ уменьшались. У лиц, обучающихся на первом курсе, стандартное отклонение составило 4,30 по-

Условное сокращение: СиРРвУнаБ – сгибание и разгибание рук, в упоре на брусьях

Рис. 1. Динамика показателей контрольного упражнения у курсантов различных годов обучения

Условное сокращение: СиРРвУнаБ – сгибание и разгибание рук, в упоре на брусьях

Рис. 2. Динамика показателей коэффициентов вариации при выполнении контрольного упражнения курсантами различных годов обучения

вторения. На втором году обучения отмечено его (стандартного отклонения) снижение – 3,93 раза. На третьем и четвертом годах обучения также имело место снижение количественных величин σ – 3,90 повторения и 3,49 повторения соответственно. Коэффициент вариации (рис. 2) выходил за пределы, определяющие однородность групп (курсов), хотя от года к году обучения отмечено его снижение. Максимальные количественные значения коэффициента вариации установлены на первом году обучения – 28,25 %. У второкурсников показатели V были ниже – 24,37 %. К третьему году обучения отмечено дальнейшее снижение коэффициента вариации – 21,91 %. У лиц, обучающихся на четвертом курсе, зафиксированы минимальные (относительно предыдущих годов обучения) количественные значения V – 19,46 %.

Таким образом, анализ полученного в ходе исследования материала позволил заключить, что имела место положительная динамика показателей тестового задания, что стало позитивным обстоятельством, указывающим на положительное влияние регулярных практических занятий по физической подготовке на уровень развития силовой выносливости мышц пояса верхних конечностей у курсантов различных годов обучения. Интенсивность прироста результатов контрольного упражнения была не однозначной, что указывало на отсутствие рационального планирования двигательной нагрузки и ее распределения, исходя из специфики (сочетание учебных занятий и несение, как внутренней (суточные наряды), так и внешней (вне пределов вуза: несение службы по охране общественного порядка в городе, усиления, командировки) службы) учебного процесса в образовательной организации. Стандартное отклонение от среднего арифметического значения имело тенденцию к снижению, то есть «рассеивание» индивидуальных показателей контрольного упражнения от среднего значения уменьшалось, что, вероятно, стало следствием положительного влияния систематичности плановых занятий по физической подготовке на результаты тестового задания. Коэффициент вариации, с годом обучения, также (подобно стандартному отклонению) снижался, однако его количественные значения выходили за пределы, определяющие однородность групп, а, следовательно, для повышения эффективности образовательного процесса по физической подготовке, необходимо дифференцировать двигательную нагрузку и соотносить ее величину и направленность с индивидуальными особенностями развития занимающихся.

Целесообразность применения дифференциации в педагогическом процессе, формирующем образовательную среду вузов системы МВД России, продиктована необходимостью регламентировать педагогические воздействия, в соответствии с индивидуальными особенностями развития организма обучающихся. Дифференцированный подход позволяет обеспечить должную степень качества обучения, необходимо-достаточную подготовку и, как следствие, повышение их (обучаю-

щихся) подготовленности. Объединение курсантов в сходные (по особенностям телосложения, функциональным возможностям, двигательной подготовленности, типу темперамента и др.) типологические группы, обеспечит получение каждой из них «дозы» физической нагрузки, адекватной индивидуальным особенностям обучающихся, реализации ими, в полном объеме, того резерва потенциальных возможностей, который соответствует конкретному лицу или группе лиц, со сходными типоспецифическими признаками.

Список источников

1. Бандаков М. П. Индивидуализация средств и методических подходов на уроках физической культуры со школьниками 4–5 классов : учебное пособие / М. П. Бандаков. Л., 1989. 136 с.
2. Прокудин Б. Ф. К вопросу о дифференцировании нагрузок в физическом воспитании школьников / Б. Ф. Прокудин // Физическое воспитание и школьная гигиена: тез. I Всес. конф. М., 1978. С. 219.
3. Селевко Г. К. Педагогические технологии на основе информационно-коммуникационных средств / Г. К. Селевко. М., 2005. 204 с.
4. Теория и методика физической культуры (общие основы теории и методики физического воспитания; теоретико-методические аспекты спорта и профессионально-прикладных форм физической культуры): учеб. для ин-тов физ.культуры / Л. П. Матвеев. М. : ФиС, 1991. С. 230–231.
5. Теория и методика физической культуры: учебник / Под ред. проф. Ю. Ф. Курамшина. 4-е изд., стереотип. М. : Советский спорт, 2010. С. 177.
6. Травин Ю. Г. О развитии двигательных качеств у школьников / Ю. Г. Травин // Физическая культура в школе. 1981. № 4. С. 9–15.
7. Унт И. Э. Индивидуализация и дифференциация обучения / И. Э. Унт. М. : Педагогика, 1990. 188 с.
8. Филин В. П. Теория и методика юношеского спорта : учебное пособие для ИФК / В. П. Филин. М. : ФиС 1987. 200 с.
9. Филин В. П. Основные принципы многолетней подготовки юных спортсменов / В. П. Филин // Современная система спортивной подготовки. М. : СААМ, 1995. С. 352–353.
10. Футбол: учебник для институтов физической культуры / под ред. М. С. Полишкиса, В. А. Выжгина. М. : Физкультура, образование и наука, 1999. С. 89.

References

1. Bandakov M. P. Individualization of means and methodological approaches in physical education lessons with schoolchildren in grades 4–5 : textbook / M. P. Bandakov. L., 1989. 136 p.
2. Prokudin B. F. On the issue of differentiation of loads in physical education of schoolchildren / B. F. Prokudin // Physical education and school hygiene: abstract. 1 All conf. M., 1978. P. 219.

3. Selevko G. K. Pedagogical technologies based on information and communication tools / G. K. Selevko. M., 2005. 204 p.

4. Theory and methodology of physical culture (general foundations of the theory and methodology of physical education; theoretical and methodological aspects of sports and professionally applied forms of physical culture) : textbook. for the Institute of Physical Culture / L. P. Matveev. M. : FiS, 1991. P. 230–231.

5. Theory and methodology of physical culture: textbook / Ed. prof. Yu. F. Kuramshina. 4th ed., stereotype. M. : Soviet Sport, 2010. P. 177.

6. Travin Yu. G. On the development of motor qualities in schoolchildren / Yu. G. Travin // Physical culture at school. 1981. No. 4. P. 9–15.

7. Unt I. E. Individualization and differentiation of training / I. E. Unt. M. : Pedagogy, 1990. 188 p.

8. Filin V. P. Theory and methodology of youth sports: textbook for IFC / V. P. Owl. M. : FiS 1987. 200 p.

9. Filin V. P. Basic principles of long-term training of young athletes / V. P. Owl // Modern system of sports training. M. : SAAM, 1995. P. 352–353.

10. Football: a textbook for physical education institutes / Ed. Polishkis M. S., Vyzhgina V. A. M. : Physical culture, education and science, 1999. P. 89.

Информация об авторах

А. А. Зайцев – профессор кафедры организации огневой и физической подготовки Академии управления МВД России, профессор Московской государственной академии физической культуры, доктор биологических наук, кандидат педагогических наук, профессор;

В. А. Хромов – доцент кафедры физической подготовки учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, мастер спорта России.

Information about the authors

A. A. Zaitsev – Professor of the Department of Organization of Fire and Physical Training of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Moscow State Academy of Physical Culture, Doctor of Biological Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor;

V. A. Khromov – Associate Professor of the Department of Physical Training, Educational and Scientific Complex of Special Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Master of Sports of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 12.02.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 12.02.2024.

Научная статья

УДК 378.6:34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-232-236>

EDN: <https://elibrary.ru/girbqw>

ИПОН: 2015-0066-1/24-937

MOSURED: 77/27-011-2024-01-136

Стратегия оптимизации системы подготовки студенческих спортивных команд

Елена Дмитриевна Кузнецова¹, Сергей Владимирович Мананников²,
Тагир Шамшидович Казбеков³

¹ Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия,
natalie-barnaul77@bk.ru

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия,
msv73_alt@mail.ru

³ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
tagir.kazbekov.72@mail.ru

Аннотация. На основе ретроспективного анализа литературы рассматривается проблематика ситуаций численного равенства и превосходства при быстром прорыве в студенческом баскетболе. Обосновано смещение направленности подготовки игроков-студентов на внеакадемических занятиях в вузе от позиционного нападения к подготовке к действиям в быстром прорыве.

Ключевые слова: студенческий баскетбол, игроки-студенты, форварды-студенты, внеакадемические занятия в вузе

Для цитирования: Кузнецова Е. Д., Мананников С. В., Казбеков Т. Ш. Стратегия оптимизации системы подготовки студенческих спортивных команд // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 232–236. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-232-236>. EDN: GIRBQW.

Original article

Strategy for optimizing the training system for student sports teams

Elena D. Kuznetsova¹, Sergey V. Manannikov², Tagir Sh. Kazbekov³

¹ Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia,
natalie-barnaul77@bk.ru

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia,
msv73_alt@mail.ru

³ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
tagir.kazbekov.72@mail.ru

Abstract. Based on a retrospective analysis of the literature, the problems of situations of numerical equality and superiority with a rapid breakthrough in college basketball are considered. The shift in the orientation of the training of student players in extracurricular activities at the university from a positional attack to preparation for actions in a rapid breakthrough is justified.

Keywords: student basketball, student players, student forwards, non-academic activities at the university

For citation: Kuznetsova E. D., Manannikov S. V., Kazbekov T. Sh. Strategy for optimizing the training system for student sports teams. Bulletin of economic security. 2024;(1):232–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-232-236>. EDN: GIRBQW.

С каждым годом отмечается рост динамики и зрелищности современного студенческого баскетбола. Это происходит из-за роста атакующих действий между командами во время игр. Повышение количества атакую-

щих действий команд связано с постоянными изменениями в правилах игры, наращиванию уровня физической подготовки студентов и их универсализацией. На сегодняшний день созрела необходимость повышения эф-

© Кузнецова Е. Д., Мананников С. В., Казбеков Т. Ш., 2024

фективности подготовки студенческих баскетбольных команд на тренировочном этапе. Это возможно, в свою очередь, за счет поиска новых средств и методических решений в их спортивной подготовке [1].

Важным, на наш взгляд, моментом в этом поиске является то, что на сегодняшний день ведущие зарубежные и отечественные эксперты в области студенческого баскетбола считают быстрый прорыв одним из факторов, повышающим результативность атакующих действий и рассматривают его без отрыва от позиционного нападения [2].

В целом, в спортивных играх (в частности – в баскетболе) особое внимание обращается на эффективный розыгрыш каждого игрового эпизода, где возникает важный компонент соревновательного потенциала команды. Составляющие этого потенциала у игроков различаются, поэтому создается необходимость поиска таких вариантов соперничества, направленных к игровым эпизодам, в которых потенциал оппонентов окажется ниже.

Важной проблемой в современном студенческом баскетболе является улучшение различных систем нападения и защиты, где оптимально проявлялись бы сильные качества игрока и нивелировались бы его недостатки.

Большая часть команд в современном баскетболе акцентирует свое внимание на модернизации различных схем защиты, что ставит в свою очередь вопрос об использовании вариативных приемов быстрого прорыва, требующих от игроков предельно строгого исполнения групповых и командных взаимодействий [3].

Результаты ретроспективного анализа литературных источников приводят к следующему заключению: повышение результата игровых действий в студенческом баскетболе является достижением не роста результативности атакующих действий, а повышением их количества.

Отмечая, наряду с этим, что снижение зрелищности в играх отдельных команд тесно связано с низкой результативностью игровых действий.

Предполагая эту проблему, выдвинем предположение, что возникает необходимостью повышения реализации атакующих действий в ограниченное время, то есть осуществления игроками быстрого прорыва. Основой решения этой проблематики является дифференцирование подходов тренировочного процесса к атакующим действиям в стремительном нападении [7].

На сегодняшний день созрела необходимость в повышении атакующих действий в стремительном нападении с одной стороны, а с другой стороны ощущается отсутствие аргументированных рекомендаций по улучшению их эффективности в ситуациях численного равенства и превосходства [4].

Обозначив проблематику, перейдем к более детальному рассмотрению ситуаций численного равенства и превосходства при быстром прорыве.

Если первичный быстрый прорыв реализован правильно, то он создает выигрышные атаки, приводящие к одной из следующих ситуаций:

- а) «1 на 1»: бросок по кольцу или фол;
 - б) «2 на 1»: бросок по кольцу или фол (всего две передачи);
 - в) «3 на 2»: бросок по кольцу или бросок в прыжке с близкого расстояния;
 - г) «4 на 2» или «5 на 2»: бросок по кольцу или бросок в прыжке с близкого расстояния.
- а) ситуация «1 на 1»

В данной ситуации процент успешности броска высок, вне зависимости от того, будет ли это бросок одной рукой или бросок в прыжке с близкого расстояния. В ситуации 1 × 1 при быстром прорыве рекомендуется [5] осуществить бросок по следующим причинам: 1. Шансы на успешный бросок велики, 2. Нападающие-студенты быстрее продвигаются от корзины к корзине, чем защитники, и могут реализовать прорыв после отскока, в то время, когда остальные будут по инерции бороться под щитом в ожидании промаха.

При прорыве 1 × 1 наилучшие шансы для взятия корзины проявляются, если нападающему удастся распознать действия защитника. Если нападающий-студент понимает, что может обыграть защитника на дриблинге, то он должен осуществить это.

Если защитник-студент успешно противодействует дриблингу, то нападающий должен попытаться реализовать бросок в прыжке с близкого расстояния.

б) ситуация «2 на 1». В ситуации быстрого прорыва игрокам необходимо помнить, что бросок нужно осуществить, пока команда имеет численное преимущество. В идеальном варианте бросок будет реализовываться без сопротивления защитника и с небольшого расстояния до кольца. Результатом броска будет либо заработанные два очка для команды, либо, в случае промаха – подбор, либо нападающие помешают соперникам перейти в быструю контратаку. Численный перевес необходимо использовать как можно быстрее, по причине того, что защитники-студенты тоже спешат вступить в игру [6].

В ситуации «2 на 1» форварды-студенты должны занять позиции у боковых линий площадки в целях недопущения защитникам играть против обоих одновременно.

При заходе форвардов в зону результативных бросков (зона на трехочковой линии) один из них оставляет мяч у себя. Его задача теперь:

- 1) принудить защитника-студента опекать его, либо второго форварда;
- 2) Распознать выбор защитника;
- 3) сформировать условия для легкого броска.

Еще одним важным моментом является то, что дриблер-игрок обязан выполнять ведение мяча внутренней рукой, т. е., находясь на левом краю, вести мяч правой рукой. Это позволит ему выполнить быструю передачу, не переводя мяч перед собой

или перед защитником, что уменьшит шанс потери мяча [4].

В целях того, чтобы ввести защитника в заблуждение, дриблер-игрок должен обязательно смотреть на корзину, угрожая осуществлением броска. Если он не будет представлять такой угрозы, защитник может предугадать передачу и справиться с опекой обоих форвардов.

Итак, дриблер должен осуществлять самоконтроль и распознавать действия защитника. В большинстве случаев быстрые прорывы не удаются не из-за физических, а из-за психологических ошибок. Очень часто форвард-студент осуществляет те или иные действия, не распознав до конца действия обороняющегося. При этом он совершает такие ошибки: выполняет передачу в прыжке, ничего не сделав, совершает пробежку, осуществляет поспешный бросок, пытается реализовать «большую игру», которая хорошо выглядит со стороны, но не приводит к выигрышному результату.

При ситуации «2 на 1» владеющий мячом форвард-студент сохраняет мяч у себя до тех пор, пока защитник не станет опекать его или его партнера. Как только защитник сделает это, то нападающий-студент должен отреагировать: передачей партнеру, либо проходом под кольцо.

в) ситуация «3 на 2».

Вышеназванные принципы сохраняются и в прорыве «3 на 2». Необходимо учить игроков-студентов сохранять определенное расстояние друг от друга. Если форварды-студенты будут играть широко, осуществляя эффективные передачи, то 2 защитника не смогут противодействовать трем нападающим.

В ситуации «3 на 2» стержневой фигурой является средний игрок, так как он владеет мячом в момент, когда два других студента-баскетболиста входят в зону результативных бросков. Он не должен пересекать линию штрафных бросков, прежде чем защитники откроют коридор. В противном случае это приведет к нарушению правила «трех секунд», фолу и упущенной реализации успешного броска.

В случае если один защитник вытягивается далеко вперед от своей корзины, средний форвард-студент осуществляет передачу на один из флангов и генерирует ситуацию «2 против 1», где двум форвардам будет оказывать сопротивление только один защитник.

В случае если защитник-студент не вытягивается вперед, средний форвард делает передачу открывшемуся на фланге партнеру и пойти вслед за своей передачей. При этом третий форвард-студент решает, осуществить ли ему выход за спиной защитника к корзине или постараться открыться для броска в прыжке с близкого расстояния после получения паса от форварда № 2.

Диагональная передача от нападающего № 2 нападающему № 3 будет выглядеть неоднозначно. И в этом

эпизоде оба игрока должны правильно распознать действия защиты, чтобы понять, будет ли такая задача оптимальной. Защита может сыграть хорошо, и дальний защитник перекроет первую передачу, а верхний игрок устремится в имеющуюся «дыру», чтобы перехватить пас от игрока № 2 игроку № 3.

В случае если защитники применяют данную тактическую схему, центральный форвард-студент должен открыться на углу линии штрафных бросков для осуществления броска. Этот бросок имеет смысл по двум причинам: во-первых, игрок № 1 открыт и находится на достаточно близком расстоянии от кольца, чтобы выполнить бросок. Во-вторых, форварды имеют полное преимущество в борьбе за отскок. То есть, если попытка броска будет неудачной, нападающие смогут подобрать мяч и применить атаку «второго шанса».

В случае если игрок-студент № 2 возвращает мяч центральному игроку, у него появляется возможность атаковать располагающегося сзади защитника для реализации стремительного нападения «2 на 1» совместно с игроком № 3. Если задний защитник переключается на игрока № 1, тогда дриблер выполняет пас игроку № 3 для броска.

г) «4 на 2» или «5 на 2». Эти ситуации встречаются довольно редко.

В большинстве случаев четвертый и пятый игроки принимают участие во вторичном прорыве, описание которого дано ниже. В первичном прорыве игроки № 4 и № 5 осуществляют те же функции, которые они бы выполняли при вторичном отрыве.

Игроки-студенты № 1, № 2 и № 3 ведут игру точно также, как и в ситуации «3 на 2». Игрок № 4 устремляется в зону штрафного броска, чтобы иметь возможность при необходимости принять пас от партнера или подобрать мяч после отскока. Игрок № 5, принимающий участие в прорыве, остается на уровне центра площадки, чтобы подстраховать свою команду на случай быстрой контратаки соперника.

Вторичный прорыв. В случае неуспеха первичного прорыва команде следует осуществить вторичный прорыв. В большинстве случаев это происходит, если форварды-студенты ошибаются в начальной стадии первичного прорыва или если защитники успевают восстановить оборонительные порядки и остановить его.

Реализация вторичного прорыва начнется тогда, когда игрок № 2 или № 3 получив пас от игрока № 1 (который перемещается вслед за передачей) смещается с дриблингом на лицевою линию.

Игрок-студент № 4 вбегает в область результативных бросков последним, причем на противоположном фланге по отношению к игроку № 1. Итак, при перемещении мяча к лицевой линии, форвард-студент № 4 осуществляет перемещение по диагонали на позицию вдоль линии трехсекундной зоны с той стороны, где находится мяч для получения паса с фланга.

Форвард-студент № 5 стопорится на средней линии, чтобы в случае необходимости помешать быстрой контратаке соперников в результате перехвата мяча или неудачного броска по кольцу. Затем, после перемещения по диагонали игрока-студента № 4, он занимает его место.

Другие вариации вторичного прорыва включают: пас игроку-студенту № 5 на линию штрафного броска для осуществления броска в прыжке; пас игроку-студенту № 3, в то время как игрок-студент № 5 пробегает по коридору в ближнюю зону под кольцом, а игрок-студент № 4 ставит заслон поперек коридора для того, чтобы помочь игроку-студенту № 5 открыться.

Тренерам–преподавателям высшей школы следует уделять акцентированное внимание в тренировочном процессе внеакадемических занятий в вузе по баскетболу на взаимодействие игроков-студентов в стремительном нападении. Комбинации быстрого прорыва настолько важны, что им рекомендуют отводить 20–25 минут тренировочного времени на каждом внеакадемическом занятии. Именно за счет многократного повторения студенты–баскетболисты смогут освоить различные варианты быстрого прорыва.

Вектор подготовки на внеакадемических занятиях по баскетболу в вузе следует сместить в сторону отработки взаимодействий нападающих в ситуациях численного равенства и превосходства при быстром прорыве. Концентрируя подготовку студентов-баскетболистов в этом направлении, возникает закономерный вопрос: не пострадает ли при этом эффективность действий игроков-студентов в позиционном нападении? Ответ будет заключаться в следующем: при уменьшении количества времени на внеакадемических занятиях по баскетболу на отработку позиционного нападения, данный вид нападения не будет менее эффективно применяться на соревнованиях, так как предполагается, что студенты-баскетболисты, выступающие за сборную команду вуза, уже имеют опыт тренировочных занятий в ДЮСШ или СДЮСШОР, опыт школьных соревнований, имеют спортивный разряд или звание. Поэтому, имея определенную «базу» навыков, умений и действий в позиционном нападении, студенты-баскетболисты смогут применять их и в практических условиях студенческих соревнований. Поэтому тренеру-преподавателю сборной команды вуза необходимо уделять время на подготовку студенческой команды для действий в позиционном нападении лишь на столько, сколько это необходимо для оптимальной сыгранности.

Обучить же студентов оптимальному взаимодействию в стремительном нападении значительно сложнее, чем в позиционном, так как первое осуществляется на высоких скоростях и в сжатый промежуток времени, что, в свою очередь, влияет на время принятия решений и в разы усложняет выполнение технических приемов. Исходя из этого, чтобы выйти на оптимальный уровень

взаимодействия в ситуациях численного равенства и превосходства в стремительном нападении и добиться результативного его применения на студенческих соревнованиях, тренеру-преподавателю нужно целенаправленно и методично работать со студентами над совершенствованием этих элементов, уделяя последним повышенное внимание на внеакадемических занятиях по баскетболу в вузе.

Список источников

1. Воробьева О. И. Проблема комплексности в подготовке специалистов института физической культуры и спорта // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 2-6 (58). С. 49–53.
2. Малиновский А. В., Юркин Д. В., Платонов В. Н. Самостоятельная деятельность спортсменов в процессе обучения // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 3. С. 179–182.
3. Князев С. А., Корнаушенко А. В. Влияние самостоятельного выбора вида спорта на физическую подготовленность курсантов Барнаульского юридического института // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 3 (76) С. 181–184.
4. Попова Н. В., Мананников С. В., Князева Ю. А. Воспитание нравственных качеств у спортсменов // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 1. С. 147–150.
5. Супрунов С. И. Организация занятий физической культурой с учетом потребностей студентов // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 50-7. С. 46–49.
6. Попова Н. В. К разработке должных норм физической подготовленности студенческой молодежи // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2020. № 12. С. 50–55.
7. Красилов О. В., Мананников С. В. Психологические аспекты подготовки курсантов образовательных организаций системы МВД России при помощи имитационных игр. Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2020. № 20-2. С. 215–217.

References

1. Vorobyeva O. I. The problem of complexity in the training of specialists of the Institute of Physical Culture and Sports // Current scientific research in the modern world. 2020. № 2-6 (58). P. 49–53.
2. Malinovsky A. V., Yurkin D. V., Platonov V. N. Independent activity of athletes in the learning process // Psychology and pedagogy of service activity. 2021. No. 3. P. 179–182.
3. Knyazev S. A., Kornaushenko A. V. The influence of independent choice of sport on the physical fitness of the cadets of the Barnaul Law Institute // The

world of science, culture, education. 2019. № 3 (76). P. 181–184.

4. Popova N. V., Manannikov S. V., Knyazeva Yu. A. Education of moral qualities in athletes // Psychology and pedagogy of official activity. 2021. No. 1. P. 147–150.

5. Suprunov S. I. Organization of physical culture classes taking into account the needs of students // Trends in the development of science and education. 2019. No. 50-7. P. 46–49.

6. Popova N. V. To the development of proper standards of physical fitness of student youth // Izvestiya Tula State University. Physical Culture. Sport. 2020. No. 12. P. 50–55.

7. Krasilov O. V., Manannikov S. V. Psychological aspects of training cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia using simulation games. Actual problems of combating crimes and other offenses. 2020. No. 20-2. P. 215–217.

Информация об авторах

Е. Д. Кузнецова – доцент кафедры спортивных игр Алтайского государственного педагогического университета, кандидат педагогических наук;

С. В. Мананников – старший преподаватель кафедры физической подготовки Барнаульского юридического института МВД России;

Т. Ш. Казбеков – старший преподаватель кафедры физической подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

E. D. Kuznetsova – Associate Professor of the Department of Sports Games of the Altai State Pedagogical University, Candidate of Pedagogical Sciences;

S. V. Manannikov – Senior Lecturer of the Department of Physical Training of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

T. Sh. Kazbekov – Senior Lecturer of the Department of Physical Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 12.02.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 12.02.2024.

Педагогика. Под ред. А. А. Реана, Н. В. Сердюк; под общ. ред. В. Ф. Родина, Л. А. Казанцевой. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. 463 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

В учебнике изложены основные положения и содержание педагогики, ее методологические основы, теория и практика обучения, воспитания и развития слушателей. Представлены способы контроля и оценки результатов образовательного процесса в вузах.

Особое внимание уделено специфике обучения и воспитания курсантов в образовательных учреждениях МВД России.

Для студентов юридических вузов, а также практических работников.

Научная статья

УДК 37

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-237-243>

EDN: <https://elibrary.ru/kelooz>

НИОН: 2015-0066-1/24-938

MOSURED: 77/27-011-2024-01-137

Структура готовности к педагогической деятельности начинающих преподавателей образовательных организаций МВД России

Светлана Алексеевна Павлова¹, Наталья Александровна Семенова², Анна Алексеевна Хромых³

^{1,2,3} Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия

¹ swetapawlowa@mail.ru

² natalya_deeva@bk.ru

³ annxa@mail.ru

Аннотация. Представлено понимание и структура готовности к педагогической деятельности. Обоснована актуальность изучения данной проблематики у начинающих преподавателей образовательных организаций МВД России. Описаны компоненты готовности к педагогической деятельности: мотивационно-ценностный, регулятивный и операциональный. Приведены результаты эмпирического исследования, полученные на выборке начинающих преподавателей различных образовательных организаций МВД России. Выделены факторы, характеризующие компоненты готовности к педагогической деятельности: «организационно-ценностный», «мотивационно-энергичный», «совладающе-предприимчивый», «творчески-интерактивный».

Ключевые слова: готовность к педагогической деятельности, начинающие преподаватели, структура готовности к педагогической деятельности

Для цитирования: Павлова С. А., Семенова Н. А., Хромых А. А. Структура готовности к педагогической деятельности начинающих преподавателей образовательных организаций МВД России // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 237–243. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-237-243>. EDN: KELOOZ.

Original article

Structure of readiness for teaching activities of beginning teachers of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Svetlana A. Pavlova¹, Natalya A. Semenova², Anna A. Khromykh³

^{1,2,3} Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

¹ swetapawlowa@mail.ru

² natalya_deeva@bk.ru

³ annxa@mail.ru

Abstract. The understanding and structure of readiness for teaching activity is presented. The relevance of studying this issue among novice teachers of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia is substantiated. The components of readiness for teaching activity are described: motivational-value, regulatory and operational components. The results of an empirical study obtained on a sample of beginning teachers from various educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia are presented. Factors characterizing the components of readiness for teaching activity have been identified: organizational-value, motivational-energetic, coping-enterprising, creative-interactive.

Keywords: readiness for teaching activity, beginning teachers, structure of readiness for teaching activity

For citation: Pavlova S. A., Semenova N. A., Khromykh A. A. Structure of readiness for teaching activities of beginning teachers of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Bulletin of economic security. 2024;(1):237–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-237-243>. EDN: KELOOZ.

Введение. Практикоориентированность обучения как ведущая тенденция в образовательных организациях МВД России реализуется в различных формах, где одной из наиболее эффективных является привлечение

к преподавательской деятельности сотрудников, имеющих опыт службы в правоохранительных органах.

При этом смена видов профессиональной деятельности, необходимость осваивать профессию преподава-

© Павлова С. А., Семенова Н. А., Хромых А. А., 2024

теля актуализируют проблему готовности к педагогической деятельности. У начинающих преподавателей с опытом практической деятельности выявляются трудности при осуществлении образовательного процесса, которые выражаются в затруднении понимания дидактического и методического аспектов учебных дисциплин, которые обусловлены имеющимся практическим стереотипным опытом. Данный факт отрицательно сказывается на внутренней мотивации педагогической деятельности, осложняет процесс профессионального саморазвития, искажает субъективные представления о профессиональной успешности [18]. Вышеперечисленное сказывается на реализации истинных целей педагогической деятельности, демонстрирует неструктурированность и недостаточную выраженность готовности к педагогической деятельности.

Новизна исследования заключается в выявлении, теоретическом обосновании и эмпирическом изучении структуры готовности к педагогической деятельности начинающих преподавателей, имеющих опыт профессиональной деятельности в другой сфере, с позиции интегративного подхода.

В современных исследованиях условно можно выделить три подхода к изучению готовности: личностно-деятельностный, ресурсный и интегративный [2; 20]. В рамках данных подходов уделяется внимание существенным характеристикам и структуре готовности к профессиональной деятельности.

Широкий контекст личностно-деятельностного подхода представляет готовность как установку (К. Д. Узнадзе) [23, с. 87–91], состояние (Н. Д. Левитов) [12] и свойство личности (Р. Д. Санжаева) [22], которые являются необходимыми условиями успешной деятельности.

В исследованиях Н. Д. Левитова готовность рассматривается как состояние пригодности или непригодности личности к исполнению деятельности, характеризующееся наличием или отсутствием необходимых для данной деятельности способностей [12].

Р. Д. Санжаева понимает психологическую готовность человека к деятельности как целостную систему развития личности, включающую следующие компоненты: мотивационный, ориентационный, операционный, волевой и оценочный [21]. Мотивационная готовность определяется как основополагающий компонент, обеспечивающий актуализацию потребности в личностном и профессиональном саморазвитии.

Рассматривая структуру психологической готовности педагога к профессиональной деятельности О. М. Краснорядцева выделяет в ней следующие элементы: установка, мотивационная и профессионально-личностная готовность. Она также считает, что мотивационная готовность является структурообразующим компонентом психологической готовности к деятельности, который объясняет ее устойчивость и трансформацию в полимотивированном пространстве в зависимости от значимости [10].

Особое внимание в личностно-деятельностном подходе уделяется готовности к профессиональной деятельности (А. А. Деркач, М. И. Дьяченко и Л. А. Кандыбович и др.), где она рассматривается как особое состояние, являющееся условием успешного осуществления профессиональной деятельности [2]. При этом А. А. Деркач в структуре готовности выделяет когнитивный, эмоциональный и мотивационный компоненты [3]. Представление о структуре готовности в трудах М. И. Дьяченко и Л. А. Кандыбовича более дифференцированы и имеют операциональную направленность, раскрывающуюся в следующих компонентах: мотивационный, ориентационный, операциональный, волевой, оценочный [4].

В исследовании Л. Н. Захаровой особое внимание уделяется регуляционному компоненту психологической готовности, который выполняет рефлексивную функцию, связанную с повышением конструктивности профессиональной деятельности [5].

С позиций ресурсного подхода готовность представляется как целостное динамическое психологическое состояние, фундаментальное исходное условие успешного выполнения деятельности любой сложности [14], отражающее мобилизационный уровень ресурсов профессионала, направленных на активные и целесообразные действия [8]. О. В. Михайлов выделяет такие компоненты данного ресурса: мотивационно-ценностный, когнитивный, операционально-деятельностный, эмоционально-волевой (регулятивный). Сформированность данных компонентов определяет общий уровень готовности и выступает в качестве внутреннего интегративного критерия ее развития. Мотивационно-ценностный компонент выполняет системообразующую функцию и отвечает за соответствие субъективных представлений о деятельности и объективных требований к ней. Данный компонент проявляется в принятии и понимании значимости деятельности, структурированности мотивации деятельности, в выраженном стремлении к активному решению возникающих и изменяющихся профессиональных задач. Регулятивный компонент подразумевает сознательную регуляцию собственной деятельности, которая обеспечивает терпимость к неопределенности, принятие и выполнение оптимальных решений.

В интегративном подходе готовность объединяет все стороны личности в их целостность, обеспечивающую возможность эффективного выполнения деятельности. Принцип интегративности реализуется через сочетание методологических подходов системного, личностного, деятельностного, ресурсного и других, а также через понимание готовности как интегративного качества, состоящего из взаимосвязанных компонентов (А. А. Деркач, М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович, О. В. Михайлов, С. В. Моторина др.). Готовность рассматривается как сложный комплексный конструкт, категория субъективной психологической реальности, которая объединяет ресурсный, мотивационный и энергетический компоненты, не являясь непосредственным механизмом поведенческих паттернов или продуктом

волевых усилий [24; 26]. С. В. Моторина характеризует готовность как сложное личностное образование, включающее в себя систему профессионально значимых качеств и психических состояний, которые выступают условиями успешности выполнения профессиональной деятельности и определяют ее направленность на самовершенствование профессионала [1; 15].

Анализ проблематики готовности к профессиональной деятельности дает основание сделать обобщение о пересечении методологических подходов в понимании сущностных характеристик данного феномена, где дифференциация происходит при выделении структурно-функциональных особенностей. При этом практически во всех исследованиях отмечается основополагающая роль мотивационного компонента в структуре готовности, который определяет функционирование регулятивных и деятельностно-операциональных компонентов.

В нашем исследовании готовность к педагогической деятельности определяется как субъектная характеристика профессионала и интегративное образование, являющееся фундаментом для формирования профессиональных компетенций и включающее в себя мотивационно-ценностный, регулятивный и операциональный компоненты, которые позволяют наиболее успешно справляться с профессиональной деятельностью за счет мобилизации психологических ресурсов личности и осознания значимости своего труда.

Мотивационно-ценностный компонент включает в себя мотивационную структуру, направленность и осознание значимости (ценности) собственной педагогической деятельности. Данный компонент проявляется: в выраженности профессиональных ценностей-целей; профессиональной направленности мотивации, характеризующейся высокой общей активностью, творчеством и желанием быть социально-полезным; преобладании деятельностных мотивов, увлеченностью процессом деятельности, стремлением к познанию, стремлением овладеть новыми компетенциями в изменяющемся образовательном пространстве.

Регулятивный компонент включает в себя аффективный, рефлексивный и поведенческий аспекты, проявляющиеся в умении управлять собственным эмоциональным состоянием, проявлять эмпатию и педагогическую рефлексию, использовать наиболее эффективные стратегии совладания с профессиональными трудностями.

Операциональный компонент проявляется в сформированности основных профессиональных компетенций: поликультурной, информационной, интерактивной и самоорганизационной. Современный преподаватель должен уметь взаимодействовать и организовывать взаимодействие обучающихся в поликультурной среде, работать с информацией и организовывать собственную деятельность.

Проблема исследования заключается в неизученности и отсутствии обоснования структуры феномена го-

товности к профессиональной деятельности у категории начинающих преподавателей, имеющих опыт практической деятельности в других профессиональных сферах.

Цель исследования состоит в исследовании структурных компонентов готовности к педагогической деятельности у начинающих преподавателей образовательных организаций МВД России.

Задачи исследования:

- 1) сформировать комплекс исследовательских методик, направленных на изучение компонентов готовности к педагогической деятельности;
- 2) провести эмпирическое исследование компонентов готовности к педагогической деятельности;
- 3) выявить факторную структуру компонентов готовности к педагогической деятельности.

Методы. В исследовательскую выборку вошли 62 начинающих преподавателя образовательных организаций МВД России (Москва, Санкт-Петербург, Краснодар, Ставрополь, Нальчик, Симферополь, Екатеринбург, Казань, Барнаул, Красноярск, Омск, Калининград, Ростов-на-Дону, Хабаровск) с педагогическим стажем до одного года, имеющих опыт службы в правоохранительных органах, в возрасте от 23 до 52 лет, из них 32 женщины и 30 мужчин. Исследование проводилось с помощью методов тестирования и анкетирования.

Комплекс диагностических методик был сформирован на основе результатов теоретического анализа и обоснованной структуры готовности к педагогической деятельности.

Ценностно-мотивационный компонент изучался посредством следующих методик: «Методика ранжирования профессиональных ценностей педагога» (О. С. Ноженкина) [16], выявляющая индивидуальную иерархию ценностей профессиональной деятельности; «Диагностика мотивационной структуры личности» (В. Э. Мильман) [13, с. 23–43] направлена на выявление мотивационного профиля; «Изучение направленности личности» (В. Смекал, М. Кучер) [6] выявляет преобладающую направленность личности; «Личностный опросник на готовность к переменам» PCRS (Personal change readiness survey) С. Родник, В. Халл, Н. Хезер, Р. Голд, (адаптация Н. А. Бажановой, Г. Л. Бардиер), который позволяет измерить отдельные показатели готовности личности к изменениям как комплексной характеристики личности [19]; «Индекс технологической готовности (TRI)» (А. Парасураман, К. Колби) [27] (адаптация Ю. В. Хлоповских) позволяет измерить показатели готовности к изменениям в цифровой образовательной среде [25].

Исследование регулятивного компонента как совокупности эмоциональной, поведенческой и рефлексивной регуляции происходило с помощью следующих методик: «Методика оценки эмоционального интеллекта Н. Холл» [7]; Опросник «Способы совладающего поведения» (Р. Лазарус) [11]; «Определение уровня сформированности педагогической рефлексии» (Е. Е. Рукавишников) [17].

Методики исследования операционального компонента включали следующие: «Диагностика особенностей самоорганизации» (ДОС) (А. Д. Ишков) измеряет процессуально-деятельностные характеристики самоорганизации [9]; «Профессиональные компетенции преподавателя высшей школы» (С. А. Павлова, Н. А. Деева) направлена на выявление выраженности ведущих профессиональных компетенций в деятельности современного преподавателя [18].

В исследовании применялся эксплораторный факторный анализ с помощью пакета программ IBM SPSS Statistics 26 и Excel 2019.

Результаты и их обсуждение.

Эмпирические результаты были обработаны при помощи эксплораторного факторного анализа. Выбор данного метода обусловлен большим количеством переменных, характеризующих компоненты готовности, где факторный анализ позволил выявить наиболее устойчивые многомерные корреляции между переменными.

В результате обработки данных было получено четыре фактора охватывающих 51,504 % исследуемой выборки. Факторы были названы в соответствии с содержанием наиболее значимых по весу переменных (табл. 1).

Таблица 1

Результаты факторного анализа компонентов готовности к педагогической деятельности начинающих преподавателей образовательных организаций МВД России

Показатели	Компонент			
	1	2	3	4
уровень самоорганизации	0,958	0,166		
анализ ситуации	0,926			
планирование	0,919			
волевые усилия	0,901	0,180		
самоконтроль	0,898			
целеполагание	0,834	0,228	0,103	-0,108
коррекция	0,509	0,289	0,156	
готовность к изменениям	-0,405	0,117	0,402	
эмоциональная осведомленность	0,385	0,120	0,183	0,231
самоуважение	0,338	-0,208	-0,107	-0,336
общительность	0,335	-0,138		-0,167
информационная компетентность	0,328	0,260	-0,152	0,275
самоорганизационная компетентность	0,242			
работа с молодежью	0,183	-0,158		-0,133
активность в деятельности		0,698		0,237
социальный статус		0,680		0,140
рабочая направленность личности	0,265	0,673	-0,276	0,231
общезитейская направленность личности	-0,113	0,658	0,207	0,247
направленность на общение	-0,272	0,642	0,255	0,295
страстность		0,642	-0,172	-0,307
творческая направленность	0,299	0,639		
находчивость		0,627	0,113	
хорошие условия работы	-0,158	0,513	-0,400	-0,152
уверенность	-0,428	0,509	0,171	
социальная полезность	0,243	0,500	-0,436	0,265
увлеченность учебной дисциплиной		-0,464	0,112	0,374
адаптивность	-0,340	-0,435	0,293	
педагогическая рефлексия	0,175	0,420	0,138	-0,223
самореализация в преподавании		-0,415	-0,293	0,394
гедонистическая направленность	-0,101	0,395	0,270	
поликультурная компетентность		0,368		
толерантность к двусмысленности	-0,334	-0,363	0,304	0,356
самоконтроль	0,195		0,827	
дистанцирование		0,212	0,811	
принятие ответственности	0,162		0,736	
избегание			0,680	-0,156
переоценка	-0,126	0,233	0,676	
конфронтация		0,224	0,650	-0,222
планирование решений	0,253		0,591	
социальная поддержка			0,560	
смелость, предприимчивость	-0,160	-0,282	0,543	0,200
продолжительный отпуск	0,148	0,342	-0,535	-0,332
гарантированная зарплата		0,381	-0,499	-0,243

результаты труда	-0,159	-0,124	0,449	0,137
престижность профессии			0,430	0,213
общественная значимость педагогического труда	-0,237	-0,294	0,349	-0,128
личностная направленность	-0,204		0,247	-0,159
инновационность	0,132		-0,209	-0,143
возможность творчества	-0,212			0,603
направленность на взаимодействие		-0,169		0,575
самотивация	0,268	0,406	0,264	0,523
деловая направленность	0,291		-0,226	-0,498
интерактивная компетентность	0,265		-0,245	0,495
недоверие к цифровизации образования				0,491
управление эмоциями	0,299	0,346	0,142	0,485
эмпатия	0,364	0,288	0,250	0,479
ценность обучения и воспитания	-0,224	-0,162	0,343	-0,474
распознавание эмоций	0,159	0,470		0,470
возможность быть полезным людям	-0,366	-0,267	0,378	-0,448
направленность на организацию собственного личного пространства		0,312	0,157	0,404
соответствие работы профессиональным способностям			-0,172	0,402
технологическая готовность	-0,253			0,366
возможность самосовершенствования			0,144	0,357
разнообразная работа	0,256	0,330	-0,274	0,341
оптимизм		-0,105	-0,107	-0,312
дискомфорт при применении технических инноваций		0,135	0,268	0,286
% общей дисперсии	14,785	13,898	12,821	10,000
Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера				

Фактор 1, обозначенный как «организационно-ценностный» (14,785 %), охватывает наибольший процент выборки и характеризуется выраженностью общего уровня процесса самоорганизации и его составляющих. Это выражается в умении планировать, контролировать собственную деятельность и корректировать ее результаты, что подтверждается взаимосвязью с такими ведущими профессиональными компетентностями как самоорганизационная и информационная. Для данного фактора характерны такие ценности педагогической деятельности как самоуважение, общительность, работа с молодежью. Важным вспомогательным моментом, в данном случае, является эмоциональная осведомленность, включающая в себя знание разнообразия эмоций и их функций в управлении деятельностью. Отрицательную факторную нагрузку имеет показатель готовности к изменениям, что может выражаться в ригидности процесса самоорганизации и сложной приспособляемостью к изменяющимся условиям педагогической деятельности.

Фактор 2 – «мотивационно-энергичный» – охватывает 13,898 % выборки. Данный фактор характеризуется активной полимотивированной деятельностью, где на первое место выходят социальный статус, рабочая и общежитейская направленности, сочетающиеся с уверенностью в себе, страстностью и находчивостью при решении профессиональных задач, что дает дополнительную энергию для осуществления педагогической деятельности. Эти характеристики позволяют формировать поликультурную компетентность. Несмотря на

высокую общую мотивированность, у респондентов могут быть снижены увлеченность преподаваемой дисциплиной и узконаправленная самореализация в процессе преподавания. Данную картину логично сопровождает возможность возникновения проблем с адаптивностью и толерантностью к двусмысленности.

Фактор 3 обозначен как «совладающе-предприимчивый» охватывает 12,821 % выборочной совокупности и ориентирован на реализацию различных стратегий совладающего поведения в педагогической деятельности, что соотносится с предприимчивостью, престижностью и признанностью профессии, а также эгоистической мотивационной направленностью. Особую значимость в данном факторе имеет социально-обусловленный перфекционизм, при этом респонденты готовы поступиться такими ценностями как возможность продолжительного отпуска и гарантированность заработной платы. Инновационность, в данном случае, имеет отрицательную факторную нагрузку.

Фактор 4 – «творчески-интерактивный» (10 % выборки) включает выраженную ценность творчества в профессиональной деятельности в сочетании с высокой направленностью на взаимодействие и самотивацией, что логично подкрепляется сформированностью интерактивной профессиональной компетентностью. Для данного фактора также характерна выраженность составляющих эмоционального интеллекта. Основной проблемой для респондентов может быть излишняя процессуальная направленность при отсутствии понимания четкой цели и результата педагогической деятельности

(даже в рамках конкретного занятия) при отрицании инноваций и цифровизации в образовании. При этом показатель оптимизма имеет отрицательное значение, что может обесценивать саму педагогическую деятельность.

Заключение.

На основании теоретического анализа и результатов эмпирического исследования готовность к педагогической деятельности является субъективной характеристикой профессионала и интегрирует в себе мотивационно-ценностный, регулятивный и операциональный компоненты.

При проведении эмпирического исследования на выборке начинающих преподавателей в процессе факторного анализа выделены следующие факторы: «организационно-ценностный», «мотивационно-энергичный», «совладающе-предприимчивый», «творчески-интерактивный».

Выделенные факторы имеют интегративный характер с большей или меньшей степенью выраженности показателей компонентов готовности к педагогической деятельности. У конкретного начинающего преподавателя в исследуемой выборке могут присутствовать все факторы в разной степени выраженности, что позволяет прорабатывать индивидуальную траекторию профессионального развития с опорой на конструктивные характеристики факторов, учетом и коррекцией слабых сторон.

Список источников

1. Абрамова М. Ю. Анализ подходов к определению профессиональной готовности к деятельности водителя // Ярославский педагогический вестник, 2012. №2 (3). С. 266–270.
2. Белоусова С. С. Психологические особенности готовности личности педагогов к изменениям // Самореализация личности в современном мире. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М. : РУДН. 2018. С. 25–31.
3. Деркач А. А. Акмеологические основы развития профессионала. М. : Воронеж, 2004. 752 с.
4. Дьяченко М. И. Психологические проблемы готовности к деятельности. Минск : БГУ. 1976. 383 с.
5. Захарова Л. Н. Психологические основы подготовки к профессиональной деятельности : дис. ... д-ра психол. наук. Н. Новгород, 1997. 465 с.
6. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер. 2011. 512 с.
7. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб. : Питер. 2017. 784 с.
8. Исаева Н. И. Готовность преподавателя к изменениям как психологический ресурс в достижении эффективности проектно-целевого управления профессиональным развитием студентов // Профессионально-педагогическая культура : опыт прошлого – вызовы современности. Материалы VI Международной научно-практической конференции. 2017. С. 18–23.
9. Ишков А. Д. Связь компонентов самоорганизации и личностных качеств студентов с успешностью в учебной деятельности : дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 202 с.
10. Красноядцева О. М. Мотивационная готовность педагогов к использованию психологической информации в диагностической деятельности // https://old.altspu.ru/Journal/pedagog/pedagog_7/a16.html.
11. Крюкова Т. Л., Куфтык Е. В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. 2007. № 3. С. 93–112.
12. Левитов Н. Д. О психических состояниях человека. М. : Просвещение. 1964. 424 с.
13. Мильман В. Э. Метод изучения мотивационной сферы личности / Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М., 1990.
14. Михайлов О. В. Готовность к деятельности как акмеологический феномен: содержание и пути развития : автореф. дис. ... канд. псих. наук. М., 2007. 23 с.
15. Моторина С. В. Формирование иноязычной готовности к профессиональной деятельности у студентов гуманитарных специальностей : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Чита, 2006. 24 с.
16. Ноженкина О. С. Роль рефлексии в преодолении профессиональной деформации личности педагога. Смоленск, 2012. 222 с.
17. Орлова И. В. Тренинг профессионального самопознания: теория, диагностика и практика педагогической рефлексии. СПб. : Речь, 2006. 128 с.
18. Павлова С. А., Деева Н. А. Ведущие профессиональные компетенции преподавателя высшей школы и их ключевые индикаторы // Гуманизация образования. 2022. № 1. С. 58–70. DOI 10.24411/1029-3388-2020-10216.
19. Почебут Л. Г. Кросс-культурная и этническая психология : учебное пособие для вузов. М. : Издательство Юрайт, 2023. 279 с.
20. Решетова Е. Е. Проблема психологической готовности к педагогической деятельности в современных исследованиях // Инициативы XXI века. 2013. № 3. С. 77–78.
21. Санжаева Р. Д. Готовность и психологические механизмы ее формирования. Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2017. 208 с.
22. Санжаева Р. Д. Психологическая готовность личности к деятельности как метакатегория // Образование. Личность. Общество. 2012. № 1. С. 127–140.
23. Узнадзе Д. Н. Установка у человека. Проблема объективации // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб. : Питер, 2000.
24. Фаерман М. И. Психологический подход к изменениям (интегративный подход). М. : Институт психологии РАН. 2007. 217 с.
25. Хлоповских Ю. Г., Веденева Г. И., Сашенков С. А., Орлова Г. В. Потребностно-мотивационная сфера субъектов образовательного процесса в условиях цифровизации образования // Перспективы науки и образования. 2022. Т. 2. № 56. С. 347–360.
26. Шашков А. В., Белик Е. В. Половозрастные особенности жизнестойкости и личностной готовности

к изменениям в условиях пандемии NovaInfo.Ru. 2020. № 119. <https://novainfo.ru/article/18119>.

27. Parasuraman A., Colby C. L. An updated and streamlined technology readiness index: TRI 2.0. // *Journal of service research*. 2015. Vol. 18(1). P. 59–74. DOI: 10.1177/1094670514539730.

References

1. Abramova M. Yu. Analysis of approaches to determining professional readiness for driver activities // *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2012. № 2 (3). P. 266–270.

2. Belousova S.S. Psychological features of teachers' personality readiness for change // *Self-realization of personality in the modern world. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation*. M. : RUDN. 2018. P. 25–31.

3. Derkach A. A. Acmeological foundations of professional development. M. : Voronezh, 2004. 752 p.

4. Dyachenko M. I. Psychological problems of readiness for activity. Minsk : BSU. 1976. 383 p.

5. Zakharova L. N. Psychological foundations of preparation for professional activity : dis. ... Dr. Psy. Sci. N. Novgorod, 1997. 465 p.

6. Ilyin E. P. Motivation and motives. SPb. : Peter. 2011. 512 p.

7. Ilyin E. P. Emotions and feelings. SPb. : Peter. 2017. 784 p.

8. Isaeva N. I. Teacher's readiness for change as a psychological resource in achieving the effectiveness of project-targeted management of professional development of students // *Professional pedagogical culture : experience of the past – challenges of our time. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference*. 2017. P. 18–23.

9. Ishkov A. D. The connection between the components of self-organization and personal qualities of students and success in educational activities : dis. ...cand. psychol. Sci. M. : 2004. 202 p.

10. Krasnoryadtseva O. M. Motivational readiness of teachers to use psychological information in diagnostic activities // https://old.altspu.ru/Journal/pedagog/pedagog_7/a16.html.

11. Kryukova T. L., Kuftyak E. V. Questionnaire of ways of coping (adaptation of the WCQ methodology) // *Journal of a practical psychologist*. 2007. № 3. P. 93–112.

12. Levitov N. D. About mental states of a person. M. : Enlightenment. 1964. 424 p.

13. Milman V. E. Method for studying the motivational sphere of personality / *Workshop on psychodiagnostics. Psychodiagnostics of motivation and self-regulation*. M. : 1990.

14. Mikhailov O. V. Readiness for activity as an acmeological phenomenon: content and development paths : abstract of a dissertation for the degree of candidate of psychological sciences. M., 2007. 23 p.

15. Motorina S. V. Formation of foreign language readiness for professional activity among students of humanitarian specialties : abstract of a dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences. Chita. 2006. 24 p.

16. Nozhenkina O. S. The role of reflection in overcoming the professional deformation of a teacher's personality. Smolensk, 2012. 222 p.

17. Orlova I. V. Training of professional self-knowledge: theory, diagnostics and practice of pedagogical reflection. SPb. : Speech. 2006. 128 p.

18. Pavlova S. A., Deeva N. A. Leading professional competencies of a higher school teacher and their key indicators // *Humanization of education*. 2022. № 1. P. 58–70. DOI 10.24411/1029-3388-2020-10216.

19. Pochebut L. G. Cross-cultural and ethnic psychology: textbook for universities. M. : Yurayt Publishing House, 2023. 279 p.

20. Reshetova E. E. The problem of psychological readiness for pedagogical activity in modern research // *Initiatives of the XXI century*. 2013. № 3. P. 77–78.

21. Sanzhaeva R. D. Readiness and psychological mechanisms of its formation. Ulan-Ude : Buryat State University Publishing House, 2017. 208 p.

22. Sanzhaeva R. D. Psychological readiness of an individual for activity as a meta-category // *Education. Personality. Society*. 2012. № 1. P. 127–140.

23. Uznadze D. N. Installation in humans. The problem of objectification // *Personality psychology in the works of domestic psychologists*. SPb. : Peter, 2000.

24. Faerman M. I. Psychological approach to change (integrative approach). M. : Institute of Psychology RAS. 2007. 217 p.

25. Khlopovskikh Yu. G., Vedeneva G. I., Sashenkov S. A., Orlova G. V. Need and motivational sphere of subjects of the educational process in the conditions of digitalization of education // *Perspectives of science and education*. 2022. V. 2. № 56. P. 347–360.

26. Shashkov A. V., Belik E. V. Gender and age characteristics of resilience and personal readiness for change in the context of a pandemic NovaInfo.Ru. 2020. № 119. <https://novainfo.ru/article/18119>.

27. Parasuraman A., Colby C. L. An updated and streamlined technology readiness index: TRI 2.0. // *Journal of service research*. 2015. Vol. 18(1). P. 59–74. DOI: 10.1177/1094670514539730.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 12.02.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 12.02.2024.

Научная статья

УДК 37

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-244-248>

EDN: <https://elibrary.ru/mcnqax>

НИОН: 2015-0066-1/24-939

MOSURED: 77/27-011-2024-01-138

Использование информационных платформ в организации современного образовательного процесса

Анастасия Александровна Попова¹, Эдуард Дмитриевич Данильченко²

^{1,2} Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Москва, Россия

¹ nastyavsckb@mail.ru

² edanilchenko@yandex.ru

Аннотация. Изучаются возможности информационных платформ, используемых в организации современного образовательного процесса. Актуальность возможности использования дистанционного обучения состоит в том, что на сегодняшний день результаты общественного прогресса концентрируются в информационной среде.

Ключевые слова: дистанционное обучение, образовательные организации, информационные платформы, профессорско-преподавательский состав

Для цитирования: Попова А. А., Данильченко Э. Д. Использование информационных платформ в организации современного образовательного процесса // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 244–248. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-244-248>. EDN: MCNQAX.

Original article

Use of information platforms in the organization of the modern educational process

Anastasia A. Popova¹, Eduard D. Danilchenko²

^{1,2} All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

¹ nastyavsckb@mail.ru

² edanilchenko@yandex.ru

Abstract. The possibilities of information platforms used in the organization of the modern educational process are being studied. The relevance of the possibility of using distance learning is that today the results of social progress are concentrated in the information environment.

Keywords: distance learning, educational organizations, information platforms, teaching staff

For citation: Popova A. A., Danilchenko E. D. Use of information platforms in the organization of the modern educational process. Bulletin of economic security. 2024;(1):244–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-244-248>. EDN: MCNQAX.

Дистанционное обучение в образовательных организациях системы МВД России применяется достаточно давно, но свою актуальность получило в 2020 году в период пандемии COVID-19 [1] и по настоящее время продолжает совершенствоваться различные аспекты данного направления. В связи с этим усилия профессорско-преподавательского состава направлены на поиск инновационных подходов, создание образовательной среды, которая будет ориентирована на интерактивность и практичность процесса обучения [2]. Обучение с применением дистанционных форм дает возможность

образовательной организации использовать обучение, как с полным, так и с частичным применением систем дистанционных технологий при реализации образовательных программ. Образовательная организация сама вправе выбирать информационную платформу, на которой будет развернуто обучение. Стоит выделить часто встречающиеся платформы в образовательных организациях: Moodle, BigBlueButton, TrueConf. При этом имеется принципиальная разница в выборе платформ.

BigBlueButton представляет собой систему веб-конференций с открытым исходным кодом для онлайн-

© Попова А. А., Данильченко Э. Д., 2024

обучения. BigBlueButton поддерживает совместное использование аудио и видео, слайдов, чата, экрана, многопользовательской доски, опросов, комнат обсуждений в режиме реального времени, запись сеансов и их воспроизведение для последующего просмотра. Система разработана в первую очередь для дистанционного обучения.

Изучая открытое решение конференции по развитию информационных технологий, большим преимуществом является возможность настройки программы под нужды образовательной организации. Образовательные организации благодаря возможности интеграции BigBlueButton в популярные системы управления контентом Joomla, Moodle внедрили его в учебный процесс. Данная программная система работает в сети интернет или в закрытой локальной сети.

TrueConf Server является программной системой унифицированных коммуникаций с поддержкой разрешения 4K Ultra HD, которая работает по сети интернет или в закрытой локальной сети, поддерживающаяся на операционных системах Windows, Windows Server, Linux и операционных системах на базе ядра Linux. При этом клиентские приложения работают и на других операционных системах.

Преимуществом BigBlueButton, TrueConf является возможность выхода с локальных устройств.

Moodle это гибкая настраиваемая система дистанционного обучения с открытым исходным кодом, помогающая удовлетворить широкие потребности в организации обучения для образовательных организаций своего рода система управления курсами, также известная как система управления обучением или виртуальная обучающая среда. Является единственной в своем роде бесплатной платформой с открытым кодом, чем и представляет интерес.

Не смотря на преимущества каждого информационного продукта для ряда ведомственных образовательных организаций Moodle, BigBlueButton является интересным решением при организации дистанционного обучения. В ведомственных образовательных организациях платформа Moodle интегрирована в сети Единой системы информационно-аналитической деятельности МВД России. Образовательная организация, реализующая дистанционное обучение обеспечивает сохранность от возможной утечки персональных данных сотрудников, проходящих обучение и учебно-методических разработок профессорско-преподавательского состава. Другие платформы размещены в открытой сети интернет, также могут быть применимы в образовательном процессе.

Дистанционное обучение с применением программного обеспечения Moodle предусматривает проведение занятий лекционного типа, консультаций, итоговых аттестаций посредством сервиса видеоконференцсвязи ИСОД МВД России.

Отдельно отметим, что с 2020 года во Всероссийском институте повышения квалификации сотрудников

МВД России (далее – ВИПК МВД России) реализуется основная программа профессионального обучения «Профессиональная подготовка лиц среднего и старшего начальствующего состава, ранее проходивших службу на должностях офицерского состава и приравненных к ним должностях в государственных военизированных организациях, указанных в статье 5 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (за исключением МВД России), по должности служащего «Полицейский» (далее – программа).

На сегодняшний день по данной программе прошли обучение 6 учебных групп общей численностью 107 человек. В настоящее время обучается 14 человек.

Процесс обучения построен следующим образом.

На первом этапе – обучение по заочной форме – слушателям направляются учебно-методические материалы, подготовленные Институтом, посредством электронной почты или передаются на электронном носителе через подразделения, которые комплектуют данные учебные группы.

Направляемые учебно-методические материалы содержат: лекции, методические рекомендации по самостоятельному изучению учебных тем, практикумы по проверке полученных знаний, дополнительные источники знаний, изданные в Институте учебники, пособия и другие материалы.

В учебном плане, предусмотренным программой каждая тема содержит опорный конспект или лекционный материал, контрольные вопросы для самостоятельной проверки полученных знаний, тестовые вопросы (не менее десяти вопросов), также по отдельным учебным дисциплинам предусмотрено заполнение практикума.

После изучения учебных дисциплин содержится перечень вопросов для подготовки к промежуточной аттестации.

Второй этап обучения – очный продолжительностью 21 учебный день на базе ВИПК МВД России.

В течение второго этапа преподавательский состав проводит занятия по опорным темам учебных дисциплин, осуществляет прием промежуточной аттестации (зачетов и экзаменов), подготовку слушателей к сдаче квалификационного экзамена.

Согласно программе квалификационный экзамен состоит из подготовки практической квалификационной работы и устного экзамена по темам всего курса обучения.

Учитывая опыт реализации названной программы, мы пришли к выводу, что тот материал, который направляется слушателям для самостоятельной работы, они не могут полноценно усваивать, в связи с большим объемом выполнения служебных задач.

Кроме того, существует необходимость в проведении на первом этапе обучения занятий в режиме сервиса специальной видеоконференцсвязи единой системы информационно-аналитического обеспечения МВД России (далее – ИСОД МВД России), что позволит вызвать у слушателей наибольший интерес, нацелит их на глав-

ные аспекты изучаемых тем, а также сократит служебное время, затраченное на самостоятельное изучение.

Внедрение ИСОД МВД России направленно на комплексное развитие и совершенствование информационных технологий и функций автоматизации служебной деятельности МВД России [3].

В связи с этим усилия профессорско-преподавательского состава направлены на поиск инновационных подходов, создание образовательной среды, которая будет ориентирована на интерактивность и практичность процесса обучения.

Обучение с применением дистанционных форм дает возможность образовательной организации использовать обучение, как с полным, так и с частичным применением систем дистанционных технологий при реализации образовательных программ. Образовательная организация сама вправе выбирать информационную платформу, на которой будет развернуто обучение. Стоит выделить часто встречающиеся платформы в образовательных организациях: Moodle, BigBlueButton, TrueConf.

В свою очередь, руководителям органов внутренних дел (организаций, подразделений) необходимо освободить от служебных обязанностей подчиненных сотрудников на период дистанционного обучения, тем самым избегая пропуска занятий [4].

Необходимо обратить внимание, что программой предусмотрено 90 часов на огневую и 90 часов на физическую подготовку. В нашем понимании время, выделенное на изучение данных дисциплин должно быть очным, тем не менее, из 180 часов – 154 отведено на самостоятельную подготовку, 8 часов – на лекции, 4 – на консультацию и 12 часов на принятие экзамена.

Безусловно, согласно приказа МВД России от 5 мая 2018 года № 275 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» физическая и огневая подготовка должна быть организована и осуществлена сотрудниками, на которых возложена обязанность по профессиональной подготовке в органе, организации, подразделении МВД России. Однако по различным причинам, таким как отсутствие спортзалов, тиров, учебного оружия в подразделениях или не укомплектованности должности сотрудником, на которого возложена обязанность по организации данной работы, обучение со слушателями может, не осуществляться. Тем не менее, по прибытию в ВИПК МВД России они должны продемонстрировать свои знания и умения.

Следующий момент, в период очного обучения слушатели должны подготовиться к практической квалификационной работе (проверке у обучающихся персонального уровня сформированных профессиональных умений, навыков, компетенции в виде выполнения задач, заданий, упражнений). Преподавательский состав контролирует и оказывает помощь слушателям в подготовке к практической квалификационной работе.

В процессе совместной работы у слушателей формируется необходимый объем знаний о деятельности органов внутренних дел, законодательном регулировании вопросов, связанных со служебной профессиональной деятельностью.

Анонимный опрос слушателей, на предмет обучения, выявил, что им сложно обучаться самостоятельно заочно, пытаясь находить возможность совмещать служебные обязанности на высоком уровне исполнения и одновременно изучать учебно-методический материал.

Такая ситуация способствует отвлечению от служебных задач, которые никто не отменял из-за обучения.

Кроме того, материалы для успешного прохождения обучения слушатель получает в электронном виде, а не в напечатанном формате. Соответственно он самостоятельно решает, сколько времени будет затрачивать на обучение в учебные недели.

При этом слушатель должен владеть не только навыками работы с компьютером, но и способностью работать с учебной информацией, с которой он встречается в процессе заочного изучения учебно-методических материалов.

Обучаемый должен самостоятельно научиться приобретать знания, пользуясь различными источниками информации, используя разные способы познавательной деятельности уметь работать с информацией. При этом курирующий преподаватель должен вовлечь слушателя в активную познавательную деятельность с самого начала обучения и самостоятельное приобретение знаний не должно носить пассивный характер, ограничивающийся только их овладением. Приобретенные знания необходимо реализовывать в практической деятельности, для решения разнообразных проблем, возникающих в служебной деятельности.

Организация самостоятельной работы слушателей предполагает использование новейших педагогических технологий, направленных на стимулирование раскрытие внутренних резервов каждого слушателя (например, использование проблемных методов).

На профессорско-преподавательский состав возложены такие задачи, как координация учебного процесса, по необходимости его корректировка, консультирование во время всего периода заочного обучения слушателями, управление учебной группой.

Чаще всего асинхронное взаимодействие слушателей и преподавателя происходит путем обмена сообщениями. Благодаря такому взаимодействию куратор может анализировать полученную информацию и отвечать на нее в удобное время [5].

Нередким является, случай, оттягивания изучения самостоятельной работы, откладывания до последнего момента или не приступают к их изучению совсем.

При таком виде обучения отсутствует жесткий контроль, в том числе со стороны непосредственных руководителей слушателей на местах службы, необходимость которого сначала может казаться плюсом, а на

самом деле требует от слушателей высокой мотивации и ответственности.

Таким образом, большинство слушателей высказали пожелание по возможности исключить заочное обучение, заменив его очным обучением, при котором главным звеном обеспечения эффективности образовательных процессов является профессорско-преподавательский состав [6].

Подводя итог вышеизложенному, отметим следующее, что учиться, обучаться, повышать квалификацию необходимо каждому.

Вне зависимости какое обучение, заочное, очное частично дистанционное или дистанционное, усилия профессорско-преподавательского состава всегда направлены на разработку актуальных учебно-методических материалов, а главная цель проведения занятий – качественное обучение слушателей.

Четырехлетний опыт дистанционного обучения показал, что проблемных вопросов по внедрению инноваций в образовательный процесс нет.

В завершение хочется сказать, что дистанционное обучение в период пандемии COVID-19 однозначно отрегулировало процесс дальнейшего прохождения обучения, переподготовки и повышения квалификации кадров.

МВД России отреагировало молниеносно на создавшуюся ситуацию в трудный эпидемиологический период и без замедлений очное обучение было переведено на дистанционную форму. Дистанционное обучение однозначно вошло в нашу жизнь наряду с традиционным обучением и имеет достаточное количество плюсов и минусов.

Преимуществом является, внедрение искусственного интеллекта в дистанционную среду образования. Так, например Moodle настраиваемая система дистанционного обучения с открытым исходным кодом позволяет производить доработки данной платформы под индивидуальные особенности образовательных организаций [7].

Ведомственные образовательные организации обладают большим техническим потенциалом, профессиональным кадровым составом, аудиторным фондом и все это должно быть направлено на качественное образование, а в каком формате оно будет проходить, покажет время.

Список источников

1. Лутфуллаев Г. У., Лутфуллаев У. Л., Кобилова Ш. Ш., Нематов У. С. Опыт дистанционного обучения в условиях пандемии COVID-19 // Проблемы педагогики. № 4 (49). 2020.

2. Кичигина О. Ю. Особенности создания видеолекций для образовательного процесса высшей школы // Современные цифровые технологии в деятельности образовательных организаций силовых ведомств: концепция, практика, инновации [Электронное издание]: сборник материалов 3-е международной конференции

3–4 июня 2021 года. / под общ. ред. А.С. Ханахмедова. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2021. С. 97.

3. Василькив И. Н., Попова А. А., Волгина Г. Е. Основы работы «исполнителя» в сервисе электронного документооборота единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России: учебно-методическое пособие. Домодедово, ВИПК МВД России, 2022.

4. Коврова В. Г., Василькив И. Н. Современные дистанционные технологии, как фактор минимизации коррупционных проявлений // Вестник ВИПК МВД России № 1 (61), 2022.

5. Попова А.А. К вопросу о возможности дистанционного повышения квалификации сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации // Современная наука № 1, 2022.

6. Основы работы «исполнителя» в сервисе электронного документооборота Единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России // учебно-методическое пособие / Василькив И. Н., Попова А. А., Волгина Г. Е. Домодедово : ВИПК МВД России, 2022. 82 с.

7. Попова А. А., Волгина Г. Е. К вопросу возможности дистанционного повышения квалификации сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации // Современная наука № 1, 2022. С. 73–75.

References

1. Lutfullaev G. U., Lutfullaev U. L., Kobilova Sh. Sh., Nematov U. S. The experience of distance learning in the conditions of the COVID-19 pandemic // Problems of pedagogy. No. 4 (49). 2020.

2. Kichigina O. Yu. Features of creating video lectures for the educational process of higher education // Modern digital technologies in the activities of educational organizations of law enforcement agencies: concept, practice, innovations [Electronic edition]: collection of materials of the 3rd International Conference on June 3–4, 2021 / under the general editorship of A.S. Khanakhmedov. Ufa : Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. P. 97.

3. Vasilkiv I. N., Popova A. A., Volgina G. E. Fundamentals of the «performer» in the electronic document management service of the unified information and analytical support system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: educational and methodical manual. Domodedovo, VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022.

4. Kovrova V. G., Vasilkiv I. N. Modern remote technologies as a factor of minimizing corruption manifestations // Bulletin of the VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia № 1 (61), 2022.

5. Popova A. A. On the issue of the possibility of remote professional development by employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation // Modern Science No. 1, 2022.

6. Fundamentals of the work of the «contractor» in the electronic document management service of the Unified

information and analytical support system for the activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia // educational and methodological manual / Vasilkiv I. N., Popova A. A., Volgina G. E. Domodedovo : VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. 82 p.

7. Popova A. A., Volgina G. E. On the issue of the possibility of remote professional development by employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation // Modern Science No. 1, 2022. P. 73–75.

Информация об авторах

А. А. Попова – доцент кафедры кадрового обеспечения и управления персоналом в органах внутренних дел Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

Э. Д. Данильченко – начальник кафедры кадрового обеспечения и управления персоналом в органах внутренних дел Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат технических наук.

Information about the authors

A. A. Popova – Associate Professor of the Department of Personnel Support and Personnel Management in the Internal Affairs Bodies of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

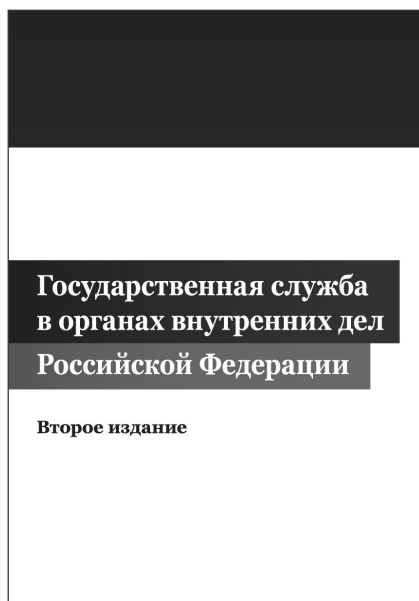
E. D. Danilchenko – Head of the Department of Personnel Support and Personnel Management in the Internal Affairs Bodies of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Technical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 12.02.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 12.02.2024.

Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации. Под ред. О. В. Зиборова, Б. Н. Комахина, Е. Н. Хазова. [О. В. Зиборов и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. 223 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Изложены теоретические положения, на основе которых осуществляется практическая деятельность при прохождении государственной службы в правоохранительных органах. Учтены многочисленные изменения и дополнения законодательства, а также положительный опыт и практика деятельности различных подразделений органов внутренних дел и войск национальной гвардии России.

Для студентов вузов, курсантов и слушателей, обучающихся в юридических учебных заведениях МВД России по специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность».

Научная статья

УДК 378

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-249-254>

EDN: <https://elibrary.ru/ldtyai>

НИОН: 2015-0066-1/24-940

MOSURED: 77/27-011-2024-01-139

Формирование духовно-нравственного потенциала у курсантов образовательных организаций МВД России

Владимир Федорович Родин¹, Элла Александровна Антонова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ akademikvrodin@mail.ru

² belk-64@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются основные этапы развития системы формирования духовных и нравственных ценностей у курсантов ведомственных вузов МВД России, определена роль Русской Православной Церкви в историческом контексте и в современных условиях.

Ключевые слова: духовно-нравственная культура, духовно-нравственное воспитание, Русская Православная Церковь, нравственные ориентиры курсантов МВД России, образовательные организации МВД России

Для цитирования: Родин В. Ф., Антонова Э. А. Формирование духовно-нравственного потенциала у курсантов образовательных организаций МВД России // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 249–254. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-249-254>. EDN: LDTYAI.

Original article

Forming of spiritual and moral potential among cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Vladimir F. Rodin¹, Ella A. Antonova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ akademikvrodin@mail.ru

² belk-64@mail.ru

Abstract. The article discusses the main stages in the development of the system of formation of spiritual and moral values among pupils of departmental universities in Russia, the role of the Russian Orthodox Church in the historical context and in modern conditions is determined.

Keywords: spiritual and moral culture, Russian Orthodox Church, spiritual and moral education, motivation, moral guidelines of the Ministry of Internal Affairs of Russia, educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia

For citation: Rodin V. F., Antonova E. A. Forming of spiritual and moral potential among cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Bulletin of economic security. 2024;(1):249–54. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-249-254>. EDN: LDTYAI.

В современных условиях в образовательном процессе вузов МВД России все большую актуальность приобретает вопрос о формировании духовно-нравственной культуры в высшем образовании. Для ведомственных образовательных организаций такой подход обусловлен важной государственной функцией, которую выполняет каждый сотрудник органов внутренних дел.

Об этом говорится в Федеральном законе «Об образовании», где определена такая категория как «духовно-нравственная личность» и «духовно-нравственное

развитие», а в 2009 году была разработана «Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России».

Анализ проблемы формирования духовно-нравственной культуры курсантов образовательных организаций МВД России показал, что свои истоки это понятие берет из религиозной трактовки духовности и нравственности.

В дореволюционные времена большую роль в воспитании духовности народа играла Церковь, и само по-

нимание этого термина означало единство Духа и Души, то есть духовную основу, задающую меру человеческого в Человеке.

Духовность означала определенную систему понятий и представлений, предпочтений и запретов, формирующих определенные линии поведения людей, их понимание добра и зла, нравственности и морали, долга и свободы, необходимости и ответственности, что было закреплено в канонах религии.

Мы провели историко-педагогический анализ понятия духовности *в контексте соотношения доминирующего типа культуры российского общества и исторического периода развития государственно-церковных отношений*, предполагая, что повышение духовно-нравственной культуры курсантов вузов МВД России возможно, если в образовательном процессе этому вопросу будет уделено достаточное внимание.

Выделение условных исторических периодов развития системы формирования духовных и нравственных ценностей у воспитанников ведомственных вузов России мы проводили с позиций определения главенствующего вектора государственно-церковных отношений: от полного слияния ветвей государственной и церковной властей, до полного отделения Церкви от государства и отрицания самой возможности какого-либо взаимодействия, и опять к признанию Церкви и восстановлению государственно-церковных отношений, но на принципиально новых «социально-исторических» условиях. Рассмотрим эти периоды:

1 период (1699–1917 гг.) **церковно-государственный**.

Этот период характеризовался доминированием идеей Русской православной церкви (отраженных в концептах «За Веру, Царя и Отечество!») в процессе формирования духовно-нравственной культуры у полицейских чинов.

2 период (1994 г. – по н/вр.): **социально-партнерский**.

В течение этого периода Церковь стала рассматриваться как социальный институт и общественное объединение, имеющее все права общественных организаций и выстраивающее свои отношения с государством и его основными социальными институтами (в том числе с правоохранительными органами) на основе социального партнерства.

Следует отметить, что промежуток времени между 1917–1994 годами (который можно условно назвать атеистическим), характеризовался частичным отрицанием религии в культуре общества, отделением Церкви от государства вообще, включая милицию, в частности.

Формирование духовно-нравственной культуры курсантов осуществлялось тогда на принципиально иной основе: патриотического воспитания, любви к Родине как защите социалистического строя и государственной целостности, а также интернационального долга.

Анализ научных работ о подготовке полицейских чинов в царской России показал, что в этой сфере, в отличие от армии, не в полной мере был сформирован институт духовенства.

Ученые – исследователи, изучающие эту проблему, связывают начало деятельности полиции в России с реформами Петра Первого, который упразднил институт патриаршества и подчинил Русскую православную церковь государству. Делами Церкви управлял святейший правительственный Синод, в состав которого входили церковные служители и обер-прокуроры. В 1725 году указом Петра Первого была создана полицейская служба, которая изначально носила военизированный характер. Основная цель ее состояла в охране общественного порядка под девизом: «Честь – в службе Отечеству!» [1, с. 7]. Церковь же занималась духовно-нравственным воспитанием (Закон Божий был обязательным предметом системы образования), но также выполняла надзорные функции (обязательность исповеди перед священником) [2, с. 73–74].

Ко всем полицейским чинам предъявлялись требования выполнения правил добронравия. «Это были общечеловеческие нравственные принципы, основанные на библейских заповедях, которые адресовались полиции» [1, с. 8].

Характерной чертой XVIII столетия можно считать несовершенство профессиональной подготовки полицейских.

В XIX столетии в стране началась либерализация общественно-политической жизни, возросли требования к кадрам полиции, что привело к совершенствованию их профессиональной подготовки [6, с. 82–83].

В Москве и Санкт-Петербурге создавались полицейские школы: 1) для городских и для классовых полицейских чинов (срок обучения длился две недели); 2) для околоточных надзирателей и приставов полиции – один месяц. В них обучали основам профессиональной деятельности. С учетом того, что многие из нижних чинов полиции были малограмотными, основное внимание уделялось практическим занятиям [8, с. 43]. Чаще всего обучением нижних чинов полиции занимались их начальники, которые писали наставления и специальные учебные пособия. Полицейские чины должны были относиться ко всем гражданам, основываясь на принципах православной христианской морали.

В конце XIX века в Российских губерниях стали создаваться школы по подготовке полицейских урядников (например, во Владимире в 1898 г.), куда приезжали кандидаты от уездов, имеющие начальное школьное образование. Обучение шло 2 месяца. После сдачи аттестации они получали звание урядников полиции и направлялись обратно на службу по месту жительства. В это же время появляются школы подготовки рядовых стражников.

Таким образом, образовательный процесс во второй половине XIX века в России был направлен на профессиональную подготовку полицейских кадров. Если

высшие чины полиции обычно имели высшее университетское образование, где обязательно наряду с юридическими дисциплинами преподавали Закон Божий, то в ходе подготовки нижних чинов полиции основное внимание уделялось обучению практической стороне деятельности и умению разбираться в основах законодательства.

По мнению ученого, занимающегося этой проблемой Н. А. Игошина, в XVIII – первой половине XIX вв. важную роль в реализации значительного объема полицейских функций осуществляла армия. Это «было связано как с традицией совмещения военной и гражданской службы, так и компенсацией недостатка полицейских сил и средств, возложением полицейских функций на армию» [4, с. 100].

Что касается взаимодействия полиции с Русской православной церковью, то она играла важную роль в воспитании именно нижних чинов. Согласно Н. А. Игошину православные священники занимались вопросами формирования у полицейских высоких нравственных качеств: «Это было необходимо, так как нередко причиной различных эксцессов, возникавших между столичной полицией и горожанами, были не противоправные действия последних, а грубость полицейских чинов» [4, с. 127]. Автор отмечает, что в начале 1910-х годов существовала практика проведения пастырских бесед, посещение полицейских участков священниками, где они читали религиозную литературу, разговаривали по душам, совершали молебен [4, с. 127].

Можно сделать вывод, что духовно-нравственное воспитание полицейских в царской России было недостаточно организованным. Основная причина, по нашему мнению, связана с тем, что изначально на службу в полицию принимались русские, православные по вероисповеданию. Если бывшие военные имели в своем послужном багаже опыт взаимодействия с военным духовенством, изучали Закон Божий в университетах и кадетских корпусах, то многие из нижних чинов полиции были из крестьян и получали духовно-нравственное воспитание только в домашних условиях. Таким образом, можно констатировать, что именно традиции православного воспитания в России были заложены в основу их духовно-нравственного развития.

После образования Российской Федерации и возрождения партнерских отношений с Русской православной церковью 18 июля 1995 года был образован Отдел Московского патриархата по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями. Как показывает практика, Армия оказалась в более выигрышном положении – здесь достаточно быстро начал формироваться институт военного духовенства и к настоящему времени более 2000 священников несут службу в Вооруженных Силах. В органах правопорядка это оказалось затруднительным, хотя определенные шаги были предприняты. В Федеральном законе «О полиции» указано, что «1. Полиция при осуществлении своей деятельности взаимодействует с другими

правоохранительными органами, государственными и муниципальными органами, общественными объединениями, организациями и гражданами. 2. Полиция при выполнении возложенных на нее обязанностей может использовать возможности государственных и муниципальных органов, общественных объединений и организаций в порядке, установленном законодательством Российской Федерации». В данном нормативно-правовом акте определяется взаимодействие и сотрудничество с религиозными объединениями как общественными организациями. Кроме того в 2004 г. было подписано Соглашение о взаимодействии между Русской православной церковью и МВД РФ [5, с. 38].

Ценность сотрудничества правоохранительных органов с религиозными организациями подтверждается исследованиями Н. П. Голяндина. Результаты проведенного им опроса показали приверженность религиозным убеждениям порядка 90 % сотрудников правоохранительных органов, что обуславливает необходимость расширения взаимодействия с Русской православной церковью и другими конфессиями,

Указывая на примеры подобного сотрудничества на уровне отдельных регионов, а также рассматривая различные точки зрения в литературе о необходимости введения института духовенства (по аналогии с армией) в правоохранительных органах, исследователи считают включение представителей религиозных конфессий России в оперативно-управленческую деятельность органов внутренних дел необходимым условием эффективного формирования духовно-нравственной культуры у полицейских [3, с. 128].

В образовательном процессе вузов МВД России мы наблюдаем практическое осуществление духовно-просветительской деятельности Русской православной церкви: совместные конференции, семинары, «Рождественские чтения», беседы священников с курсантами, что оказывает влияние на формирование их духовно-нравственных и личностных качеств.

Как известно, ценности, формируемые с детских лет у каждого человека, становятся частью общего культурного наследия. На это еще указывал богослов-педагог Н. В. Маслов. Православные религиозные традиции были и должны оставаться основой для российской педагогики. По его мнению, в современном обществе, где царит потребительство, пока еще существует достаточно жестокости, агрессии в области воспитания детей, необходимо опираться на православные традиции, которые призваны заполнить существующий духовный вакуум: «Пустота и хаос в духовной жизни, появившиеся в обществе как результат отклонения от традиционных православных ценностей, привели к духовному обнищанию, упадку религиозного духа, падению нравов» [7, с. 3].

По мнению другого исследователя Л. Д. Мальцевой, духовно-нравственное воспитание курсантов призвано решить важные задачи по формированию нравственно-моральных ориентиров (долг, совесть, патриотизм, вера,

любовь и др.), а это возможно через приобщение к традициям православия и русской культуры.

О необходимости формирования духовно-нравственной культуры свидетельствуют результаты проведенного нами эксперимента. В группе курсантов Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя исследованием установлено, что порядка 60 % курсантов имеют недостаточно высокий уровень духовно-нравственной культуры, около 19 % имеют средний уровень, а 16 % – высокий уровень духовно-нравственной культуры. Аналогичное исследование было проведено и в Омском филиале Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва. В результате исследования было установлено, что только чуть более 42 % курсантов и слушателей имеют недостаточно высокий уровень духовно-нравственной культуры, и лишь около 50 % имеют средний и высокий уровень духовно-нравственной культуры.

Как показала практика, это объясняется регулярностью воспитывающего воздействия со стороны священнослужителя, так как в институте существует штатная единица помощника командира части по работе с верующими военнослужащими, на которой трудится священнослужитель от Русской православной церкви, и проводится факультативный курс «Основы православной культуры и светской этики» где знания о духовности и морали прививаются курсантам в определенной системе.

Общими недостатками по формированию у курсантов духовно-нравственной культуры можно считать следующие:

- отсутствие нормативно-правовой базы организации взаимодействия с религиозными организациями;
- в учебном процессе плановые мероприятия по формированию духовно-нравственной культуры курсантов с привлечением представителей религиозных организаций представлены недостаточно или фрагментарно;
- контрольно-диагностическая система оценки эффективности формирования духовно-нравственной культуры курсантов в вузах в достаточной степени не разработана;
- взаимодействие с религиозными организациями в интересах формирования духовно-нравственной культуры курсантов осуществляется не в полной степени и мере, либо носит ситуативный характер;
- в учебных организациях МВД России научно-методические материалы, обеспечивающие проведение мероприятий по формированию духовно-нравственной культуры курсантов недостаточно разработаны;
- воспитательные мероприятия с курсантами по ознакомлению с общечеловеческими нравственными ценностями в рамках образовательной программы проводятся не в полном объеме;
- индивидуально-воспитательной работы с курсантами по формированию у них ценностей самораз-

вития осуществляется, как правило, преподавателями и кураторами учебных групп;

– представители религиозных организаций в постановке воспитательной и развивающей целей учебных занятий гуманитарных дисциплин участия в должной степени не принимают;

– внедрение инновационного педагогического опыта в учебный процесс вузов по формированию духовно-нравственной культуры курсантов осуществляется эпизодически;

– оптимизация педагогических методов, форм и средств формирования духовно-нравственной культуры курсантов осуществляется не в полной степени и мере;

– мероприятия методической подготовки командиров подразделений по формированию духовно-нравственной культуры у курсантов осуществляются фрагментарно в рамках общей системы методической работы вуза, при этом представители религиозных организаций не привлекаются;

– как показывает практика, у командиров подразделений опыт формирования духовно-нравственной культуры у курсантов носит характер эпизодического участия в воспитательных мероприятиях, обусловленных должностным регламентом.

Результаты исследования показывают, что некоторые выводы по формированию духовно-нравственной культуры определяются на уровне тенденции и их результаты нуждаются в дальнейшем уточнении.

В отличие от армии, где сохранились традиции духовно-нравственной культуры, и в настоящее время идет серьезная работа по ее формированию, в среде образовательных организаций МВД России встречаются лишь отдельные случаи взаимодействия представителей Русской православной церкви и образовательных вузов МВД России.

Таким образом, работа по формированию духовно-нравственной культуры у курсантов образовательных организаций МВД России находится в стадии развития. Необходима систематическая и последовательная работа профессорско-преподавательского и командного состава вузов, что достигается путем создания определенной модели, и разработки соответствующих методико-педагогических мероприятий.

Список источников

1. Алафьев М. К. Профессиональная подготовка полицейских в России 18–19 вв. : историко-правовой анализ // Психопедагогика в правоохранительных органах 2012, № 3 (50). С. 7–11.
2. Виноградова О. П. Взаимодействие МВД и русской православной церкви: исторические предпосылки и современное значение // Вестник Московского университета МВД России № 2. 2010. С. 72–76.
3. Голяндин Н. П., Ардавов М. М., Машекуашева М. К. Взаимодействие органов внутренних дел с представителями религиозных конфессий // Тео-

рия и практика общественного развития, 2014. № 16. С. 127–131.

4. Игошин Н. А. Особенности комплектования и профессиональной подготовки органов полиции в России XIX – начала XX века / дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 165 с.

5. Исаев А. А. Взаимодействие Русской православной церкви с органами внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России 2015, № 2. С. 38–42.

6. Климачков В. М. Из истории профессиональной подготовки полицейских кадров в Российской империи в XVIII – начале XIX в. // Известия Алтайского государственного университета, 2016. С. 81–84. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-professionalnoy-podgotovki-politseyskih-kadrov-v-rossiyskoy-imperii-v-xviii-nachale-xix-v>.

7. Маслов Н. В. Православное воспитание как явление русской педагогической культуры. Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Курск, 2004. 503 с.

8. Невский С. А. Профессиональная подготовка чинов полиции в Российской империи // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4 (48). С. 43–51.

References

1. Alafiev M. K. Professional training of police officers in Russia in the 18–19th centuries: historical and legal analysis // *Psychopedagogy in law enforcement agencies* 2012, No. 3 (50). P. 7–11.

2. Vinogradova O. P. Interaction between the Ministry of Internal Affairs and the Russian Orthodox Church: historical background and modern significance // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia* No. 2. 2010, P. 72–76.

3. Golyandin N. P., Ardavov M. M., Mashekua-sheva M. K. Interaction of internal affairs bodies with representatives of religious denominations // *Theory and practice of social development*, 2014. No. 16. P. 127–131.

4. Igoshin N. A. The features of staffing and professional training of police bodies in Russia in the 19th – early 20th centuries / dis. ... cand. legal Sciences. M., 2004. 165 p.

5. Isaev A. A. The Interaction of the Russian Orthodox Church with the internal affairs bodies // *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia* 2015, No. 2, P. 38–42.

6. Klimachkov V. M. From the history of professional training of police personnel in the Russian Empire in the 18th – early 19th centuries // *News of the Altai State University*, 2016, P. 81–84. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-professionalnoy-podgotovki-politseyskih-kadrov-v-rossiyskoy-imperii-v-xviii-nachale-xix-v/>.

7. Maslov N. V. Orthodox education as a phenomenon of Russian pedagogical culture. Abstract dis. ... doc. ped. sciences. Kursk, 2004. 503 p.

8. Nevsky S. A. Professional training of police officers in the Russian Empire // *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018. No. 4 (48). P. 43–51.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 (с изм. и дополнениями от 24.08.2021 г.). [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/6b118dfcfa88e5e37250511703f74a1fd3a5f210/.

2. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования. М. : «Просвещение», 2009. 24 с.

3. Мальцева Л. Д. Духовно-нравственное воспитание детей через приобщение к православным традициям и культуре // *Наследие*, 2017. № 1 (8) Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovno-nravstvennoe-vospitanie-detey-cherez-priobshenie-k-pravoslavnyim-traditsiyam-i-kulture>.

4. Пулькин М. В. Священник и полицейский: взаимодействие духовенства и правоохранительных органов в XIX – начале XX вв. (По материалам Олонечкой епархии) // *Вестник ТвГУ. Серия «История»*. 2016. № 4. С. 13.

5. Хахимов С. Х. Первоначальные шаги по подготовке полицейских в дореволюционной России // *Проблемы в российском законодательстве*. 2011. № 6. С. 300–303.

Bibliographic list

1. Federal Law «About Police» dated February 7, 2011 (as amended and supplemented on August 24, 2021). [Electronic resource] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/6b118dfcfa88e5e37250511703f74a1fd3a5f210/.

2. Danilyuk A. Ya., Kondakov A. M., Tishkov V. A. The concept of spiritual and moral development and education of the personality of a citizen of Russia in the field of general education. M. : «Education», 2009. 24 p.

3. Maltseva L. D. Spiritual and moral education of children through familiarization with Orthodox traditions and culture // *Heritage*, 2017. No. 1 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovno-nravstvennoe-vospitanie-detey-cherez-priobshenie-k-pravoslavnyim-traditsiyam-i-kulture>.

4. Pulkin M. V. Priest and Policeman: Interaction between Clergy and Law Enforcement Agencies in the 19th – Early 20th centuries (According to the materials of the Olonets diocese) // *Bulletin of TVGU. Series «History»*. 2016. No. 4, P. 4–153.

5. Khakimov S. Kh. Initial steps for the training of police officers in pre-revolutionary Russia // *Gaps in Russian legislation*. 2011. № 6. P. 300–303.

Информация об авторах

В. Ф. Родин – профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор педагогических наук, профессор, академик РАЕН, Почетный работник образования РФ;

Э. А. Антонова – старший преподаватель кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

V. F. Rodin – Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academician RAEN, Honorary Worker of Education of the Russian Federation;

E. A. Antonova – Senior Lecturer of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 12.02.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 12.02.2024.

Организация социально-психологических тренингов для курсантов образовательных организаций МВД России. Учебно-методическое пособие. Михайлова С. Ю. и др. 159 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Представлены программы социально-психологических тренингов, направленных на реализацию практико-ориентированного и компетентностного подходов в профессиональном обучении курсантов-психологов. Цель тренингов – необходимость развития сферы профессионального самосознания сотрудников полиции с учетом специфики их профессиональной деятельности, связанной с повышенным уровнем напряженности и риска, дефицита времени и информации при принятии решения и других факторов. Основные идеи пособия неоднократно были апробированы на практике и в научных разработках в рамках научной школы «Психологическое обеспечение эффективности служебной деятельности», созданной на базе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя и возглавляемой доктором психологических наук, профессором Сергеем Николаевичем Федотовым и доктором психологических наук, профессором Игорем Борисовичем Лебедевым.

Для курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, практических психологов МВД России, адъюнктов и профессорско-преподавательского состава.